

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2012

№ 1 (99)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 2
Humanities and Arts

2012

№ 1 (99)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

В. А. Кокшаров, ректор УрФУ,
председатель совета
Д. В. Бугров, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
М. А. Хомяков, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
В. В. Алексеев, акад. УрО РАН
А. Е. Аникин, чл.-корр. СО РАН
В. А. Виноградов, чл.-корр. РАН
А. В. Головнев, чл.-корр. УрО РАН
С. В. Голынец, акад. РАН
К. Н. Любутин, проф. УрФУ
А. В. Перцев, проф. УрФУ
Ю. С. Пивоваров, акад. РАН
А. В. Черноухов, проф. УрФУ
Т. Е. Автухович, проф. (Белоруссия)
Дитирх Беннер, проф. (Германия)
Дж. Боулт, проф. (США)
Пол Бушкович, проф. (США)
М. М. Гиршман (Украина)
Массимильено Гудерцо (Италия)
Лай Инчуань, проф. (Тайвань)
Альберт Ковач, проф. (Румыния)
Нэнси Коллман, проф. (США)
М. Н. Липовецкий, проф. (США)
Джеральд Майкельсон, проф. (США)
Арто Мустайоки, проф., вице-президент
МАПРЯЛ (Финляндия)
Б. Ю.Норманн, проф. (Белоруссия)
Хармут Рюсс, проф. (Германия)
Грэг Саймонс (Швеция)
Карен Хьюитт, проф. (Великобритания)
А. Федотов (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор
Л. С. Соболева
Заместитель главного редактора
Д. А. Редин
Заместитель главного редактора
по международным связям
Т. С. Кузнецова
Ответственный секретарь
Н. В. Мосеева

Ответственные
за направления

История
Н. Н. Баранов
Е. М. Главацкая
Ю. А. Русина
А. В. Шаманаев

Филология
О. В. Зырянов
А. В. Маркин
Ю. В. Матвеева
А. М. Плотникова

Искусствоведение
и культурология
Е. П. Алексеев
Л. А. Будрина
Г. В. Голынец
Л. С. Лихачева

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
<i>Будрина Л. А.</i> Объемная мозаика в камнерезном искусстве: европейская традиция до и после Фаберже 6	контакты, конфликты, конвенции 123
<i>Лысакова А. А.</i> Арт-рынок классический и арт-рынок современный 25	<i>Голикова С. В.</i> «Бредни христовщины и безумие скопчества»: история сектантства на Урале 1-й четверти XIX в. по дневнику С. Д. Нечаева 130
<i>Пудов Г. А.</i> Уральская медная посуда и хозяйственная утварь XIX — 1-й половины XX в. 30	<i>Петров С. Г.</i> Отношение странников-статейников к советской власти: неизвестное сочинение старовера П. С. Морозова 137
<i>Ермакова Е. Е.</i> Почитаемые источники в религиозной культуре сибирского крестьянина 39	<i>Суслов А. Б.</i> Политика принуждения на начальном этапе коллективизации в Прикамье (ноябрь 1929 — март 1930) 146
<i>Давлетшина Л. Х.</i> Дом как форма освоения «чужого» пространства в татарской культуре 49	<i>Боровков П. С.</i> Понтифики и искупление проdigий в Римской республике в IV—II вв. до н.э.: политико-правовой аспект 156
ФИЛОЛОГИЯ	
<i>Коледич Е. Н.</i> Особенности цитирования в сочинении Тихона Задонского «Сокровище духовное, от мира собираемое» 57	<i>Ковалев И. Г.</i> Проблема модернизации верхней палаты британского парламента в условиях послевоенной реконструкции 168
<i>Малых В. С.</i> Пушкинская традиция в творчестве Н. С. Гумилева 63	<i>Маслова Е. А.</i> Расстановка политических сил в Италии накануне выборов в парламент 2006 г. 180
<i>Химич В. В.</i> Комическое как модус художественности: сценарий Гр. Горина «Тот самый Мюнхгаузен» 70	<i>Михайлова А. А.</i> Формирование национальной элиты как движущий фактор модернизационных процессов в Сербии XIX в. 189
<i>Гладилин Н. В.</i> Дрейф к постмодернизму в поэме Х. М. Энценсбергера «Гибель “Титаника”» 80	
ИСТОРИЯ	
<i>Лапшина З. С.</i> Явление парности в личинах Амуро-Уссурийского петроглифического комплекса 95	РОССИЯ В СИСТЕМЕ ЕВРО-АЗИАТСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
<i>Починская И. В.</i> Книгоиздательская деятельность Андроника Невежи и Ивана Невежина: историографический аспект 108	<i>Тарасов К. Н.</i> Проблема отношений личности и государства в социально-политической доктрине российского консерватизма конца XIX — 1-й половины XX в. На примере взглядов Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина и евразийцев 199
<i>Суржикова Н. В.</i> Военнопленные в Богословском горном округе:	<i>Муратшина К. Г.</i> Южно-Китайское море: узлы противоречий 211

МЕЖДУ ГАРМОНИЕЙ И АЛГЕБРОЙ: О ТОЧНОСТИ НЕТОЧНЫХ НАУК	
<i>Главацкая Е. М.</i> Фотодокументы как исторический источник: опыт атрибуции, критического анализа и научного цитирования	217
<i>Удалов В. Л.</i> Проблемы точности литературоведения и других наук ..	225
<i>Маркин А. В.</i> Заметки о точных и неточных методах и жанрах литературоведения	233
<i>Васильев В. К.</i> О методологическом кризисе в литературоведении и структурной типологии	243
<i>Клейменова В. Ю.</i> Лжет ли художественный текст?	254
РЕЦЕНЗИИ	
<i>Говорухина Ю.</i> Творческая неудача. Попытка научной рефлексии	262
<i>Кузьмин В. А.</i> Из истории советской ближневосточной дипломатии	268
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
О работе диссертационного совета Д 212.285.20 в 2011 г.	271
Книги факультета искусствоведения и культурологии	276
MEMORIA	
Валентин Владимирович Блажес (1936–2012)	278
Список сокращений	283
Сведения об авторах	284
Summary	288

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК738.5(4) + 736.2(4) + 745/749(4)

Л. А. Будрина

ОБЪЕМНАЯ МОЗАИКА В КАМНЕРЕЗНОМ ИСКУССТВЕ: ЕВРОПЕЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ ДО И ПОСЛЕ ФАБЕРЖЕ*

Рассматривается эволюция выполненных в рельефе или круглой скульптуре изображений человеческих фигурок, созданных в технике объемной мозаики на европейском континенте в Новое и Новейшее время. Исследуются исторические корни бренда Фаберже.

Ключевые слова: камнерезное искусство; объемная мозаика; рельефная мозаика; Фаберже; декоративно-прикладное искусство.

В истории русского искусства среди имен, завоевавших статус мирового бренда, имя российского ювелира Фаберже. Подписанные им произведения окружены, как это и положено бренду, большим количеством мифов, блеск которых вводит в заблуждение не только широкую публику, но и специалистов — искусствоведов и историков — относительно соотношения новаторства и заимствования в разных сегментах ассортимента петербургской фирмы.

Продукция предприятия Фаберже была чрезвычайно разнообразна: от столового серебра до императорских пасхальных яиц, от эмалей гильше до тончайшей резьбы каменных букетов. В этом обширном ассортименте выделяются каменные фигурки, выполненные в сложнейшей технике **о б ъ е м н о й м о з а и к и**. Широкое распространение получило мнение, приписывающее Карлу Фаберже изобретение техники, позволяющей расцветить камнерезную скульптуру с помощью обширной палитры поделочных камней. Характерно название опубликованной в 2008 г. статьи «Сто лет по проторенной дороге», в которой мы читаем, что «идея классической “блокированной миниатюры”, извлеченная

* Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (грант для государственной поддержки молодых ученых, МК-6764.2010.6).

© Будрина Л. А., 2012

в эмбриональном виде из гарднеровского фарфора» была выпестована Карлом Фаберже [Ананьев, с. 18]. Однако другие авторы не столь категоричны, и в статье одного из ведущих исследователей творчества Фаберже М. Н. Лопато говорится, что «эта техника восходит к флорентийским комесси XVII века. В какой-то степени образцами могли служить и фигурки знаменитого дрезденского мастера Мельхиора Динглингера» [Лопато, с. 36]. Аналогичную параллель между работами петербургской фирмы и произведениями флорентийских и саксонских мастеров XVII в. мы находим у Гезы фон Габсбург [см.: Habsburg, p. 23]. Исследование этого вопроса ограничивается констатацией указанного влияния и упоминанием того, что первое знакомство Карла Фаберже с произведениями, созданными таким трудоемким способом, могло состояться в годы учебы. Известно, что в 1860 г. семья Фаберже уезжает в Дрезден, а в 1860—1863 гг. Карл совершает путешествие по Европе, останавливаясь на четыре месяца во Флоренции [см.: Архив...; Буф..., с. 12].

Цель статьи — рассмотреть эволюцию выполненных в рельефе или круглой скульптуре изображений людей (портреты, культовые и жанровые образы), созданных в технике объемной мозаики на европейском континенте в Новое и Новейшее время (XVI—XXI вв.). Это позволит выявить предшественников, обратить внимание на конкурентов и последователей Фаберже и раскрыть исторические корни бренда.

В работах отечественных исследователей камнерезного искусства можно встретить два термина, которыми обозначают понятия объемных произведений из фрагментов, выполненных из разных камней. Петербургские авторы употребляют понятие *блокированной миниатюры*, имея в виду составной характер произведения, отличающий его от монолитного. Второй термин — *объемная мозаика* — представляется нам более логичным, так как именно им пользовались создатели первых камнерезных наборных фигурок и его употребляют зарубежные исследователи, описывая музейные коллекции (итал. *relief commesso di pietre dure* — объемная флорентийская мозаика).

Прием живописного оформления скульптурных форм путем соединения фрагментов из разных пород цветных поделочных камней используется в европейском искусстве на протяжении нескольких тысячелетий. Уже в Античности мы находим подобные примеры: в период Антонинов в Риме популярностью пользовались бюсты, в которых голова и драпировки были исполнены из камней разных пород.

Возрождению и развитию этой техники в ренессансной Флоренции способствовали следующие факторы: 1) технологические (усовершенствование токарно-точильного станка с помощью модернизации педального привода), 2) сырьевые (активная торговая политика и начало эпохи колонизации позволили расширить палитру материалов) и 3) эстетические (свойственное позднему маньеризму сочетание натуралистичного и ошеломляюще роскошного).

Возможно, на развитие миниатюрной каменной наборной скульптуры оказала влияние популярность цветных рельефов из воска. Изменения, произошедшие в эстетике Позднего Возрождения, выход на первый план североитальянских школ — Флоренции, Венеции — с богатым средневековым наследием

и сильными колористическими традициями, обусловили возросший интерес к натуралистичности изображений. Благодаря этому наряду с условными в колористическом отношении мраморными скульптурными портретами и металлическими медалями широкое распространение приобретает такое специфическое явление, как раскрашенные восковые рельефы и бюсты. То, что долгое время было лишь подготовительным этапом в работе медальера, получает самостоятельное значение во второй половине XVI столетия.

В коллекциях многих европейских музеев есть примеры этого рода произведений, значительная часть которых приписывается Антонио Абондини (Antonio Abondio, 1538—1596). Стилистика работ этого мастера, связанного с двором императоров Священной Римской империи, представляет собой смесь итальянских, немецких и нидерландских влияний [см.: Charles]. Одним из наиболее ранних из сохранившихся цветных восковых рельефов Абондини считается медальон с портретом Чарльза Берлэймунта, созданный в 1566 г. (Лондон, Victoria and Albert Museum). Колористическое решение этого изображения отличается сдержанностью: цвет присутствует только в лице портретируемого. Иная палитра была выбрана мастером для изображения императора Максимилиана II, датируемого 1575 г.: на темном фоне резко выделяется пышный костюм светлых тонов со множеством деталей (складки воротника, гравировка на панцире кирасы) и яркими драпировками чистых тонов — синего, желтого, зеленого и красного (Вена, Kunsthistorischen Museum).

Образцом созданной в Италии восковой раскрашенной скульптуры является портрет Франческо I Медичи, выполненный во второй половине 1570-х гг. Авторство этого цветного рельефного профильного изображения, тщательно смоделированного из воска на стеклянной пластинке (Флоренция, Museo Nazionale del Bargello), приписывается Пасторино да Сиена (Pastorini da Siena, 1508—1592) [см.: Сокровища Медичи, с. 217—219]. Влияние цветных восковых рельефов на появление объемной мозаики из камня во Флоренции иллюстрирует тот факт, что с начала XVII столетия местные камнерезы использовали раскрашенные модели из воска. Антонио Торричелли, один из ведущих флорентийских мастеров объемной мозаики, был учеником Дома Гаэтано Зумбо — наиболее известного автора скульптур из воска при дворе Медичи [Wardroppe, p. 75, 76].

Становление мозаичной техники

Ф л о р е н ц и я. Любовь к поделочным камням была свойственна флорентийским правителям: Лоренцо Великолепный (1449—1492) заложил основу собраний античных и новых гемм и резных ваз, Козимо I (1519—1574) значительно обогатил его вазами из поделочных камней, исполненных резчиками из Милана, где еще в Средние века занимались редкой в то время обработкой твердых пород поделочных камней (персидского лазурита, горного хрусталя из массива Сен-Готар, германских агатов и халцедонов) [см.: Giusti, 2005, p. 45]. Герцог Франческо (1541—1587) пригласил миланских мастеров во Флоренцию [см.: Ibid., p. 52].

В 1587 г. власть во Флоренции наследует Фердинанд I Медичи (1549—1609), ставший первым европейским монархом, основавшим придворную мастерскую по производству предметов роскоши — Galleria dei Lavori, расположенную в Палаццо Уффици. Очень быстро подобные мастерские приобрели широкую известность, и в первую очередь благодаря камнерезным работам [см.: Giusti, 2005, p. 47].

Наиболее ранним примером использования мозаичной техники для создания круглой скульптуры является миниатюрный переносной алтарь со сценой встречи у источника Иисуса Христа и самаритянки (Вена, Kunsthistorischen Museum). В центре ниши, задником которой служит набранный в технике флорентийской мозаики пейзаж, расположен вырезанный из одного крупного кристалла изумруда колодец. С двух сторон от него помещены миниатюрные (ок. 10 см в высоту) скульптурные изображения библейских персонажей, над созданием которых Кристофано Гаффури (Cristofano Gaffuri) работал восемь лет с 1590 по 1598 г. [Kunst, p. 174—176]. Слева находится фигура Христа в одежде из ярко-красной яшмы и светлого лазурита с деталями из яшмы желтого и зеленого цветов, справа — темноволосая самаритянка с аметистовым ведром в руке и в желтой яшмовой юбке, на которую ниспадает туника из серого с красноватым рисунком агата с зеленым яшмовым кушаком. В этом произведении мы видим характерную для флорентийских мастеров манеру работы: каменные фигуры исполнены с большим вниманием к свойствам материала, основная декоративная роль отводится природному рисунку, а детали из драгоценным металлов сведены к необходимому минимуму (в данном случае из золота выполнена только ручка ведра).

Деятельность камнерезной мастерской привлекала особое внимание суверена, мечтавшего реализовать с его помощью амбициозный проект создания Капеллы Принцев (Cappella dei Principi, церковь Сан-Лоренцо, Флоренция) — семейной усыпальницы, обильно украшенной цветным камнем. Несмотря на то, что строительство началось лишь в 1604 г., герцогские мастерские начали работу над полихромными каменными элементами убранства с 1589 г. Сияющей жемчужиной в центре роскошного интерьера должен был стать алтарь, наполненный персонажами из цветного камня и увенчанный куполом из горного хрусталя [см.: Baldini].

К рубежу XVI—XVII столетий относится начало работы над скульптурами апостолов для алтаря Капеллы Принцев. Восковые модели первых фигур — евангелистов — были созданы скульптором Антонио Сусини, раскрашены художником Людовико Сиголи и около 1605 г. переданы резчику Орацио Моки (Orazio Mochi), ученику миланского мастера Стефано Карони. Моки начал работу над двумя фигурами — Луки и Иоанна (Флоренция, Palazzo Pitti, Museo degli Argenti). После кончины отца резьбу скульптур продолжали его сыновья — Стефано и Франческо, завершившие к 1644 г. первые фигуры, а также исполнившие к 1653 г. изображения Марка и Матвея (Флоренция, Palazzo Pitti) [Splendori..., p. 134; Art..., p. 147]. Группа апостолов, скульптуры которых выполнены в одном, достаточно крупном формате (ок. 32 см в высоту), сегодня состоит из восьми фигур. Все восемь мозаичных произведений созданы

по одной схеме: это изображения стоящих босых людей (только у Луки есть сандалии), одетых в длинные платья и широкие драпированные плащи, выполненные из камней контрастных цветов (Матвей в синем платье из лазурита с красным яшмовым плащом, на Петре платье из аметистизированного кварца и плащ из желтой яшмы) с незначительным количеством дополнений (у Марка — белый отложной воротник, у Луки — светлые отвороты рукавов и красный подклад синего плаща) и с накладными волосами. Скульптуры установлены на квадратные низкие подставки из зеленого камня. Помимо фигур апостолов, в начале XVII в. для Капеллы Принсипи был создан рельефный декор с аллегориями добродетелей в виде набранных мозаикой фигур молодых женщин в длинных одеждах, характер трактовки которых схож со скульптурами евангелистов. Во Флоренции остались изображения Милосердия и Веры, в 1785 г. использованные в алтаре Палатинской капеллы [см.: Wardropper, p. 78] (Флоренция, Palazzo Pitti, Cappella Palatina). Еще четыре аналогичных аллегии — Умеренность, Надежда, Справедливость и Стойкость — были выявлены в фондах лондонского музея (Лондон, Victoria and Albert Museum) [см.: Gonzalez-Palacios 1991, p. 28]. Возможно, к этому же циклу относится и сцена избиения Христа, рельефные каменные детали для которой сохранились в Италии (Флоренция, частная коллекция), а выплавленная по той же модели бронза находится в нью-йоркском Метрополитен-музее [см.: Wardropper, p. 86].

Работы над рассмотренным алтарем оказали сильнейшее влияние на развитие флорентийского камнерезного искусства, выразившееся в появлении техники исполнения рельефной и круглой скульптуры из кусочков цветного камня — *commesso di pietre dure* [см.: Giusti, 2005, p. 111].

Проект не был полностью реализован, а многочисленные отдельные его детали во второй половине XVIII в. были рассредоточены по разным собраниям, в результате чего элементы синтетического ансамбля начинают восприниматься как самостоятельные произведения, что способствует формированию самостоятельного жанрового направления в камнерезном искусстве.

В правление следующего великого герцога Тосканского Козимо II (1590—1621) флорентийскими камнерезами и ювелирами был создан целый ряд рельефных шедевров, к которым можно отнести и несколько портретов правителя. В 1620—1630-е гг. мастерскими великого герцога Тосканского выполнен медальон в профилированной лаконичной рамке из желтой яшмы. На фоне из зеленой разновидности этого камня четко выделяется погрудный портрет Козимо II Медичи [Сокровища Медичи, с. 320—322], вырезанный из разноцветной яшмы и полупрозрачного халцедона, тщательно отполированная поверхность которого передает сияние начищенных лат (Флоренция, Palazzo Pitti, Museo degli Argenti). Большой торжественностью отличается так называемое *ExVoto*, работа над которым продолжалась с 1617 по 1624 г., камнерезные детали выполнены Микеле Каструччи (Michele Castrucci) и Галтьери Секки (Gualtieri Secchi) [Art..., p. 164—165; Сокровища Медичи, с. 316—319]. На богато декорированном чеканным золотом с эмалями и драгоценными камнями рельефе представлен герцог в парадном одеянии, преклонивший колени перед алтарем (Флоренция, Palazzo Pitti).

В эпоху барокко при герцоге Козимо III (1642–1723) возрастает роль скульпторов, трудившихся в придворной мастерской, что сказалось в более высокой оценке работ «рельефных» мастеров по сравнению с исполнителями плоских мозаик [см.: Giusti 2005, p. 95]. Определяют развитие объемной мозаики этого времени сотрудники придворной мастерской — резчик Джузеппе Антонио Торричелли (Giuseppe Antonio Torricelli, 1659–1719) и модельер Джованни Батиста Фоджини (Giovanni Batista Foggini, 1652–1725). Плодами сотрудничества этих двух мастеров являются многочисленные реликварии и другие предметы культа, исполненные по заказу Козимо III.

Для створки табернакля в середине 1700-х гг. Торричелли была создана рельефная мозаика «Поклонение волхвов» (Флоренция, Palazzo Pitti, Cappella Palatina), где объем придан не только фигурам библейских персонажей, но и деталям пейзажа — облакам, стволу и листе дерева.

Сегодня известны два реликвария, созданные Торричелли и Фоджини в первой четверти XVIII в.: Святой Марии Египетской (1704) и Святого Амвросия (1705) (оба: Флоренция, Cappelle Medicee). Произведения выполнены в виде сложных бронзовых рам, в верхних частях которых вставлены поддерживаемые с двух сторон ангелами хрустальные емкости с реликвиями, под ними — округлые камнерезные мозаичные композиции, исполненные в очень высоком рельефе, частично переходящем в круглую скульптуру. На реликварии Марии Египетской — сцена встречи с Зосимой, который отдает святой свой плащ. Сосуд, ныне содержащий частицу Святого Амвросия, первоначально был предназначен для реликвии Святого Даниила, поэтому на рельефе мы видим изображение этого святого в окружении львов. Кроме того, в манере, аналогичной двум ранним примерам, исполнен реликварий Святого Себастьяна (начало XVII в., Флоренция, Cappelle Medicee), на овальном резном медальоне которого представлена сцена жертвоприношения Авраама.

Резцу Антонио Торричелли принадлежит реликварий Святого Эмерико (1717, Флоренция, Cappelle Medicee). В 1698 г. модель для этого предмета была исполнена фламандским краснодеревщиком Леонардом ван дер Винном (Leonard van der Vinne), работавшим при дворе Медичи. Сложная композиция произведения, посвященного видению святого Эмерико, включает в себя мозаичные рельефное изображение Пиеты и скульптурный образ святого. Обращает на себя внимание разнообразие каменной палитры (красный богемский агат, персидский лазурит, плащ из желтой сицилийской яшмы, подбитый саксонским аметистизированным кварцем) и необычны для флорентийцев драгоценный декор: борта одежды и отвороты обуви, шпага и корона усыпаны рубинами и алмазами, закрепленными в золоте [см.: Splendori, p. 180; Art..., p. 203–204]. Таким же образом украшены фигуры римских императоров, созданные приблизительно в это время в Германии.

Таким образом, за столетие, прошедшее с начала создания камнерезных мозаичных скульптур флорентийской придворной мастерской, происходит эволюция от лаконичных, отличающихся монументальной пластикой и локально-контрастным характером колористической трактовки фигур Мокки к более подробным, обильно декорированным драгоценными материалами, барочным по-

стилистике произведениям Торичелли. Закат династии Медичи, связанный с кончиной последнего правившего представителя этого дома герцога Жана-Гастона (1737) ослабил флорентийскую мастерскую, новый взлет работ в которой произошел лишь в XIX в.

Однако еще раньше технология, отвечающая вкусу пышной эпохи барокко, получила распространение в Центральной Европе (сложность исполнения, требования к качеству материала и мастерству резчика резко ограничивали круг мастеров).

П р а г а. Император Священной Римской империи Рудольф II (1552–1612) известен как один из наиболее активных коллекционеров. Особое место в его собраниях занимали произведения из цветного камня. Не довольствуясь размещением заказов у итальянских камнерезов, он создает собственную придворную мастерскую, положившую начало пражской камнерезной школе, просуществовавшей около столетия.

В 1588 г. Рудольф приглашает в Прагу миланских резчиков. Особый интерес представляет творчество одного из них — Оттавио Мизерони (Ottavio Miseroni, 1568–1624). В период между 1600 и 1612 г. он создает произведения в технике рельефного набора из цветных камней, своего рода м н о г о ц в е т н ы е к а м е и. От этого времени в коллекциях сохранились четыре овальных медальона: погрудные изображения Церцеи (1602–1605, Вена, Kunsthistorischen Museum) и Дианы (ок. 1605, Кассель, Museumslandschaft Hessen Kassel), поясной портрет Дамы с веером (1610, Вена, Kunsthistorischen Museum) [Европейское искусство, с. 12]. Этим же годом датируется наиболее сложная из известных композиций этого мастера — медальон с поясным изображением Марии Магдалины (Вена, Kunsthistorischen Museum). В композиции, состоящей более чем из пятидесяти деталей, использовано около дюжины пород агатов и яшм [см.: Die Kunst..., р. 277]. С кончиной императора деятельность пражских камнерезов становится менее востребованной. В последние годы жизни Оттавио Мизерони создает два реликвария по заказу Анны Тирольской, супруги императора Матиаса. В центре сложных композиций этих произведений находятся овальные медальоны с рельефной мозаикой, на которых изображены Мадонна с младенцем и Святая Анна с Марией и младенцем Христом (Вена, Kunsthistorischen Museum). Эти поздние произведения отличаются большей лаконичностью, проявившейся в колористической сдержанности, связанной с использованием меньшего минералогического разнообразия, и отсутствием дробности изображений [Die Kunst..., р. 284–286].

Пражская мастерская, не оставившая нам образцов круглой мозаичной скульптуры, является ранним примером освоения передовых тенденций итальянского искусства. Рельефные произведения Мизерони, исполненные из местного (богемского) материала, отличаются более тонким колоритом, построенным на нюансах окраски яшм и халцедонов этого региона.

Перевод императорского двора в Вену положил начало закату камнерезных мастерских в Праге, упадок которых был усугублен начавшейся в 1618 г. Тридцатилетней войной.

З е м л я Г е с с е н (Г е р м а н и я). Во второй половине XVII в. в Идштейне при дворе графа Иоганна Нассау-Идштейн (1627–1677) работал камнерез

Кристоф Лабхард (Christoph Labhardt, 1644–1695). По заказу графа он создает в 1671–1679 гг. монументальную (79 × 142 см) композицию для украшения каминной полки. В сложном барочном сочетании плоской, рельефной и объемной мозаик он воплощает наставление, которое герцог желал передать своему сыну Георгу Августу (1665–1721). На фоне пейзажа с архитектурным мотивом, набранного в технике флорентийской мозаики с отдельными рельефными элементами (облака, колонны), разворачивается нравоучительная аллегорическая композиция. Справа мы видим изображения добродетелей (Prudentia, Temperentia, Justitia, Pietas, Liberalitas, Spes, Historia, Ars, Diligentia), окружающих юного всадника на вздыбленном коне, эта часть выполнена в круглом объеме. Перед собой они прогоняют пороки, удаляющиеся вглубь композиции и представленные в низком рельефе. Этот редкий по сложности пример северо-европейской камнерезной работы был приобретен Августом Сильным у дочери Георга Августа и с 1729 г. экспонируется в Дрездене в одном из залов Зеленых Сводов (Дрезден, Grüne Gewölbe) [Historische, p. 146]. За пределами Италии это единственное по масштабу и программности произведение в технике объемной мозаики, в значительной мере выполненное из твердых камней (яшмы, халцедоны, агаты) месторождений Центральной Европы.

Открытие агатов, яшм и других полудрагоценных камней в Гессене способствовало тому, что Гессен-Кассельский ландграф Карл (1654–1739) основывает в 1680 г. фабрику по обработке цветного камня рядом с К а с с е л е м. К этому времени в регионе уже существовала традиция обработки твердых камней, здесь создавали небольшие украшения, камни для мостовых и бытовые предметы без декора [см.: Art..., p. 247]. Ситуация меняется по мере увеличения количества призванных мастеров при кассельском дворе.

Одним из них стал переехавший в Кассель Кристоф Лабхарт. Здесь он продолжает создавать рельефные и объемные мозаичные произведения. Сохранился небольшой медальон «Минерва» (до 1690) — с женской головкой из сердолика в три четверти в окружении пышных перьев из молочно-белого халцедона, золотистого цитрина, полупрозрачного белого опала, коричневатого топаза и зеленого турмалина (Кассель, Museumslandschaft Hessen Kassel). Обращает на себя внимание подбор камней: он не типичен для флорентийской школы и отражает минеральный состав гессенских месторождений.

Лабхарт создает в Касселе ряд скульптур в технике объемной мозаики [см.: Art..., p. 78, 247]. Например, бюст молодой женщины (Кассель, Museumslandschaft Hessen Kassel). Скульптура высотой чуть менее 17 см представляет собой бюст светлокожей темноволосой женщины (из светлого халцедона и почти черного агата) с изящной драпировкой из красного с белыми пятнами камня, установленный на сложном пьедестале в виде волюты из серо-коричневого агата на трехступенчатой пирамиде.

Виртуозностью исполнения, заставлявшей ранее приписывать это произведение резцу флорентийского мастера [см.: Giusti, 2005, p. 144], отличается овалный медальон с портретным изображением ландграфа Карла, созданный в технике рельефной мозаики из изысканного набора камней охристых и коричневых оттенков (Копенгаген, Rosenborg Slot). Возможно, лицо ландграфа вырезал для

этой работы ученик Лабхарта Альбрехт Лавилетт (Johann Albrecht Lavilette, 1667 — 1743) [см.: Коерре, р. 67].

Лавилетту принадлежит авторство еще одного редкого образца рельефной мозаики — набранное на необычной для фона пластине прозрачного горного хрусталя профильное изображение Минервы (Кассель, Museumslandschaft Hessen Kassel). Изысканное цветовое решение этой мозаики построено на сочетании коричневатых оттенков лица (из светло-желтого агата) и шлема (из коричнево-оранжевого сердолика) с чистыми цветами перьев на шлеме, ворота и украшения на груди (белый халцедон и ярко-синий лазурит), смягченным полупрозрачной нежно-розовой драпировкой из кварца на плече богини.

В 1699 г. с разрешения великого герцога Тосканского в Кассель прибыл Франческо Мугнья (Francesco Mugnai) [Gonzalez-Palacios, 1991, р. 64], получивший во Флоренции специальность «мастера рельефа» (в отличие от «мастера по плоскости»), что свидетельствует о существовавшем в придворной мастерской Козимо III разделении между мозаичистами и выделении работы с объемом. Среди произведений, исполненных в Касселе при участии Мугнья, чрезвычайно интересна незаконченная столешница, концепция которой существенно отличается от подобного типа флорентийских произведений. Работу над ней начал еще в 1692 г. Кристоф Лабхарт, в 1701 — 1710-х гг. продолжает флорентинец, позднее — Йоханесс Хомагиус (Johannes Homagius), Иоганн Кристоф Лабхарт (Johann Christoph Labhart, 1695—1742, сын Кристофа Лабхарта), Петер Гессе (Peter Hesse). После 1782 г. к ней более не обращались.

В центре столешницы — пейзаж, выполненный в технике плоской мозаики. Обрамление с картушами и гирляндами в середине содержит рельефное изображение стоящей Минервы, набранное из разноцветных яшм, аметистизированного кварца и лазурита (Кассель, Museumslandschaft Hessen Kassel).

Практически одновременно во Франкфурте-на-Майне работает Иоганн Бернгард Шварцбургер (Johann Bernhard Schwarze(n)burger, 1672—1741), из наследия которого сегодня известны рельефы, украшающие сооружения Франкфурта-на-Майне, и несколько наборных скульптур: четыре фигуры римских императоров и голландского шкипера, созданные в первой трети XVIII столетия. Это работы, исполненные в технике объемной мозаики из камней горных пород массива Хунсрюк, на склонах которого расположен один из крупнейших европейских центров по обработке цветного камня Идар-Оберштайн, — скульптуры Тита, Цезаря, Домициана и Веспасиана. Выполнены они по одной схеме: на ступенчатом профилированном пьедестале закреплено изображение императора в полный рост, в военном одеянии (кираса поверх хитона, длинный плащ) с драгоценной арматурой — перевязи и мечи — из золота и драгоценных камней. Скульптуры римских императоров были приобретены в период между 1729 и 1731 г. саксонским курфюрстом Августом Сильным и с этого времени входят в собрание саксонских правителей (Дрезден, Grüne Gewölbe) [см.: Кабинет драгоценностей..., с. 102—105; Kappel, р. 158—161]. Ближе к барочной стилистике известного саксонского ювелира Мельхиора Диглингера еще одна работа Шварцбургера — фигурка голландского шкипера из коллекции Августа Сильного, каменные детали которой скомпонованы вокруг

барочной жемчужины, играющей роль туловища (Дрезден, Grüne Gewölbe) [см.: Syndram, p. 87]. В этих скульптурах мы впервые встречаем столь активное и нарочито акцентированное использование драгоценной нагрузки — золота, ограненных камней, что, несомненно, явилось следствием изменения вкусов. Для создания роскошного произведения уже недостаточно виртуозного мастерства при работе с твердым камнем, требуется более универсальное и весомое олицетворение богатства.

Пример Гессена наглядно свидетельствует о роли флорентийских мастеров в распространении сложной и дорогостоящей техники объемной мозаики за пределы Тосканского герцогства и их влиянии на выбор материалов: в произведениях немецких мастеров круг камней в основном ограничен местным минеральным сырьем, в работах южан палитра расширяется за счет привозного материала [подробнее об этом см.: Castelluccio]

Ю ж н а я Г е р м а н и я. С середины XVIII в. в германских городах начинается производство табакерок. В Берлине при их изготовлении широко использованы эмали и драгоценные камни, в Дрездене — твердые камни, в Мейсене — фарфор [Grandjean, p. 273]. Обращение к полудрагоценным и поделочным камням, которыми столь богаты подземелья Саксонии, обусловило характерные особенности произведений, созданных по заказу курфюрстов, в частности Фридриха-Августа. Одним из популярных видов оформления табакерок становится сочетание светлых поверхностей из полупрозрачных пластин кварца в золотой монтировке по ребрам с наложенным рельефным декором из цветного камня. Значительное число таких коробочек с флоральными изображениями приписывается дрезденскому ювелиру Бенжамину Хоффману [см.: Snowman].

Однако существуют по крайней мере три табакерки с рельефными мозаичными изображениями человечков, датируемые 1770-ми гг., авторство которых принадлежит или приписывается мастеру Генриху Лангу (Heinrich Gottlob Lang, 1739—1809). Получив профессиональное образование в Дрездене, Ланг работает в Регенсбурге, а с 1764 г. — в Аугсбурге [см.: Scholler, p. 2]. На крышке одной из табакерок изображение женской фигурки в традиционном костюме: пышная юбка и узкий корсаж из коричневатого сердолика, белая блузка с глубоким декольте, передник из лазурита и плоский чепец из светло-зеленого малахита (Лондон, Victoria and Albert Museum) [Box, 2011b]. На второй среди птиц и цветов помещен младенец в драпировках (Вена, Naturhistorische Museum). Третья табакерка, авторство которой точно не установлено, украшена пасторальной сценкой сбора яблок (Лондон, Victoria and Albert Museum) [Box1]. Декор шкатулок выполнен в очень низком рельефе, отличается богатой палитрой использованных самоцветов (наряду с поделочными камнями — агатами, лазуритом, халцедоном — мы видим резные драгоценные сапфиры, шпинель), а также условностью моделировки фигур.

Н е а п о л ь. Неуверенность в будущем флорентийской герцогской мастерской, связанная с прекращением правления Медичи в 1737 г., привела к тому, что около десятка камнерезов приняли приглашение Карла Бурбона и переселились к неаполитанскому двору. Руководителем нового ателье Real Laboratorio

стал конкурент Торричелли Франческо Гинги (Francesco Ghinghi, 1689–1766) [Giusti, 2005, p. 103]. Наиболее плодотворным периодом для неаполитанской мастерской, работавшей до 1861 г., были первые десятилетия ее существования, отмеченные сильным влиянием флорентийских моделей [Ibid., p. 192].

Ярким примером является сюжет Благовещения, выполненный в виде двух овальных рельефных медальонов с мозаичным изображением архангела и Богоматери в окружении пышного декора. Образы, заимствованные из фрески в церкви Сантиссима-Аннунциата (Santissima Annunziata, Флоренция) и интерпретированные Фоджини, пользовались большой популярностью и неоднократно воспроизводились Торричелли [см.: Art..., p. 205]. Так, тосканский герцог Козимо III в 1700 г. поднес в дар папе Иннокентию XII «Благовещение» на фоне черного парагонского мрамора с растительным орнаментом в богатой раме из золоченой бронзы (Рим, Musei Vaticani) [Gonzalez-Palacios 2001, p. 154], а в 1704 г. был выполнен заказ герцога на чашу для святой воды с рельефными изображениями ангела и Богоматери для его дочери (Флоренция, Museo dell'Operaio delle Pietre dure) [см.: Giusti, 2005, p. 102; Art..., p. 205]. В барочном прочтении этого сюжета, созданном во Флоренции в 1720 г., пластичность рельефов в медальонах усиливается пышным объемом цветов (Карлсруэ, Badisches Landsmuseum) [см.: Giusti, 2006, p. 70].

Сюжет Благовещения был воспроизведен в Неаполе в 1739–1742 гг.: в декорированную бронзовой валютой с путти раму из черного дерева вставлена пластина черного мрамора с плоским растительным декором, выполненным в технике флорентийской мозаики. В пластину врезаны два овальных медальона с цветными рельефами Богоматери и архангела (Мадрид, Patrimonio Nacional, Palacio Real).

С восшествием Карла Бурбона на испанский трон в 1759 г. и переездом двора в Мадрид деятельность неаполитанского ателье пошла на спад.

Р и м. Своеобразный гибрид античного римского и ренессансного флорентийского «прочтения» наборной скульптуры мы находим в композиции «Рим» (Париж, Musée Louvre), выполненной римскими мастерами серебряного дела Луиджи (Valadier, Luigi, 1726–1785) и Джузеппе Валадье (Valadier, Giuseppe, 1762–1839) в 1785–1788 гг. Со времени создания это произведение существенно изменило свой облик: исчезли дополнявшие его камеи и их серебряное обрамление, шар из руки фигуры. Однако благодаря обнаруженной исследователями гравюре и сохранившимся описаниям мы можем себе представить первоначальный вид композиции. В ателье Валадье были исполнены все металлические детали композиции, плинт из яшмы и пьедестал из зеленого порфира, лазуритовое поле под надписью на задней части пьедестала, сидящая фигура из красного порфира. Однако детали из более твердого жада (голова, руки и ноги статуи) были заказаны в другом ателье в виду чрезвычайной трудности их исполнения (о чем красноречиво свидетельствует счет за эту часть работы). Там же были заказаны шар из лазурита в левую руку и верхний цоколь из черного мрамора. Две камеи, украшавшие скульптуру (портрет папы Пия VI в правой руке и аллегория Здоровья и Изобилия, находившаяся в центре в подножии статуи), исполнил один из известнейших римских резчиков Джованни Пишлер [см.: Luigi, p. 100–104]. В период Наполеоновских войн скульптура

попала в императорские дворцы Франции, с 1983 г. она входит в собрание Отдела прикладного искусства Лувра.

Объемная мозаика эпохи Фаберже

Время нового увлечения Античностью в эпоху классицизма второй половины XVIII — начала XIX в. отмечено спадом интереса к пестрым, трудоемким и чрезвычайно дорогим наборным произведениям. Если в жанре натюрморта в это время продолжают создавать рельефные композиции из цветных камней, то в области портрета и многофигурных сцен предпочтение отдается белому мрамору. Возвращение многоцветия в интерьер и, как следствие, возрождение интереса к технике объемной скульптуры для создания фигурок происходят на волне возросшего интереса к прошедшим историческим эпохам в середине XIX столетия. Прием объемной мозаики при создании камнерезных фигурок, пережив в конце XVIII — начале XIX в. спад, возрождается в 1870-х гг. Однако примеры создания каменных мозаичных скульптур в творчестве мастеров Западной Европы остаются в это время единичной практикой. Можно предположить, что причиной этому послужил недостаточно емкий рынок для подобного рода предметов роскоши.

И т а л и я. В отличие от многих европейских мастерских, флорентийские сохранились и продолжали свою деятельность, несмотря на все смены правителей в XIX в. Основные направления деятельности мастерской, получившей название *Opificio delle Pietre dure*, в последние годы существования Великого герцогства Тосканского и до 1876 г. определялись ее директором Никколо Бетти (*Niccolò Betti*) [см.: Giusti, 2005, p. 242]. Благодаря ему в 1850-х гг. было возрождено искусство резного рельефа — глиптики. Забытая со времен Козимо III традиция рельефной и объемной мозаики оказалась востребованной в период историзма.

Наиболее заметным итальянским создателем такого рода предметов был Паоло Риччи (*Paolo Ricci*), работавший в Опофицио с 1855 г. Восстанавливая технологию, он отдает предпочтение не барочной пышности Торричелли, а более сдержанной стилистике мозаичных скульптур начала XVII в., в которой создает мозаичные произведения в рельефе и круглой скульптуре. Сохранился барельеф «Христос, молящийся в саду», поднесенный в 1870 г. папе Льву XIII (Рим, *Musei Vaticani*). На Всемирной выставке в Вене в 1873 г. Риччи продемонстрировал наборную фигуру Чимабуэ, спустя четыре три года он исполнил скульптуру «Данте, посол при Бонифации VIII» (Флоренция, *Museo dell'Opificio delle Pietre dure*) [см.: Giusti, 1995, p. 77]. Около 1880 г. в мастерской приступили к созданию наборной скульптуры «Освобожденная Италия», призванной увековечить присоединение Венеции, однако по неизвестным причинам эта работа не была завершена (Флоренция, *Museo dell'Opificio delle Pietre dure*) [Giusti, 2011, p. 116—117]. В этих произведениях художник возвращается к характерному для Флоренции времен Медичи крупному размеру фигур (35—50 см), однако достичь прежнего колористического разнообразия не удается: использование полихромного материала схематично и лишено прежней живописности.

Франция. Постепенно полихромные фигурки привлекают внимание все большего круга последователей. Так, в 1881 г. французский скульптор и резчик Огюст Воде (Auguste Alfred Vaudet, 1838—1914) исполнил скромный по размерам бюст Аякса. Представленная на Салоне французских художников работа была приобретена для музея в Люксембургском дворце, где экспонировалась до 1906 г. (Париж, Musée d'Orsay) [Музей д'Орсэ]. Поднятый на колонке из нефрита бюст отличается условным подбором камней с нехарактерным для подобной скульптуры вольным обращением с цветом: драпировка на плечах из яркого лазурита, шлем — из сургучной яшмы, а голова (и прическа, и лицо) — из темно-зеленой яшмы.

Еще один пример французской трактовки объемной мозаики известен только по описанию и воспроизведению в монографии начала XX в. Рельеф «В неизвестное» камеиста и модельера Эмиля Голяра (Emile Félix Gaulard, 1842—1924) был показан на Салоне 1902 г. В наборе композиции были использованы светлый сардоникс, гелиотроп, венгерский опал и уральский голубой халцедон [см.: Babelon, p. 238—239].

Россия. В России интерес к итальянской школе камнеобработки возник в XVIII столетии, в это время на Петергофской гранильной фабрике работали итальянские мастера, на Екатеринбургскую гранильную фабрику также приглашали специалистов из Флоренции. В следующем столетии российские камнерезы проходили обучение в Италии. Камнерезные произведения старых и современных мастеров находились в коллекциях императорской семьи, представителей крупной аристократии.

В 1828 г., после кончины Н. Н. Демидова, его старший сын Павел хлопочет о ввозе в Россию отцовской коллекции. В результате появляются два списка предметов, ввезенных в Россию из флорентийского дворца [Argenziano, p. 89—143]. В этих списках под номером 370 мы находим описание следующего предмета: «Маленькая фигура из твердых камней, представляющая одного из Медичи, коленопреклоненного» [Ibid., p. 119, 140]. Неизвестно, сколько времени оставалась эта скульптура в России, в дальнейшем она покинула пределы империи, так как в каталоге аукциона после смерти второго сына Николая Демидова, Анатолия (1812—1870), вновь упомянуто: «Лот 314. Драгоценности и твердый камень. — Персонаж в costume времен Генриха IV, коленопреклоненный, на подставке из сибирской яшмы. Голова и руки из агата и халцедона. XVI век. Высота 21 см» [Unique]. В настоящее время этот редчайший образец находится в Галерее Кугель (Париж). Скульптура представляет мужчину, одетого в черный костюм из парагонского мрамора с плиссированным воротником из белого мрамора, преклонившего одно колено на бронзовую, выкрашенную в красный цвет подушку с положенной перед ним черной шляпой. Руки и голова выполнены из светло-розового халцедона, волосы и усы инкрустированы темно-коричневым агатом. Сдержанное колористическое решение и прием инкрустации, использованный на лице фигуры, напоминают бюст Виттории дела Ровере, исполненный в герцогской мастерской скульптором Джузеппе Антонио Торричелли около 1697 г. (Флоренция, Palazzo Pitti, Museo degli Argenti).

Ф а б е р ж е. В русском камнерезном искусстве наиболее известное применение итальянской техники объемной и рельефной мозаики связано с мастерскими фирмы Фаберже. Вероятно, отсутствие квалифицированного персонала послужило причиной того, что первые наборные скульптуры из поделочных камней будут созданы только после начала работы собственного камнерезного ателье фирмы Фаберже в 1908 г. Открытие его связано с приходом в фирму уральцев, выпускников Екатеринбургской художественно-промышленной школы — Петра Михайловича Кремлева и Петра Дербышева. В 1908 г. в ателье Верфеля они выполнили в камне первые фигурки из серии «Русские типы», модели для которых годом ранее создал скульптор Б. О. Фредман-Клюзель [Фаберже и др., с. 13]. Успех мозаичных скульптур способствовал росту ассортимента — от отдельных типичных и портретных образов столичных улиц и императорского двора до сложных жанровых композиций, персонажей сказок и собирательных национальных шаржей. Известно более полусотни фигурок, исполненных фирмой Фаберже в 1908—1916 гг. [наиболее полный аннотированный список см.: Там же, с. 50—85]. Большая их часть выполнена по сложившейся в Европе традиции: сочетание достаточно крупных элементов из пород контрастных цветов обеспечивало декоративность образа. Основное отличие состоит в трактовке глаз: у Фаберже они инкрустированы ограненными драгоценными камнями, в то время как европейские мастера передавали эту черту резьбой или натуралистичными вкраплениями поделочного камня. Высота скульптур также отличается — в петербургских работах она варьируется в пределах 10—20 см. Характер использования драгоценной арматуры напоминает произведения Шварцбургера: из золота и серебра, иногда с эмалевым декором, выполнены всевозможные аксессуары (оружие, пуговицы, имитация шитья и металлических украшений).

Д е н и с о в - У р а л ь с к и й. Ведущим конкурентом Фаберже в этой области со второй половины 1900-х гг. станет Алексей Козмич Денисов-Уральский. Потомственный уральский горщик в 1901 г. основывает в Петербурге «Горно-промышленное агентство по распространению полезных ископаемых России А. К. Денисов (Уральский) и К^о». К использованию техники объемной мозаики первоначально он обращается для создания анималистической скульптуры: сохранились детальные описания изображений птиц, набранных из разных пород цветного камня для французской фирмы Картье в 1911—1914 гг. [см.: Будрина, 2011]. К первым десятилетиям XX в. можно отнести создание пары человечков с телами в форме яиц (из родонита и зеленой яшмы, последнее утрачено), к которым прикреплены галстуки-бабочки, тщательно смоделированные шаржированные головки и босые ножки (Пермь, Минералогический музей Пермского государственного университета).

Первая мировая война приносит новые темы в творчество художника. В 1914—1916 гг. была создана замечательная по выразительности скульптура марширующего с винтовкой на плече солдата в шинели из гранита (Пермь, Пермская государственная художественная галерея).

В разгар сражений на фронтах, в марте 1916 г., А. К. Денисов-Уральский открыл в своем магазине выставку «Аллегорические скульптуры воюющих

держав». Три из пятнадцати композиций представляли собой антропоморфные изображения, выполненные в технике объемной мозаики. Монументальный ступенчатый пьедестал выделяет «Памятник Вильгельму» (Пермь, Пермская государственная художественная галерея). Кайзер Германии изображен всадником в военной форме, пришпоривающим свинью, выполненную из ярко-розового орлеца. Шаржированный портрет кайзера также выполнен из родонита, что подчеркивает параллель между германским правителем и оседланным животным. Еще один персонаж в стане противников — Австро-Венгрия. Ее художник выполнил в виде старой обезьяны, одетой в костюм национальных цветов из ярко-красной яшмы и белого халцедона, с характерным головным убором. Очевидно сходство головы животного и портретов австрийского императора. Французская республика, союзник России в этой войне, представлена в образе Марианны — темноволосой женщины, на голове которой ярко-красный фригийский колпак. Под почти черной туникой из мориона — струящаяся трехцветная юбка из горизонтально расположенных полос темно-синего лазурита, белого халцедона и красного пурпурина. Одной рукой она опирается на щит зеленого нефрита с рельефным красным изображением галльского петуха.

Несмотря на отсутствие информации о других наборных фигурах, вышедших из мастерской Денисова-Уральского, мы можем сделать определенные выводы о специфике трактовки этой техники. В отличие от своего основного конкурента, фирмы Фаберже, уралец почти не использовал металл, основная декоративная роль, как и во флорентийских произведениях, отводилась камню.

Таким образом, в начале XX в. именно русские камнерезы и ювелиры способствовали возрождению этой камнерезной техники, вернули фигурки в объемной мозаике в декоративно-прикладное искусство.

Дальнейшее использование техники объемной и рельефной мозаики в России для создания человеческих фигурок было приостановлено Октябрьской революцией. Заложенная в начале XX столетия традиция вновь возродилась после Второй мировой войны в стенах созданного в 1946 г. в Свердловске специализированного профессионально-технического училища № 42.

В числе приглашенных для преподавания мастеров завода «Русские самоцветы» был один из старейших работников предприятия — Николай Дмитриевич Татауров (1887—1959). Его трудовая деятельность началась еще на Екатеринбургской императорской гранильной фабрике в 1898 г. Он принимал участие в создании таких выдающихся памятников русского камнерезного искусства, как исполненная в Екатеринбурге в 1898—1900 гг. мозаичная карта Франции и созданная в Ленинграде в 1936—1937 гг. карта «Индустрия социализма». Мы не располагаем сведениями о наборных работах Н. Д. Татаурова, созданных до 1940-х гг., но можем предположить, что он был знаком с этой техникой и произведениями, созданными с его помощью. Это позволило ряду учащихся первого набора ХПТУ № 42 — Ю. Г. Абакумову, Анисимову, В. П. Брызгалову, В. П. Дергунову, Ю. Н. Лебедеву, Г. Г. Суксину, Шумкову — под его руководством выполнить в 1948 г. работу «Урал кует победу» (Екатеринбург, Музей профессионального училища «Рифей», далее — Музея ПУ «Рифей») [см.: Буд-

рина и др., 2008]. В этой сложной монументальной композиции (55 × 112 × 63 см), включающей в себя и задник, покрытый плоской живописной мозаикой, и рельефно оформленное дно, центр занимают две фигуры рабочих, выполненные в технике объемной мозаики. Слева от наковальни, в качестве которой выступает яшмовый пень, мы видим молодого рабочего в фуражке, замахивающегося тяжелым молотом. Справа стоит мастер с непокрытой головой, в красной яшмовой рубахе, придерживающий лежащий на наковальне меч и обрабатывающий его маленьким молотком. Фоном служит рельефное изображение заводских корпусов со стоящим на их фоне танком слева и горка из поделочных камней справа. Композиция, выполненная на чугунном основании, — единственный пример сочетания объемной и рельефной мозаики в русском прикладном искусстве. Разноцветье уральской яшмы позволило создать в этом произведении выразительный живописный колорит практически без привлечения другого сырья. В дальнейшем именно на разнообразии оттенков этого материала будет опираться развитие объемной мозаики на Урале, формирование уральской школы мозаичистов.

Тема индустриального развития и природного богатства края нашла свое продолжение в рельефной мозаичной картине «Дары Урала», выполненной учащимися ХПУ № 42 в первой половине 1950-х гг. (Екатеринбург, Музея ПУ «Рифей»). Урал предстает атлетом, вырастающим из горы калканской яшмы, с детально смоделированным торсом из светло-коричневой яшмы, светлыми волосами и бородой из яшмы кремового тона.

Тщательностью проработки деталей отличается ларец «Конек-Горбунок», выполненный В. В. Саргиным в середине 1950-х гг. (Екатеринбург, Музея ПУ «Рифей»). На фоне красно-коричневой яшмы стенок ясно читаются рельефные мозаичные композиции по русским сказкам: старик, забрасывающий невод в лазуритовые воды, вырывающий перо у Жар-птицы Иванушка. Мастерство, проявившееся в этой работе, принесло училищу медаль Всемирной выставки 1958 г. в Брюсселе.

В 1968 г. под руководством В. Ю. Рысина в технике объемной мозаики была создана скульптурная группа «Данила-мастер и Хозяйка Медной горы» (Екатеринбург, Музея ПУ «Рифей»). В ней тонко обыграны переходы цвета в блоке яшмы, из которого выполнен каменный цветок — смысловой центр композиции, от красновато-коричневого до зеленого. Красные ноты усилены яркой сургучной яшмой рубахи мастера, а зеленый переключается с нефритовым платьем Хозяйки. Целостному восприятию композиции способствуют и представленные образы: фигуры трактованы мощными плоскостями, найдено равновесие между камерностью жанра камнерезного произведения и монументальным способом моделировки объемов.

В отличие от привычной натуралистической трактовки, в 1960—1970-е гг. в мастерских училища появляется новое прочтение наборных фигурок, используется условная моделировка фигур. Из деталей простой формы (конусов, шайб, пирамид), например, создаются лаконичные и убедительные образы девушек в ярких сарафанах и косынках — «Хоровод», «Уральский хоровод» (Екатеринбург, Музея ПУ «Рифей»). Учитывая, что геометричность работ частично обусловлена их учебным характером, нельзя исключить влияние функциональной

производственной эстетики. В полной мере эта стилистика была раскрыта в объемных мозаичных фигурках, созданных на свердловском заводе «Русские самоцветы» в 1980-е гг. («Василиса», по эскизу В. Безденежных; Екатеринбург, частная коллекция). Сложная техника была адаптирована к производственным условиям, поверхности трактованы крупными плоскостями. Отличающиеся обобщенной моделировкой произведения свидетельствуют о поисках в области объемной мозаики, расчете на многократное повторение.

В 1970–2000-е гг. под руководством В. Ю. Рысина, а позднее его ученицы Н. Н. Сухачевой было создано множество объемных мозаик. Несмотря на разное качество их исполнения, они наглядно свидетельствуют о существовании на Урале сложившейся школы подготовки мастеров, владеющих этой сложнейшей техникой. В самостоятельном творчестве выпускников училища фигурки, набранные из кусочков цветного камня, являются одним из лидирующих по популярности направлений работы (например, в творчестве А. Антонова, Г. Пономарева, А. Емельяненко, И. Боровикова и его мастерской).

На начало 1950-х гг. приходится возрождение техники объемной мозаики в Петербурге, связанное с именем В. В. Коноваленко (1929–1989). Интерес к камнерезному делу возник у театрального художника во время работы над балетом С. Прокофьева «Каменный цветок» в Театре оперы и балета им. Кирова (Мариинском театре). Заинтересовавшись формой и рисунком камня, Коноваленко совершил ряд поездок по стране в составе геологических партий [см.: Коноваленко, с. 273], неоднократно бывал на Урале. Уже в первых работах, таких как «Бражники» (1953, Москва, Гохран), «Добро пожаловать» (1959, Москва, Музей «Самоцветы»), проявилась характерная для этого мастера гротескность образов, их подчеркнута бытовая трактовка, многофигурность. От более ранних произведений и работ уральцев середины XX в. скульптуры Коноваленко отличает большее разнообразие пород камня (в «Бражниках» использовано 15 разновидностей) [см.: Пушкарев], а также обилие металлических элементов.

Изменение экономической ситуации, ставшее следствием политических реформ в России конца 1980-х гг., послужило мощным стимулом к развитию индивидуального творчества и формированию нового круга ценителей камнерезного искусства. Результатом стало резкое увеличение числа наборных фигурок из цветного камня, экспонируемых на разнообразных выставках, пополняющих частные коллекции и музейные собрания. Эти произведения и их авторы стали предметом рассмотрения в обширном издании «Фаберже и его продолжатели» [см.: Фаберже и др.]. К сожалению, нельзя не заметить, что коммерческая конъюнктура не только стимулирует мастеров, но и оказывает негативное влияние на развитие объемной мозаики: все чаще в работах можно констатировать утрату чувства камня, подмену тщательного подбора исходного сырья обилием декоративных деталей, злоупотребление резьбой.

Таким образом, в отличие от натюрмортов из цветных камней, создание которых в технике рельефной или объемной мозаики не прекращалось на протяжении многих столетий, цветные скульптурные изображения человеческих фигурок более тесно связаны с эволюцией эстетических предпочтений. Изме-

нения интереса к ним наглядно иллюстрируют периоды актуализации натуралистических тенденций в изобразительном искусстве, характерные снижением условности в трактовке образов. Проявившаяся в памятниках итальянского маньеризма и сменившей его эпохи барокко натуралистичная трактовка фигурок вновь возвратилась в европейскую эклектику во второй половине XIX в. Благодаря деятельности Карла Фаберже прием создания человеческих фигурок из фрагментов цветных камней был перенесен в Россию, где получил новый импульс. Высочайшее мастерство резчиков, разнообразие материала и платежеспособность клиентуры позволили старинной технологии возродиться и стать частью брендового ассортимента петербургской фирмы.

Традиция создания цветных каменных человечков была востребована советскими резчиками 1950—1970-х гг. На волне интереса к русскому искусству рубежа XIX—XX вв. она приобрела особую популярность, что нашло свое отражение в произведениях камнерезов второй половины 1990-х гг. и остается одним из актуальных направлений в творчестве современных российских мастеров. В первую очередь это касается традиционных центров обработки камня — Петербурга и Екатеринбурга, откуда она распространяется в мастерские Сибири и Дальнего Востока.

Ананьев А. Сто лет по проторенной дороге [Электронный ресурс] // Сизиф : альманах. СПб., 2008. № 1. URL: <http://www.sizifuzz.ru/index.php/article/analize/68-2010-03-21-21-41-15> (дата обращения: 10.08.2011).

Архив Валентина Скурлова [Электронный ресурс] // Понедельник. 2010. 26 апр. URL: http://skurlov.blogspot.com/2010/04/blog-post_26.html (дата обращения: 10.08.2011).

Будрина Л. А. Русские камнерезы фирмы Картье // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2011. № 1 (87). С. 66—78.

Будрина Л. А., Бурдина Л. В., Григорьева М. К. Рождение мастера : каталог музея училища «Рифей». Екатеринбург, 2008 (рукопись, архив автора).

Буф Дж. Фаберже. М., 2008. 192 с.

Европейское искусство Средних веков и Возрождения из собраний Художественно-исторического музея и Австрийского музея прикладного искусства. Л., 1984. 34 с.

Кабинет драгоценностей Августа Сильного. Из собрания Зеленых Сводов. Дрезден ; М., 2006. 110 с.

Коноваленко А. Василий Васильевич Коноваленко // Фаберже Т. Ф., Илюхин В. Н., Скурлов В. В. Фаберже и его продолжатели. Камнерезные фигурки «Русские типы». СПб., 2009. С. 274—291.

Лопато М.Н. Камень в творчестве Карла Фаберже // Горный журнал. Спецвып. 2007. С. 32—37.

Музей д'Орсэ. Париж. Франция. Отдел документации. Папка Vaudet «Ажах».

Пушкарев В. А. В. Коноваленко. Ювелирные работы из самоцветов. М., 1973. 31 с.

Сокровища Медичи : Каталог выставки. Музеи Московского Кремля. 20 мая — 1 августа 2011 г. М., 2011. 480 с.

Фаберже Т. Ф., Илюхин В. Н., Скурлов В. В. Фаберже и его продолжатели. Камнерезные фигурки «Русские типы». СПб., 2009. 640 с.

Argenziano R. Nicolo Demidoff e le sue collezioni nei documenti degli archivi di Firenze e di San Pietroburgo // I Demidoff a Firenze e in Toscana. Firenze, 1996. P. 89—143.

Art of The Royal Court: Treasures in Pietredure from the Palaces of Europe / W. Koeppe, A. Giusti. N. Y., 2008. 414 p.

- Babelon E.* Histoire de la gravure sur gemmes en France, depuis les origines jusqu'à l'époque contemporaine. P., 1902. 262 p.
- Baldini U., Giusti A., Pampaloni-Martelli A.* La cappelle dei Principi e le Pietre Dure a Firenze. Milano, 1979. 255 p.
- Box* [Electronic resource]. 2011a. URL: <http://collections.vam.ac.uk/item/O113601/box/> (дата обращения: 10.08.2011).
- Box1* [Electronic resource]. 2011b. URL: <http://collections.vam.ac.uk/item/O113599/box/> (дата обращения: 10.08.2011).
- Castelluccio Stéphane.* Les meubles de pierres dures de Louis XIV et l'atelier des Gobelins. Dijon, 2007. 145 p.
- Charles de Berlaymount* [Electronic resource]. URL: <http://images.vam.ac.uk/item/O93471/relief-wax-medallion-charles-de-berlaymount-1510-1989/> (дата обращения: 10.08.2011).
- Das Historische Grüne Gewölbe zu Dresden; die barocke Schatzkammer / D. Syndram, J. Kappel, U. Weinhold.* Berlin, 2007. 177 p.
- Die Kunst des Steinschnitts : Prunkgefäße, Kameen und Commessi aus der Kunstkammer : [Ausstellung im Kunsthistorischen Museum, Wien, vom 17. Dezember 2002 bis zum 27. April 2003] / hrsg. von Rudolf Distelberger.* Wien, 2002. 365 p.
- Giusti A.* Arte e Manifattura di corte a Firenze: dal tramonto dei Medici all'Impero (1732–1815). Livorno, 2006. 264 p.
- Giusti A.* Dagli splendori di corte al lusso borghese : L'Opificio delle Pietre Dure nell'Italia unita. Livorno : Sillabe, 2011. 256 p.
- Giusti A.* Guida al Museo dell'Opificio delle pietre dure. Venezia, 1995. 108 p.
- Giusti A.* La marqueterie en pierre dure. P., 2005. 263 p.
- González-Palacios A.* Mosaique et pierres dures: Frlorence, Pays Germanique, Madrid // Antiquites et Objets d'art. Paris, 1991. N 19. P., 1991. 80 p.
- González-Palacios A.* Las Colecciones reales espaolas de mosaicos y piedras duras. Madrid, 2001. 355 p.
- Grandjean S.* Catalogue des tabatières, boîtes et étuis des XVIII et XIX siècles du Musée du Louvre. P., 1981. 469 p.
- Habsburg, Géza von.* Fabergé revealed: at the Virginia Museum of Fine Arts. Richmond ; N. Y., 2011. 422 p.
- Kappel J.* Deutsche Steinschneidekunst aus den Grunen Gewolbe zu Drezden. Idar-Oberstein, 1998. 195 p.
- Koeppe W.* Pietre Dure North of the Alps // Art of The Royal Court: Treasures in Pietre dure from the Palaces of Europe / W. Koeppe, A. Giusti. N. Y., 2008. p. 54–69.
- Luigi Valadier au Louvre, ou l'Antiquité exaltée.* P., 1994. 189 p.
- Scholler H. v.* Eine Edel- und Schmucksteinsammlung auf der Tabakdose [Electronic resource] // Ann. Naturhist. Museum. (Wien). 1961. Bd. 65. URL: www.landesmuseum.at/pdf_frei_remote/ANNA_65_0001-009.pdf (дата обращения: 10.08.2011).
- Snowman K.A.* Eighteenth century gold boxes of Europe. L., 1966. 192 p.
- Splendori di pietre dure: l'arte di corte nella Firenze dei Granduchi : Mostra, Palazzo Pitti, Firenze, 21 dicembre 1988 – 20 aprile 1989 / a cura di A. Giusti.* Firenze, 1988. 280 p.
- Syndram, Dirk; Weinhold Ulrike :* «...und ein Leib von Perl». Die Sammlung der barocken Perlfigutrn im Grünen Gewölbe. Dresden, 2000. 96 p.
- Unique* statuette en pierres dures de Paolo Giordano Orsini, Duc de Bracciano [Electronic resource]. URL : <http://www.galeriekugel.com/UNIQUE-STATUETTE-PIERRES-DURES-PAOLO-GIORDANO-ORSINI-DUC-BRACCIANO-desktopDefault.aspx?tabid=7&tabindex=6&objectid=212040&categoryid=0> (дата обращения: 10.08.2011).
- Wardropper I.* Sculpture and Mosaic in Pietre Dure // Art of The Royal Court: Treasures in Pietre dure from the Palaces of Europe / W. Koeppe, A. Giusti. N. Y., 2008. P. 70–83.

Статья поступила в редакцию 13.10.2011

УДК 7.036(4) + 7.075

А. А. Лысакова

АРТ-РЫНОК КЛАССИЧЕСКИЙ И АРТ-РЫНОК СОВРЕМЕННЫЙ

Приводится сравнительный анализ арт-рынка классического и арт-рынка современного, посредством которого впервые в отечественной культурологии делается попытка выявить характерные черты арт-рынка наших дней. Классический арт-рынок, сформированный в конце XVIII – XIX в., был представлен полем массового производства «средних» произведений, изначально производившихся для продажи, и функционировал как рынок товаров. Сегодняшний арт-рынок стал рынком капиталов, а затем, во многом посредством виртуализации и страсти к потреблению новейшей арт-продукции, превратился в рынок симулякров. Социокультурное и коммерческое посредничество в этой системе предельно сближаются друг с другом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: классический арт-рынок; современный арт-рынок; произведение искусства; товар; символический капитал; практики потребления; институт посредничества.

Искусство в том или ином его виде окружало человека всегда. Также всегда существовали системы, встраивающие искусство в современный ему социокультурный процесс, связывающие создателей произведений искусства — художников, и зрителей, потребителей результатов их интеллектуальной и творческой деятельности. Сегодня одним из главных таких механизмов актуализации искусства является а р т - р ы н о к.

Симптоматичной чертой нашего времени является новое отношение к созданию и потреблению искусства. Быстрое развитие и разрастание арт-рыночных институтов, их проникновение в ткани современной культуры, неослабевающий интерес к проблематике общества потребления, активное развитие новых направлений экономики, таких как творческие индустрии и креативная экономика, сделали изучение арт-рынка остро актуальным.

Интерес к нему как к особому феномену культуры зарождается в предметном поле разнообразных гуманитарных исследований современной культуры. Особое место здесь занимают труды Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Т. Веблена, Г. Дебора, Г. Зиммеля, Х. Ортега-и-Гассета, Д. Рисмена, Э. Фромма, в которых проводится анализ и выделяются специфические особенности, присущие парадигме общества массового потребления. Современные исследования арт-рынка как особого рынка символической продукции уходят своими корнями в изыскания классиков политэкономии, освещающие различные аспекты символического обмена — Ж. Батая, Ж. Бодрийяра, М. Вебера, М. Мосса, А. Долгина. В качестве системы особых социальных институтов арт-рынок рассматривался социологами П. Бурдьё и А. Молем. Потребление искусства анализируется в работах Б. Гройса, К. Каррьеро, Э. де Мартино, М. Перниола, отечественного исследователя М. Лифшица. Ценный эмпирический материал, касающийся состояния современного арт-рынка, собран в монографиях журналиста Ж. Бенаму-Юэ, искусствоведа и юриста П. Досси, экономиста Д. Томпсона.

Отечественный вклад в разработку проблематики арт-рынка состоит в значительном числе разнородных исследований. Статьи Б. Денисова посвящены различным историческим типам арт-рынка, исследования Д. Барабанова, А. Боровского, О. Дубовой, Е. Мелиховой, Т. Маркиной, Г. Онуфриенко, К. Разлогова, Ю. Фохт-Бабушкина рассказывают об отдельных арт-рыночных институциях и противоречиях постсоветского и современного российского арт-рынка. Монографии В. Бобкова и Н. Суворова представляют собой практические руководства для начинающих галеристов и арт-менеджеров.

Однако необходимо отметить, что недостаточно изученным и отрефлексированным остается целый ряд вопросов, посвященных арт-рынку современному. Авторское исследование различий арт-рынка Нового и Новейшего времени, приведенное в данной статье, позволило выявить ряд особенностей и характерных черт современного арт-рынка.

По мысли П. Бурдые, «история интеллектуальной и художественной жизни может быть понята как история изменений функций институций по производству символической продукции и самой структуры этой продукции» [Бурдые, с. 49]. Приняв в качестве отправной точки этот тезис, рассмотрим два типа арт-рынка — арт-рынок классический (арт-рынок Нового времени) и арт-рынок современный (арт-рынок Новейшего времени), выявив, проанализировав и сравнив специфику каждого из них. В качестве основных критериев сравнения выберем следующие: 1) структура арт-рынка; 2) особенности функционирования произведений искусства в системе арт-рынка.

Отечественный исследователь историк Б. Денисов считает прототипом классического арт-рынка, основанного на свободном движении художественных ценностей, арт-рынок Голландии XVII в. [см.: Денисов]. Основной формой организации такого рынка была свободная купля-продажа произведений искусства (в то время как основной формой связи художника-изготовителя и потребителя прошлых эпох была система заказов). Профессия живописца была довольно распространенной. Художники, жившие в больших городах, объединялись в гильдию святого Луки, в которую также входили ученики и торговцы картинами. Последнее свидетельствует о возрастании роли посредников на рынке искусства. В глазах горожанина художник выглядел обыкновенным ремесленником, а его картины — обычным товаром, лишенным статуса эксклюзивности.

В XVIII в. череда буржуазно-демократических революций привела к победе капиталистического уклада, который неминуемо несет развитие всеобщности купли-продажи. Зарождение массового общества и появление массовой культуры способствовали развитию «настоящей культурной индустрии» [Бурдые, с. 50]. Арт-рынок конца XVIII — XIX в. являл собой параллельное сосуществование двух культурных полей — «поля ограниченного производства» и «поля массового производства» (термины, предложенные П. Бурдые). Первое представляло собой пространство создания, распространения и потребления «среднего» искусства, предназначавшегося для «средней» публики, к которой можно отнести всех нехудожников. Второе поле можно рассматривать как сферу рождения и функционирования «чистого искусства», т. е. искусства, создававшегося художниками для оценки и символического потребления исключительно

профессионалами мира искусства — их коллегами-художниками. Такая дифференциация обуславливала следующие особенности классического арт-рынка, выделяемые П. Бурдые:

- разрастание и диверсификация слоя потребителей символической продукции;
- развитие все более многочисленного и более разнообразного корпуса производителей художественной продукции;
- рост числа и диверсификация институций признания и посреднических институций по распространению художественной продукции [см.: Бурдые].

Следует добавить, что классический арт-рынок, существовавший в условиях национальных государств, не образовывал единого глобального пространства и представлял собой созвездие отдельных локальных рынков городов, стран и регионов, существовавших как самостоятельно функционирующие замкнутые системы, практически не связанные между собой.

Итак, в структуре классического арт-рынка сосуществовали две группы создателей символической продукции (художники, работавшие на поток и производившие «среднее» искусство, и художники, создававшие «чистое» искусство) и соответствующие им две группы потребителей искусства (массовая «средняя» публика, включающая всех нехудожников, и профессионалы мира искусства). Институт посредников (представленный торговцами картинами — маршанами, художественными салонами), главной функцией которого являлась коммуникативная, заключающаяся в осуществлении связи между создателями и потребителями искусства, функционировал главным образом в поле массового производства. Отдельно можно выделить институт признания, который нельзя отнести непосредственно к структуре классического арт-рынка. Он состоял из институций, актуализирующих искусство, а именно музеев и критики. Функции музеев заключались в отборе, сохранении и представлении наиболее «ценных» произведений. Критика, в свою очередь, выносила суждения, оценивала произведения с точки зрения определенного художественного канона.

Именно в конце XVIII—XIX в. в поле ограниченного производства формируется представление об исключительном статусе произведения искусства и невозможности суждения о нем как о простом товаре. Художник в глазах людей, миру искусства не причастных, являлся романтическим бунтарем. Его дело окутывалось ореолом таинственности, приобретая оттенок исключительности. Произведения воспринимались публикой как отражение его гения. Роль имиджа, образа, мифа, конструируемого вокруг художника (в том числе и им самим), начала осознаваться как один из ключевых моментов успешности в художественной среде. Создаваемое таким автором произведение искусства, согласно Канту, априори представляло собой объект бескорыстного незаинтересованного любования и предназначалось исключительно для символического присвоения (т. е. оценки со стороны профессионалов мира искусства, из которых исключаются все нехудожники — все представители «публики»).

В противовес таким исключительным творениям, фактически выпадающим из орбиты арт-рынка (так как в представлении и творцов, и публики онтологическая природа оных не предполагает возможность их обмена на

деньги, которые являются основным топливом арт-рынка), появляется класс «средних» произведений (изначально предназначавшихся для потребления и продажи). Так в поле массового производства постепенно зарождается представление о произведениях-товарах, создающихся серийно и «почти индустриальными методами» [Бурдые, с. 51].

Интересно, что представления об исключительности и эксклюзивности произведения искусства, во времена классического арт-рынка распространявшееся на искусство «высокое», переключалось в быденное сознание современного зрителя и стало восприниматься как нечто самоочевидное. В результате одним из главных противоречий арт-рынка современного стало амбивалентное восприятие потребителем произведения искусства. С одной стороны, оставшееся со времен классического арт-рынка представление о художественном творении как о совершенно особенном объекте не допускает возможность материальной оценки последнего, выраженной в денежном эквиваленте. С другой стороны, практика современного арт-рынка задает новое отношение к произведениям искусства, в котором они рассматриваются в первую очередь с точки зрения их инвестиционной привлекательности. Это представление об арт-объектах как способе капиталовложения превращает современный арт-рынок из рынка товаров в рынок капиталов. Появляются новые формы «инвестиционного» коллекционирования, где главным является принцип быстрой покупки и быстрой перепродажи (в отличие от классических систем коллекционирования, целью которых было создание наиболее полной коллекции, что исключало саму возможность продажи предмета с целью финансовой выгоды).

Будучи открытой системой, арт-рынок развивается под влиянием присутствующих современной эпохи информационных технологий. И важнейшей особенностью арт-рынка современного становится его виртуализация, которая проявляется в изменении самого характера арт-рыночного пространства, выраженного в появлении многочисленных интернет-галерей и интернет-аукционов. Виртуальные формы коммуникации по самой своей природе не предполагают возможности первоначального «личного» контакта с произведением. Очевидно, что даже очень качественная репродукция или 3D модель не в силах передать художественную специфику работы. После проанализированной Бенямином «технической воспроизводимости» виртуализация стала следующим шагом к разрушению «ауры» произведения искусства. Иначе говоря, аргумент о художественной ценности произведения больше не считается для инвестиционной коллекции решающим. Его место постепенно занимает вопрос о подлинности.

Так, в пространстве современного арт-рынка произведение искусства переходит в категорию бренда, в котором искусственно созданные субъективные чудесные сверхсвойства превалируют над его объективными художественными характеристиками. Покупка таких произведений-знаков, произведений-брендов является маркером, помечающим «своих» коллекционеров знаком, отличающим VIP-потребителей от всех других индивидов, знаком принадлежности к закрытому кругу избранных. «Предмет потребления — это предмет, специфицированный своей метой, нагруженный различными коннотациями статуса,

престижа и моды» [Бодрийяр, с. 70]. Арт-рынок из рынка капиталов превращается в рынок симулякров. Эта исключительная черта современного арт-рынка особенно ярко проявляется в присущей ему страсти к потреблению новейшей арт-продукции — произведений актуального искусства. Здесь нашло свое отражение ключевое, на наш взгляд, отличие структуры арт-рынка классического от структуры арт-рынка современного. Оно заключается в сращивании института художественной критики с институтом посредничества. Акцент в критических текстах с оценки переносится на объяснение авторского намерения, на стремление найти в произведении скрытый смысл. Подобную функцию выполняют и профессиональные посредники — галеристы и агенты аукционных домов. Наряду с этим в системе посредничества возникает новый институт — интернациональная художественная ярмарка. Потребление стало носить международный характер, глобализация превратила современный арт-рынок в единое общемировое пространство.

Подведем некоторые итоги. Классический арт-рынок, сформированный в конце XVIII—XIX в., состоял из локальных национальных рыночных пространств, не образующих единую систему. В поле арт-рынка вращались «средние» предметы искусства, изначально предназначенные для потребления и воспринимаемые и публикой, и их создателями как обычные товары (в отличие от произведений «высокого» искусства, не участвовавших в арт-рыночном обращении). Классический арт-рынок, представлявший собой рынок товаров, превратился сегодня сначала в рынок капиталов, а затем, во многом посредством виртуализации и стремления к потреблению новейшей арт-продукции, в рынок симулякров, являющий собой систему, в которой социокультурное и коммерческое посредничество сближаются друг с другом.

Батай Ж. Проклятая доля. М., 2003. 208 с.

Бенаму-Юэ Ж. Цена искусства. М., 2008. 192 с.

Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2003. 268 с.

Бурдьё П. Рынок символической продукции // *Вопр. социологии.* 1993. № 1/2. С. 49—62.

Денисов Б. А. Арт-рынок: общие черты и генезис // *Маркетинг.* 1998. № 3. С. 105—109.

Долгин А. Экономика символического обмена. М., 2006. 630 с.

Томпсон Д. Как продать искусство за 12 миллионов долларов: чучело акулы. Скандальная правда о современном искусстве и аукционных домах. М., 2009. 200 с.

Статья поступила в редакцию 14.10.2011 г.

УДК 739.5(470.5) + 391(470.5) + 642(470.5)

Г. А. Пудов

УРАЛЬСКАЯ МЕДНАЯ ПОСУДА И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ УТВАРЬ XIX — 1-й половины XX в.

Характеризуется производство медных изделий на Урале в описываемый период времени. Уточняются некоторые аспекты технологии и организации этого производства. Основные источники — коллекции центральных и провинциальных музеев.

Ключевые слова: медная посуда; хозяйственная утварь; производство; уральские мастера.

В музейных и частных собраниях России находится большое количество медных изделий Урала XIX — 1-й половины XX в. Это выполненные руками местных кустарей кружки, ковши, чаши, самовары, кувшины и пр. Некоторые из них имеют неоспоримые художественные достоинства.

В отличие от посуды и хозяйственной утвари Урала XVIII столетия, изделия кустарей этого периода времени до сих пор были почти лишены внимания исследователей. Как правило, они рассматривались в заключительных строках научных трудов, посвященных медным изделиям Урала XVIII столетия. Констатировались кустарный характер их производства, упрощенность и укрупненность форм, некоторое снижение художественного уровня [см.: Максяшин]. Большинство этих положений справедливы. Однако на сегодняшний день многое остается невыясненным.

Задачей настоящей статьи является составление общей характеристики производства медных изделий на Урале в XIX — 1-й половине XX столетия, уточнение некоторых аспектов его технологии и организации. Основными источниками стали коллекции центральных и провинциальных музеев, а также специальная литература XIX—XX вв., материалы ГАСО и РГИА.

Производство медных изделий было распространено в России с давних времен. По сведениям В. Бурнашева, в XVI в. на Макарьевской ярмарке существовал ряд медной посуды [см.: Бурнашев, с. 2]. В Москве в 1-й половине XVII в. был Котельный ряд, где продавалась медная посуда и утварь. Во многих городах страны были медники, обслуживающие местные рынки (например, в Рязани и Нижнем Новгороде) [см.: Хмыров, с. 234].

В XVIII—XIX вв. особого расцвета производство медных изделий достигло на Русском Севере. Медники производили кумганы, ручнойники, кружки, котелки, кофейники, братины и др. Значительную роль в производстве медных изделий сыграли многочисленные монастыри. При них, особенно при Кирилло-Белозерском и Спасо-Прилуцком, существовали мастерские, в которых наряду с деревянной посудой изготавливалась и медная. Крупными центрами медного промысла были также Холмогоры и Архангельск. Продукция холмогорских мастеров продавалась в Москве.

Исследователи четко разделяют территории, где бытовали те или иные виды медных изделий. Например, в Вологодской губернии были широко распространены рукомои западноевропейского типа, енды и кумганы, в Олонецкой — кофейники различных форм и т. д. [см.: Гончарова, с. 11—12]. Значение Русского Севера как центра производства медных изделий подтверждается большим количеством художественных произведений, находящихся во многих музеях страны.

На Урале производство посуды и хозяйственной утвари из меди появилось в 1-й половине XVIII в. До этого времени изделия привозились из Центральной России, были редки и оценивались очень дорого. После указа Сената 1728 г., предписывавшего освоить «дело» медной посуды, мастера казенного Екатеринбургского завода начали изготовление различных видов изделий. Однако позднее производство гладкостенной посуды, изготавливавшейся не только для местного рынка, но и отправлявшейся в столицы, прекратилось. Причиной стала растущая трудность сбыта. Но производство медных изделий было одной из самых прибыльных заводских операций. Поэтому в 30-е гг. XVIII в. оно было освоено на «партикулярных» заводах Демидовых и Осокиных. Затем к ним присоединились производства Строгановых, А. Ф. Турчанинова, И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова, купца Иноземцева¹. Мастера изготавливали многообразные вещи, количество которых измерялось на вес (пудами). Изделия зачастую копировали предметы, выполненные из других материалов, например из серебра.

Конец XVIII в. и 1-ю половину следующего можно назвать переходным периодом в производстве медной посуды и хозяйственной утвари на Урале. Хотя в архивных документах ГАСО встречаются многочисленные упоминания о создании медных изделий и в этот период [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 2512, л. 2 об., 4 об., 31, 46 об., 49, 55, 76, 95—124; ф. 24, оп. 3, ед. хр. 22а; ф. 24, оп. 2, ед. хр. 329, л. 7 об.; и др.], время расцвета производства художественных изделий было позади. Главной причиной этого считается спад заводской промышленности Урала.

По сравнению с предшествующим столетием, в XIX — 1-й половине XX в. «дело» медной посуды и утвари существовало на иных основаниях. Это было кустарное производство. В многочисленных мастерских хозяева и их наемные работники «выделывали» медную посуду. Она была разнообразна, встречалась на ярмарках. Объемы производства и виды изделий были различными. Однако в большинстве это были не крупные заведения (обычно до 10 человек), изготавливавшие вещи для нужд местного обывателя.

Социально-экономические условия, породившие производство медной посуды на Урале, стали также причиной изменения ее облика в XIX в. Некоторые особенности Урала как горнозаводской территории накладывали отпечаток

¹ См. многочисленные упоминания о «деле» медной посуды среди архивных материалов [ГАСО, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 1539, л. 57—59; ф. 24, оп. 2, ед. хр. 451, л. 7 об.]. Есть также упоминание о производстве и продаже медной посуды на Пыскорском заводе Р. Л. Воронцова и других предприятиях [Там же, ф. 116, оп. 1, ед. хр. 104, л. 129 об.].

на изделия местных мастеров: в XVIII столетии во многом благодаря правительству здесь появилось и развивалось производство медной посуды; территориальная близость восточных стран и крепкие связи с Европой обусловили наличие в ассортименте определенных видов изделий (например, кумганов и кружек) и т. д. В XIX в. влияние социально-экономических условий на культурную жизнь края осталось по-прежнему значительным. Сложная ситуация в горнозаводской промышленности (закрытие заводов, истощение медных месторождений), ее переход на использование новых технологий, изменение социально-экономической ситуации в заводских поселках вызвали появление кустарных мастерских. Требования уральского рынка обусловили перемены не только в технике производства изделий, но и в их видах и формах.

В начале XIX столетия медники работали во многих городах и заводах Урала: Кунгуре, Екатеринбурге, Перми, Соликамске, Чердыни, Сысерти, Суксуне, Нижнем Тагиле, Невьянске и др. Пожалуй, к числу самых крупных центров этого периода можно отнести Кунгур, Екатеринбург, Суксунский, Нижнетагильский, Невьянский, Иргинский заводы. Во 2-й половине XIX — начале XX в. положение мало изменилось. Пермская губерния оставалась важнейшей территорией региона, где были развиты различные промыслы, связанные с художественной обработкой меди и латуни. Как и прежде, именно здесь была сосредоточена основная часть горнозаводского населения Урала, в этническом составе преобладали русские. Медные изделия появились, кроме прежних центров, в Нытвенском и Очерском (Оханский уезд), Серебрянском (Кунгурский уезд) и Каменском (Камышловский уезд) заводах.

На многих предприятиях, выпускавших медные изделия в XVIII столетии, производство существовало и в последующее время. Мастера медеплавильных заводов продолжали делать медную посуду и хозяйственную утварь. Однако эта продукция уже мало напоминала произведения, созданные в «медный век»: «они [медники] делают только медяники, котлы, кастрюли, ковши и тому подобную, нужную больше для крестьян, и починивают всякую для города посуду и лудят» [Попов, с. 133, 166, 185, 216—217, 254]. Ремесленники делали медную посуду не только для местного обывателя, но и отправляли ее в Среднюю Азию, где она пользовалась большой популярностью [см.: Небольсин, с. 1—2].

Из уральских городов, как указывалось выше, Кунгур и Екатеринбург можно считать крупными центрами производства медных изделий. X. Мозель причислял первый «к числу самых промышленных городов Пермской губернии», в котором было известно четыре «медно-делательных» заведения и двадцать три мастера [см.: Мозель, с. 709—710]. Второй считался в ту пору лучшим уральским городом. В нем достигли расцвета многочисленные искусства и ремесла. Мировой известностью пользовалась Екатеринбургская гранильная фабрика, изделия которой широко представлены в собрании Эрмитажа. Не удивительно, что медники этого города превосходили «как числом, так и искусством своих собратьев во всех остальных городах Пермской губернии». Во 2-й половине века в Екатеринбурге насчитывалось 14 мастеров, 9 работников, 5 учеников [см.: Там же, с. 730].

Среди заводских поселений крупнейшим центром медного промысла в XIX в. оставался Суксун, в котором уже в 1730-е гг. существовало производство посуды и хозяйственной утвари. Считается, что в зарождении производства художественных медных вещей значительную роль сыграли тульские мастера. Поселок в XVIII столетии занимал лидирующие позиции по производству медной посуды и утвари. В начале следующего века на заводе числились 51 мастер, 35 учеников «у дела разной медной посуды и вещей». Кроме того, было восемь мастеров, столько же учеников и работников «у литья», два мастера и один ученик, занятых «при чеканке разных медных вещей», а также на производстве медных колоколов — три человека [ГАСО, ф. 24, оп. 2, ед. хр. 329, л. 7 об., 8 об., 38]. В середине XIX в. производство медных изделий переживало не лучшие времена. После отмены крепостного права многие мастера переселились в Кунгур, другие превратились в странствующих медников.

Позднее ситуация значительно улучшилась. Не последнюю роль в этом сыграл тогдашний владелец завода И. Г. Каменский (1857—1919). Был организован склад, на котором мастера могли покупать или брать в кредит материал. Кроме того, красная медь могла закупаться в Нижнетагильском заводе или на Нижегородской ярмарке. Затем мастера самостоятельно переделывали ее в латунь. В начале 1880-х гг. в Суксуне существовало 56 мастерских, где работало 134 мастера [см.: Манохин, с. 2934]. Их изделия продавались на крупных ярмарках. Продукция отвозилась и на небольшие ярмарки в Ачит, Арти, а также в города Екатеринбург, Пермь, Красноуфимск, Тюмень, Уфу, Тобольск, Томск. Суксунская продукция была представлена на многочисленных выставках, например на Всероссийской в Москве (1882). Н. Л. Скалозубов писал в 1886—1887 гг.: «Медноиздельный промысел... составляет постоянное занятие жителей кустарей Суксунского завода, им занято там до 300 семейств. Промысел развивается» [Скалозубов, с. 16]. Медный промысел имел три разновидности: он делился на котельный, литейный и токарный.

Суксун превратился в одно из гнезд кустарной промышленности Урала, прославившись, кстати, не только своими медниками, но и кружевницами, гончарами, кузнецами, часовщиками, колесниками, портными. Г. Манохин писал в 1883 г.: «Население Суксуна изстари отличалось еще развитостью и даровитостью», переселение в эти края ремесленников из великорусских губерний, открытие заводладельцами школы и механической мастерской «придали населению почти городской характер, отличающий суксунцев от жителей других селений большей опрятностью домашней обстановки и одежды» [Манохин, с. 2973]. В 1902 г. в заводе числилось 80 мастерских, где изготавливали медную посуду и утварь [см.: Красноперов, с. 178]. Надо подчеркнуть, что местные изделия уже не имели общероссийского значения, а существовали, как указывается в каталогах того времени, «для удовлетворения чисто местных потребностей».

Много медных вещей делали также в Нижнем Тагиле в описываемый период (Нижний Тагил официально стал городом только в 1919 г.). Заводской поселок того времени — крупный культурный и промышленный центр Урала. В нем существовало много различных промыслов. Особую известность среди

художественных получили роспись металлических подносов, производство сундуков. Тагильская лаковая роспись была уникальным художественным явлением. Уральские произведения были известны не только в России, но и за рубежом. Художественная жизнь в Тагиле всегда была очень активной. Мастера и художники имели возможность ознакомления с шедеврами мирового искусства, что положительно сказывалось на их творчестве. Медники находились в плотном окружении своих коллег и собратьев. Во 2-й половине XIX в. тагильские медники упоминаются в выставочных каталогах [см.: Каталог Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки, с. 30].

Недалеко от Нижнего Тагила, в Невьянске, также сложился крупный центр производства (заводской поселок получил статус города в 1919 г.). В этом заводе, как и в Нижнетагильском, большое значение приобрели различные промыслы. Н. С. Попов писал про невянских мастеровых, что они, «занимаясь, кроме заводских работ, и столь многоразличными промыслами, по большей части достаточны», и перечислял среди прочих: «16 иконописцев, 9 лакировщиков, 19 меднокотельных и литейных, 9 серебряников, 9 чеканщиков, кои чеканят листы к сундукам и делают к ним зеркала, 15 слесарей, кои делают замки к сундукам, 23 столяра, кои делают ящики (сундуки) деревянные под оковку, 56 мастеров, кои оковывают сундуки» и проч. [Попов, с. 285]. Кроме того, в Невьянске в этот период яркий расцвет переживала иконопись. Изделия медников также были известны. Они считались мастерами не только в XIX столетии, но и в начале следующего².

Иргинский завод также можно причислить к центрам производства медных изделий, хотя, по всей вероятности, это производство не достигало таких масштабов, как, например, в Екатеринбурге или Суксуне. Завод на р. Иргине в XVIII столетии обладал одним из крупнейших производств художественных медных изделий. Об этом свидетельствуют не только сохранившиеся вещи, но и многочисленные архивные документы [см., например: ГАСО, ф. 116, оп. 1, ед. хр. 92, л. 5, 99; ф. 116, оп. 1, ед. хр. 104, л. 66; ф. 24, оп. 1, ед. хр. 2512, л. 31, 79; ф. 24, оп. 2, ед. хр. 451, л. 3 об., и мн. др.]. В XIX в. жители, кроме работы в «фабриках», занимались выделкой кож, извозом, топлением сала и т. д. Академик И. Лепехин писал об Иргинском заводе: «Завод сей можно почестъ небольшим городком, где все нужное не только заводским жителям, проезжающим, но и окольным местам получить можно. Многие заводские крестьяне более на купцов, нежели на заводского работника, походят, имеют свои лавки и разными торгуют товарами» [Лепехин, с. 238].

Производство медных изделий никогда не было в изоляции. Оно всегда существовало в комплексе с другими художественными явлениями. К важным причинам, благодаря которым где-либо зарождалось и существовало производство медных изделий, следует отнести не только наличие медеплавильного завода, определяющего условия жизни населения, но и активность куль-

² В 1907 г. упоминается о множестве изделий в домах местных жителей: кофейники, подносы, подсвечники, тазы и пр. [РГИА, ф. 73, оп. 1, ед. хр. 154, л. 32–41]. В 1914 г. в квартире управляющего был даже «подстамент для лампы с медной фигурой Амура» [Там же, ед. хр. 232, л. 88–98].

турной и экономической жизни в поселке, сложившемся вокруг этого предприятия.

На основе изделий, сохранившихся в музейных и частных собраниях, имеется возможность дать краткую характеристику продукции уральских медников XIX — 1-й половины XX в. Прежде всего надо отметить, что материалом для изготовления посуды и хозяйственной утвари, как и раньше, служили красная медь и латунь. По-прежнему преобладал ручной труд, хотя в кустарной промышленности Урала уже делались многочисленные попытки заменить мускульные усилия ремесленников различными машинами, облегчающими и ускоряющими производство, — прессами, штампами и пр. Но это происходило медленно. В документах ГАСО в 1802 г. среди мастеров-медников Сысертского завода упоминается некий Мирон Сысоев, переведенный в 1794 г. с Троицкого завода. Он находился «у верчения токарного колеса». Даже в 1889 г. уральские медники продолжали использовать самые простые орудия труда. Колеса токарных станков крутили либо люди, либо лошади. Количество технических приемов, используемых мастерами в XVIII в., в рассматриваемый период сократилось. Были в широком употребленииковка, вытягивание, «осаживание», клепка, литье, лужение. При этом значительно реже встречались гравировка, чеканка и тонирование. Серебрение поверхности медных сосудов осталось в прошлом. Мастера чаще обращались к техникам, связанным с формой предметов, а не с их орнаментированием.

Большинство изделий представляет стандартную продукцию: самовары, кружки, перечницы, ступы, подносы, котелки, подойники, ковши, чайники, кофейники, «рукомойки», блюда и пр. Количество видов медной бытовой утвари и посуды по сравнению с XVIII столетием сократилось. Некоторые созданы в подражание фарфоровым (молочник и соусник из СИКМ, напоминающие предметы из столовых сервизов, инв. № ОФ 6090, ОФ 6500). Надо отметить, что такие вещи ранее делались также из серебра. Одним из главных видов продукции медников был самовар. Особо известны суксунские самовары. Они делались местными мастерами с XVIII в. В крупных заведениях В. Г. Помыткина, Н. Т. Шерлаимова, А. А. Панфилова, Г. Е. Вавилова и других изготавливались самовары различных форм. Наиболее известной стала постепенно сложившаяся типично суксунская: тулово в виде античной амфоры и приподнятые кверху литые ручки. Распространенность этого вида изделий доказывается многочисленными образцами в коллекциях музеев. Уральские вещи были известны не только в пределах региона, но и по всей России. Самовары экспонировались на выставках различного масштаба, мастера получали награды. В 1900 г. суксунский самовар был представлен на Всемирной выставке в Париже.

Говоря о формах медных изделий Урала XIX — 1-й половины XX в., необходимо отметить, что появилась некая их типизация. Возможно, это связано с постепенной заменой ручного труда машинным, которая имела место в этот период. Она вела не только к ускорению производства, но и к значительному снижению художественного уровня вещей. Последние по сравнению с предметами XVIII столетия стали типизированней, проще, уже по силуэту. При

этом увеличились размеры. Вещи стали более массивными. Многие формы перешли из XVIII в. в следующий. Примером неизменности форм уральских медных изделий являются подвесные рукомойники, которые Л. А. Петрова относит к голландскому типу. Они имеют тулово, немного приплюснутое сверху, два носика-слива, колоколообразную крышку с прихватом в виде балясины или шарика и литую перебрасывающуюся ручку. Подобная продукция, датирующаяся серединой XVIII в., широко представлена в собрании ГИМ. На поверхность вещей нанесен орнамент, состоящий из привычных мотивов — пирамидок, сетки, растительных завитков и т. д. В XIX столетии изделия этого вида несколько увеличились в размерах, орнамент исчез. Другие виды продукции также мало изменились по сравнению с вещами «медного» века (например, шкатулки и стопы). В большинстве случаев трудно по виду и форме определить место производства уральского изделия XIX столетия. Причина не в отсутствии клейм, а именно в названной общности и даже безликости медной продукции. Если ранее по форме изделия часто можно было назвать завод, мастера которого изготовили вещь (например, кружку Иргинского завода вряд ли можно перепутать с суксунской, или стопу, сделанную медниками Юговского завода, с невьянской, и т. п.), то теперь это не представлялось возможным.

подавляющее большинство вещей не имеет орнамента. Предметы, богато декорировавшиеся в XVIII столетии, например чайники и кофейники, в XIX в. имеют гладкие поверхности. Гравировка и чеканка используется очень умеренно, даже скупо. Редкое обращение медников к орнаменту связано, вероятно, не с падением их мастерства, а с переориентированием продукции: изделия рассчитаны на хозяйственные нужды представителей низших слоев населения, на небогатого заводского обывателя, крестьян. На первое место вышла функциональность в ущерб декорированию. Роль репрезентативного предмета уже играли вещи, выполненные из других материалов. Именно их распространение в конце XVIII в. исследователи называют в качестве одной из причин кризиса производства медной посуды и хозяйственной утвари на Урале. Кроме того, в промысле XIX — начала XX в. требования рынка играли особенно важную роль. Необходимо было увеличивать и ускорять производство, что неизменно сказывалось на внешнем виде изделий.

Далеко не вся медная продукция маркировалась. Количество клейм значительно уменьшилось. Теперь чаще ставилось одно-два клейма. В СОКМ хранится поднос, имеющий на оборотной стороне клеймо «1866» (инв. № 27110.1). Встречаются изделия, маркированные по прежним правилам. На дне кружки из коллекции СИКМ находится три клейма: «МЕП», «ГАД», «1833» (инв. № ОФ 6942).

Среди огромного количества продукции, имеющей историческое и этнографическое значение, встречаются художественные изделия. Например, кумганы артели «Медник», организованной в Суксуне в 1920-х гг. из Кредитного товарищества. Они имели стандартную форму: тулово приплюснутой формы отделялось от высокого горла толстым перехватом-жгутом, устойчивость изделию придавал высокий поддон. Сбоку прикреплялись литые ручка и носик. В форме кумганов главенствует горизонталь (чего не было в XVIII в.; кроме того,

носик был более «связан» с формой, чем теперь; ручка, ранее часто делавшаяся в форме хвоста морского животного, в XIX в. потеряла этот образ). Она подчеркивается валиком, приплюснутостью тулова и верхней части изделия. Сосуды как бы придавлены сверху. Гравированный орнамент, широко использовавшийся медниками при украшении кумганов в XVIII в., исчез. Отсутствует и ложчатая разработка поверхности тулова, очень обогащавшая художественное решение этих изделий, изготовлявшихся во времена первых Демидовых.

Исчезновение орнамента вовсе не было главным признаком потери художественности уральской посуды и хозяйственной утвари. Отсутствие изображений на тулове вещей порой компенсировалось изяществом их формы. Примером могут служить чайник и кофейник из собрания ОНИ ГРМ (изготовлены из красной меди, инв. № М—1212, М—1235). Клейм они не имеют. Вероятно, это часть одного медного сервиза, потому что на носик первого нанесена цифра 5, на носик второго — цифра 2.

Изменения внешнего облика изделий связаны не только с переменами в технологии их производства (к тому же они были не так уж и значительны). Это уже следствие. Думается, главной причиной их появления стали особенности ситуации, в которой создавались вещи, т. е. социально-экономические условия и уровень культурной жизни заводского поселка. Это касается всех без исключения медных изделий, производившихся уральскими мастерами в XIX — 1-й половине XX столетия.

Подытожим сказанное. Обычно в специальной литературе проводится грань между уральским производством медных изделий XVIII в. и кустарным промыслом XIX — 1-й половины XX столетия. При этом первое возводится на пьедестал, а применительно ко второму констатируется *н е х у д о ж е с т в е н н о с т ь* изделий. Такое разграничение кажется принципиально неверным. Эти явления были воплощением единой традиции художественной обработки металла, существовавшей на Урале. О ней мы сегодня имеем представление касательно лишь некоторых периодов ее существования (как указывалось выше, производство медных изделий на Урале вовсе не прекращалось в конце XVIII столетия, оно развивалось также на протяжении XIX — XX вв.). Не следует рассматривать конкретные этапы развития производства медных изделий вне контекста общей истории уральской традиции художественной обработки металла.

В XIX в. «дело» медной утвари и посуды на Урале вступило по сравнению с предшествующим столетием в новый этап своего развития. Изменения коснулись форм и орнамента изделий. Вещи всегда были ответом на требования людей. Изменились их нужды — изменились в соответствии с этим и изделия. При этом надо отметить, что стиль медных изделий, в XVIII веке имевший четкие признаки барокко и рококо, теперь потерял соответствие, зависимость от художественных течений времени. Деятельность уральских медников уже не имела такой тесной связи с развитием стилей в отечественном искусстве, как раньше. Это прекрасно иллюстрируется тем, что уральское изделие 1-й половины XIX в. не очень отличается по внешнему виду от вещи, изготовленной

во 2-й половине столетия. Поэтому предметы в музейных коллекциях, не имеющие клейм, датируются широко: «XIX век». Изменения форм и орнамента продукции заводских кустарей чаще зависели от пожеланий заводского обывателя и крестьянина. Большинство их уже не было подражанием предметам, бытующим в высших слоях российского общества или среди граждан других государств, как это было в XVIII в. Изменилось назначение многих вещей.

Особенности производства медных изделий в описываемый период вовсе не исключали наличия художественных произведений. Если ранее исследователи «визитной карточкой уральской меди» (выражение Л. А. Петровой) признавали орнамент, то теперь эту роль отводили форме. Блестящие на солнце уральские кувшины и кофейники по-прежнему оставались украшением интерьера. Каждый уральский медник был не только ремесленником, но и художником.

Особенность рассматриваемого этапа истории производства состоит в сохранении прежних достижений и приспособлении их к новым условиям, непрерывности развития традиции. Во многом благодаря этому этапу уральские мастера продолжают и сегодня делать бытовую утварь и посуду из меди.

Бурнашев В. Очерк истории мануфактур в России. СПб., 1833.

Гончарова Л. Н. Металл в народном искусстве Русского Севера. Чеканка и медное литье. М., 2000.

Каталог Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 года. Отд. 5. Екатеринбург, 1887.

Красноперов Е. И. Каталог с объяснительным текстом коллекций по кустарной промышленности, представленных губернским и уездными земствами Пермской губернии на... Всероссийскую кустарно-промышленную выставку 1902 года в Петербурге. Пермь, 1902.

Лепехин И. Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1802.

Максяшин А. С. Формирование ассортимента и традиции изготовления медных изделий на Урале (XVIII – первая половина XIX в.) // Народная культура Урала в эпоху феодализма : сб. науч. тр. Свердловск, 1991. С. 136–147.

Манохин Г. Медно-издельный промысел в Суксунском заводе // Тр. комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. 10. СПб., 1883. С. 2924–2977.

Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. Ч. 2. СПб., 1864.

Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом (со стороны Оренбургской линии). СПб., 1856.

Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 1. Пермь, 1804.

Скалозубов Н. Л. Общий очерк крестьянских промыслов в Красноуфимском уезде по ответам корреспондентов. Пермь, 1887.

Хмыров М. Д. Металлы, металлические изделия и минералы в древней Руси (материалы для истории русского горного промысла). СПб., 1875.

Статья поступила в редакцию 29.09.2011 г.

УДК 22.524.032.2(57)

Е. Е. Ермакова

ПОЧИТАЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ В РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНИНА

Рассматривается религиозная культура сибирского крестьянина XIX—XXI вв. — почитаемые водные источники, расположенные на территории сельскохозяйственной зоны Тюменской области, святые колодцы в селах Черемшанка и Прокуткино Ишимского района. На основании полевых материалов и опубликованных источников представлена история этих локусов, а также обозначены их современное состояние и роль в социокультурной жизни западносибирской деревни.

Ключевые слова: религиозная культура; народное православие; почитаемые водные источники; святой колодец; исцеление водой.

Одним из интереснейших проявлений народной религиозной культуры можно считать почитание водных источников, характерное как для европейской части России [см., например: Иванова, Калущков, Фадеева], так и для Сибири [см.: Любимова, с. 73—77].

По ряду публикаций и на основании собственных полевых материалов (собирались с 2007 по 2010 г.) на сакральной карте юга Тюменской области нами выявлено и частично описано несколько таких локусов, наделяемых народом маркером святости [Ермакова, 2011, с. 27—32]. Благодаря этому уже сейчас можно сделать вывод, что почитаемые водные источники, значимые элементы культурного (и прежде всего религиозного, православного) ландшафта Тюменской области и в настоящее время играют важную роль в духовной жизни общества. Практика поклонения им указывает на значительный пласт неканонических элементов в православии, которые наряду с каноническими формируют специфическую религиозную культуру русского крестьянина Западной Сибири XIX—XXI вв. Наиболее полно и преемственно она сохранилась в почитании лишь одного такого локуса — Криванковского колодца (Юргинский р-н) [см.: Ермакова, 2010, с. 1—52], в то время как остальные водные источники или практически забыты, или паломничество к ним начинается с «белого листа», или на него оказывают влияние другие практики, не характерные для народной православной традиции. Появление (инициирование) новых водных источников, например в с. Каменка (Тюменский р-н), свидетельствует о востребованности такого рода объектов, занимающих важное место прежде всего в духовной практике верующих.

Два святых водных источника выявлено нами на территории Ишимского р-на: в селах Черемшанка и Прокуткино. Основной материал статьи основан на воспоминаниях информаторов — их мемуаратах, комментариях, ответах на вопросы. Фамилия и инициалы приведены или в скобках или с прямым указанием на их речь; список информаторов — в конце статьи (он разделен на две части — информаторов, запись от которых осуществлялась студентами-историками в 1991 г., и тех, кого опрашивал автор статьи в 2010—2011 гг.).

Село Черемшанка известно благодаря двум достопримечательностям — явленной иконе с изображением Иоанна Крестителя и колодцу, на месте которого по преданию и явился этот образ. Расследованию судьбы иконы посвящена статья Г. А. Крамора [2008, с. 41–47]. Вслед за ишимским краеведом процитируем один из приведенных им документов от 1887 г., где сообщается о чудесном обретении святыни: «...По преданию черемшанских жителей, явилась икона при спуске с горы неподалеку от церкви к истоку при впадении реку на пне, над которым в настоящее время колодец и над ним галерея, окружены приличной оградкой, а в ближайшее время эта икона перенесена в означенную церковь и помещается в правом клиресе; печатного описания об этой иконе нет. Празднование ее ... 24 июня...» [Там же, с. 41]. В «Справочной книге Тобольской епархии» сообщается, что «церковь в селе каменная, одноэтажная, построена на средства прихожан в 1852 г. В церкви один престол во имя св. пророка и предтечи Крестителя Иоанна. В селе имеется часовня в честь чтимой прихожанами иконы пророка и предтечи Крестителя Иоанна, построенная над колодцем, где, по преданию, явилась сия икона» [Справочная книга..., с. 56–57]. Вероятно, до постройки каменной церкви в селе имелась деревянная: каменные церкви в ишимских приходах начали строиться «не прежде, как с 1800 года» [Черняковский, Штейнгейль, с. 85].

В настоящее время в храме с. Черемшанка находится икона «Усекновение главы Иоанна Крестителя», висящая справа от иконостаса. На вопрос, та ли эта икона, явленная, Г. Крамор не дает точного ответа, т. к. не сохранилось описаний образа. Между тем именно эту икону местные жители считают чудотворной. Л. В. Носкова рассказала, что на один из великих праздников, вероятно к Рождеству, расцвели веточки, стоявшие в этой иконе (за стеклом). По воспоминаниям А. С. Носковой, икона непостижимым образом возвращалась туда, откуда ее забрали: «Ее на кладбище отнесут в 12 часов ночи, утром придут — она опять на своем месте» (типичный сюжет для явленных икон). Информатор также рассказала, что долгое время икона хранилась у одной бабушки в подполье. Когда после развала Советского Союза икону подняли, то она была такой темной, что на ней ничего не было видно. После того как Людмила Васильевна Горбачева передала икону в храм, ее очистили, и образ стал проявляться. Как полагает А. С. Носкова, икона «Усекновение главы Иоанна Крестителя» помогает больным людям, обращает к вере заблудшие души.

На престольный праздник села, отмечаемый 7 июля (Иванов день), или Рождество Иоанна Предтечи (Крестителя) «сходились люди отовсюду, ярмарки были, что даже из Тобольска, отовсюду люди пешком ходили» (Л. В. Носкова). А. А. Носков рассказал, что паломники приходили прежде всего на святой колодец, который называли Ивановским. Как сообщила А. Г. Дегтярева, на Иванов день в Черемшанку на святое место шли со всех деревень, ведь когда-то там нашли икону и на месте ее обретения выкопали колодец и освятили ею эту воду, поставили часовенку. Из этого колодца брали воду домой, умывались.

Колодец находится на берегу речки Мангут (приток реки Черемшанки). Раньше, по словам старожилов, в реке «воды много было», «была хорошая речка», сейчас же, в связи с общим понижением грунтовых вод, она обмелела, хотя в колодце воды много, она практически вровень со старым срубом (в июле).

О времени появления колодца в Черемшанке говорят по-разному. А. С. Носкова отметила, что он существует с 1800 г., о чем ей рассказывала еще бабушка. Л. В. Носкова отметила, что еще при ее дедах «этот колодец святой был». По ее мнению, святой источник возник на месте явления чудотворной иконы. Г. Крамор датирует появление источника восемнадцатым веком, видимо, по датировке иконы Иоанна Предтечи, которая, по его предположению, написана также в XVIII в. [см.: Крамор, 2011а]. Раньше рядом с колодцем (или над ним) стояла часовенка, однако здание не сохранилось.

До антицерковной кампании на колодец «ездили отовсюду, и пешком, на лошадях» (А. А. Носков). Народу было настолько много, что по одной из версий недалеко от церкви были постоянные дворы, где ночевали или жили паломники. Приезжали не только из близлежащих населенных пунктов, но и из других районов. Как рассказала А. С. Носкова, будучи в д. Шашмурина Бердюжского р-на, жила она у одной старушки. Когда бабушка узнала, что ее постоянница родом из Черемшанки, то воскликнула: «— А! Там же церковь-то Ивана Крестителя, мы же туда ходили! Пешком, когда я была молодая, мы ходили пешком туда, молились Богу, чтобы дождь пошел. ...Соберемся несколько человеку, возьмем иконки с собой и пойдем... — Я говорю: Да что же сто километров! — Да что трое суток шли. Ну, отдохнем да опять идем, отдохнем, да опять идем. Придем в церковь к Иванову дню, вот, и воды наберем святой, и помолимся Богу, и все... И ходили Богу молились. И, говорит, пришли в Черемшанку-то, дождь пошел. И обливались водой, и воды набирали, уносили домой. Я, говорит, иконочку брала. Нас много, человек 20 насобирывалось».

На колодец ходили и ездили хромые, бездвижимые для совершения молитвы и исцеления от недугов, в частности лечения болезней опорно-двигательного аппарата. Л. В. Носкова рассказала, что немощные привозили с собой ванны, наполняли их колодезной водой и лежали в них. А. С. Носкова вспомнила историю, о которой, в свою очередь, ей поведал муж. По ее словам, «один преподаватель в Омской партийной школе, у него болела сестра, ходить не могла. И вот они из Омска поехали, на лошадях же ездили раньше, это было же давно, поехали на лошадях в Черемшанку, вот в этот святой колодец и в эту церковь. Приехали, батюшке сказали, что вот так и так, что много лет уже не ходит на ногах, не может ходить, и им посоветовали приехать в Черемшанку, в святой колодец. И они, когда привезли ее, он молитвы почитал-почитал, ее водой святой побрызгал-побрызгал: Вставай! — Она встала и пошла. И пешком шла чуть не до Ишима. Лошадь идет — и она за лошадью».

На вопрос о том, запрещали ли паломничество к колодцу, Л. В. Носкова отметила: «Я не помню, чтобы так запрещали. ...Мы когда родились, не было, чтобы нас в церковь водили. ...У нас родители — че они... Нас как детей они к этому не приучали, а школа нас (веру. — Е. Е.) отвергала». «Отвыкание» от веры шло здесь не насильственно, а постепенно, под влиянием в первую очередь атеистической пропаганды. Показателем относительной мягкости местных властей является и то, что колодец не закопали (в отличие, скажем, от Криванковского колодца), не была разрушена каменная церковь, хотя она и не выполняла своих прямых функций.

Даже во времена антицерковной политики из колодца набирали воду для бытовых нужд. По воспоминаниям А. С. Носковой, раньше рядом с колодцем была школа. Когда Анастасия Степановна учительствовала, то набирала из него воду. Тогда над источником все еще стоял деревянный сруб. После того, как переехали в новую школу, далеко от колодца, воды в нем стало много, колодец затопило. В конце концов его забросили, и он заилился. Вот каким увидела место, где находился колодец, в 2003 г. тюменский публицист О. Ожгибесова: «На месте святого колодца — болотце, подернутое зеленой ряской: речку перегородили, вода поднялась, разлилась и затопила колодец». И интересное дополнение: «Этим летом работники ишимского краеведческого музея проводили здесь свои изыскания: деревянный сруб неглубоко ушел под воду, так что можно поднять его и очистить колодец. Местные жители обещали музейщикам восстановить святое место» [см.: Ожгибесова].

А. С. Носкова в последние годы своего учительствования (она преподавала историю), а это примерно конец 1990-х гг., рассказывала детям, «что вода святая, что она помогает, многие берут...». Не так давно прихожане черемшанского храма обратили внимание на заброшенный источник. В нем после долгого забвения вода стала «нехорошей». А. С. Носкова, чтобы привлечь внимание местных властей, написала частушку: «Нашу церковь осквернили — / И природа мстит лихвя, / И вода в святом колодце / Непригодна для питья». После чего, а это, по ее расчетам, 2004-й г., колодец почистили, рядом сделали мост. У колодца убрали верхний, уже изгнивший, сруб. Хотели чистить дальше, но ниже обнаружили крепкий «дубовый» сруб, его убирать не стали. Выкачали воду, собрали найденные там старинные деньги, сделали новый сруб. Однако, по словам А. С. Носковой, после этой чистки вода в колодце оказалась все равно непригодной для питья, коричневой. Анастасия Степановна написала новую частушку: «Спасибо за колодец наш святой, / Но его почистить надо / До конца было, / Чтoб вода текла струей».

Сейчас вода, как подметил И. В. Носков, «вкусная, мягкая, хорошая, не такая, как в других колодцах; цвет другой — голубоватый, там же родник». Раньше вода в колодце была настолько светлой, что деньги, которые бросали в колодец паломники, «на виду были». В воде из Ивановского колодца много железа; если она отстоится, то выпадает осадок. Г. П. Трофимова не только употребляет воду из Ивановского колодца в лечебных целях, но набирает ее для повседневных нужд — «она отстоится — чистая, светлая». Женщина считает, что вода исцелит ее больные ноги.

Несколько лет назад, когда чистили колодец, обнаружили на дне деревянный крест. Видимо, он настолько «отполировался» водой, что от него шло «сияние» (Л. В. Носкова). В 2009 г. рядом с колодцем поставили сруб купели, подвели его под крышу. В Крещение в ней уже обливались (зимой в колодце продавливают прорубь). В 2010 г. над колодцем на пожертвования женщины из Ишима и местные сборы сделали новый крепкий сруб из бревен.

Паломники первый раз массово приезжают в Черемшанку 7 июня, в день третьего обретения головы Иоанна Предтечи (второй год подряд). Этот день

в Черемшанке начинается с утреннего молебна, затем верующие проходят крестным ходом вокруг села (ближайшей к храму части). В это время батюшка окропляет водой встречающихся людей, поздравляет их с праздником (жители Черемшанки, за исключением около 20 пожилых женщин, не принимают участие в утреннем богослужении, а также в вечернем молебне и обливании). Некоторые после этого обливались в купели колодезной водой. В настоящее время крестный ход совершается и при засухе, что традиционно для сельской местности юга Тюменской области. Вечером проводится водосвятный молебен, затем, во время массового обливания, неподалеку от купели поется акафист Иоанну Крестителю. На водосвятный молебен и обливание из Ишима приезжают паломники — организованно от церкви (на автобусах) и индивидуально (на личном транспорте). Приезжают с детьми как женщины, так и мужчины. В 2011 г. вечером было более 100 паломников. Обливаются как в купальне (где раздеваются догола), так и около колодца (частично в одежде). Паломники считают, что нужно обязательно облиться водой из трех ведер, несмотря на то, что вода достаточно холодная (ключевая). У колодца пьют воду, набирают ее с собой. Основной информацией об источнике для паломников стали рекомендация протоиерея Никольского храма г. Ишима о. Владимира (Ашмарина), чья роль в популяризации источника особенно велика, и статья Г. Крамора.

Опрос паломников, проведенный нами, выявил, что многие из них впервые приехали в Черемшанку, и основная цель паломничества — именно колодец; воду в нем считают святой, а значит, целебной. Так, Н. Ф. Емельянова отметила, что приехала, «чтоб водички взять и обливаться — для здоровья». Паломница приехала в Черемшанку впервые; до этого ездила на источники рядом с с. Чимеево Курганской области и в Ачирском женском монастыре во имя Животворящего Креста Господня в Омской области, где также есть святые источники. Целебные свойства воды она объясняет верой: «Я считаю, что я верующий человек, я считаю, что помогают. Если человек верит во что-то, значит, ему поможет. Если без веры — не поможет». Когда пьет святую воду, то ощущает «прилив энергии, сил». Такой водой она, например, умывает вместе с молитвой «Отче наш» болеющего ребенка. По мнению А. А. Носкова, вера — необходимое условие для исцеления. Он рассказал такую историю: «Одна женщина из Сорокино приехала, больная, а как раз верх (сруба колодца. — Е. Е.) меняли, там грязь, она начала ругаться: “Да вот, говорят, что источник, а тут вообще, болото какое-то!” Ну разве она бы излечилась, если у ей веры нет!»

Сейчас на Ивановский колодец ездят раз в месяц паломники из Тюмени (благодаря паломническому отделу Тобольско-Тюменской епархии «Сибирский паломник»¹), некоторые обливаются, пьют из него воду, набирают ее домой. В 2009 г. на источнике побывала ежегодная миссионерская экспедиция Тобольско-Тюменской епархии «Славянский ход» [см.: Крамор, 2011в].

¹ В рекламной листовке «Сибирского паломника» читаем: «Побываем в храме Рождества Иоанна Крестителя в с. Черемшанка, наберем студеной воды из древнего Иоанновского святого источника» [Сибирский паломник].

Г. К. Носкова знает несколько случаев, когда вода из Ивановского колодца исцеляла, в обоих случаях это связано с паломниками. Так, «одна паломница из Тюмени лечилась от остеохондроза — поливала ее мама водой от шеи до поясницы и от плеча до плеча. Поливать крестообразно. Говорит: “Со мной ночью такое случилось — жар, пот, температура, вся горю, и все выходит, аж бежит с меня. Думаю: то ли скорую вызывать, то ли че. Нет, говорит, это все-таки пошло на излечение. И все. Я, говорит, из квартиры не выходила, а теперь к вам сама приехала лично за этой водой». Во втором случае «мужчина приехал, жену привез, ну, семья видно. Говорит: “Как хорошо, что мы вас застали! А то сколько раз ездим, берем водичку здесь, и она такая лечебная. У меня жена, говорит, где только ни ездили, где только ни были, по каким местам, и вот болеет, и все, никак не может. А тут, говорит, стали принимать, обливаться — и жена пошла на поправку”» (Галина Константиновна не знает, чем болела эта женщина). А.С. Носкова пьет воду сама, поливает ею рассаду, отмечая, что она хорошо растет. Ее муж обмывает этой водой ноги от варикозного расширения вен.

Л. В. Носкова пьет колодезную воду по утрам, «если что-то болит», при этом молится «или Господу, или Иоанну Крестителю»: «Господи, Иисусе Христе, помилуй меня, грешную» (короткий вариант «Господи, помилуй»). Или: «Святой Иоанне Крестителю крестов, моли Бога обо мне». Затем пьет водичку. Она отмечает, что помогает вода тому, кто верит. Помогает вода и от головных болей: для исцеления нужно выпить воду и помочить ею голову. Г. К. Носкова во время обливания водой читает молитву: «Господи, исцели душу и тело рабы Божьей (имя)». Она рассказала нам свои ощущения от обливания: «По всему телу пошла такая благодать... Такое ощущение, как будто с плеч что-то вот, то давило, а потом с плеч что-то ушло». При стрессовом состоянии, тяжести на душе она пьет воду, умывает ею лицо, обмывает грудь, после чего ложится и укрывается: «И вы знаете, такое покалывание идет, такое спокойствие, успокаиваешься — и как младенец засыпает».

Иная судьба у колодца в с. Прокуткино. Село Прокуткино было известно в свое время, как и Черемшанка, явленной иконой. В «Деле о чудесных явлениях от иконы Святой великомученицы Евфимии в с. Прокуткинском Ишимского уезда (1911—1918 гг.)» приведены свидетельства о чудесах, происходивших от нее [Темплинг, с. 36—64]. Расследованию современной судьбы иконы посвящена статья Г. Крамора «Обретенная святыня из села Прокуткинского» [2006, с. 56—67]. Однако, кроме иконы великомученицы Евфимии, были в селе и другие религиозные объекты, впрочем, непосредственно связанные с этим образом. Как сообщается в «Справочной книге Тобольской епархии», в с. Прокуткино имелась церковь — «деревянная, одноэтажная, построена прихожанами при пособии от правительства в 1871 году. В церкви один престол — во имя Рождества Христова» [Справочная книга, с. 54]. В атеистическое время церковь перестала выполнять свои функции, однако ее здание стояло долго, в отличие от большинства других деревянных церквей юга Тюменской области, подвергшихся полному уничтожению. Старожилы помнят, как «церкву уничтожали: сбрасывали иконы сверху, и все...» (М. П. Пузырина); «все перетряса-

ли и разбили: колокола снимали и на пол бросали, иконы растаскали» (Н. В. Долгих). Долгое время, как это обычно бывало, в церкви размещался клуб, после же разрушения на ее месте организовали спортивную площадку, натянули сетку для игры в волейбол. Сейчас на месте бывшей церкви поставлен деревянный крест (в 2009 г.). Здесь собирались поставить небольшую часовню, однако в 2010 г. строительство не велось.

Икона великомученицы Евфимии, как явствует из «Дела», была найдена на березовом пне на кладбище в 1910 г. крестьянскими детьми [см.: Темплинг, с. 42—43]. По предположению, «образ оставлен кем-либо из хоронивших умерших» [Там же, с. 37]. Сейчас жители Прокуткино уже не помнят всех обстоятельств нахождения иконы. Знают, что икону нашли на пне, что она «съявленная» (З. М. Бохан), «явленная» (Ю. А. Пузырин). В 1991 г. студентами был записан расходящийся с официальной версией меморат о ее появлении. Мама информатора Петра Михайловича (фамилия не записана) рассказывала ему, что икона появилась на болоте, и к ней никто не мог подойти — все смельчаки тонули. Много народу пыталось достать эту икону, и вот одной вдовушке говорят мужики: «Иди, пройди, может, тебя Господь подпустит». Она пошла и принесла икону, несмотря на то, что икона была очень тяжелой. На это женщина возражала: «Если меня в болото Господь допустил, то она легкая». Впрочем, если судить по «Делу», вес иконы чуть более 217 г, в то время как по легенде она тяжелая.

Икона со временем из села исчезла, и, по всей видимости, именно этот образ был найден в 2005 г. в Никольском храме г. Ишима. Икона «оказалась покрыта серебряной ризой и врезана в большую икону, в латунной ризе, изображающую двух ангелов, держащих образ великомученицы» [Крамор, 2011б]. Интересно, что о том, что икона была в серебряной ризе, говорит уже цитированный нами Петр Михайлович. Сейчас (в 2011 г.) она на реставрации. Как икона оказалась в Ишиме, в статье не сообщается. Однако, по словам местных жителей Ю. А. Пузырина и Г. А. Журавлева, какую-то большую икону (примерно 100 × 70 см) они в свое время «сдали в церковь в Ишим». Вероятно, это была как раз та самая — с изображением великомученицы Евфимии.

Стоит отметить, что иконы играли важную роль в жизни села: с ними ходили «просить дождя» в засушливое лето. Собирались старушки, брали иконы, а их было много, хоругви и шли по деревне до часовни (о ней — ниже), затем на поля и до речки Китерня. На иконы вешали полотенца. Молились, обмывали в речке иконы, просили о дожде. Ю. И. Аверина вспоминает: «Когда дождика нет, у нас тут старушка была, Горшиха... Собирает сейчас старух, в воскресенье одна одной передает, что собирайтесь, собирайтесь, и вот по той улице, по этой вот туда, у нас до самой реки есть ход... Там молебны служат». По рассказам, через некоторое время (через час или два или на следующий день) обязательно шел дождь.

Вскоре после обретения иконы «прихожане единогласно постановили ходатайствовать перед епархиальным начальством о разрешении построить временную часовню на месте обретения св. образа, дабы оградить это место» [Темплинг, с. 40], что и было сделано. В эту часовню поместили, среди прочих, и копию образа св. Евфимии [см.: Там же, с. 42]. Часовня не сохранилась:

«примерно в 1936 году ее перевезли на озеро Фальково, где она, как говорят, сгорела вместе с хозяином» [Крамор, 2011б]. А. И. Фадеева рассказала такой вариант этой истории: один мужчина поспорил, что увезет часовню. Действительно, он смог ее увезти за 6 км, поставил у озера, где делали кирпичи (видимо, как летник), однако «некоторое время прошло, и она сгорела». Жители села только помнят, что на кладбище были остатки часовни — нижние бревна от сруба, а также то, что часовню «снесли» (М. П. Пузырина). Старожилы считают, что часовню построили из-за того, что икона св. Евфимии «уходила» из церкви на место, где ее впервые нашли дети. В часовне проводилось отпевание.

На кладбище рядом с часовней был выкопан колодец. Судя по «Делу», колодец находился с восточной стороны часовни, был он «глубиною 3 аршина и 1 1/5 аршина шириною; внутри колодца березового дерева сруб, сверху которого приделаны железные петли для замков и сруб покрыт крышкой. Воды в колодце 2 аршина 4 вершка. Вода светлая, пресная, на вкус приятная» [Темплинг, с. 42] (т.е. глубина — чуть более двух метров). По сведениям некоторых информаторов, колодец был вырыт прямо в часовне, в ее центре или в углу (или часовню поставили вокруг уже вырытого колодца). Считали ли воду из колодца святой, мнения разнятся: одни отвечают, что да, считали (таковых большинство), другие точно не помнят. Видимо, на колодце проводили водосвятный молебен; сохранись воспоминания, что батюшка «крест спускал туда» (З. М. Бохан). Из него брали воду для лечения. Ю. И. Аверина помнит, что ею умывали детей от испуга. На колодец ходили «в родительский день, у кого когда время есть» (Ю.И. Аверина).

Долгое время колодец держали в чистоте, раз в году его чистили. Раньше воды в колодце было много, она доходила до самого верха сруба. Все это было «до колхозов» (З. И. Бохан), затем колодец забросили. Со временем старый сруб сгнил, колодец завалился, и на его месте была видна только ямка (З. А. Сафьянова). В запущенном колодце находили мертвых недоношенных детей [Ожгибесова]. Около пяти лет назад на его месте вырыли новый колодец, гораздо глубже описанного (около 8 метров, как принято в Прокуткино, с деревянным полом), на средства администрации поставили сруб. Сейчас воды в колодце мало, на самом дне, и она мутная, застоявшаяся. Некоторое время ее брали только для мытья памятников и оградок на кладбище. Не так давно украли ведро и цепь, так что доставать воду из колодца нечем, и она из-за этого застаивается еще больше.

Обращение к теме почитания водных источников, считаемых в народе «святыми», предоставляет для исследователя богатый эмпирический материал, демонстрирующий религиозную повседневность сибирского крестьянина. Благодаря ему мы можем не только углубиться в прошлое этого религиозного символа, выяснить его истоки, но и наблюдать за динамикой религиозной жизни сибиряка: видеть, как изменялось восприятие почитаемых мест и к чему привело насаждение атеистических взглядов в крестьянской среде, как они преодолеваются (трансформируются) сейчас. Почитаемые водные источники являются

ярким примером социального поведения крестьянина, отражением его религиозной культуры, которая складывается из унаследованных правил поведения и новых практик, которые, к слову сказать, активно поддерживаются в настоящее время силами православной церкви. В связи с этим они пересекаются, и происходит новая интеграция «народной» и «канонической» (церковной) линий поведения, что видно на примере колодца в с. Черемшанка. В то же время, за отсутствием этой поддержки, они затухают и практически не активированы в крестьянском социуме, испытывающем еще и экономический гнет. Эту линию развития нам демонстрирует колодец в с. Прокуткино. В этом случае почитаемый ранее водный объект перестает выполнять важные для крестьянского социума функции, выступая в точке своего наивысшего развития (почитания) территорией контакта с сакральным миром, средством преодоления кризисных ситуаций (болезней), общинным праздником, являясь важным местом «упорядочения и непосредственного контакта с сакральным миром» [Панченко, с. 265]. Таким образом, почитаемые водные источники удовлетворяют или не удовлетворяют (соответственно в двух представленных историях) потребности человека: духовные, направленные на поиск культурной и конфессиональной идентичности, и физиологические, связанные с его здоровьем.

Ермакова Е. Е. Исцеление водой: почитаемые водные источники Тюменской области // Вестн. ТюмГУ. 2011. № 2. С. 27–32.

Ермакова Е. Е. Почитание Криванковского колодца в Юргинском районе Тюменской области // Антропологический форум. 2010. № 12. Online. С. 1–52.

Иванова А. А., Калуцков В. Н., Фадеева Л. В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья (материалы и комментарии). М., 2009. 512 с.

Крамор Г. «Если заблудитесь — церковь ищите!..» Явленная икона и святой источник в Черемшанке // Коркина слобода. 2008. Вып. 10. С. 41–47.

Крамор Г. «Если заблудитесь — церковь ищите!..» [Электронный ресурс]. 2011а. URL: <http://www.ihtus.ru/042009/st12.shtml> (дата обращения: 30.07.2011).

Крамор Г. А. Обретенная святыня из села Прокуткинского // Коркина слобода. 2006. Вып. 8. С. 56–67.

Крамор Г. Обретенный образ из села Прокуткинского [Электронный ресурс]. 2011б. URL: <http://www.ihtus.ru/092006/st09.shtml> (дата обращения: 31.07.2011).

Крамор Г. «Славянский ход» — миссия в Приишимье [Электронный ресурс]. 2011в. URL: http://www.tobolsk-eparhia.ru/newslist.php?id_new=193 (дата обращения: 30.07.2011).

Сибирский паломник. 2011 г. Март.

Любимова Г. В. Феномен почитания «святых мест» в культуре русских сибиряков в XX веке // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004 г.). Новосибирск, 2004. Т. 10. Ч. 2. С. 73–77.

Ожгибесова О. Куда пропали чудотворные иконы? И почему в святом колодце находили недоношенных детей [Электронный ресурс]. URL: http://natigan.blogspot.com/2003/10/blog-post_03.html (дата обращения: 30.07.2011).

Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. 306 с.

Справочная книга Тобольской епархии. Тобольск, 1913.

Темплинг В. Я. О чудесных явлениях от иконы святой великомученицы в селе Прокуткинском Ишимского уезда // Религия и церковь в Сибири. Вып. 13. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2000. С. 36–64.

Черняковский Н. М., Штейнгейль В. И. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии // Коркина слобода. 2000. № 2. С. 75–90.

Архив МАиЭ.

И н ф о р м а т о р ы

Бондаренко Домна Никифоровна, с. Прокуткино.

Дегтярева А. Г., с. Ершово Ишимского р-на.

Долгих Настасья Васильевна, с. Прокуткино.

Петр Михайлович (р. 1909), с. Прокуткино.

Сафьянова Зоя Аристарховна, (р. 1924), с. Прокуткино.

Фадеева Анна Ивановна (р. 1917), с. Прокуткино.

Архив автора

Аверин Павел Иванович (р. 1961), с. Прокуткино.

Аверина Юлия Ионовна (р. 1925), с. Прокуткино.

Бохан Зинаида Михайловна (р. 1919), с. Прокуткино.

Валерий (р. 1971), г. Ишим.

Емельянова Надежда Федоровна (р. 1951), г. Ишим.

Журавлев Геннадий Афанасьевич (р. 1954), с. Прокуткино.

Колосова Мария (1919), с. Прокуткино.

Носков Анатолий Александрович (1946), с. Черемшанка.

Носков Илья Васильевич (1951), с. Черемшанка.

Носкова Анастасия Степановна (1940), с. Черемшанка.

Носкова Галина Константиновна (1953), с. Черемшанка.

Носкова Любовь Васильевна (1947), с. Черемшанка.

Пузырин Юрий Алексеевич (1961), с. Прокуткино.

Пузырина Мария Петровна (1931), с. Прокуткино.

Трофимова Галина Петровна (1939), с. Черемшанка.

Статья поступила в редакцию 13.09.2011 г.

УДК 398.34 + 39(=512.145) + 930.85 + 728.18(09)

Л. Х. Давлетшина

ДОМ КАК ФОРМА ОСВОЕНИЯ «ЧУЖОГО» ПРОСТРАНСТВА В ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Рассматривается содержание понятия дома в традиционной культуре татар как основного локуса «своего» пространства. В ходе исследования автор раскрывает атрибуты и показатели освоенного и неосвоенного пространства, связанного с домом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: пространство; дом; не-дом; «свое»; «чужое»; картина мира.

Д о м — один из важнейших символов традиционной культуры, воплощенный в языке, фольклоре и обрядности татар. Изучение дома как сферы реализации религиозно-мифологической картины мира народа завоевало прочные позиции в отечественной историографии. А. К. Байбурин в работе «Жилище в обрядах и представлениях восточных славян» реконструирует символические аспекты традиционного восточнославянского жилища, выявляет основные принципы освоения пространства. Одной из первых попыток исследования семантической структуры дома, его места в традиционной картине мира балканских народов является работа Т. В. Цивьян «Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок)».

Дом оказал существенное влияние на формирование бинарных противопоставлений «нутри — снаружи», «человеческий — нечеловеческий». Мир за пределами дома воспринимается как антитеза обжитому, упорядоченному миру. С известной долей условности можно сказать, что дихотомии «культура — природа», «свой — чужой» кодируются через оппозицию «дом — не-дом».

Пространство за пределами дома в определенные отрезки времени непосредственно наделялось признаками «иног», опасного для человека мира, выход в который был если не запрещен, то по крайней мере не рекомендован. Отсюда и столь высокая степень ритуализации действий, совершаемых перед отправлением в путь и вообще выхода из дома: покидая «свой» дом и попадая в «чужой» (внешний) мир человек лишается покровительства первого.

Отделяя человека от внешнего мира, жилище служило для него универсальной точкой отсчета в пространстве. Отсюда он отправлялся в открытый мир и сюда же возвращался как в убежище. Здесь начиналось и здесь же оканчивалось любое ритуальное действие. И в этом смысле каждый конкретный человек рассматривал свой дом как центр мира. «Отсчет пространственного измерения начинался с центральной точки, где находился дом, очаг...» [Владыкин, с. 218]. Во многих загадках пространственное расположение (верх, низ, позади, внутри и т. д.) предметов и явлений определяется по отношению к дому. Символическое помещение своего жилища в «середины мира», его отождествление с этой серединой и вместе с тем с миром в целом «явно обусловлено пространственными представлениями, характерными для мифологического

мышления, а именно — внутренней точкой зрения на пространство» [Стеблин-Каменский, с. 42].

Защищая человека, оберегая его от опасностей внешнего, постороннего ему мира, периодически принимавшего потусторонний облик, дом требовал, в свою очередь, особого к себе отношения. «В самом общем смысле, — отмечает А. К. Байбурин, — область освоенного — это область правил, запретов и предписаний» [Байбурин, с. 18]. В своем поведении в доме человек исходил из стремления не допустить нарушения довольно хрупкого равновесия между «своим» и «чужим», которое постоянно меняло свои границы, то приближаясь к человеку, то отдаляясь от него в зависимости от времени.

Дом, согласно мифологическим представлениям татар, представляет собой модель космоса. «Дом — это мир, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим. Человек создает для себя мир/дом по образу внешнего мира, но приспособляя его к своим размерам» [Цивьян, с. 72]. Структура дома в основных чертах повторяет структуру внешнего мира (верх, низ, середина), дом сориентирован по сторонам света. Сама Вселенная иногда описывается с помощью некоторых параметров дома. Достаточно упомянуть хотя бы соотношенность неба и крыши в загадках о Солнце, Луне, звездах. Ср. также представления о небесной двери (*кук капусы*): татары полагали, что в небе иногда открываются особые двери, ворота, и именно тогда исполняются все земные просьбы людей.

Магическая символика дома достаточно полно реализуется в обрядах строительства. Место, на котором заложен дом, должно отвечать не только практическим, но и религиозно-мифологическим требованиям. От правильно выбранного места зависела жизнь семейного коллектива в новом доме. Информанты часто именно в неверно выбранном месте жилища видят причину своих жизненных неудач, семейных неурядиц. В связи с этим процедуре выбора места для строительства дома придавалось особое значение.

В рамках традиционных представлений окружающее человека пространство воспринимается как семантически неоднородное: существуют «счастливые» и «несчастливые» места для строительства жилища. Различным частям пространства приписываются, как правило, различные значения.

У многих народов счастливым для строительства дома считалось то место, на которое ложился рогатый скот, что связано с приписыванием ему плодородной, производительной силы [Байбурин, с. 38]. У татар также считались счастливыми те места, где спят коровы. До начала двадцатого века сохранялись предания о том, что иногда место для строительства выбирали с помощью коровы. Люди шли за коровой, где она останавливалась, там закладывали дом¹.

Группа мест с отрицательным значением более обширна. Дом нельзя строить на том месте, где раньше была дорога, а также на перекрестках. Особая семантическая напряженность дороги в традиционных представлениях хорошо

¹ Фонд Республиканского центра развития традиционной культуры (далее РЦРТК). Записано З. М. Арикеевой у Г. М. Садыковой (р. 1926) в Рыбно-Слободском районе Республики Татарстан.

известна. Объясняется это, видимо, тем, что дорога соединяет свой мир с чужим. Именно на дорогу выходили гадать, предварительно очертив вокруг себя круг каким-либо железным предметом; на перекрестке рекомендовалось приносить жертву болезни, чтобы она поскорее ушла.

Несчастливыми считались также места, где когда-то стояли ворота, проходила межа, что связано, по всей видимости, с негативной семантической нагрузкой пограничных отрезков пространства вообще и их особой близостью к потустороннему миру.

Особое значение в строительном ритуале придавалось подъему, установке *матицы* (матча). От благополучного исхода этой операции зависела жизнь в новом доме. В Пестречинском районе Татарстана перед подъемом к матице подвязывали тулуп, завернутый в скатерть хлеб. Стремясь обеспечить благополучие хозяев в новом доме, в маточные гнезда укладывали шерсть, серебряные монеты². Таким образом, как показывают приведенные данные, именно с матицей, этим конструктивным элементом постройки, связывались представления о благополучии всего дома, она являлась его символическим эквивалентом, ритуальным заместителем.

Матица, являясь одной из важнейших сущностей дома, охраняла его обитателей, была символом семейной сплоченности, что довольно отчетливо прослеживается на материале обрядов, связанных с проводами новобранца в армию. Новобранец перед отправлением на службу вешал на матицу кусочек хлеба, им откусанный, а выходя из родного дома, должен был коснуться рукой матицы³.

В религиозно-мифологической системе представлений татар, связанных с жилищем, новый дом наделялся противоречивыми, двойственными чертами; он еще не занял соответствующего места в положительном или отрицательном ряду универсальной классификации, с помощью которой человек ориентируется в окружающем мире. С одной стороны, новый дом рассматривается как сфера иного, еще нечеловеческого, а потому опасного для людей. С другой стороны, дом уже выделен из природы, он не вполне принадлежит ей. Вновь построенное, но не заселенное жилище, согласно народным поверьям, нуждается в защите от злых сил. Поэтому, когда новый дом совсем готов, кто-нибудь из семейных должен в нем ночевать. «После сложения печки в доме обязательно нужно ночевать»⁴.

Нейтрализации опасной семантики неосвоенного жилья были посвящены специальные обряды перехода. В пространственном отношении для социальной организации построенного дома проводились особые обряды: например, переселение «йорт иясе»⁵. Старый и новый дом, в каждом из которых совершается определенная совокупность обрядов, соединяются дорогой, по которой

² Фонд РЦРТК. Записано Л. Х. Давлетшиной у И. В. Иванова (р. 1929) в д. Кряш-Серда Пестречинского р-на Республики Татарстан.

³ Там же. Записано Л. Х. Давлетшиной у Е. И. Скворцовой (р. 1935) в д. Кряш-Серда Пестречинского р-на.

⁴ Там же. Записано З. М. Арикеевой у Г. М. Садыковой (р. 1926) в Рыбно-Слободском районе.

⁵ *Йорт иясе* — предок.

«йорт иясе» везут в новый дом. Сама дорога соответственно воспринимается как путь ритуального перехода из «своего» пространства в «чужое», поэтому она также сопровождается определенными обрядовыми действиями. Для целей нашего анализа особенно показательны, что в образе «йорт иясе» воплощены представления о доле (счастье), богатстве, устойчивости коллектива во времени, порядке, организации. Именно эти представления характеризуют категорию освоенного, «своего», обжитого. Поэтому не случайно в обрядах перехода в новый дом столь существенное место отводилось «переселению» «йорт иясе», а следовательно, и переносу на новое жилище соответствующих признаков.

Собственно переход включает некоторые ограничения временного и социального характера. Время перехода определяется и мотивируется в разных местах по-разному. «Вселяющемуся в новое жилище “йорт иясе” предстоит вписаться в природный, даже космический ритм, пережить состояние обновления» [Криничная, с. 589], поэтому наиболее благоприятным считается строго определенное время суток. Это и «ровно в полдень, по солнцу», и «как можно ранее перед восходом солнца, «в полночь», «чтобы хозяин шел ночью, и его не было видно», и «во время новолуния». Весьма показательным является состав участников переселения и их функции: «өй эзер булгач, йорт иясен беренче булып хужа кеше кергә» («когда дом будет готов, хозяина дома первым запускает хозяин»), «өйгә хужа гына керә, калганнар аннары» («в дом заходит только хозяин, остальные потом»). Таким образом, в переселении могут участвовать только члены семьи, присутствие «чужих» в данном обряде невозможно.

Обряд отделения от старого дома предполагает приглашение духа-хозяина и совершается в доме или во дворе: «дүрт почмакны да әйләнеп, йорт иясен чакырам, кулыма табагач тотам» («надо ведь четыре угла обойти и пригласить хозяина дома с кочергой в руках»)⁶, «йорт иясен капка төбендә чакырабыз инде» («зовем хозяина дома у ворот»)⁷, «себерке тотып, йортның почмакларын әйләнеп чыгам» («обхожу углы дома с метлой в руках»)⁸. Этот факт связан с тем, что и двор, и дом граничат непосредственно с внешним (наружным) пространством, которое и считается чужим по отношению к закрытому, замкнутому пространству дворовых построек старого дома.

Таким образом, во время перехода актуализируется часть пространства, осмысляемая в качестве локуса «йорт иясе». Иногда достаточно лишь вербальной магии для получения желаемого результата. Поэтому в одних случаях предполагается, что после приглашения он сам перейдет в новое жилище, в других же «йорт иясе» переносят. Его эманацией служит огонь из домашнего очага (угли), которые выгребают из печи, истопленной напоследок, кочерга, ухват, сито, веник. В некоторых местах, приглашая «йорт иясе» на новоселье, брали с собой курицу или кошку.

⁶ Фонд РЦРТК. Записано Л. Х. Давлетшиной у Г. М. Габдрахмановой (р. 1935) в д. Уллы Высокогорского р-на.

⁷ Там же. Записано Л. Х. Давлетшиной у М. Х. Бакировой (р. 1926) в с. Б. Битаман Высокогорского р-на.

⁸ Там же. Записано Л. Х. Давлетшиной у Ф. Г. Шариповой (р. 1925) в д. Уллы Высокогорского р-на.

Далее действие обряда переходит за ворота дома, где проводятся промежуточные обряды, способствующие правильному преодолению пространства дороги. Дорога осмысляется как часть внешнего «чужого» пространства, поэтому она регламентирована определенными запретами. Например, категорически запрещено разговаривать во время перехода, нельзя оглядываться назад. Эти запреты скорее всего связаны с желанием сохранить «долю» данной семьи неуязвимой, так как дорога является средоточием злых духов, которые могут вмешаться во внутренний порядок семьи.

С приближением к новому дому, т. е. третьему локусу данного обряда, «чужая» зона постепенно сужается и переходит в табуированный знак перехода [Геннеп, с. 23], в данном случае — дверь дома. Сакральным свойством в этом варианте наделяется весь дверной проем, поэтому после вступления на неосвоенную зону выполняются определенные обряды включения: приносится жертва, в дом запускается животное, к двери подвешиваются сакральные предметы (ветка можжевельника, цикория, подкова). В Пестречинском районе Татарстана нами был записан интересный обычай обхода дома вокруг, перед тем как войти. Это, скорее всего, связано с идеей установления границ нового дома и закреплением духа-хозяина за своим пространством⁹.

Пространство дома получает явно мифологическое осмысление. Перед нами в несколько трансформированном виде предстает путешествие в иной, незнакомый и полный опасностей мир. Снятие противопоставления «своего» — «чужого», освоенного — неосвоенного достигается за счет смерти, что является обычным способом разрешения подобных коллизий. А. К. Байбурин, исследуя семиотику славянского жилища, указывает, что во многих традициях имеет распространение представление о скорой смерти одного из жильцов нового дома, причем умирает прежде всего тот, кто первым входит в новый дом [Байбурин, с. 112]. Данное поверье встречается у татар в несколько трансформированном виде. Считается, что если увидишь во сне сруб или новый необжитой дом, то обязательно кто-нибудь уйдет из жизни. Поэтому при вступлении на чужую зону обязательно жертвоприношение — это способ установления связи между священным и светским мирами посредством жертвы, т. е. вещи, разрушаемой в процессе церемонии. Примером данного поверья служит окропление порога кровью курицы, которую затем варят и съедают всей семьей¹⁰.

Для нормального исполнения своих функций дом требовал оживления, что и достигалось, по-видимому, строительной жертвой, именно с ее помощью достигалась его жизнеспособность. Ср. у мордвы: при основании дома убивали курицу; при этом верили, что из крови этой курицы рождается юртава, т. е. домашний дух женского пола, которого называли также «бог сруба», «богиня срезанного отрубка», «отрубленный пень» [см.: Зеленин, с. 28].

⁹ Фонд РЦРТК. Записано Л. Х. Давлетшиной у И. В. Иванова (р. 1929) в д. Кряш-Серда Пестречинского р-на Республики Татарстан.

¹⁰ Там же. Записано Л. Х. Давлетшиной у И. В. Иванова (р. 1929) в д. Кряш-Серда Пестречинского р-на.

Человек, вошедший в дом после этих обрядов включения, как бы снимает противопоставление «своего» — «чужого», делая пространство своим. Снятие противопоставления между «своим» и «чужим» не является конечной целью ритуальных действий, совершаемых при переходе. Не менее существенными представляются действия, связанные с социализацией внутреннего пространства жилища.

Если дух-хозяин идет «своим ходом», то хозяева в меру своих сил стараются стимулировать его скорое и благополучное вселение в новое жилище. В ожидании «йорт иясе» возможно несколько вариантов действий. В д. Улля Высокогорского района кашу, сваренную в старом доме, помещают в 4 угла подпола, выходят на улицу и, обратившись на юг, зовут хозяина на новоселье¹¹. В д. Б. Битаман того же района хозяйка садится у двери в подпол, рассыпает зерно и читает молитву¹². Таким образом, в данном случае актуализируется формула приглашения с помощью ритуальной еды.

Если же «йорт иясе» переносят, то хозяин или хозяйка вносят его различные атрибуты в новый дом и поселяют «йорт иясе» в том локусе, из которого мифический хозяин был взят в старой избе. «Барып житкэч, эйдэ кер, бергэ яшик, дип, табагачны пич алдына куясың» («Когда дойдешь, произнеся, “заходи, будем вместе жить”, ставишь кочергу около печи»)¹³. «Өйгэ кергэч, себеркене баз авызы кырыена куям» («Когда вхожу в дом, ставлю метлу рядом с крышкой подпола»)¹⁴. «Табагачка атланып килеп керэм дә, эйдэ өй иясе өйгэ кер, эйдэ өй иясе түрдән бул дип, ишекне ачып кертэбез. Табагачны пичкэ сөйим инде» («Вхожу в дом, сидя на кочерге, и, открыв дверь, приглашаю хозяина со словами “хозяин, заходи в дом”. Кочергу ставлю около печи»)¹⁵. Так, посредством совмещения соответствующих координат того или иного сакрального пространства осуществляется преемственность связи нового жилища с «родовым гнездом».

После размещения культурных символов в необходимых локусах наступает последний этап обрядов включения для закрепления духа-покровителя, а именно совместная трапеза. «өйгэ күчкән көнне нигез боткасы пешереп ашыйбыз» («В день переселения варим кашу нового очага»)¹⁶, «Тары боткасы пешереп, йорт иясенә аерым кашык, аерым тәлинкә, чэй куябыз» («Варим пшеничную кашу, съедаем ее только с членами семьи, а также ставим отдельную ложку и тарелку с кашей для хозяина»)¹⁷. Это только единичные примеры коллектив-

¹¹ Фонд РЦРТК. Записано Л. Х. Давлетшиной у Ф. Г. Шариповой (р. 1925) в д. Улля Высокогорского р-на.

¹² Там же. Записано Л. Х. Давлетшиной у М. Х. Бакировой (р. 1926) в с. Б. Битаман Высокогорского р-на.

¹³ Там же. Записано Л. Х. Давлетшиной у Г. М. Габдрахмановой (р. 1935) в д. Улля Высокогорского р-на.

¹⁴ Там же. Записано Л. Х. Давлетшиной у М. Х. Бакировой (р. 1926) в с. Б. Битаман Высокогорского р-на.

¹⁵ Там же. Записано Л. Х. Давлетшиной у И. В. Иванова (р. 1929) в д. Кряш-Серда Пестречинского р-на.

¹⁶ Там же. Записано Л. Х. Давлетшиной у Г. М. Габдрахмановой (р. 1935) в д. Улля Высокогорского р-на.

¹⁷ Там же. Записано Л. Х. Давлетшиной у И. В. Иванова (р. 1929) в д. Кряш-Серда Пестречинского р-на.

ного угощения. Особо следует остановиться на обряде перенесения каши из старого дома в новый, что символизирует преемственность между старым и новым очагами. Эта каша съедается всеми членами семьи молча, и на стол обязательно ставятся столовые приборы для «йорт иясе». Таким образом, в коллективном угощении задействованы только члены семьи, что глубоко символично, так как здесь моделируется образ жизни семьи в этом доме. Во время трапезы как бы осуществляется разделение перенесенной доли на всех членов семьи. На этом обряд перенесения «йорт иясе» завершается. Однако на протяжении всей своей жизни хозяева поддерживают «йорт иясе», поднося ему ритуальную еду, так как время от времени необходимо обновлять благотворное воздействие духа-хозяина.

Обращает на себя внимание то, что приготовление пищи и «пиршество» проходят внутри заложеного дома. Следовательно, после перенесения «йорт иясе» пространство оказывается уже разделенным на «внутреннее» и «внешнее» — огороженное и освященное в результате совершенного жертвоприношения пространство недостроенного жилища противопоставляется остальному миру: недомашнее становится домашним, периферия — центром, внешнее — внутренним.

Итак, дом в традиционной культуре татар представлял собой компактный образ вселенной. Дом — важнейшее промежуточное звено, связующее разные уровни в общей картине мира: внутреннее и внешнее, жилое и нежилое пространство — своего рода медиационный комплекс. С одной стороны, дом принадлежит человеку, заслоняет его от остального мира, является воплощением его защищающего предметного окружения. Здесь, внутри, имеется ряд существенных деталей, которые можно рассматривать в качестве значимых показателей и атрибутов одомашненного пространства: стол, печь (домашний огонь), матица. Наличие этих предметов и соблюдение по отношению к ним определенных предписаний во многом и очеловечивали пространство дома. С другой стороны, дом связывает человека с внешним (и даже потусторонним) миром. В этой связи особую символическую значимость приобретают прежде всего дверь (порог), окна, дымоход, т. е. те каналы связи, которые обеспечивали обитателям дома отношения с окружающим дом пространством.

Байбури А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. 192 с.
Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. 383 с.

Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение : пер с фр. М., 1999. 159 с.
Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Умершие неестественною смертью и русалки. М., 1995. 352 с.

Криичная Н. А. Русская мифология. Мир образов фольклора. М., 2004. 1006 с.

Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л., 1976. 104 с.

Цивьян Т. В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Семиотика культуры. Труды по знаковым системам. Тарту, 1978. С. 65–85. (Уч. зап. Тартус. гос. ун-та).

И н ф о р м а н т ы (Республика Татарстан):

Бакирова М. Х. (р. 1926), с. Б. Битаман высокогорского р-на.

Габдрахманова Г. М. (р. 1935), д. Улля Высокогорского р-на.

Гатауллина М. Г. (р. 1925), д. М. Ширданы Зеленодольского р-на.

Зиятдинова Ф. С. (р. 1963), д. Б. Ачасыры Зеленодольского р-на.

Иванов И. В. (р. 1929), д. Кряш-Серда Пестречинского р-на.

Скворцова Е. И. (р. 1935), д. Кряш-Серда Пестречинского р-на.

Шарипова Ф. Г. (р. 1925), д. Улля Высокогорского р-на.

Статья поступила в редакцию 05.09.2011 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82-52 + 82-941 + 27-23 + 82-97

Е. Н. Коледич

ОСОБЕННОСТИ ЦИТИРОВАНИЯ В СОЧИНЕНИИ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО «СОКРОВИЩЕ ДУХОВНОЕ, ОТ МИРА СОБИРАЕМОЕ»

Рассматриваются особенности цитирования в сочинении Тихона Задонского — духовного писателя XVIII в. Выявляются источники цитирования, способы оформления цитат в тексте, наиболее крупные функциональные группы цитат.

К л ю ч е в ы е с л о в а: духовная литература XVIII в.; источники цитирования; атрибутированные и неатрибутированные цитаты; функции цитат.

Сочинение Тихона Задонского является образцом духовного красноречия дидактической направленности. Автор создавал «Сокровище духовное» в период 1777—1779 гг., находясь на покое в Задонском Богородицком монастыре. К этому времени у духовных писателей России наблюдается стремление оживить богословие после вредного для него влияния «мертвящего духа киевской схоластики». Это последнее сочинение святителя, ставшее итоговым выражением его литературного и духовного опыта.

О литературных предпочтениях Тихона Задонского сообщают его современники и исследователи его творений.

В воспоминаниях келейника В. Чеботарева отмечается особая любовь к Псалтири. «Никуда и никогда не ходил и не ездил он без Псалтири, но всегда при себе имел оную за пазухою, ибо она была маленькая, а наконец он ее всю и наизусть читал; ею он и благословил меня. Дорогою, куда отъезжал, он всегда читал Псалтирь, а иногда и гласно пел и мне показывал либо какой текст объяснит» [Записки Чеботарева, с. 560]. В жизнеописании Тихона Задонского митрополит Евгений (Болховитинов) указывает: «Псалтирь он знал всю наизусть и читывал с прикладными молитвословиями как для монашеского

правила, так и для размышлений при всяком свободном времени» [Евгений (Болховитинов), с. 366].

О сердечном отношении Тихона Задонского к Книге пророка Исаии пишет протоиерей А. Лебедев: «Во время трапезы келейник всегда читал ему писания Ветхого Завета, преимущественно же Книгу пророка Исаии, которую особенно любил святитель. Иной раз велит читать какую-нибудь главу, а сам, положив ложку, начнет плакать» [Лебедев, с. 121–122].

Многими отмечается внимание Тихона Задонского к сочинениям Иоанна Златоуста. Келейник И. Ефимов вспоминал, что, будучи в Задонском Богородицком монастыре, святитель начал «упражняться в сочинении душеполезных для всего христианского общества трудов своих. При сочинении книг своих никаких, кроме Св. Библии и нескольких св. Златоуста, других отеческих книг у него не видно было» [Записки Ивана Ефимова, с. 577–578]. Митрополит Евгений (Болховитинов) в своем жизнеописании святителя Тихона особо отмечал влияние Иоанна Златоуста на творческую манеру писателя: «Вместо роздыха занимался он чтением Святых отцев, а наипаче Златоуста, который был самым любимейшим его учителем. Посему-то Златоустов дух и слог повсюду отзываются во всех сочинениях сего Пастыря» [Евгений (Болховитинов), с. 361]. Архиепископ Михаил (Чуб), рассматривая труд святителя «Об истинном христианстве», писал: «Любимым, наиболее часто цитируемым авторитетом для святого Тихона являлся здесь (как и в других сочинениях) единомысленный ему ревностный проповедник истины и любви святой Иоанн Златоуст» [Михаил (Чуб), с. 62]. Современный исследователь Павел Хондзинский указывает на отсутствие выписок из святых отцов в поздних творениях святителя, таких как «Келейные письма» и «Сокровище духовное», отмечая в последнем, как исключение, единственную цитату из блаженного Августина [Хондзинский, 2004а, с. 63].

В сочинении «Сокровище духовное, от мира собираемое» Тихон Задонский широко использует цитирование. Из ста пятидесяти семи богословских статей сочинения цитаты отсутствуют только в трех. Он цитирует Священное Писание, литургические тексты из Служебника, Октоиха, Триоди постной и Триоди цветной, Часослова, Требника, молитвослова, приводит по одной цитате из Иоанна Златоуста, блаженного Августина и Василия Великого. Многочисленность библейских цитат (около двух тысяч) не сопоставима с количеством цитат из других источников. Самой цитируемой является Псалтирь, а также Евангелие от Матфея, чаще других пророков Тихон Задонский любит цитировать пророка Исаию. Такая ситуация отражает и литературные предпочтения Тихона Задонского, и приверженность сочинения средневековой литературной традиции, в которой Псалтирь и Евангелия занимают центральное место в силу своей ведущей роли в богослужении. Прекрасное знание текста Священного Писания, глубокая погруженность в его мир, богомыслие святителя в период проживания на покое в Задонском Богородицком монастыре, по-видимому, и определили его преимущественное обращение к книгам Библии при цитировании в сочинениях позднего периода творчества. «...святитель Тихон приобрел самую твердую и несомненную уверенность в божествен-

ности Слова Божия, так что верил ему больше, чем своим собственным чувствам. “Священное Писание, — пишет он, — есть истинное Божие Слово, которое прельстить и солгать не может, как и Сам Бог. Ему верить должно больше, нежели своим чувствам и всему свету. Чувства наши и весь свет удобнее могут обмануть нас, нежели Священное Писание”. Потому он так любил упражняться в Слове Божиим, что Псалтирь и весь Новый Завет и некоторые места Ветхого Завета знал наизусть», — заключает протоиерей А. Лебедев, характеризуя задонский период жизни святителя [Лебедев, с. 229–230].

В тексте «Сокровища духовного» цитаты представлены всеми видами синтаксического членения — от словосочетаний до сложных предложений. Приводятся они как с указанием источника сообщения, так и без указания такового.

Широкую группу образуют не а т р и б у т и р о в а н н ы е небольшие фрагменты литургических и библейских текстов, органично вплетенные в речь святителя. Например, «О, когда бы человекъ увидель будущая блага, стремился бы къ нимъ не иначе какъ “елень на источники водные” (Пс. 41 : 2)!» [с. 51]¹. Известно, что «Сокровище духовное, от мира собираемое» писалось под диктовку келейником святителя Иваном Ефимовым, затем написанное проверялось Тихоном Задонским. «Кроме книги “О истинном Христианстве”, прочие писал он не своею рукою, а диктовал писцам и весьма быстро, по большей части в утренние часы пред позднею обеднею, а редко вечерами, которые употреблял он больше на чтение Священного Писания Нового Завета, житий Святых и некоторых Святых отцов», — пишет митрополит Евгений Болховитинов в своем жизнеописании святителя [Евгений (Болховитинов), с. 366]. Иван Ефимов вспоминал: «...слово столь иногда скоротечно из уст его проистекало, что я не успевал писать. А когда не столь Дух Святый в нем действовал, то от непространных его мыслей или от задумчивости отсылал он меня в свою келию, а сам, став на колена, а иногда крестообразно распростерт, молился со слезами Богу о ниспослании Вседействующаго. Призвав же паки меня, начнет говорить так пространно, что я не успевал иногда рукою водить перо» [Записки Ивана Ефимова, с. 573]. Тихон Задонский был образованнейшим человеком своего времени. Он хорошо знал Библию, переводную и оригинальную духовную литературу; будучи священнослужителем, совершал богослужения, находясь на покое в Задонском монастыре, часто пел на клиросе. Погруженность Тихона Задонского в богослужебную жизнь, в Священное Писание, духовную литературу способствовала формированию его манеры говорить и писать. Фрагменты библейских и литургических текстов, вплетенные в речь святителя, были, по-видимому, органичной частью его свободного, непосредственного выражения мыслей и чувств.

Однако самую большую группу образуют цитаты, представляющие собой отдельные самостоятельные предложения, приведенные без указания источника сообщения. Например, «Тако миръ сей не отъ себе, но отъ Создателя своего сотворень. “Той рече, и быша, Той повеле, и создашася” (Пс. 148 : 5)» [с. 1].

¹ Цитируется по изд.: [Тихон Задонский, свт.]; здесь и далее с указанием страницы по этому изданию в квадратных скобках.

Многочисленны атрибутированные цитаты, которые вводятся в текст сочинения посредством вводных слов со значением источника сообщения или оформленные как прямая речь. Наиболее употребительными являются вводные слова, в которых источником сообщения выступает Священное Писание, несомненный авторитет в вопросах веры. Например: «...добрый христианинъ отъ Божия слова, небснаго и добраго семене раждается, по Писанию: порождени не отъ семене истленна, но неистленна, словомъ живаго Бога и пребывающа во веки (1 Петр. 1 : 25)» [с. 119]. Когда цитата оформлена как прямая речь, преимущественно приводятся слова Иисуса Христа. Например, «“Овцы Моя гласа Моего слушаютъ”, глаголетъ Христос (Ин. 10 : 27)» [с. 36]. В этом находит отражение признанный христоцентризм сочинений Тихона Задонского. «Описание земного жития и страстей Спасителя занимает центральное и важнейшее место в книге. В него естественно вплетаются, из него вытекают все любимые мысли святителя, уже во многом знакомые нам по “Истинному христианству”, и прежде всего мысль о личном подвиге последования Христу. Здесь узел всего его богословия. Бог, мир, человек, общий смысл бытия и должность христианская к соседу — все уясняется во Христе и через Христа. Практический Христоцентризм — вот конечное слово святителя Тихона об истинном христианстве, с неопровержимой силой выраженное им именно в “Сокровище духовном” и ставшее конечным словом и его жития», — подчеркивает Хондзинский [Хондзинский, 2004б, с. 40—41]. Цитаты, оформленные в тексте как прямая речь, образуют вторую по численности группу цитат. Точно приводимая из Библии речь Божия, Иисуса Христа, реплики библейских персонажей оживляют библейский хронотоп в сознании читателя, приобщают его к живому миру христианской нравственности.

В «Сокровище духовном» неатрибутированные цитаты, безусловно, преобладают. Такое положение в определенной степени объясняется и характером адресата сочинения — христианина, погруженного в церковную жизнь, способного узнать «чужое» слово (даже в модифицированном писателем виде). «О человеце! помяни въ молитве твоей, что ты предъ Богомъ стоишь, Богу беседуешь, Богу говоришь: Господи, помилуй! Господи, ущедрь! Господи, услыши! Господи, спаси! и проч. И псалмы ли читаешь или песни церковныя поешь, Богу поешь, къ Богу простираешь речь твою: Ты, Господи! Тебе, Господи! и прочее» [с. 31]. «Называешися ты христианиномъ, знаменуешися крестомъ, ходишь въ церковь, покланяешися и молишися Богу, поеши — “аллилуиа”, и, что более всего того, приступаеши ко олтарю и причащаешися Животворящихъ Таинъ Христовыхъ, слушаеши и Слово Божие, и проч.: знаки то суть подлинно христианства; но когда обиды делать ближнему и грешить не престаешь: берегись, чтобы, вместо христианина, врагомъ Христовымъ не быть» [с. 155].

Наблюдение над цитируемым материалом позволяет условно выделить в нем несколько больших функциональных групп. Самую многочисленную группу образуют цитаты, которые выполняют традиционную функцию подтверждения достоверности авторских высказываний и придания авторитетности его нравственным наставлениям. В большинстве случаев они представляют собой отдельные самостоятельные предложения, приведенные

без указания источника сообщения. Например: «...тако предъ Богомъ вездесущимъ и вся назирающимъ люди ходять, и что кто ни делаетъ, помышляетъ, зачинаеть, намереваетъ, очи Господни видять. “Съ небесе призре Господь, виде вся сыны человеческия: отъ готоваго жилища Своего призре на вся живущия на земли: Создавый на едине сердца ихъ, разумевай на вся дела ихъ” (Пс. 32 : 13–15)» [с. 2]. Или: «...тако христианинъ, хотя и верно работаетъ Христу Господу, однакожь долженъ себе признавать недостойнымъ. “Егда сотворите вся повеленная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должни бехомъ сотворити, сотворихомъ” (Лк. 17 : 10)» [с. 11].

Писатель расширяет круг функций цитаты. Он использует ее и как прямое сообщение и наставление. Например: «“Онъ хоцетъ всемъ спастися и въ разумъ истины приити” (1 Тим. 2 : 4); да будетъ таковое хотение и наше» [с. 378]. Или: «Горькое лекарство — плоти скорбь и печаль: но симъ душа болящая исцеляется. “Убо потерпи Господа, мужайся, и да крепится сердце твое, и потерпи Господа” (Пс. 26:14)» [с. 5]. Цитата используется и как яркое и образительно-выразительное средство, служащее популярной характеристике благочестивых и нечестивых, истинных и ложных христиан. Например: «...тако христиане суть простосердечны, “просты во злое, но мудры во благое” (Рим. 16 : 19)» [с. 36]. А также: «...христианину, говорю, такому, который въ беззаконныя дела вдается, законъ Божий безстрашно нарушаетъ; такому приличествуетъ истинная притча: “песъ возвращае на свою блевотину, и свинья омывшись въ калъ тинный” (2 Петр. 2 : 22)» [с. 26].

Цитата служит и усилению эмоциональности повествования. В тексте сочинения многочисленны восклицания, обращенные к Богу или человеку. Например, «О любезная и сладкая беседа, которая бываетъ между величествомъ Божиимъ и подлымъ человекомъ, иже есть земля и пепель! “Господи! что есть человек, яко познался еси ему? или сынъ человекъ, яко вменяши его?” (Пс. 143:3)» [с. 8]. Или: «...но люди иныи благостию Его умягчаются и творять покаяние; иныи ожесточаются и погибають, какъ-то Фараонъ ожесточился и погибль, — что и ныне въ мире делается. “О человече! или о богатстве благи Его и кротости и долготерпении нерадиши, неведый, яко благодь Божия на покаяние тя ведетъ” (Рим. 2 : 4)» [с. 5].

Как и в средневековой славянской книжности, очевидным явлением в «Сокровище духовномъ» является комбинирование цитат. Часто в качестве авторитетной ссылки в рассуждениях автора приводится не одна цитата, а набор из двух и более. Например: «...но вера недостатокъ разума дополняетъ, и убеждаетъ его признавать то, что Богу, яко всемогущему, все возможно. “Яко не изнеможетъ у Богу всякъ глаголь” (Лк. 1 : 37). “Верю разумеваемъ совершится векомъ глаголомъ Божиимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти” (Евр. 11 : 3)» [с. 1]. Или: «Христианине! познай свою бедность и признай, и будещи благополученъ, яко будещи смиренъ. “Богъ гордымъ противится: смиреннымъ же даетъ благодать” (1 Петр. 5 : 5). “Всякъ возносяйся смирится: смиряяя же себе вознесетъ” (Лк. 18 : 14)» [с. 179]. По-видимому, это вызвано авторским стремлением углубить духовный смысл в поучительно-толковательных целях.

Известна особая любовь Тихона Задонского к составлению молитв. Для Тихона Задонского «слово Писания было и источником его молитвенной жизни. Если Сам Спаситель взывал к Отцу с креста словами Давидова псалма, то святитель и здесь следовал Ему. Известно, что он знал наизусть всю Псалтирь, бывшую одной из любимейших его книг, и стихи ее служили ему неисчерпаемым кладезем молитв. Из них он составлял на все случаи жизни краткие молитвы, которыми молился сам и учил молиться других», — подчеркивает Хондзинский [Хондзинский, 2004б, с. 28]. Многочисленные комбинированные из цитат молитвенные воззвания панегирического и просительного характера, произносимые автором или христианином (христианами), создают в «Сокровище духовном» сильную лирическую строю. Например, «О дивное согласие ангеловъ и человековъ, подобныхъ ангеламъ, поющихъ Господа, Создателя своего! “Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посети, и сотвори избавление людемъ Своимъ; и воздвиже рогъ спасения намъ въ дому Давида отрока Своего!” (Лк. 1 : 68—69). “Благослови, душе моя, Господа!” (Пс. 102 : 1—2). “Благословенъ еси Господи, Боже отецъ нашихъ, и препетый и превозносимый во вся веки; и благословенно имя славы Твоя святое, препетое и превозносимое во веки” (Дан. 3 : 52)» [с. 54]. Или завершение статьи 42-й «Человекъ въ ранахъ»: «Такъ насъ уязвилъ врагъ нашъ сатана, что безъ помощи Божией не ино что делаемъ, какъ только падаемъ и уязвляемъ! — “Помяни насъ, Господи, во благоволении людей Твоихъ, посети насъ спасениемъ Твоимъ, видети во благодати избранныя Твоя, возвеселитися въ веселии языка Твоего, хвалитися съ достояниемъ Твоимъ. Согрешихомъ со отцы нашими, беззаконновахомъ, неправдовахомъ. Боже! ущедри ны и благослови ны; просвети лице Твое на ны, и помилуй ны — познати на земли путь Твой, во всехъ языцехъ спасение Твое” (Пс. 105 : 4—6; 66 : 2—3)» [с. 88].

Цитаты как прямое нравственное наставление, а также использованные для придания авторитетности авторским поучениям; цитаты-восклицания, обращенные к Богу и человеку; молитвенные воззвания из цитат панегирического и просительного характера — все эти разновидности цитат ярко демонстрируют две основные тональности «Сокровища духовного» — дидактическую и лирическую.

Записки Ивана Ефимова // Святитель Тихон Задонский : избр. тр., письма, материалы. М., 2004. С. 571—599.

Записки Чеботарева // Там же. С. 555—570.

Евгений (Болховитинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-русской церкви. М., 1996.

Лебедев А., прот. Святитель Тихон Задонский, всяя России чудотворец. Его жизнь, писания и прославление // Святитель Тихон Задонский. Собр. творений. Т. 1. 2-е изд., испр. М., 2008. С. 4—346.

Михаил (Чуб), архиеп. Учение святителя Тихона Задонского об истинном христианстве // Журн. Моск. патриархии. 1971. № 10. С. 60—75.

Тихон Задонский, свт. Творения. М., 1994. Репринт. изд. : Творения иже во святыхъ отца нашего Тихона Задонскаго. Изд. 5. М., 1889.

Хондзинский П., свящ. Два труда об истинном христианстве: святитель Тихон Задонский и Иоганн Арндт // Журн. Моск. патриархии, 2004а. № 2. С. 62–72.

Хондзинский П., свящ. Истинное христианство в житии и трудах святителя Тихона, епископа Задонского // Святитель Тихон Задонский : избр. тр., письма, материалы. М., 2004б. С. 10–48.

Статья поступила в редакцию 01.07.2011 г.

УДК 821.161.1.06 + 82.091 + 82-98 + 003.26

В. С. Малых

ПУШКИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ГУМИЛЕВА

Выделяются мировоззренческие доминанты, через которые проходит эволюция пушкинского героя; анализируется преломление этих доминант в творчестве Николая Гумилева. Духовная эволюция лирического героя Гумилева, подобно эволюции героя лирики Пушкина, раскрывается как религиозно-философский поиск «последней свободы» поэта.

Ключевые слова: творчество Н. Гумилева; духовная эволюция; православная традиция; мировоззренческая доминанта; рецепция; тайнопись.

Настоящее исследование представляет собой попытку осмысления пушкинской традиции в творчестве Николая Гумилева через сопоставление духовной эволюции лирических героев Гумилева и Пушкина. Отметим, что о пушкинской традиции чаще всего принято говорить или в применении к акмеизму в целом, или по отношению к творчеству О. Мандельштама и А. Ахматовой [см.: Мусатов]. Гумилевская же рецепция оказывается рассмотренной весьма поверхностно даже в Полном собрании сочинений поэта, где куда больше внимания уделено реминисценциям из Лермонтова и Надсона, а многие очевидные цитаты из Пушкина оказываются неотмеченными. Между тем влиянием Пушкина на Гумилева обусловлены не только формальные особенности ряда гумилевских текстов и определенный набор схожих тем, но и важные мировоззренческие установки, отразившиеся как в творчестве и теоретических построениях создателя акмеизма, так и в его духовных исканиях. Более того, мы решимся утверждать, что усваивание пушкинской традиции Мандельштамом и Ахматовой происходило во многом через посредство гумилевской рецепции.

Под духовной эволюцией нами понимается отражение в художественных произведениях эволюции взглядов автора на современные ему религиозные и философские идеи, а также сокровенная жизнь творческой личности. Как у Пушкина, так и у Гумилева мы встречаемся с особым рода преобразованием личной биографии автора в тексте, где возникает установка не на лирический дневник и не на создание отвлеченно-типического образа героя, а одухотворенная и преображенная в слове биография автора. Ставя во главу угла аспект духовности, мы неизбежно касаемся вопросов, связанных с русской

духовной традицией вообще и отношением к ней Пушкина и Гумилева в частности. А поскольку «русская классическая традиция есть традиция христианская» [Мосалева, с. 3], то выявление связи авторского мировоззрения с христианскими (точнее, православными) основами русской культуры представляется основополагающим для верной интерпретации его текстов. Путь Пушкина предстает при этом как постепенное раскрытие духовной сущности религиозной жизни. Генетическая связь Гумилева с православием ослаблялась или усиливалась в разные периоды его творческого пути, испытывая на себе различные философские влияния (ницшеанство, оккультизм, религиозный мистицизм). Пушкинское «уважение к преданию» и гумилевская установка на «целомудренный» традиционализм осуществляются в русле «православного типа духовности», формирующего, согласно И. А. Есаулову, «магистральный вектор развития русской культуры в целом» [Есаулов, с. 13]. Отсутствие выпуклости религиозных тем при всей их очевидной значимости в творчестве акмеистов обусловлено писательской скромностью и почтительностью перед Святыней (говоря словами А. Ахматовой, «чувством ответственности» [Ахматова, 1996, с. 650]).

Отметим, что определенное представление об эволюции Пушкина уже сложилось в современном литературоведении (см., к примеру, работы В. А. Котельникова, В. С. Непомнящего, Н. В. Измайлова и др.). Наша цель — дать краткий обзор этой эволюции и выявить ее главные доминанты. Как известно, ироничное отношение раннего Пушкина к вопросам церкви, религии послужило поводом для появления в науке эпикурейского, революционного и даже богоборческого мифов о поэте. Действительно, как отмечает Н. И. Либан, «у поэта в ранний период очень много юношеского задора, улыбки, переходящей в смех, желания критиковать и смеяться над всем, над чем не принято смеяться» [Либан, с. 365], и хотя это не повод для антихристианской мифологизации образа Пушкина, юмористическое звучание многих его ранних произведений нельзя сбрасывать со счетов. Этот юношеский нигилизм и послужит поводом для последующего раскаяния, когда «наступит расплата за “Гавриладию”» и в стихотворении «Воспоминанье» прозвучит «исповедь, полная тревоги и скорби» [Там же, с. 366]. Духовный кризис и перелом, приведший к переоценке прежнего пути, разразился в 1824 г., когда поэт находился на грани самоубийства, но в результате, по выражению Г. Анищенко, «погибает не сам поэт, а его прежние представления о бытии, жизни, личности, нравственности, искусстве» [Анищенко, с. 64]. Знаковым и судьбоносным оказывается стихотворение «Пророк» (1826), в котором Пушкин находит силы рассказать о происходящей с ним перемене. И хотя саркастические нотки время от времени еще прорываются в его поэзии, принципиально новый взгляд на мир постепенно изменяет саму интонацию пушкинских произведений. Центральной оказывается тема побега в «обитель дальнюю трудов и чистых нег», чаяние некоего мистического освобождения и преображения. Мировоззренческая линия, намеченная в стихотворении «Эхо» (1831), где голос поэта уподобляется эху, которое откликается на каждое явление сотворенного мира, а себе самому отклика не находит (т. е. личность поэта оказывается невыразимой в слове), обретает свое окончатель-

ное завершение в стихотворении «Отцы пустынноики и жены непорочны...» из «каменноостровского цикла». В нем Пушкин поэтически перелагает молитву святого Ефрема Сирина, словно отказываясь от собственного голоса. Гораздо позже об этой пушкинской жертве скажет Н. Бердяев, сопоставляя две основополагающие для русской духовности фигуры — Пушкина и Серафима Саровского: «Святой Серафим ничего не творил, кроме самого себя, и этим лишь преображал мир. Пушкин творил великое, безмерно ценное для России и для мира, но себя не творил. В творчестве гения есть как бы жертва самим собой. <...> Для Божественных целей мира гениальность Пушкина так же нужна, как и святость Серафима» [Бердяев, т. 1, с. 173]. Такова последняя свобода Пушкина, которой он чаял всю жизнь, ища ее поначалу в свободе от религиозной догматики и деспотического «самовластья», а найдя в абсолютной духовной свободе отказа от собственного голоса в пользу молитвенного слова древнего святого. Это и есть та самая «последняя страшная свобода» творческой личности, о которой говорит Н. Бердяев в «Смысле творчества» [Там же, с. 120] и которую воспевают Гумилев в стихотворении «Канцона третья» («К последней, страшной свободе / Склонился уже наш дух» [Гумилев, 1991, т. 1, с. 221]). Как видим, главными мировоззренческими доминантами, через которые проходит духовная эволюция пушкинского лирического героя, являются н и г и л и с т и ч е с к а я и р о н и я, р а с к а я н и е, и с п о в е д ь, п о б е г и д у х о в н о е о с в о б о ж д е н и е.

Духовная и творческая эволюция Гумилева осуществляется с оглядкой на идеал всестороннего гения, каким был Пушкин. В целом, логика эволюции Гумилева состоит в постепенном переходе от тем индивидуально-личностных к темам общечеловеческим. Промежуточным звеном в этом движении является эпоха увлечения оккультизмом (этот этап можно обозначить как э з о т е р и ч е с к и й). Оккультный период заканчивается духовным кризисом 1907—1908 гг. и попытками самоубийства. Мучительный поиск прочных духовных основ завершается созданием акмеизма и последующим возвращением поэта в лоно православной церкви. Так, в стихотворении «Я не прожил, я протомился...» (1915) лирический герой, созерцая «свет на горе Фаворе», «безумно тоскует», оттого что «протомился / Половину жизни земной» и надеется, что жизнь «будущую» уже не сможет «погубить», т. к. она будет в руках Господа: «Как-нибудь я жизнь дотяну, / А о будущей Ты подумай, / Я и так погубил одну» [Там же, с. 195]. Чаяние искупления и стремление отдать свою дальнейшую судьбу Богу схоже с пушкинским отказом от своего голоса. Так, оба поэта приходят к разрешению проблемы духовной свободы творческой личности в мире.

Дальнейший путь Гумилева, вплоть до его трагической гибели, проходит под знаком поиска этой последней свободы. Свидетельство тому — появление в позднем творчестве поэта колоссальных по своей значимости и духовной энергии мистических прорывов в трансцендентные сферы бытия духа («Память», «Заблудившийся трамвай», «У цыган», «Звездный ужас», «Поэма Начала»). Интерес к инославным религиозным течениям и обращение к ориентальной поэзии уже не связаны на этом этапе с оккультной идеей религиозной эклектики, а свидетельствуют о поиске поэтом конгениального диалога с иными

традициями, в котором Гумилев позиционирует себя как представитель традиции православной.

Важно подчеркнуть, что православные корни гумилевского мировоззрения гораздо сильнее, чем у Пушкина, проявлены в его раннем творчестве; кроме того, ранний Гумилев ориентируется именно на позднего Пушкина, уже прошедшего через свой духовный перелом. А. Ахматова, говоря об «единстве пути» Гумилева-поэта [Ахматова, 1989, с. 7], подразумевала, по всей видимости, особое ощущение, которое складывается при целостном восприятии его художественной системы: в ней нет слишком резких скачков; то, что в зародыше, имманентно присутствовало в самых ранних стихах Гумилева, претерпевая мощную эволюцию, постепенно вырастает в оформленный свод убеждений. Образы и мотивы (в том числе и относящиеся к пушкинской традиции), словно механически вставленные в ранние тексты, позже обретают субстанциональную значимость и органичность. Так, уже в первом опубликованном тексте Гумилева «Я в лес бежал из городов...» (1902) [Гумилев, 1991, т. 1, с. 326] в зачаточном виде присутствуют основные принципы его творчества, в том числе и принцип следования традиции, проявляющийся в четкой ориентации на позднего Пушкина с его мотивом «побега». То, что в момент создания стихотворения Гумилев «помнил» о Пушкине, подтверждается и лексическими совпадениями со стихотворением «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» [Пушкин, 1936, с. 461]. Сама формула с повторяющимся предикативом «пора... пора» в начале пушкинского стихотворения появляется во второй строке второй строфы гумилевского: «пора, пора мне отдохнуть». «Покой и воля» Пушкина перекликается с гумилевскими строками «больную душу отпусти / На незаслуженный покой» из варианта стихотворения, вписанного поэтом в альбом М. М. Маркс [см.: Гумилев, 1991, т. 1, с. 551]. Сравнение лирического героя с рабом в строках «Я мог бороться, но, как раб, / Позорно струсив, уступил» перекликается с пушкинским «Давно, усталый раб, замыслил я побег». В то же время унаследованные Гумилевым мотивы покаяния и молитвы, характерные для позднего Пушкина, вместе с аналогичными мотивами у Лермонтова, вводят ученическое стихотворение Гумилева в контекст отечественной литературной традиции, основанной на христианском видении мира. От стихотворения, которое открывает печатное творчество Гумилева, тянутся вполне очевидные нити к его поздним сугубо «христианским» стихотворениям, таким как, например, «Я, что мог быть лучшей из поэм...», «Канцона вторая» («Храм Твой, Господи, в небесах...»), «Утешение», «Я не прожил, я протомился...» и др. Однако мотивы классической («пушкинской») линии ставятся Гумилевым в его первом печатном произведении в декадентский контекст с экстатическим проявлением чувств. Гармонию стиха, свойственную золотому веку, разрушает и финальная незарифмованная строка «Меня ж прости!..», на которой лирический герой, очевидно, должен замереть в неподвижности, достигнув высшего накала страстей. Он только провозглашает смирение, но на самом деле вовсе не смиряется: накал эмоций выдает желание идти совсем по другому пути — пути тех, кого «манит и влечет борьба». И действительно, вскоре лирический герой Гумилева сознательно изберет именно этот «путь конквистадоров». Од-

нако противопоставление «двух путей» (борьбы и смирения) и трагическое их несовпадение будет волновать Гумилева всю жизнь. От такого «выпячивания» темы и сопровождающих ее эмоций Гумилев вскоре отойдет, а с образованием акмеизма и вовсе провозгласит прямо противоположные требования к стихотворцу, основанные на пушкинском тезисе соразмерности и сообразности. К примеру, очевидной ориентацией зрелого Гумилева на особенности пушкинского стиля обусловлено и появление таких стихотворений, как, например, «Туркестанские генералы», «Старые усадьбы», «Старая дева», «Почтовый чиновник», «Городок», «Телефон», «В этот мой благословенный вечер...», «мудрая простота» которых восходит к простоте и выверенности пушкинской речи.

Демоническая тема сомнения и отрицания у Гумилева, которая обычно автоматически относится исследователями к лермонтовской традиции [см.: Хикадзе], на самом деле укоренена скорее в раннем (до перелома) творчестве Пушкина. Так, к примеру, стихотворение Гумилева «Злобный гений, царь сомнений...» (1903) если и несет в себе отсылку к Лермонтову, то только через посредство пушкинского «Демона» (1823) (ср.: «Тогда какой-то злобный гений / Стал тайно навещать меня» [Пушкин, 1936, с. 360]). При этом если большинство стихотворений раннего Пушкина, связанных с религиозной тематикой, выдержаны в шутовском ключе (к примеру, послание В. Л. Давыдову «Меж тем как генерал Орлов...» (1821)), то гумилевская «светлая ирония, не подрывающая корней нашей веры» [Гумилев, 1991, т. 3, с. 17], чрезвычайно важная для понимания зрелого творчества поэта, отсутствует в его ранних опытах, так что даже в своем «отрицании и сомнении» Гумилев остается подчеркнуто серьезен. Гораздо больше мировоззренческих пересечений между поздним Пушкиным и Гумилевым эпохи духовного перелома. Яркий пример — разительная схожесть окончаний стихотворений «Монастырь на Казбеке» (1829) Пушкина и «Пятистопные ямбы» (1915) Гумилева. Оба стихотворения выстраиваются как дорога к храму, когда возникает отчетливая бифуркация духовного пути героя и возможность последнего жизненного выбора (ср. пушкинскую формулу «туда б, сказав прости ущелью» [Пушкин, 1936, с. 405] и гумилевский отклик: «Туда б уйти, покинув мир лукавый» [Гумилев, 1991, т. 3, с. 180]).

Особое место в духовной биографии Гумилева занимает пушкинское стихотворение «Странник» (1835) [Пушкин, 1936, с. 437—438], которое, хоть и является вольным переводом из Бенъяна, «есть стихотворение чисто пушкинское» [Анищенко, с. 99]. Сама тема духовного побега и странничества, основополагающая для Гумилева, во многом восходит именно к этому произведению. Особо показательны здесь образы убежища, юноши с книгой, «некоего света» и тема суда, к которому герой «не готов». Образ убежища появляется в стихотворении Гумилева «Мое прекрасное убежище...» и является на тот момент (1914) символом его поэтического мира: туда и совершает побег лирический герой, отгородившийся искусством от «недостроенных миров» [Гумилев, 1991, т. 1, с. 369]. Позже рамки жизни и творчества в восприятии поэта будут нарушены, «убежище» окажется иллюзорным, а в историософских взглядах Гумилева оформится основанная на христианской эсхатологии модель, которую можно реконструировать следующим образом: в конце времен, когда «прольется неба

страшный свет» [Гумилев, 1991, т. 1, с. 289] (у Пушкина: «держись сего ты света»), исчезнут границы между искусством, религией и жизнью, житнетворчество поэта обретет окончательный религиозный смысл. Путь к этой последней свободе от материальных границ и искусственных «убежищ» лирическому герою помогает увидеть некий таинственный посланник, соответствующий пушкинскому юноше с книгой, который одновременно готовит героя к «суду». Этот мистический смысл раскрывается в значительном комплексе стихотворений Гумилева, объединенных образом «товарища от Бога» (стихотворение «Тот другой»), «того, кто шел со мною рядом» («Вечное»), «вагоновожатога» («Заблудившийся трамвай»), «путника» со скрытым лицом («Память»), некоего таинственного «спутника» («Возвращение»), являющегося герою во сне и ведущего его через потустороннее пространство (обозначенное как «Китай» или «Индия Духа») к постижению последней истины. Помимо ассоциаций из пушкинского творчества, этот образ совмещает в себе и черты Ахматовой, и отголоски ближневосточного «Эпоса о Гильгамеше», и, что в данном случае наиболее интересно, мифологизированный в ахматовско-гумилевской т а й н о п и с и (термин Ахматовой [Ахматова, 1996, с. 288]) образ самого Пушкина. Пушкин как «смуглый отрок» у Ахматовой [Ахматова, 1990, т. 1, с. 26] соотносится со «смуглым ребенком в чайном саду» в стихотворении Гумилева «Путешествие в Китай» [Гумилев, 1991, т. 1, с. 99–100]. Принимая во внимание это соответствие, можно дать новую интерпретацию данного гумилевского текста: образ Пушкина-ребенка ассоциативно связан с Царским Селом, имеющим особое значение в судьбе Ахматовой и Гумилева, и именно китайские элементы архитектуры Царского Села, творчески вплетенные Гумилевым в данный текст, стали основой для образа «Китая» как мистической цели путешествия. Пушкин-ребенок оказывается обладателем некой тайной мудрости, которую ищут герои и ради которой они готовы продолжить свое веселое (веселое — в память о пушкинском же юморе) путешествие даже после смерти («Только в Китае мы якорь бросим, / Хоть на пути встретим смерть!»). Подлинное же преобразование лирического героя, как видно, к примеру, из текста «Возвращение» [Там же, с. 183], наступит после того, как он минует мистический «Китай» и вернется с новым знанием о себе и мире, чтобы сказать наконец, что теперь он, пользуясь фразой христианского царевича Гондлы из одноименной пьесы Гумилева (эту фразу позже подхватит в «Поэме без героя» Ахматова), «к смерти готов». Подобно пушкинскому лирическому герою, научившемуся видеть «сей свет» и уже не страшась смерти в позднем творчестве поэта, герой Гумилева готов к последнему преобразению, мученической смерти и «суду», после которого наступит последняя свобода в соединении с Богом как ни от чего не зависящим, бесконечным и бессмертным началом.

Характерно, что пушкинско-гумилевская линия оказывается противопоставленной лермонтовской именно за счет наличия в первой образа Божественного посланца, открывающего герою его подлинное предназначение и путь. У Лермонтова, к примеру, в тексте «Гляжу на будущность с боязнью...» (1838) [Лермонтов, с. 155] герой, подобно «преступнику перед казнью» (ср. с темой «суда» у Пушкина), тоже ожидает «вестника избавленья», который открывает

ему, «что... Бог готовил». Как и гумилевский герой в стихотворениях «Тот другой» и «Вечное», герой Лермонтова «молчит и ждет», однако если в дальнейшем творчестве Гумилева, отрефлексировавшего позднепушкинскую традицию, желанный посланник-спутник появляется, то герой Лермонтова (развивавшего преимущественно традицию раннего Пушкина) остается верен демоническому эгоцентризму и остается в одиночестве.

Относительно конгениального треугольника Пушкин — Гумилев — Ахматова характерно следующее соответствие: фраза Гумилева, обращенная к Ахматовой: «ты научила меня верить в Бога и любить Россию» [Ахматова, 1996, с. 342]. Эти слова, отражающие появление интереса у Гумилева к духовной жизни Родины, ассоциативно переключается с гумилевской характеристикой «интеллигента» Николая Мезенцова из неоконченной повести «Веселые братья»: «Но Мезенцов еще слишком мало знал Россию» [Гумилев, 1998—2007, т. 6, с. 185], которая восходит к горько ироничной фразе Пушкина: «Россия слишком мало известна русским» [Пушкин, 1976, т. 7, с. 311].

Таким образом, духовная эволюция лирического героя Гумилева, подобно эволюции героя лирики Пушкина, раскрывается как поиск последней духовной свободы от оков мира в Боге. Раскаяние в раннем оккультизме и приверженности «злобному гению» отрицания приводит к необходимости исповеди. Путь духовного бегства и странничества, в котором героя Гумилева ведет некий посланник-товарищ, имеющий сложную символическую природу, проходит через «прекрасное убежище» искусства и мистический «Китай» на грани жизни и смерти, сна и визионерского прозрения. Из этого путешествия герой возвращается обновленным, покорным воле Бога-Слова и готовым к последнему духовному освобождению и искуплению.

-
- Анищенко Г.* Православие. Литература. Революция. М., 2010. 302 с.
Ахматова А. Автобиографическая проза // Лит. обозрение. 1989. № 5. С. 3—21.
Ахматова А. Записные книжки. М.; Torino, 1996. 850 с.
Ахматова А. Сочинения : в 2 т. М., 1990.
Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. М., 1994.
Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. М., 1998—2007.
Гумилев Н. Сочинения : в 3 т. М., 1991.
Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. 288 с.
Лермонтов М. Ю. Избранное : Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 2002. 672 с.
Либан Н. И. Лекции по истории русской литературы : От Древней Руси до первой трети XIX в. М., 2005. 464 с.
Мосалева Г. В. Русская духовная традиция: ее генеалогия и развитие // Теория Традиции: христианство и русская словесность. Ижевск, 2009. С. 3—20.
Мусатов В. В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М., 1999. 484 с.
Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1976.
Пушкин А. Сочинения. Л., 1936. 976 с.
Хикадзе Л. Гумилев и Кавказ // Лит. Грузия. 1988. № 12. С. 111—112.

Статья поступила в редакцию 30.06.2011 г.

УДК 821.161.1-2 + 82-7 + 159.942.32

В. В. Химич

**КОМИЧЕСКОЕ КАК МОДУС ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ:
СЦЕНАРИЙ ГР. ГОРИНА «ТОТ САМЫЙ МЮНХГАУЗЕН»**

Комическое в сценарии Горина рассматривается как мирообразующее начало, как способ завершения художественности и как свойство стиля писателя. Описываются жанровые параметры «комической фантазии» и роль форм народно-смеховой культуры в их структурировании.

Ключевые слова: Гр. Горин; Мюнхгаузен; модус художественности; смех; комическое; карнавальность; гротеск.

Эпиграфом к нашей статье, который напрашивается и, кажется, исчерпывает и саму тему, и суть авторского миростояния, мог бы стать следующий: «Я понял, в чем ваша беда. Вы слишком серьезны, Серьезное лицо — еще не признак ума, господа. Все глупости на земле делаются именно с этим выражением. Вы улыбайтесь, господа, улыбайтесь! — Он подмигнул своему музыкальному трио, раздались звуки его вечной темы» [Горин, с. 92]¹. Это не просто удачно найденные слова: они выражают самое существенное в мировоззренческом и художественном составе таланта Горина. Смех предстает как мирообразующее свойство, как некий энергетический замес его способа письма. Не случайно вспоминая его современники в один голос говорят об этой абсолютной мете, называя писателя «динозавром умного юмора». Марк Розовский писал, что Горин взывал «к свободе и юмору как спасительной позиции» и юмор интересовал его не как самоцель или средство игры, а именно «как позиция, с которой можно было рассматривать человека, мир, историю» [Розовский, с. 228].

Люди, близко знавшие и чувствующие его, обращали внимание на особицу («отличку», как скажет Ст. Рассадин) его юмора от юмористики вообще, подчеркивая, что «у писателя Горина есть лицо, что, как известно, в литературе не непреложность, а достоинство, притом не столь уж и частое... Горин не вылавливает смешное, как хищный профессионал, — оно словно само идет ему в руки, само открывается, привлеченное доброжелательным и любопытным вниманием к миру и к людям. И юмор его лиричен, потому что рожден не наблюдателем, кончившим наблюдать и теперь заносающим в тетрадь свои едкие выводы, а простодушным участником жизни, где все — интересно и многое — смешно». Его юмор не «жжет, жалит, бичует, клеймит», не «срывает с наших глаз пелену», он отмечен «присутствием духа» и «доброжелательным и любопытным вниманием к миру и к людям» [Рассадин, с. 219].

Эти свойства, бесспорно, являются проявлением особого типа личности, не просто творчески одаренной, но скроенной от рождения по особым нравственным лекалам. Именно поэтому Горин «острил, сохраняя при этом... Что?

¹ Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц.

Достоинство? Это — само собой. Но и штучность. Отдельность. Что, вероятно, совсем непросто...» Должно быть, поэтому он притягивал к себе множество ярких современников, в среде которых он оказывался личностью безусловно особой. Марк Захаров и Александр Ширвиндт, Марк Розовский и Эльдар Рязанов, Аркадий Арканов и Аркадий Инин, Игорь Кваша и Олег Янковский, Александр Абдулов и Инна Чурикова, Николай Караченцев и Геннадий Хазанов — всех невозможно перечислить. Все отмечены особой печатью «штучности». И в этой удивительно родственной ему среде Горин торил свою тропу. Он был врачом и в этой своей ипостаси смотрелся своим в ряду таких писателей, как Вересаев, Чехов, Булгаков, Аксенов, Арканов. И вместе с тем его натура и здесь проступила особым настроением: «Среди докторов есть ведь тоже свои разновидности: костоправы, кровепускатели, хирурги. Гриша был терапевтом. Он мог все объяснить. Он видел жизнь как смешную и грустную комедию, полагал, что это свойство жизни как таковой» [Смолянский, с. 267]. Он по определению был ближе всех к чеховской линии: как-то так совпали корневые свойства их личностных структур. По сути, на это обратил внимание С. Рассадин: «Гриша Горин был и такой, и сякой: талантливый, умный, добрый. Но он был еще и прелестно нормален, что как отличало, так и отличает его от многих и многих, даже вполне достойных сравнения — и то, что нормальность, норма суть вещи редкостные, — это уже парадоксальность не его естественного существования, а нашей противоестественной реальности» [Рассадин, с. 223] (здесь и далее в цитатах разрядка наша. — В. Х.). Здесь лежит и корень своеобразия комического в горинском творчестве. Может, поэтому и «природа его юмора была на редкость уютна, в рост и размер нашего человека. У него все было в человеческий размер — добродушие, ясность взгляда».

Комическое было естественной эстетической средой, в которой личностная оригинальность Горина, его талант и ценностные установки получили яркое саморазвитие. В его произведениях комическое предстало как способ, строй художественной завершенности, оптимально родственной уникальности его креативной энергии. Именно этим созвучием и объяснялось то желанное для любого писателя легкое психоэмоциональное «самовозгорание», которое, применительно к Горину, М. Захаров обозначил как способность «впадать в творческое ликование» [Захаров, с. 9].

Горин называл свои произведения то шутовской комедией, то комической фантазией, то трагикомедией, неизменно выдерживая выбранные им жанровые параметры комического и его интонацию. Характерным образом миромоделирующие принципы и приемы его как комедиографа представлены в киносценариях. На описание одного из них в аспекте смехового начала и направлена данная статья.

Выбирая центральной фигурой, вокруг которой Горин выстраивает комическую реальность и формирует важный для него круг проблем, он обращается к культурному и познавательному опыту читателя, выбирая из кладовой памяти героев, за которыми тянется шлейф известности — «тот самый»: Мюнхгаузен, Свифт с Гулливером и лилипутами, авантюрист Калиостро. Автор таким образом выбрасывает приманку читателю, выставляет антенну, на которую тот

идет не просто с охотой, но с желанием посмеяться. Мюнхгаузен — чудак, враль, сочинитель небылиц — особенный, странный, не как все, «сумасшедший барон». И при этом страшно симпатичный, безобидный выдумщик с неистощимой фантазией, способный удивлять и радовать. Горин выбирает такую маску, чтобы быть свободным в смехе. И на первых же страницах, играя оппозицией правда — ложь, сам автор виртуозно подхватывает правила игры, принятые героем, устанавливая принцип вольного обращения с миром. Чередой затейливых небылиц, рассказываемых «человеком с веселыми глазами», открывается произведение. Причем, сочинитель охотничьих приключений настаивает на подлинности бывшего с ним. Когда охотники со смешком и довольным хохотом изумляются: «Дерево?! На голове у оленя?! Да сказали бы лучше — вишневый сад!», — барон спокойно объясняет недоверчивым: «Если бы вырос сад, я бы сказал — сад. Но поскольку выросло дерево, зачем мне врать? Я всегда говорю только правду». При этих словах слушатели снова «закатываются от смеха». И в это время Автор, в тоне и духе Мюнхгаузена, с удовольствием выписывает, кажется, невозможное: хохочущие охотники вдруг каменеют: «Из-за дальних зарослей орешника под плавные звуки торжественной увертюры гордо и величественно ступал царственной походкой красавец олень с белоснежным вишневым деревом на голове». И только тогда «плывут титры по белым цветам распутившегося дерева и дальним зарослям орешника. Весело, торжественно и немного загадочно» [с. 17].

Эта ключевая патетически поданная фигура предстает знаком того, что в художественном мире сценария веселая логика нарушения привычных норм принята автором как естественная, утверждающая право фантазии на преобразование реальности. Знакомое по произведениям Чехова и Булгакова «Этого не может быть» наталкивается на естественный вопрос: «Но почему?» и топчется на месте, видя в зеркале самое себя: «Потому что этого не может быть!».

Веселые глаза и неизменная улыбка становятся лейтмотивными знаковыми штрихами в портрете Мюнхгаузена. Герой такого типа вписывается автором в соответствующий хронотоп. «Вы попали в хороший дом, пастор. Здесь весело», — подмигивает Мюнхгаузен. Самим хозяином устанавливается свой способ исчисления времени: «Часы пробили три. Барон сделал два выстрела. Стало быть, всего пять». А если пистолет дает осечку, то получается полшестого. Здесь все устремлено к тому, чтобы украсить жизнь фантазией. У барона нет другого намерения. Своим чудачеством он пугает Пастора, живущего вне такого вольного пространственного измерения. Показываемая ему дарственная надпись Софокла на книге «Царь Эдип» заставляет того воскликнуть: «Этого не может быть!», на что следует обстоятельное и терпеливое разъяснение: «Да почему, черт подери?! Вы путаете его с Гомером. Гомер действительно был незрячим, а Софокл прекрасно видел и писал». «Он не мог вам написать, потому что жил в Древней Греции», — упорствует Пастор. На что слышится обескураживающее: «Я тоже жил в Древней Греции. Во всяком случае, бывал там неоднократно» [с. 22]. Читатель сразу улавливает шутовское перемигивание самого автора с Булгаковым, который подобный пассаж включает в описание другого мистификатора. Помнится, Воланд тоже

говорил что-то «за завтраком... Канту». В «правдивом повествовании» Горина Ньютон, Шекспир обозначены как реальные собеседники барона. И когда Марта говорит: «Но, может быть, ты что-то делаешь не так?! А?... Может, этот разговор с пастором надо было вести как-то иначе? Без Софокла», — барон пытается объяснить: «Ну, думал развлечь... Говорили, пастор — умный человек...» [с. 28].

Важное отличительное свойство смеха Горина состоит в том, что он излетает «из светлой природы человека». Это легкий и светлый смех при виде одаренности как украшения человеческой породы. Подобного рода светлая энергетика ощущалась близкими людьми и в самом Горине: ему счастливо суждено было «быть любимцем, при виде которого все начинали непроизвольно светиться». Он был «Гришастиком», единственным, ибо «Гриш много, а Гришастик один» [Рязанов, с. 239]. Эта уникальная светоносная энергетика, кажется, и создает особое родство автора и героя. Мюнхгаузен образует вокруг себя веселое игровое пространство и тоже как бы распыляется в окружающих и влюбленных в него людях. Неназойливой отраженной копией выглядит слуга Томас, верный соратник в затейливых играх барона, счастливым обретением Мюнхгаузена смотрится Марта, «красивая молодая женщина с приветливой улыбкой», при его появлении «часы радостно затикали, кукушка закуковала...». Сценарист Горин озвучивает свою симпатию к герою музыкальным сопровождением. В игровом сюжете неизменной фигурой становится музыкальное трио — виолончель, скрипка кларнет, без швов встроенное в общий уклад. Когда гостю предлагается: «С дороги... Чуть-чуть, а?... Согреться... До еды, а? Для тонуса. Не возражаете?», то в ответ на его согласие следует: «Вам фугу, сонату или можно что-нибудь покрепче?» [с. 20]. Этому ансамблю автор и поручает вести основные музыкальные темы: «немного грустную, но, видимо, одну из любимых хозяина дома» и «наивно-шутливую».

Действие сценария, который автором определен как комическая фантазия, вырастает из конфликта самобытности незаурядной личности и требования к ней «стать как все». На этом основании в оппозиции к Мюнхгаузену представлен круг людей, покушающихся на его свободу, и мир официальный, законный чинами и званиями, для которого барон — сумасшедший. В изображении его Горин широко использует возможности народно-смеховой культуры. В карнавальный круговорот, в орбиту смехового мира вовлекаются важная тема о правде и лжи и узловая проблема жизнеповедения: «Не летать на ядрах, не охотиться на мамонтов? Не переписываться с Шекспиром? ...Нет! Я еще не сошел с ума, чтобы от всего этого отказываться!» — говорит Мюнхгаузен. А эти — другие — нелепо смешные. Образы карнавальной природы: агрессивный дурачок Феофил, хваткая проныра Якобина, ханжа пастор, приспособленец бургомистр — вовлекаются в игровую процедуру развенчания, подвергаются осмеянию. Внезапно ясность и логичность чудака делает смешным обывательский здравый смысл. «При живой жене вы не можете жениться вторично, — говорит пастор. «Вы говорите “при живой”? — задумался Мюнхгаузен. «При живой», — подтвердил Пастор. «Вы предлагаете ее убить?!» [с. 25]. В насмешку автор заставляет служителя церкви проговаривать вслух лицедейский

абсурд морализаторских наставлений: «Но по людским и церковным законам вашей женой будет по-прежнему считаться та женщина, которая вам уже не жена».

Комизм поступков нередко происходит от бессмысленного стремления буквально повторить фантазии Мюнхгаузена. Карликом рядом с ним смотрится Феофил, ежедневно тянущий себя за косу. Горин не обличает властителей, он весело разыгрывает карнавальную ситуацию развенчания шутовского короля, изображая герцога, к заступничеству которого прибегает Якобина, узнав, что он подписал прошение барона о разводе. Тонкое остроумное остранение становится способом своеобразного опустошения значимости «его величества». Соответствующий эпизод строится на нарушении инерции ожидания, На первых порах не вызывает сомнения, что речь идет о делах государственной важности: «Умные глаза герцога отражали напряженную работу мысли. “Ваше величество, — слышался волевой женский голос. — Может быть, все дело в нашем левом крыле?” — “Да, пожалуй...” Герцог понял свою ошибку и горько усмехнулся. К нему приблизилась Первая фрейлина. — “Может быть, нам стоит урезать верха и укрепить центр?” — тихо предложила она. — “Так и сделаем, — задумчиво сощурился герцог. — Опустим правую бретельку и чуть заузим лиф”. — С этими словами он склонился над швейной машинкой и быстро прострочил нужную линию. ...Все решение в талии!» [с. 33]. Эффект внезапности вызывает веселый смех.

Государственная служба и «домашность» не просто соседствуют друг с другом: страсть к кройке и шитью проглядывает сквозь все поступки и речи правителя, порой причудливо замещая ожидаемую солидность озабоченностью белошвейки. Своеобразное затейливое оборотничество карнавальная пара герцог — швея дает толчок поистине балаганной комике, а с ней и полное освобождение от какой-либо серьезности. «Я не разрешу опускать талию на бедра. В конце концов мы — центр Европы, и я не позволю всяким там испанцам диктовать нам условия. Хотите отрезной рукав, пожалуйста! Хотите плиссированную юбку с выточками, принимаю и это! Но опускать линию талии не дам!» [с. 34]. Неуместная запальчивость герцога намеренно преувеличена автором, такая речь сама над собой смеется. На всем, что говорит герцог, лежит карнавальная печать неофициальности и свободы. В связи со всеобъемлющей трагедийностью устанавливается своеобразный ритм комического. «“Я подписал?” — удивился герцог и посмотрел на секретаря. Тот молча кивнул. — “Да! Подписал!” — строго сказал герцог. — “Значит он может жениться на Марте?” — негодуя произнесла баронесса. “Почему жениться?” — удивился герцог и посмотрел на секретаря. Тот молча кивнул. — “Да, он может жениться!” — строго сказал герцог» [с. 35]. Похоже, Горин сам наслаждается своей выдумкой и продолжает варьировать найденную им ключевую фигуру, выдерживая цельность комического характера и доводя его до фарсовых пределов. Узнав, что барон объявил войну Англии, герцог дает приказ о всеобщей мобилизации: «Форма одежды летняя, парадная: синие мундиры с золотой оторочкой, рукав вшивной, лацканы широкие, талия на десять сантиметров выше, чем в мирное время!» [с. 37]. Внезапно в его речи проглядывает бесноватость какого-то фю-

рера. Герцог, «впав в ажиотацию», требует свой мундир и, увидев его, багровеет: «Что?! Мне... в этом? В однобортном? Да вы что?! Не знаете, что сейчас в однобортном никто уже не воюет? Безобразиел.. Война у порога, а мы не готовы!» — Он резким движением перевернул стол, уселся за швейную машинку и начал лихорадочно перешивать мундир». Смешное, не идущее к месту действие выполняет саморазоблачительную функцию.

Система снижений включает и прием кривозеркального опрокидывания подлинника, вследствие чего говорящие выглядят полными глупцами. Так, официальный мир — синклит советников герцога, по воле автора, рассуждая серьезно, оборачивает веселую фантазию Мюнхгаузена в причудливую сплетню. Комическая путаница начинается с вопроса, на кого была охота: «На мамонта, кажется... Он стрелял ему в лоб, а у того выросло на голове вишневое дерево. — У кого выросло? — спросил младший офицер. — У медведя. — А стрелял в мамонта? — Вы только не путайте! ... Он выстрелил в медведя косточкой от черешни. Это всем известно. — Нет, нет... стрелял он, во-первых, не черешней, а смородиной. — Правильно, когда тот пролетал над его домом. — Медведь? — Ну не мамонт же... Их там была целая стая» [с. 40]. Удаление от истины вследствие комического кружения слов вокруг бесспорного, веселая относительность всего выступает как проявление авторской насмешки над тем, что претендует на весомость. Такое изображение направлено не на то, чтобы вызвать негодование читателя, а на то, чтобы развеселить его очевидностью нелепости.

Поскольку смех предполагает преодоление страха, литература издавна прибегала к трагическому приему перемещения фигур со значительным социальным статусом в область повседневной низовой жизни и наделение их своеобразным «простодушьем», свойственным этой среде. Причиной смешного становилась внезапность интонационного речевого перепада. Когда-то Булгаков дал блестящий образец такого рода говорения. Воланд, услышав от Бездомного, что нет ни Бога, ни дьявола, помнится, воскликнул, подобно кухарке, потерявшей соль и хлеб: «Что это у вас, чего нихватишься, ничего нет». Нередко подобный сброс появляется и в тексте Горина. «Англия тоже, ваше величество, хороша, — заметил кто-то из ближайшего окружения. — Привыкли все — Англия, Англия...» Или на слова Мюнхгаузена, что герцог в душе против Англии, тот отвечает: «Да, они мне не нравятся! Ну и что? Я сижу и помалкиваю!», а один из военных советников так объясняет задержку ареста барона: «С ним ведь все не так просто. С ним всегда морока. Небось, опять задурил всем головы».

В сюжетной динамике осмеивающий смех перемежается со смехом, который взял от карнавальной праздничности. Это смех веселый и заразительный, проистекающей из жизнерадостного отношения к миру и вольного с ним обращения. Он возрождается вновь и вновь с каждой новой ролевой маской героя, непредсказуемо удивляя и веселя зрителя. При этом Мюнхгаузен, носитель его, всегда оказывается по преимуществу в позиции торжествующей.

Эпизоды ареста и суда по определению не могут вызывать шуточного и легкомысленного отношения. Горин же, вслед за Булгаковым, прибегает к пренебрежительно-насмешливой оценочности. Мюнхгаузен всегда сам определяет,

на свой вкус ход внешне заданных событий. Он действительно «морочит голову» и ошарашивает гвардейцев непредсказуемостью своего поведения. Шутливый характер носят его диалоги с офицером. На слова приказа, что «в случае сопротивления приказано применить силу», он неожиданно задает вопрос: «— Кому? — Что “кому?” — не понял офицер... — Может, послать вестового и переспросить? — посоветовал барон» [с. 39]. И вместо ареста с применением силы разворачивается веселое представление с нелепыми выпадами и шутками, в результате оказываются посрамлены пришедшие арестовывать, которые помимо воли становятся участниками самодеятельного спектакля. Гвардейцу, обнажившему шпагу, вдруг задается вопрос совсем из другой оперы: «музыка не повредит?», и тот изумленно переспрашивает: «“Что?!” — “Несколько аккордов... Для бодрости!” — Мюнхгаузен сделал знак музыкантам». В напряженный момент поединка — снова обрыв: «“Здесь пианиссимо... Вы согласны?” — спросил он офицера. — “В каком смысле?” — опять не понял тот. — “Это место играет тоньше и задушевнее. Поддержите, пожалуйста. — Он протянул шпагу офицеру: Я сейчас покажу”. — Передав оружие офицеру, он принял скрипку у музыканта и заиграл. — “Мое любимое место!”». А в итоге заждавшийся герцог Георг при полном параде и на белом коне видит «преступника», идущего по улице с оркестром. Автор многозначительно и торжествующе сформулирует суть эпизода: «Сначала намечались торжества... Потом аресты... Потом решили совместить». Подобного рода победительное веселье порождает некий отсвет романтического пафоса.

В контексте общей праздничности знаковым выглядит немисливо яркий, приготовленный фантазером Мюнхгаузеном подарок, имеющий самую что ни на есть правдивую природу, — «нам натикало лишний день».

В русской литературе были подобные хронологические фишки, вроде февраля или марта, но были они знаками сумасшествия — «Тридцать второе мая», несмотря на внешнюю непривычность, — знак светлый, результат добрых побуждений «счастливого барона» подарить миру «лишний день жизни», еще один рассвет, еще один закат. И смысл этой правдивой выдумки совсем не в том, чтобы присовокупить к общему карнавалу еще один балаганно-фарсовый трюк, когда положительное решение суда о разводе заменяется его отменной. Здесь на поверхность выходит внутренний план действия, н о в и з н а выступает мерой подлинности человека. Ею проверяются не только осторожные обыватели, но все действующие лица. Она открывает вдруг отнюдь не веселую сторону судьбы Мюнхгаузена. Все отворачиваются от него, и происходит невозможное: от него уходит Марта: «Господи, ну почему ты не женился на Жанне д'Арк? Она ведь была согласна... А я — обыкновенная женщина, я не гожусь для тридцать второго мая» [с. 51].

Веселый юмор стирается грустной усмешкой, и следующий за этим эпизод принуждения к отречению рождает совсем не веселые ассоциации. Но автор по-прежнему со своим героем. Он выстраивает текст так, что Мюнхгаузен не произносит слов отречения, их проговаривают герцог и пастор. Он только устало соглашается подписать отказ. При этом действие вторгается в сферу подлинно трагического. Когда герцог одобряет его: «Ну вот и славно. И не надо

так трагично, дорогой мой. Смотрите на все это с присущим вам юмором. В конце концов, и Галилей отрекался!», — гонимый фантазер способен сделать выбор, не изменяя своей натуре: «Поэтому я всегда больше любил Джордано Бруно!» — с улыбкой отвечает он. И с этими словами он снова становится недосыгаемым для гонителей.

Горин не избегает острого драматизма, показывая Мюнхгаузена сжигающим свои бумаги, рисунки, схемы, отказывающимся «верить втайне», как советует ему бургомистр. Но это не разрушает целостности произведения как комической фантазии. Драматург возвращает внимание читателя к особице барона: «Я не боялся казаться смешным... Это не каждый может себе позволить» [с. 54]. А затем включает в действие событийный узел, свойственный всякому карнавалу — образ «веселой смерти». На это есть прямое указание в тексте. Раздается выстрел как знак сбившегося времени, но музыканты «поспешно схватили инструменты и, весело смеясь, заиграли стремительную и отчаянную тему барона Мюнхгаузена» [с. 55]. Во второй части сценария этот факт смерти не раз предстает в смеховой огласовке. Барон уходит в мир иной «по обоюдному согласию», по «джентльменскому соглашению». Карнавальная смерть предполагает рождение, при этом не только как прием, но как своеобразно проявленное торжество истины и неистребимость оптимистического и творческого восприятия жизни. Барон принимает решение воскреснуть, чтобы «вернуть себя», а с этим и Марту. Но подобная диалектика не вписывается в догматически однозначный бюргерский обиход. «Вы умерли, барон Мюнхгаузен, — втолковывает ему Рамкопф. — Вы похоронены, у вас есть могила». В конце концов на суде предъявляется «справка о смерти барона, выписка из церковной книги и квитанция на гроб». Он, вернувшийся, пугает не только заговорщиков. Целую серию «веселых» встреч» штрихами обозначает Горин. «У нас беда! Барон воскрес!» — кричит Томас. «Ой! Разве вы не умерли?» — восклицает влезший в окно поклонник Якобины. — «Умер», — спокойно сказал барон. — «Слава богу! — офицер вытер вспотевший лоб. — Я чуть было не испугался!»».

«Ты сошел с ума! — Баронесса нервно заметалась по комнате. — Я занята. Завтра годовщина твоей смерти. Ты хочешь испортить нам праздник? Это нечестно» [с. 69].

Обращает на себя внимание то, что, ведя действие в диапазоне комического, Горин умеет внести на обсуждение, так сказать, и саму теорию смеха, как будто вскользь дав тему. Например, на слова Томаса: «А говорят, ведь юмор — он полезный. Шутка, мол, жизнь продлевает...» — барон отвечает: «Не всем. Тем, кто смеется, тем продлевает, а тому, кто острит, — укорачивает» [с. 67]. В череде чудачеств современной жизни Горин помещает эпизод, который смотрится как мирозерцательная метафора обобщенного характера. Речь идет о памятнике, который решено поставить в честь Мюнхгаузена. Макет изображал барона сидящим на передней части разрубленной лошади, голова которой была опущена, как и положено при водопое. По замыслу, когда на открытии «прозвучит фраза «пусть же он [родник] струится в душе каждого истинного германца», из лошади польется вода» [с. 57]. Горин с остроумной усмешкой говорит

о том, как вследствие появившегося на лице герцога «творческого вдохновения» задняя половина лошади была сначала приближена, чтобы «впечатление от барона все-таки не раздваивалось», а затем «благополучно сомкнута с передней». При этом попытка возражения бургомистра («В этом вся соль! Это смешно!») была отмечена вердиктом герцога: «Так даже смешнее». Автор, однако, оставляет всех в фарсовой ситуации: «Откуда же тогда будем лить воду? Из какого места?». Мнимо значительная невнятица: «Из Мюнхгаузена лить воду не будем. Незачем. Он нам дорог просто как Мюнхгаузен, как Карл Фридрих Иероним, а пьет его лошадь или не пьет — это нас не волнует!» [с. 58], — по сути, констатирует другой, бескрылый тип восприятия — «глубокомысленный», при котором мир теряет свою многоцветность. М. Бахтин следующим образом характеризовал такого рода подмену: «Смех не внешняя, а существенная внутренняя форма, которую нельзя сменить на серьезность, не уничтожив и не исказив самого содержания раскрытой смехом истины» [Бахтин, с. 107].

Второй части сценария Горин предпосылает многозначительную деталь: «Написанный на холсте глаз смотрел на мир с сожалением». Именно такова здесь основная тональность авторского повествования. Юмор становится все грустнее, все чаще проскальзывают сатирические ноты, здесь смешное все определеннее соседствует с подлинно серьезным. Покупательнице, недовольной дороговизной вялых гвоздик, Миллер многозначительно говорит: «Наш барон, пока был жив, тоже дешево ценился, а завял — стал всем дорог» [с. 64]. Марта с горечью взмолилась: «Господи! Неужели вам обязательно надо убить человека, чтобы понять, что он живой?». Горин смеется над социальными пороками и такими знакомыми по привычным проявлениям мелкими страстишками, которые как бы и не требуют для своего осмеяния бича, но которые не могут не оскорблять нравственное чувство. Вытеснив за пределы своего мира Мюнхгаузена, его гонители моментально создают культ его: пишут портреты, читают лекции, защищают диссертации. Они лицедейски набиваются к нему в друзья, надевают маску безысходной скорби, представляются хранителями его наследия. Горин не дает им торжествовать победу, то и дело подкидывая комические внезапности. То вдруг обнаружится Библия из библиотеки барона с надписью на титульном листе «Дорогому Карлу от любящего его Матфея», то он сам появится в окне будуара Якобины, ждущей поклонника, со словами: «Не волнуйся, свои!», то на глазах студенческой аудитории поднимет за шиворот Рамкопфа, дающего обыкновенные объяснения явлений необыкновенных.

В палитру смехового автором добавляются краски пародийного снижения: в точном смысле «вино переходит в уксус». Забавная история о вишневом деревце предстает пошлой уличной песенкой: «С вишневой косточкой во лбу я хожу по улицам Ганновера и жду, когда у меня на голове вырастет вишневое дерево!» [с. 65]. Плаксивый Теофил с тупым упорством, стоя на стуле, тянет себя за волосы и пытается повторить веселый подвиг отца: с остервенением стреляет по летящим уткам и, в очередной раз промазав, лезет вверх по дымоходу.

Автор не делает предметом осмеяния какое-то определенное лицо или государственное установление и не пишет сатиру, которая жалит, он создает образ неистребимой человеческой комедии, в которой современность узнает себя.

И сегодняшний день откликается знанию автора навечно слепленными речевыми клише: «Кто же знал, что все так обернется? Мы были искренни в своих заблуждениях. Время открыло нам глаза», «Такова судьба всех великих людей: современники их не понимают». Борьбой партий смотрится битва за присвоенное себе Мюнхгаузена. При этом смех принимает подлинно фарсовые формы, склоняясь к откровенному гротеску. Опасаясь, что победят противники, Якобина уговаривает злейшего врага барона произнести хвалебную речь в его честь: «О, если бы сам пастор Франц Мусс принял участие в торжественной литургии и прочитал проповедь на открытии памятника...» — «Нет! Никогда! — У пастора подкосились ноги, и он почувствовал, что теряет сознание. — Я не могу... я не готов!». — «А я дам вам свой конспект!» — воскликнул Рамкопф — «Обойдусь!» — оттолкнул Рамкопфа пастор. — «Разумеется, — согласилась баронесса. — Вы сами найдете нужные слова. А можно под музыку». — Она сделала знак музыкантам. Музыканты запели: «С вишневой косточкой во лбу!». — «И тут вступает орган, — напирал на пастора Рамкопф. — И за ним сразу детский хор...». — «И вы, пастор Франц Мусс, стоите на амвоне с Библией в руках, на которой оставил подпись сам святой Матфей!.. Как это величественно!» [с. 64]. Площадное смешение торжественного и будничного, священного и профанного формирует мстительно веселый тон.

Горин снимает тяжесть впечатления остроумной игрой со словом. Недаром его юмор характеризуют как интеллектуальный по преимуществу, ориентированный на читателя, восприимчивого к парадоксам и ироническому острашению. Такой стиль свидетельствует об авторском чувстве собственного достоинства.

Постепенно из пестроты комических эпизодов все определеннее вырисовывается Гориним безусловность главного героя, носителя общечеловеческих ценностей, не склонного к компромиссам. В динамической системе приемов развертывается в непосредственное действие «формула комического модуса художественности — дивергенция внутренней данности бытия («я») и его внешней заданности (ролевой границы)» [Теория литературы, с. 64], а это, в свою очередь, приводит к смеховому выявлению «той детской головки, что, словно в шляпной коробке, хранится в каждой человеческой голове» [Жан-Поль, с. 149].

Пространственная вертикаль, изначально соотносимая с движением героя к себе подлинному, в конце произведения подана в виде семантического знака нравственного апофеоза личности, сохраняющей себя и свою правдивость вопреки уродливому искажению человеческой природы.

Фильм, снятый по данному сценарию, получился таким удачным, в частности, потому, что реализация сокровенной идеи о красоте и уникальности человека была обеспечена наглядно явленным ансамблем редкостных талантов, с отсутствием которых, как и с исчезновением Мюнхгаузена, как писал Горин, «климат изменяется». И потому также, что автор и режиссер оказались этой же породы.

Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса М., 1990.

Горин Гр. Тот самый Мюнхгаузен. СПб., 2008.

Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики. М., 1981.

Захаров М. Наш Тиль Уленшпигель // Горин Гр. Тот самый Мюнхгаузен. СПб., 2008.

Рассадин Ст. Присутствие духа // Григорий Горин. Воспоминания современников. М., 2001.

Розовский М. «Рояль в кустах» // Там же.

Рязанов Э. Мой друг Гришастик // Там же.

Смолянский А. On and off // Там же.

Теория литературы : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. Т. 1. М., 2004.

Статья поступила в редакцию 31.05.2011 г.

УДК 811.112.2-14 + 82'06 + 7.038.6

Н. В. Гладилин

ДРЕЙФ К ПОСТМОДЕРНИЗМУ В ПОЭМЕ Х. М. ЭНЦЕНСБЕРГЕРА «ГИБЕЛЬ “ТИТАНИКА”»

Исследуется поэма современного немецкого писателя и публициста Г. М. Энциенсбергера «Гибель “Титаника”» — одно из этапных произведений его творчества. Образ «Титаника» — грандиозная метафора западного «общества благоденствия» с его социальным неблагополучием и неравенством, и гибель легендарного судна воспринимается автором как своего рода «закат Европы».

Ключевые слова: Ханс Магнус Энциенсбергер; немецкая гражданская лирика; политический и эстетический радикализм; постмодернизм.

Ханс Магнус Энциенсбергер (р. 1929) — один из наиболее авторитетных немецких писателей современности, самый молодой лауреат престижнейшей награды немецкоязычного литературного пространства — премии имени Георга Бюхнера — за всю историю ее присуждения. Будучи автором многих поэтических сборников, он с самого начала претендовал быть «больше, чем поэтом», стремясь к активному участию в общественно-политической жизни страны и мира. В каком бы жанре (поэзия, проза, эссеистика, публицистика) он себя ни пробовал, всегда в центре его внимания были актуальные вопросы современности, при анализе которых ему удавалось сопрягать темперамент ангажированного трибуна с зоркостью бесстрастного наблюдателя. Поэтому его мировоззренческая и творческая эволюции весьма показательны для понимания многих явлений в литературной и общественной жизни ФРГ последних десятилетий.

Продолжатель традиций немецкой «гражданской лирики» от Гейне до Брехта, Энциенсбергер долгое время сочетал политический радикализм с радикализмом эстетическим. В поэтических сборниках «Защита волков» (1957), «Язык страны» (1960), «Шрифт слепых» (1964) он, с одной стороны, подвергал беспощадной критике истеблишмент аденауэровской Германии, с другой — щедро ис-

пользовал приемы, характерные для поэтического авангарда. В 1965 г. он основал журнал «Курсбух», ставший ведущим органом «новых левых» ФРГ. Публицистическая деятельность Энценсбергера 1960-х гг. велась под знаменем «нового просвещения», призванного сменить до конца не изжитое еще «варварство», в полной мере проявленное в годы нацистской диктатуры. Ближайшей тактической целью была «ликвидация политической неграмотности в Германии» («politische Alphabetisierung Deutschlands») [Enzensberger, 1974, S. 53], а стратегической идеальной — весьма смутно очерченная «революция». И когда в 1968 г. по Западной Европе прокатилась волна студенческих революций, Энценсбергер стал одним из духовных кумиров и лидеров немецкой радикальной молодежи. В том же 1968 г. на страницах «Курсбуха» был артикулирован тезис о «смерти литературы» как в ее традиционном (буржуазном), так и в авангардистском (революционном) изводе. Ни та ни другая, по мнению Энценсбергера, уже не отвечали требованиям момента, уступая место необходимости «прямого действия». Единственно актуальными модусами ее бытования становились политическая агитка либо документалистика. И даже когда революционный запал в обществе пошел на убыль, писатель еще какое-то время старался подтверждать практикой свои теоретические выкладки. На следующий год он уехал в «творческую командировку» на Кубу: во-первых, ради изучения опыта тамошней революции, а во-вторых, ради «корректировки» политического курса ее коммунистических вождей — в духе европейской просветительской традиции. Еще через год вышла в свет пьеса «Допрос в Гаване», целиком основанная на документальных источниках, а в 1972 — также сугубо документальный роман «Короткое лето анархии» о судьбе видного деятеля испанской революции и гражданской войны 1930-х гг. Буэнавентуры Дурутти.

На этом фоне поэма «Гибель “Титаника”» («Der Untergang der Titanic», 1978), одно из первых «недокументальных» произведений «постреволюционного» Энценсбергера, представляется по крайней мере этапным, если не переломным, в его творческой биографии. Правда, с формальной точки зрения никаких особых новшеств автор не демонстрирует, его индивидуальный почерк вполне узнаваем. По-прежнему широко используется документальный материал: дается подборка сообщений информационных агентств в день гибели «Титаника» [Enzensberger, 1981, S. 63–64], приводится статистика погибших и выживших пассажиров [Ibid., S. 72], равно как и другие излюбленные, не раз апробированные авторские приемы, такие как монтаж гетерогенных элементов, коллаж, центон. Правда, две песни из 33, составляющих поэму, написаны совершенно нехарактерными для Энценсбергера рифмованными стихами, но он и не скрывает «чужеродное» происхождение этих версификаций. В одном случае это переложение песни о бравом чернокожем кочегаре «Титаника» из сборника афроамериканского фольклора [Ibid., S. 65–66], а в другом — искусная контаминация трех переводных и двух немецких стихотворений разных эпох. Помимо 33 песней, в поэму входит 16 стихотворных вставок-интермедий, чья тематическая связь с главным сюжетом поэмы зачастую отнюдь не очевидна. Четыре из них вообще представляют собой описание живописных полотен неизвестных мастеров («Умбрия. Около 1490», «Венеция. 16 век»,

«Фландрия. 1521»...) — картин, не представленных ни в одной галерее мира и ни в одном частном собрании, а рожденных воображением самого поэта. Но и «основной текст» поэмы лишь фрагментами прямо повествует о событии, вынесенном в ее заглавие.

В частности, в ней тематизируется сама история ее создания. Первый вариант «Гибели “Титаника”» Энценсбергер создал еще в 1969 г. в Гаване, после чего послал готовую рукопись по почте в Европу. Однако та навечно затерялась без вести, а других экземпляров не осталось, «...потому что на всей Кубе тогда нельзя было найти копировальной бумаги» [Enzensberger, 1981, S. 21]¹.

Воспоминания о Кубе, о знойных мулатках, о жарких политических диспутах, о тогдашней спутнице жизни — дочери русских писателей Марии Александровне Алигер — становятся столь же неотъемлемой частью поэмы, как и зарисовки о гибнущем судне. Попытки восстановить первоначальный текст обречены, ибо тот оказывается привязан к моменту своего создания:

...Я развлекаюсь тем, что восстанавливаю текст,
 которого, возможно, никогда и не было. Я реставрирую картины,
 фальсифицирую свой собственный труд. И я спрашиваю себя,
 как мог выглядеть курительный салон «Титаника» и был ли
 игровой стол облицован деревом или обтянут зеленым сукном.
 Как это было в действительности? Как это было в моей поэме?
 Было ли это в моей поэме? И тот худой человек, идущий
 по Гаване, взволнованный, рассеянный, впутанный в пустые споры,
 метафоры, бесконечные любовные аферы — был ли то я в самом деле? [S. 26].

Следует отметить, что для мятежных европейских интеллектуалов конца 60-х гг. кубинская модель социализма представлялась наиболее «авангардным» общественно-политическим проектом, ибо олицетворяла собой пробуждение молодых, не отягощенных многовековой культурной и философской рефлексией обществ «третьего мира». Однако ко времени кубинского вояжа Энценсбергера коммунисты находились у власти на острове уже доброе десятилетие, и поэтому можно было сделать определенные выводы об успехах и неудачах строительства новой общественной модели. Даже, например, такая, казалось бы, незначительная деталь, как отсутствие копировальной бумаги, на самом деле весьма красноречиво свидетельствовала об одной из неизбежных и неизлечимых болезней социалистических стран — перманентном товарном дефиците. Другое дело, что левая интеллигенция Запада связывала с «победившим социализмом» не столько представление о рационально постижимом «лучшем», сколько об иррационально возделаемом «новом», «ином», «отличном от привычного», и потому, невзирая на очевидные изъяны и пороки этого «нового», была гораздо довольно долго упорствовать в своих иллюзиях. Об этом повествует и приводимый ниже фрагмент поэмы:

¹ Здесь и далее цитаты из поэмы приводятся в нашем переводе. — *Авт.* Отсылки на это издание по тексту даются с указанием страниц в квадратных скобках после цитаты.

...Тогда мы все думали:
завтра будет лучше, а если
не завтра, так послезавтра. Ну что ж —
может быть, не обязательно лучше,
но иначе, совсем иначе,
в любом случае. Все будет иначе.
Замечательное чувство. Я помню [S. 14].

Но для здравомыслящего человека никакие иллюзии не могут длиться вечно. Неизбежным было постепенное затухание революционного энтузиазма и осознание собственной ненужности, неуместности в практическом процессе «социалистического строительства». Путешествия автора на Кубу и в другие страны соцлагеря, включая СССР, оказались легкомысленным «революционным туризмом». Рано или поздно поэт вынужден был признать очевидное: «...Хорошим товарищем / я не был...» [S. 71].

О расставании с прежними иллюзиями повествует и интермедия «Объявление о пропаже» [S. 18–19]. Поводом к ней выступает опять же исчезновение первоначального текста поэмы, но, разумеется, «пропало» и нечто большее, а именно мировоззренческая «невинность» [S. 18]. Рухнули былые мечтания, былые надежды и былая легитимация собственной активности. То, что прежняя картина мира исподволь подвергалась «торпедированию», подтверждается и тем, что однажды среди пляжно-вечнозеленого парадиза поэту привиделся немыслимый в этих широтах... айсберг, символ неотвратимой и беспощадной катастрофы.

Второй вариант поэмы Энценсбергер создает в Западном Берлине, который также предстает на страницах поэмы, создавая элегическую дистанцию к кубинской одиссее. Контраст между красочной карибской идиллией и унылой промозглостью центральноевропейской зимы, между «тогда» и «сейчас» создает поле напряжения, в котором движется навстречу гибели самый знаменитый в истории пароход.

«Гибель “Титаника”» носит парадоксальный подзаголовок «комедия». Несмотря на то, что комическое начало (в форме иронии, пародии и даже сатиры) в ней, бесспорно, присутствует, произведение имеет лиро-эпическую структуру, без каких-либо драматических «вкраплений». В принципе, для Энценсбергера типично сознательное пренебрежение четкой жанровой атрибуцией своих текстов. Но в данном случае слово «комедия» употреблено в том смысле, который в него вкладывал Данте. Это подтверждается и тем, что поэма, подобно каждой из частей «Божественной комедии», состоит из 33 песней, и тем, что имя Данте носит один из пассажиров погибшего корабля. Значился ли таковой в бортовых документах реального «Титаника», в данном случае не принципиально. Ведь наряду с историческими лицами на судне присутствуют и вымышленные «пассажиры». Скажем, [Артур] Гордон Пим, «по профессии призрак» [S. 85], перекочевал сюда со страниц известной повести Эдгара По как экзemplярное воплощение всех потерпевших крах путешественников.

Сам же «Титаник» предстает как грандиозная метафора западного «общества благоденствия». Пути этого общества, одержимого манией «внутренней

безопасности» [S. 39] неисповедимы, а его грядущие катастрофы непредсказуемы, неподвластны расчетам и прогнозам. Сказанное относится и к траекториям отдельных индивидов, наивно полагающих себя полновластными хозяевами собственных судеб. Наблюдаемый на борту «Титаника» паноптикум индивидуальных амбиций, претензий, тщеславий позволяет вспомнить старинный топос немецкой литературы — бесцельно, без надежды на пристань влекомый волнами «Корабль дураков». Вместе с тем данный конкретный корабль изоморфно повторяет иерархическую структуру социального здания. Это подтверждает и постоянно подчеркиваемое деление пассажиров на три класса, соответствующих классам социальным, и бесстрастная статистика погибших, недвусмысленно свидетельствующая о том, что именно первый класс получил явные преимущества при эвакуации с гибнущего судна и посадке в спасательные шлюпки.

...Мы все сидим в одной лодке,
но: тот, кто беден, гибнет скорее [S. 71].

Социальное неблагополучие и неравенство находят свое выражение и в том, что на корабле действуют разномастные революционные агитаторы. Особенно усердствует один из всегдашних фаворитов Энценсбергера-трибуна — «русский эмигрант» Б. [S. 42], чуть позже без обиняков названный полным именем — Бакунин [S. 53]. Ему тоже нашлось место на фиктивном «Титанике» — как персонификации «бунтаря вообще», без которого ни одно нормальное общество, в сущности, обойтись не может. То, что он,

совершенно не обращая внимания
на айсберги кораблекрушения потопа
маленькой кучке парикмахеров,
азартных игроков, телеграфистов
проповедует ниспровержение — [S. 42]

в известной мере можно рассматривать как ироническую самоаттестацию автора устами его недавнего *alter ego*.

Принимая во внимание метафорическую нагрузку образа «Титаника», гибель легендарного судна можно воспринимать и как своего рода «Закат Европы» (Энценсбергер и Шпенглер используют в названиях своих сочинений одно и то же слово — *der Untergang*). Но именно в разработке темы заката-гибели и проявляется метаморфоза, происшедшая в сознании автора поэмы.

Идея «конца мира» стара как сам этот мир. Она всегда сочетала в себе отталкивающе-ужасное и гипнотически-притягательное, причем второе нередко пересиливало, ибо «есть упоение... бездны мрачной на краю». О том, какую благодатную пищу для фантазии в течение многих столетий давало представление об «Апокалипсисе» свидетельствует, например, одноименная картина умбрийского мастера [S. 12–13]. При этом перспектива конца неотделима от перспективы начала. Завершив свою картину, изобилующую жуткими сценами насилия, кровопролития, и разложения,

...художник
почувствует на короткий миг облегчение;
безрассудно-радостный, как дитя,
как будто ему дарована жизнь,
он приглашает в тот же вечер
женщин, детей, друзей и недругов
выпить вина под свежие трюфели и бекасов,
под шелестящий с улицы первый осенний дождь [S. 13].

«Идея апокалипсиса с самого начала сопровождала утопическое мышление, она следует за ним как тень, она — его оборотная сторона, ее нельзя им заметить: нет миллениума без катастрофы, без апокалипсиса нет рая. Представление о конце света — не что иное, как негативная утопия» [S. 142].

Вышеприведенная цитата взята из эссе Энценсбергера «Две заметки на полях гибели мира», опубликованного в том же году, что и поэма о «Титанике», и представляющего собой публицистический комплемент (дополнение) к последней. Названное эссе представляет собой суровый расчет с доктриной «нового просвещения» и ее «Библией» — трехтомным трудом философа-«неомарксиста» Э. Блоха «Принцип надежды», который воскресил несколько утраченную свою привлекательность идею земной утопии, изобиловал сценариями (светлого) будущего человечества и на время всколыхнул утопические потенции искусства. Недаром стихотворение «Утопия» украшало собой уже первую поэтическую книгу Энценсбергера. Утопия мыслилась им как зона абсолютной свободы, тотальной эмансипации, избавления от оков каких-либо конвенций. Именно в утопическом эскапизме, а не в наигранной «антибуржуазности» заключался истинный пафос «молодежной революции»-68. Ее неудача знаменовала собой глубокий кризис революционно-утопического сознания, повлекший за собой кризис и сознания эсхатологического. «Раньше считалось решенным, что он [конец света] — событие, которое затронет всех одновременно и без исключения; вечно неутолимое желание равенства и справедливости нашло в этом представлении последнее прибежище. Но та гибель, которая рисуется в наших головах, больше не уравнивает — напротив. Она различна для разных стран, для разных классов, для разных мест...» [S. 145]. Или, проще говоря: «Окончателность, ранее один из главных атрибутов апокалипсиса и одна из причин его притягательности, нам не суждена» [S. 144].

В «Гибели “Титаника”» о том же говорится в интермедии «Отсрочка», идея которой родилась у автора, когда в программе новостного телеканала перед ним предстали исландские обыватели совсем не героического вида, с помощью обычных пожарных шлангов противостоявшие раскаленной лаве извергающегося вулкана,

...и тем самым,
пусть серые от пепла и не навсегда, но до поры до времени,
отсрочивали закат Европы <...> ...
лишь на время, конечно, но без паники [S. 44].

В поэме многократно тематизируется «избыток», «излишек», «остаток», неучтенное, некомплектное, сверхштатное — то, что не укладывается в завершённую, непротиворечивую картину человеческого либо Божественного творения. Например, в каждом описанном в поэме произведении живописи присутствует субверсивный элемент, находящийся в кричащем противоречии с основной темой и настроением картины, и всякий раз он наиболее дорог ее создателю. Скажем, «суповая черепаха» в углу фрески «Святой Анны сам-третей» [S. 33] или же «маленькое каре из грязи столетий» [S. 83] в углу салонной картины XIX в. То же самое проявляется и в реальных событиях, о чем свидетельствует, например, внезапное обнаружение на одной из спасательных шлюпок «Титаника» пятых китайцев, отсутствовавших в списках пассажиров.

И до сих пор никто не знает,
как они, без имен, без денег,
без документов, не зная ни слова
по-английски, попали
на борт «Титаника»,
когда и как они
сели в шлюпку,
и что с ними стало [S. 86].

«Избыток» — один из центральных концептов философии Блоха, залог преступления границ эмпирической данности. Но вместе с тем он же показывает, что никакая универсальная модель мироздания не в состоянии объять и объяснить все эмпирические явления. Какой-либо надежный инструментарий для получения объективных данных в принципе не существует. Всякая, даже самая точная наука, как говорится в ироническом гимне «Исследовательскому сообществу», есть «наполовину блеф, наполовину статистика», причем статистика — лишь разновидность блефа. Ведь значительные разночтения бытуют даже относительно числа погибших и выживших пассажиров «Титаника» [S. 75]. Да и сам факт катастрофы гигантского судна, разрекламированного как вершинное достижение технической мысли своего времени, вопиюще противоречит «объективным» сведениям о его неуязвимости: недаром поэма содержит монолог инженера, который даже на краю гибели упрямо считает, что вероятность катастрофы «Титаника» полностью исключена [S. 34]. Потому-то автор и чувствует себя вправе называть современных ученых «шаманами» [S. 87]. И уж тем более не в силах объяснить происходящее диалектическая философия, недаром «Исследовательское сообщество» дополняется интермедией «Отделение философии» — сатирическое изображение конгресса гегельянцев. И опять рабочими инструментами ученых выступают сугубо шарлатанские атрибуты — «хрустальные шары» и «гороскопы» [S. 93].

Но столь же скромным потенциалом обладает и эстетическое постижение действительности. Отношение автора, опытного диагноста литературных «болезней», к присутствующим на борту «Титаника» «коллегам» по цеху, поэтам, более чем скептическое, что прямым текстом выражено в интермедии «Еще несколько причин того, что поэты лгут»:

Поскольку мгновение,
в которое слово «счастливый»
произносится,
никогда не есть счастливое мгновение.
Поскольку «жажда» никогда не исходит из уст
умирающего от жажды.
Поскольку в разговорах рабочего класса
слова «рабочий класс» никогда не встречаются.
Поскольку тот, кто приходит в отчаяние
никогда не хочет сказать:
«я прихожу в отчаяние». <...>
Поскольку слова приходят слишком поздно
или слишком рано.
Итак, поскольку это кто-то другой,
всегда кто-то другой,
кто сейчас говорит,
и поскольку тот,
о ком говорится,
молчит [S. 61].

То есть поэты лгут уже хотя бы в силу динамической природы поэтического искусства: их сюжеты протекают во времени, в неразрывной цепи сменяющих друг друга мгновений. Правда, адекватно выполнить «моментальный снимок» реальности по плечу художникам-живописцам. Моделью «остановившегося мгновения» предстает полотно «Отдых во время бегства» (Фландрия, 1521), складывающееся из ряда симультанных эпизодов, действующие лица которых, однако, всецело поглощены собой и не имеют ни малейшего представления [S. 100–101] друг о друге. Присутствует в картине и мотив страдания и мученической смерти, но он никоим образом не выступает как осевой, центральный; он лишь «один из», не способный ни структурировать нарисованный мир, ни придать ему смысл.

Интересно, что для вынесения окончательных суждений об искусстве автор выдвигает в качестве *alter ego* не кого-нибудь из старых мастеров, а салонного живописца прошлого столетия, эпигона и фальсификатора. Именно его устами Энциенсбергеру удобнее всего охарактеризовать самочувствие художника, утратившего легитимацию своего «особого положения» и веру в «правдивость» искусства.

То, что я рисую, — плохо.
Моя рука дрожит. Это не водка.
Это не слава. Это — история
с ее бесконечными уловками и трюками.
Вечное туда-сюда:
она придумывает меня, я придумываю ее.

<...>

...Истина,
темное окно там, в углу,
истина — нема [S. 84].

С проблемами познания наличной реальности тесно связана и не раз употребленная в поэме многозначная метафора ящика или коробки. В первом случае в интермедии под упомянутым заглавием «Внутренняя безопасность» ящик выступает как иносказание некоммуникабельности, психической «закапсулированности» западного человека и как таковой нагружен отрицательной, иронической коннотацией. Крик души «упакованного» в плотную оболочку индивида «Выпустите меня!» перекликается с воплями запертых в своем салоне пассажиров третьего класса «Титаника» «Выпустите нас!» [S. 45]. Однако попытка лирического «я» вырваться из плена индивидуального «ящика» оборачивается созерцанием жуткой сюрреалистической картины:

...снаружи,
 великолепный просторный ландшафт,
 покрытый жестяными банками, канистрами,
 короче говоря — ящиками... — [S. 40].

и возвращением в собственный родной «ящик» «из соображений безопасности» [S. 41]. Познавательная ценность подобного «открытия» невелика, так как о сущностном содержании заключенных в «ящики» мы ничего не узнаем, более того, вправе подозревать каббалистические «клиппот», пустые скорлупы, маскирующие отсутствие сущностей. Но через несколько десятков страниц схожая метафора коробки структурирует новую интермедию, на сей раз широковещательно озаглавленную «Гносеологическая модель»:

Вот у тебя	с надписью
Большая коробка	«И так далее»,
С надписью	и если ты
«коробка».	будешь продолжать в том же духе,
Если ты ее откроешь,	ты найдешь
то найдешь внутри	после бесконечных усилий
коробку	бесконечно малую коробку
с надписью	с надписью
«коробка	такой мелкой,
из коробки	что та словно
с надписью	испарится
«коробка».	перед твоими глазами.
Если ты ее откроешь —	Это коробка,
теперь я имею в виду	которая существует
эту коробку,	лишь в твоём воображении.
не ту, —	Совершенно пустая
ты найдешь внутри	коробка [S. 73–74].
коробку	

Подобная картина познавательной стратегии и мироздания вообще, метко прозванная А. А. Генисом «парадигмой лука», означает отказ от прежней гносеологической модели — «парадигмы капусты». Прежде практиковавшееся Энциенсбергером «центростремительное» искусство революционного авангарда «использовало в своих целях такой метод «апофатического приближения

к сакральному центру». «Обдирание листьев в поисках кочерыжки» — вот формула таких произведений, как «Облако в штанах» Маяковского или «Хулио Хуренито» Эренбурга [Генис, с. 116]. Но с обнаружением ноуменальной пустоты, с крушением метанарративных оболещений подобная гносеологическая стратегия уступает место иной, для которой «пустота не кладбище, а родник смыслов. Это космический ноль, вокруг которого наращивается бытие. Являющаяся сразу всем и ничем пустота — средоточие мира. Мир возможен лишь потому, что внутри него — пустота: она структурирует бытие, дает форму вещам и позволяет им функционировать. Это та «творческая пустота», на которую опирается даосский канон...» [Там же, с. 117].

В такой картине мира всякая катастрофа лишается своего трагедийного измерения. Фантазия о глобальном апокалипсисе уступает место представлению о множественности локальных крушений, каждое из которых лишено тотальности, всеохватности даже в ограниченном радиусе своего действия. Так, катастрофа «Титаника» не является «модельной» в силу множества элементов, некогда охваченных ею, но переживших ее. Мало того, что удалось спастись достаточно большому числу пассажиров. Еще долговечнее оказались вещи с затонувшего «Титаника» — по сути, такие же «пассажиры», но подчас более красноречивые. Гибнет вдохновенный Б[акунин], гибнут и его оппоненты, но стол, за которым сидели спорщики, по-прежнему гоним волнами Атлантики [S. 42]. Не менее ценными «свидетелями» беспрецедентного по масштабам кораблекрушения выступает найденное недалеко от места катастрофы меню (для гурманов, плывущих первым классом) [S. 30] и многие другие предметы — как аутентичные, так и имитирующие их:

Реликвии, сувениры для фанатов катастроф.
Пицца для коллекционеров, которые караулят на аукционах
и вынюхивают на чердаках.
Меню той поры
появляется как факсимильный репринт,
каждый месяц выходит новый номер «Titanic Commutator»,
официального вестника
«Общества исследования гибели».
Планы поднятия остова судна с помощью водолазов,
с помощью газовых баллонов, с помощью подлодок,
оригинальные сборные модели «Титаника»,
Пластмасса, моющиеся, метр длиной.
Copyright Entex Industries, Inc.,
\$ 29.80, без почтового сбора... [S. 98–99].

Энциенсбергер всегда помнит о том, что «Титаник» — не просто реально существовавшее и реально затонувшее судно, ставшее весной 1912 г. едва ли не главным «нюсмейкером» для набирающих силу СМИ. Это еще и «корабль-призрак», грозный фантом, поныне бороздящий пространство «западного» сознания. Так, вскоре после публикации опуса Энциенсбергера песня П. Шиллинга «Terra Titanic» (1984) надолго взлетела на верхние строчки хит-парадов, а игровые киноленты о былом грандиозном кораблекрушении обречены

на рекордные кассовые сборы (вспомним недавний всемирный успех фильма Дж. Кэмерона). Превращение погибшего «Титаника» в расхожую мифологему, в мощный двигатель многопрофильной индустрии, как чисто материальной, так и «духовно»-культурной, не раз находит свое отражение и в тексте поэмы:

«В действительности ничего не случилось».
Гибель «Титаника» не состоялась:
то был всего лишь фильм, предзнаменование, галлюцинация.

<...>

Бутики делают, как обычно, сверхприбыльный бизнес
на пепельницах «Титаник» и футболках «Титаник»;
в кино идет «A Night to Remember»²; хэппи-энд —
милая привычка, как и ограбления банков,
как подиумные дискуссии об индексации пенсий
и о социализме на отдельно взятом пароходе [S. 91–92].

Вследствие этого гибель «Титаника» утрачивает свое «сердцевинное» символическое измерение, свою эсхатологическую семантику, превращаясь в лишенное референта «пустое» означающее. Но в то же время, будучи «родником смыслов», эта пустота взамен плодит несметное количество других возможных значений, подчас самых неожиданных и неочевидных:

Гибель «Титаника» подтверждена документально,
Она — кое-что для поэтов.
Она гарантирует высокое налоговое распределение убытков.
Она — еще одно доказательство правильности тезисов Владимира Ильича Ленина.
Она идет по телевидению сразу после спортивного обозрения.

<...>

Она экологически чиста.
Она открывает путь в лучшее будущее.
Она — искусство.
Она создает рабочие места.
Она постепенно действует нам на нервы.
Она охраняется законом.
Она укоренена в массах.

<...>

Она — уже не то, чем когда-то была [S. 55].

Объекты, лишённые ноуменального стержня, заодно лишаются своих фиксированных характеристик, неизменных свойств. Не является исключением и человеческий субъект. Его идентичность размывается, стирается, разлагается на несметное множество модальностей, о чем говорится в дополняющем «Гносеологическую модель» «Гносеологическом обсуждении»:

Это не Данте.
Это фотография Данте.

Это фильм, в котором некий актер изображает, будто он Данте.
Это фильм, в котором Данте играет Данте.
Это человек, который грезит о Данте.
Это человек, которого зовут Данте, но который не есть Данте.
Это человек, который подражает Данте.
Это человек, который выдает себя за Данте.
Это человек, который грезит, что он Данте.
Это человек, который похож на Данте как две капли воды.
Это восковая фигура Данте.

<...>

Это Данте [S. 78].

Субъект, утративший идентичность, неминуемо становится вечным странником, теряет признаки «оседлости». Об этом свидетельствует еще один из сквозных образов поэмы (и всего последующего творчества Энциенсбергера) — «номады». Те внезапно появляются на прогулочной палубе судна, еще до свершившейся катастрофы [S. 79]. Оказывается, они сошли с картины, украшающей бальный салон для «избранных» пассажиров.

Внезапно, утром четырнадцатого апреля (день катастрофы. — Н. Г.), все они исчезли. Они оставили только запах пустыни и помет своих животных [S. 80].

Но, сойдя с обреченного на гибель океанского лайнера, они не ушли из творческой лаборатории Энциенсбергера, из его сознания («номады... в моей голове» [S. 96]). Человек-номад выступает как протагонист постгуманистической парадигмы, где на смену «принципу надежды» приходит «принцип катастрофы». Катастрофа более не есть нечто, противостоящее миру и в философском смысле «снимающее» его проблематику, напротив, она всегда имманентна миру, органически «встроена» в его корпус. Однако для «номадического» сознания она более не фатальна. «Номад не нуждается в утешениях и увещаниях, генерируемых гуманистической философией с целью скрасить присутствие. Все воображаемые и символические компенсации типа бессмертия души, оставления о себе доброй памяти и прочее сотканы из материи надежды — а эта заведомо ветхая материя никогда не используется для скафандра номада, даже как драпировка» [Секацкий, с. 268—269]. В этом тезисе современного российского философа А. К. Секацкого наиболее существен выпад против ключевого понятия блоховской философии. А отказ от «религии надежды» в более широком смысле означает отказ от представления о благой конечной цели исторического процесса как саморыскрyтия мирового духа. В «Двух заметках...» Энциенсбергер артикулировал его предельно четко: «...наши теоретики, скованные философскими традициями немецкого идеализма, до сих пор отказываются признать то, что давно понял всякий прохожий: что нет никакого мирового

² Фильм британского режиссёра Р. У. Бейкера (1958), в отечественном прокате известный как «Гибель Титаника».

духа; что мы не знаем законов истории; что классовая борьба — “природный” процесс, который сознательно не может направлять и планировать никакой авангард; что общественная, как и естественная, эволюция не знает никакого субъекта и потому непредсказуема; что, следовательно, если мы действуем политически, никогда не достигаем того, что себе наметили, а нечто совсем иное, что мы даже не можем себе представить; и что именно в этом причина кризиса всех позитивных утопий» [S. 151]. Вот и в «Гибели “Титаника”» Энценсбергер осознает всякую историческую катастрофу в «изначальном греческом смысле слова: как переворот, поворот или перипетию — и крушение понимается не как политически-практическая неудача, а как делегитимация целой системы политической философии, крушение — в сознании автора — того великого гегельянско-марксистского мирового театра, который имел неоспоримую силу еще у Эрнста Блоха, философа принципа надежды» [Holthusen, 1984, S. 911].

...Обед продолжается, текст
продолжается, чайки следуют за судном
до конца. Хватит нам, в конце концов,
думать о конце!.. [S. 99].

Песни 30–32, непосредственно предшествующие финалу поэмы, довольно сложны для интерпретации, поскольку происходящее в них не относится к конкретному историческому моменту. Сколько-нибудь отчетливо прописано только место действия — Берлин, но кто те люди, что действуют на фоне этой декорации, что их заботит и гнетет, какую экстремальную ситуацию им, судя по всему, довелось пережить в недавнем прошлом, — покрыто туманом. Остается предположить, что Энценсбергер рисует обобщенно-модельную ситуацию «ущевших после катастрофы». Таким блеклым, элементарным, раздираемым мелочными дрызгами могло быть существование любой ячейки общества после мировой войны или стихийного бедствия где угодно и когда угодно. Впрочем, заслуживает внимания предположение Х. Э. Хольтхузена о том, что рисуется ситуация «продолжающейся жизни» после неудавшегося восстания (допустим, все того же 1968 г.). Если революция предстоящая, предвкушаемая, предуготовляемая всегда ощущается ее деятелями как созидательное, открывающее новые горизонты Прометеево деяние, то «это — революция через перспективу Эпиметя. Революция как катастрофа» [Holthusen, 1989, S. 180].

Знаменательно, что в предпоследней (32-й) песни «Гибели “Титаника”» чудесным образом воскресает некий «мертвец» [S. 113], за право обладать творческим наследием которого в 31-й песне спорят «выжившие» [S. 108–110]. Это, как и некоторые намеки на автобиографические детали, дает немалые основания идентифицировать его с протагонистом заключительной (33-й) песни, которая «вживую», в грамматическом настоящем времени повествует об еще одной локальной катастрофе. На сей раз предельно ясно, что в роли «потерпевшего кораблекрушение, но выжившего» выступает лирическое «я» самого автора, учитывая, что в поле его зрения находятся герои первых 29 песней созданной им поэмы, реальные и фиктивные пассажиры «Титаника», положение которых ничуть не лучше:

Я вижу: они стоят на наклонной плоскости, жмутся к ней под порывами ветра, под косым дождем, неотчетливые, на краю бездны.

Нет, это не дар провидения. Погода виновата в том, что они так бледны. Я предостерегаю их, я кричу, например: дорожка — наклонная,

дамы и господа. Вы стоите на краю бездны.

Те же, конечно, лишь улыбаются мне утомленно и храбро кричат в ответ: Спасибо, ты тоже [S. 114].

В этой картине «светопреставления», вопреки сложившейся традиции, нет ничего ужасно-величественного. «Утомленно и храбро» гибнут персонажи, оставляя после себя «тысячи и тысячи мокрых насквозь чемоданов» [S. 115], но это отнюдь не значит, что за ними должен последовать автор. Расставшись со своими креатурами, он продолжает опасный путь по враждебным волнам в неизвестном направлении и с неизвестной целью:

...Я плыву и реву.

Все реву я, как когда-то, все переживает качку, все под контролем, все течет, персонажи, наверное, утонули в косом дожде, жаль, ничего страшного, хоть реви, тоже хорошо, неотчетливо, сложно сказать, почему, реву я и плыву себе дальше [S., 115].

Это не конец мира, а конец крестового похода адепта «нового просвещения» с целью преобразить и улучшить мир. Катастрофа индивидуального эстетического проекта, которая, однако, лишена какой-либо патетики. Подводя итог поэме Энценсбергера, Х. Э. Хольтхузен замечает: «в завершение — никакого реквиема, никакой молитвы, никакой морали, никакого своенравного «И-все-же». Только беспокойное меандрическое «Так-или-этак», которое не позволяет распознать никакую программу, достойную оглашения. Человек приведен к нулю, «принцип надежды» отменен. Остается лишь невнятное «почему», за спиной которого цепляется за жизнь грубая, потерпевшая крушение надежда» [Holthusen, 1984, S. 912]. Путь номада не предполагает вопросов о смысле, путь становится самодовлеющей ценностью. И понимание этого свидетельствует о том, что зрелый, выдавший виды поэт Энценсбергер вполне созрел для дрейфа в сторону новой мировоззренческой парадигмы, которую пока еще разрозненные (тем более в Германии) голоса характеризовали как постмодернистскую. И лишь через несколько лет ведущий немецкий теоретик постмодерна В. Вельш, подыскивая оптимальный культурный архетип для характеристики ее протагониста, остановится на формулировке «Одиссей, но без проекта “Итака”» [Welsch, S. 40]. То же обозначение как нельзя лучше приложимо и к позднему Энценсбергеру — в финале «Гибели “Титаника”» и после нее.

Генис А. А. Вавилонская башня. Искусство настоящего времени : эссе. М., 1997. 256 с.
Секацкий А. К. Книга номада // Секацкий А. К. Три шага в сторону : роман, эссе. СПб., 2000. С. 228–276.

Enzensberger H. M. Der Untergang der Titanic : eine Komödie. Frankfurt a/M., 1981. 121 S.

Enzensberger H. M. Nomaden im Regal : Essays. Frankfurt a/M., 2003. 198 S.

Enzensberger H. M. Palaver. Politische Überlegungen (1967–1973). Frankfurt a/M., 1974. 234 S.

Holthusen H. E. Heimweh nach Geschichte. Postmoderne und Posthistoire in der Literatur der Gegenwart // Merkur. 1984. H. 430. S. 902–917.

Holthusen H. E. Vom Eigensinn der Literatur. Kritische Versuche aus den achtziger Jahren. Stuttgart, 1989. 265 S.

Welsch W. [Einleitung] // Welsch W. (Hg.). Wege aus der Moderne. Schlüsseltexte zur Postmoderne-Diskussion. Weinheim, 1988. S. 1–43.

Статья поступила в редакцию 13.09.2011 г.

ИСТОРИЯ

УДК 741.9(571.6) + 7.031.1 + 39(=081)

З. С. Лапшина

ЯВЛЕНИЕ ПАРНОСТИ В ЛИЧИНАХ АМУРО-УССУРИЙСКОГО ПЕТРОГЛИФИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Исследуются древние личины — рисунки на скале у пос. Шереметьевского (р. Уссури, Хабаровский край). Объектом семантического анализа выступают парные личины, в том числе изображения двух змеев-драконов. Содержание образов, гендерный аспект и локализация рисунков позволяют трактовать их как персонажей картины мира обитателей данной территории.

Ключевые слова: петроглифы; личины; антропоморфные изображения; духи-покровители; духи-помощники; картина мира.

Рисунки на скалах у пос. Шереметьевского были обнаружены в 1861 г., о них сообщил Р. К. Маак [1861]. Научные исследования памятника начинаются с 1968 г. [см.: Окладников]. Петроглифы располагаются на правом берегу р. Уссури в трех пунктах, в пределах этих мест А. П. Окладниковым обнаружены древности раннего железного века и Средневековья. Наше внимание обращено на рисунки второго пункта, общее количество рисунков около 36 единиц. В их составе преобладают личины-маски (15 ед.), среди которых десять обнаруживают парное сходство друг с другом (рис.). Академик А. П. Окладников отмечал эту черту как особенность памятника [см.: Там же].

Парность, или двойственность, данных изображений, на наш взгляд, имеет непосредственное отношение к явлению дуализма в мировоззренческой системе архаических и традиционных обществ. Проблема дуализма/двоичности/близнецных культов является широко разработанным направлением мировой культурной антропологии [см., например: Носарт; Золотарев; Крейнович; Иванов С.; Иванов В.].

Цель данной работы — углубление представлений о дуализме в монументальном искусстве древних племен бассейнов Амура и Уссури посредством

анализа семантики парных личин шереметьевских петроглифов (см. рис.). Для этого использован разработанный автором прием структурного анализа личин-масок [см.: Лапшина]. Он заключается в выявлении следующих позиций: 1) описание камня и расположение на нем рисунка; 2) характеристика контурной линии; 3) описание внутреннего заполнения «личины»: а) наличие симметрии, б) разделение элементов рисунка на составные части, в) характеристика основной части личины и ее составляющих (левой и правой частей, лобной части); 4) заключение по рисунку и содержанию художественного образа.

Петроглифы выполнены в технике пикетажа, т.е. выбивки каменным отбойником на поверхности камня мелких частичек и объединения их в желобчатую контурную линию.

• **Пара 1 (рис. 3, 20).**

Место расположения. Личина 3 выбита на отдельной плоскости скалы, ограниченной трещинами, на высоте более 5 м. На изображении имеются внешний и внутренний контуры. Рис. 20 изготовлен на краю углового выступа скалы на высоте 4 м от подножия. Это крайний рисунок на скале вниз по течению реки. Сохранность плохая.

Характеристика контурных линий. В рис. 3 просматривается разворачивающаяся спираль, когда линия внешнего контура продолжает виток внутреннего контура от основания по левой стороне. Виток заканчивается в верхней части головы. На конце спирали — голова змеи. В рис. 20 внешнего контура нет. Внутренний контур слева огибает верхнюю часть головы и доходит до носа. Возле рта показан свернутый петлей хвост змеи. Справа нанесена отдельная фигура за пределами контура (о ней в п. 3). Лобная часть не оконтурена, нет также единой обрисовки основания рисунка.

Внутреннее заполнение личины:

1. Наличие симметрии. Рис. 3 симметричен по вертикали. Прослеживается схожесть глаз, ноздрей и двух завитков слева и справа. Выше глаз симметрия выражена в центральном расположении выемки на четырех линиях лба. Личина 20 асимметрична.

2. Разделение внутреннего заполнения. Рис. 3 зрительно делится не только по вертикали, но и по горизонтали. Свободное пространство между глазами и ноздрями делит рисунок на верхнюю (глаза и лоб), нижнюю (ноздри, усы, рот), а также на левую и правую части. Рис. 20 фигурой носа разделяется на левую и правую части.

3. Характеристика частей. На рис. 3 верхняя часть фигуры — глаза. Они выбиты точками-ямками внутри круга. Далее вокруг них ярусами выбиты две несомкнутые линии-дуги: первая начинается под правым глазом, а заканчивается под левым, на участке между глазами дуги соединяются углом. Следующий ярус в точности повторяет предшествующий, но оба конца плавно сливаются с линиями-завитками нижней части рисунка. Завершающий третий ярус — это линия от завитка на левой щеке, которая плавно огибает голову до левого виска. Нижняя часть внутреннего заполнения построена вокруг ноздрей. Две плотно сдвинутые ноздри переданы аналогично глазам в виде ямок в круге. Из кругов вниз и в стороны выбиты две кривые линии с завитками на концах.

Парные личины	Номера личин (рисунков)	
Пара 1	 <p data-bbox="730 660 746 683">3</p>	 <p data-bbox="1102 660 1118 683">20</p>
Пара 2	 <p data-bbox="730 945 762 967">6a</p>	 <p data-bbox="1102 945 1134 967">6b</p>
Пара 3	 <p data-bbox="730 1229 762 1252">7a</p>	 <p data-bbox="1102 1229 1134 1252">7b</p>
Пара 4	 <p data-bbox="715 1482 767 1505">8(a)</p>	 <p data-bbox="1098 1482 1150 1505">8(b)</p>
Пара 5	 <p data-bbox="730 1778 762 1800">13</p>	 <p data-bbox="1102 1778 1134 1800">14</p>

Петроглифы Шереметьева. Рисунки парных личин (пункт 2)

К последним примыкают линии из верхней части рисунка. Завитки создают впечатление закрученных усов. Под ноздрями обозначен рот двумя кривыми горизонтальными линиями, сливающимися слева и справа с контуром. Двумя короткими вертикальными полосками показаны зубы. На рис. 20 нос показан в виде длинного узкого выступа, обрисованного линиями. Сразу под носом изготовлен рот в виде выпуклой трапецевидной фигуры. Глаза сделаны бугорками неправильной формы, окруженными линиями-дугами. В правой части глаз окружен двумя кругами и двумя разомкнутыми линиями. Левый глаз окружает линия, дважды огибающая его петлей и заканчивающаяся головой змеи. Справа личину сверху донизу обрамляет введенная в композицию фигура. В верхней части это загнутая вовнутрь линия, утолщенная в форме головы змеи, с ее конца свисают тонкие повисшие отростки — «усы». Ниже фигура напоминает тело гусеницы, состоящее из 4 отделов округлой формы с перемычками. У основания она завершается двумя толстыми чуть загнутыми короткими линиями «ножками».

4. Описание лобной части. В рис. 3 лоб зрительно сливается с глазами. И в то же время пересекающие его параллельные линии несут символическую нагрузку, т. к. это наиболее распространенное заполнение лба личин Амура. В рис. 20 на участке лба свободное пространство.

З а к л ю ч е н и е. Оба рисунка в своей структуре содержат мотивы волнистой «линии-змеи» и выпукло-рельефных фигур. На рис. 3 маркирующими образ деталями выступает голова змеи надо лбом, а также драконьи ноздри и усы с завитками. По этим признакам перед нами один из вариантов образа змея-дракона. В рис. 20 маркирующей деталью выступает боковая фигура с усатой головой. И змеи, и драконы в древнем искусстве нередко изображаются как усатыми, так и рогатыми. Он зрительно напоминает рис. 3, хотя отличается от него асимметричностью. Создан зооморфный с фантастическими чертами образ, в котором также просматривается вариант солярного Змея-дракона. В сопоставлении с рис. 3 он обладает большей мягкостью черт, что присуще, на наш взгляд, женской персоне. Рис. 20 отнесен к категории женских персонажей. Близкие мифологические параллели этой пары изображений встречаются в мифологии айнов Японского архипелага, где солнечному женскому божеству «тюп-камуй» соответствует «бог грома» дракон «канна-камуй». Это пара божественных змей-демиургов из верхнего мира айнского пантеона [Спеваковский].

• **Пара 2 (рис. 6а, 6б).**

М е с т о р а с п о л о ж е н и я. Пара рисунков под № 6 занимает верхний ярус скалы на высоте более 4 м; размещены на отдельной плоскости, ограниченной трещинами. Рядом имеется отдельное изображение личины, внешне не сопоставимое с изучаемыми. Рисунки 6а, 6б неразрывно связаны и взаимообусловлены. Изображения выбиты тщательно, сохранность полная. На них имеются внешний и внутренний контуры, из которых первый создает общую форму рисунка, а второй определяет черты характера личины.

Х а р а к т е р и с т и к а к о н т у р н ы х л и н и й. Оба изображения обладают и внешним, и внутренним контурами. На рис. 6а внешний контур в верхней части широкий и округлый, значительно более узкий в нижней части; основа-

ние в виде прямой неровной и тонкой линии. Внутренний контур имеет сердцевидный облик вверху, где полусферами очерчены глаза. Нижняя часть личины выведена конусом, подбородок широкий и твердый, выведен тонкой линией. На рис. 6б внешний контур имеет очертания перевернутой груши: верхняя часть широкая и овальная, нижняя — зауженная и округлая. На верхушке головы прямо от линии контура вверх отходят 9 толстых и 3 тонких отростка с округлыми и срезанными концами; два из них нанесены очень тонкими линиями. Расположены равномерно, создают впечатление поднятых дыбом волос. Внутренний контур отделяет лоб от остальной части личины, он имеет сердцевидный облик вверху, где полусферами очерчены глаза; в нижней части очерчен округло, линия подбородка совпадает с внешним контуром.

Внутреннее заполнение личины:

1. Наличие симметрии. Рис. 6а симметричен по вертикальной оси. Левая и правая части личины практически идентичны. Рис. 6б симметричен по вертикали. И левая, и правая стороны подготовлены одинаково.

2. Разделение рисунка на составные части. Рис. 6а зрительно разделяется на две части — лобную и содержимое внутреннего контура, где, в свою очередь, можно выделить основную (глаза) и нижнюю (нос, рот) части. Рис. 6б разделяется на содержимое внутреннего контура и лобную часть. Первый из них делится, в свою очередь, на основную (глаза) и нижнюю (нос и рот, подбородок) части.

3. Характеристика частей внутреннего контура. Рисунок 6а. Основная часть. Оба глаза оформлены одинаково: это круглые бугорки с ямками — зрачками, окруженные углубленно-рельефным кругом. Внутренним контуром глаза обведены еще раз, и между ними оставлен угол — мысок. Нижняя часть оформлена иначе: здесь снятием поверхности камня подготовлена фигура из соединения вверху двух линзовидных бугорков и нижнего ряда из пяти прямоугольников разного размера, означающих зубы. Нижняя часть подана в контрасте к верхней, так как здесь нет кривой линии. Рисунок 6б. Основная часть. Оба глаза сделаны одинаково, и аналогично глазам рисунка 6а: в центре ямка-зрачок, далее выпуклый круг, за ним углубленно-рельефная окружность. Нижняя часть. Здесь снятием поверхности камня подготовлена фигура из соединения вверху двух малых кругов и внизу овального сегмента. В кругах показан нос в виде тонкого ободка справа и круглого бугорка слева. В нижней части оставлены выпуклыми шесть прямоугольников разного размера, означающих зубы.

4. Описание лобной части. На рис. 6а лоб занимает малую площадь за пределами внутреннего контура. От центра лба над ним вверх выбиты две полудуги, вливающиеся во внешний контур, образован знак раскрытых «птичьих крыльев». Выше оставлен выпуклый бугорок в виде треугольника. На рисунке 6б лоб специально не выделен, он определяется по участку в центре, где от середины влево и вправо расходятся две изогнутые линии в виде раскрытых «птичьих крыльев», они создают угол вершиной вниз. В самом центре вверху оставлен выпуклый треугольник. В целом, на рисунке, включая лоб и внутренний контур, выделяются два углубленно-рельефных, и два выпукло-рельефных, вписанных друг в друга угла вершинами вниз.

Заключение по рисунку и содержанию художественного образа. В структуре рисунков сочетаются углубленно-рельефные кривые линии, окружности, а также выпукло-рельефные фигуры, но преобладают первые. Внешний контур создает впечатление грубого и упрощенного образа в рис. 6а и утонченного — в рис. 6б. Внутренний контур выполняет единую функцию на обоих рисунках, он определяет череповидный характер изображений. В облике личин подчеркнут расовый признак: линии вокруг глаз ассоциативно воспринимаются еще и как широкие азиатские скулы. Круглые глазницы, крутые скулы, выраженные зубы — все это указывает на тщательно переданные признаки черепа в ритуальной маске-личине, изготавливаемой для устрашения зрителей во время обрядовых мистерий. На рис. 6б устрашающее впечатление усилено полосками на голове как вставшими дыбом волосами. Крупный и упрощенный рис. 6а представляется мужским персонажем, а более мелкий рисунок 6б — женским.

• **Пара 3 (рис. 7а, 7б).**

Расположение на скале. Под номером 7 обозначены две личины, расположенные на высоте 4 метра на отдельной плоскости скалы, ограниченной трещинами.

Характеристика контурной линии. Форма рис. 7а удлиненно-овальная подчетыреугольная. Линия контура начинается и заканчивается чуть выше висков и справа, и слева, не охватывая ровную овальную верхнюю часть головы. По сторонам плавными выступами показаны высокие скулы, правая выше левой. Подбородок овальный и довольно широкий. Рис. 7б наносился неглубокими широкими линиями-желобками, которые очерчивали слабо выпуклые рельефные фигуры. Контурная линия мелкая и широкая, особенно широка в области левой щеки и подбородка. Ею обрисован удлиненно-овальный контур, широкий и покатый одинаково и сверху, и снизу. Зрительно утяжелен подбородок слева широкой «свисающей» линией.

Внутреннее заполнение личины:

1. Наличие симметрии. Обе личины симметричны относительно вертикальной оси. Обе части рисунков (левая и правая) выдержаны в едином стиле. Не совпадают отдельные элементы, но они не ломают гармонии.

2. Разделение рисунка на составные части. Оба рисунка зрительно разделяются на левую и правую части (глаза и щеки), нижнюю (нос и рот) и лобную.

3. Характеристика частей внутреннего заполнения. На обоих рисунках ведущими выступают левая и правая части. Они выразительны благодаря размещению глаз внутри выпукло-рельефных окружностей, «привязанных» к вертикальной оси. Глаза в виде ямок-зрачков окружены углубленно-рельефным кругом и выпукло-рельефным ободком. На личине 7б они меньшего размера, как, собственно, и весь рисунок. Слева и справа сверху вниз проделаны узкие желобчатые линии. На рис. 7а по одной на каждой щеке, а на рис. 7б — по две линии. Они волнистые, пластично огибают глаза, что придает особую выразительность личине. На рис. 7а на правой щеке эта линия заканчивается утолщением типа головы змеи, а внизу на уровне носа она заканчивается изгибом и высту-

пом, затем соединяется с линией контура. На левой щеке на том же уровне округлая фигура, повторяющая в своих очертаниях рот. Нижняя часть дана оригинальным способом: центр личины от глаз и вниз освобожден от плиточной поверхности, на этом обширном участке оставлен бугорком нос треугольной формы, а ниже выпуклая фигура рта с ямкой в центре: на крупном рисунке 7а рот маленький удлиненно-овальный, а на меньшей личине 7б рот крупнее, в виде удлиненного прямоугольника. За пределами этого участка остается выпукло-рельефная площадка подбородка.

4. Лобная часть рисунков сделана в одном ключе, но разделяется количеством деталей. На лбу нанесены выпукло-рельефными фигурами и углубленно-рельефными линиями углы вершиной вниз, т. е. к участку между глаз. На рис. 7а два таких угла, и в центре лба сверху узкая полоска-бугорок. На рис. 7б три углубленно-рельефных угла и соответственно три выпукло-рельефных, а сверху в центре лба треугольной формы бугорок по типу носа, но в перевернутом виде.

Заключение по рисунку и содержанию художественного образа. В структуре рисунков имеются как углубленно-, так и выпукло-рельефные пространства и фигуры. Площадь, освобожденная от плиточной корки, служит фоном для выпуклых деталей внутреннего заполнения личины. Внимание зрителя концентрируется на левой и правой частях, подчиненных вертикали. Волнистые линии на щеках подчеркивают широкие скулы персонажа монголоидной расы. Возможно, так показана татуировка в виде змей. На рис. 7а знаки на щеках в нижней части змеек могут быть маркировкой пола змей-покровителей обладателя данной личины маски. Ритуальные знаки в виде углов на лбу, их количество на маске имели особую значимость для древних обитателей Амура, потому что это самые распространенные символы, помещаемые на лбу антропоморфных изображений. К рисункам применимо понятие расписной шаманской маски-личины. Более крупный и выразительный рисунок (7а) выступает ведущим в данной паре и представляет, на наш взгляд, мужской персонаж. Личина 7б по размерам, упрощенности рисунка и его деталей, отнесена к женской половине пары. На лбу личины 7а начертано три знака, а на лбу личины 7б — их шесть. Сведения по числовой символике в культуре нивхов позволяют относить четные числа к женской сфере, а нечетные — к мужской [см.: Крейнович].

• **Пара 4 (рисунки 8а, 8б).**

Расположение на скале. Исследуемая пара входит в группу из пяти изображений, выбитых на одной плоскости скалы, ограниченной трещинами с четырех сторон. Среди них полуфигура лося, возле нее фаллический знак, чуть ниже более крупный женский знак (треугольника с полосой вершиной вниз). Личины 8а, 8б. расположены в нижней части плоскости. Личина 8а занимает место слева, она более крупная. Несколько выше над нею изображен женский знак. Личина 8б немного смещена вниз, по размерам уступает рис. 8а.

Характеристика контурной линии. Личина 8а овально-подчетырехугольной формы, при этом вершина головы выполнена овальной линией, а подбородок — прямой.

Внутреннее заполнение личины:

1. Наличие симметрии. Облик личины создает впечатление симметрии, но при внимательном рассматривании оказывается, что в деталях личины симметрии нет.

2. Разделение на составные части. Облик делится на основную (глаза, брови, нос), нижнюю (рот, подбородок) и лобную части.

3. Описание основной и нижней частей личины. Основная часть. Глаза — наиболее выразительная часть личины, хотя они лишены зрачков. Сделаны по-разному. Правый крупнее, это выпукло-рельефный удлиненный овал, срезанный на виске, он окружен углубленно-рельефной линией. Фигура глаза, будучи срезанной, все же выходит за пределы внутренней границы контура. Левый глаз иной, это выпуклая тонкая линза, окруженная широкой желобчатой линией. Он уместается в границах лица. Под глазами по центру выбиты две маленькие неодинаковые ямки-ноздри (правая больше левой). Над глазами выбиты четкие углубленные линии бровей, они слиты, а затем прямыми стрелками расходятся влево и вправо. Нижняя часть. Подбородок тяжелый: это прямая линия, но правая скула очерчена округло, а левая почти под прямым углом. Рот сделан в виде ямки линзовидной формы.

4. Описание лобной части. Обширная площадка лба сверху широкая овальная, а снизу — ограничена бровями в виде угла. На этом большом пространстве нанесен один знак — угол вершиной вниз.

Заключение по рисунку и содержанию художественного образа. В основе рисунка лежит углубленно-рельефная линия. Несмотря на асимметрии в деталях личины, создан гармоничный образ властвующего персонажа. Форма личины с куполовидным верхом указывает на могущественность образа. Начертание глаз передает жесткость и строгость. Аккуратность рта, носа, овал лица — все указывает на женский образ. Не случайно над личиной начертан женский знак. Возможно, это образ прародительницы, дающей начало живым существам, в том числе и промысловым копытным животным.

Личина 8б овально-подчетыреугольная, при этом вершина головы чуть заужена и выглядит высоким куполом, а подбородок очерчен прямой линией с плавно округленными прямыми скулами.

Описание внутреннего заполнения.

1. Наличие симметрии. Личина симметрична по вертикальной оси: одинаковы брови, глаза, ноздри носа и рот.

2. Разделение элементов рисунка части. Он делится на основную (глаза, брови, нос), нижнюю (рот, подбородок) и лобную части.

3. Описание основной и нижней частей личины. В основной части глаза — не самая выразительная деталь: они маленькие, в виде узких линзовидных ямок. Более выражены брови, которые от переносья расходятся влево и вправо, как крылья птицы, и вливаются в контур. Нос начинается короткой вертикальной линией от бровей, завершается широкими ноздрями, ровно срезанными на конце. Эта деталь останавливает внимание. Нижняя часть. Широкий и тяжелый подбородок очерчен прямой линией. Рот в виде выпукло-рельефной

узкой линзы, окруженной крупной фигурой овально-четырёхугольной формы. Так показаны широкие сочные губы, отличающиеся от тонких сухих губ личины 8а.

4. Описание лобной части. Площадь лба выразительная. Он сделан высоким и представительным как у особ высокого ранга, но на нем нет знаков.

Заключение по рисунку и содержанию художественного образа. В структуре рисунка преобладает углубленно-рельефная линия. Создан мужской образ с твердым характером, что подчеркнуто тяжелым подбородком и бровями. Широкие ноздри носа придают некоторую мягкость образу. К нему можно отнести фаллический знак, хотя он расположен не рядом. Это, безусловно, мужской персонаж в паре прародителей.

• **Пара 5 (рис. 13, 14).**

Место на скале. Рис. 13 находится в непосредственной близости от рис. 14: справа от него имеется отдельная плоскость, ограниченная скальными трещинами, на ней выбита рядом личина 12. Пару составляют личины, нанесенные на разных плоскостях. Сохранность удовлетворительная; нижняя часть утрачена вместе с отвалившимся куском скалы.

Характеристика контурной линии. Рис. 13 — личина удлиненно-купольной формы, выполнена углубленно-рельефной гибкой линией, которая охватывает практически полностью рисунок и обрывается в его нижней части слева и справа. По левой стороне от контура вовне нанесены короткие отростки «плюмажа»: в нижней части их четыре, они одинаковой длины и ритмично расположены; выше уровня глаза их два: короткий с острым концом и длинный с изгибом и утолщением на конце. Возле центра головы еще два коротких отростка (толстый и тонкий). Рис. 14 — личина удлиненно-купольной формы без очерченного основания. Контурная линия сохранилась полностью на левой стороне, на правой только на небольшом участке по середине. Контур подготовлен широкой неглубокой линией. Левая сторона от внешней границы контура покрыта частыми длинными тонкими полосками плюмажа (21 шт.).

Внутреннее заполнение личины:

1. Наличие симметрии. Оба изображения симметричны по вертикальной оси. На личине 13 ее определяют знак на лбу, нос, рот и усы. Симметрично показаны брови, глаза, усы. Выпадает из симметрии плюмаж из отростков, но эта деталь носит дополнительную и, возможно, специальную смысловую нагрузку. На личине 14 симметрия просматривается от центра купольной верхушки головы к центру бровей, по носу и далее по центру усов и бороды. Все детали личины одинаковы и слева и справа.

2. Разделение рисунка на составные части. Оба изображения зрительно распадаются на основную, нижнюю и лобную части.

3. Характеристика составных частей. Оба рисунка одинаково разделяются на основную (глаза, брови и нос), нижнюю (рот, усы, борода) и лобную части. Исполнение основной части на рисунках практически идентично: носы даны выпуклыми конусовидными фигурами, глаза — в виде «рыбок» с длинными узкими «хвостами». Различаются зрачки: на рис. 13 они в виде ямок, на рис. 14 —

в виде бугорков. Под глазами выбиты линии от носа по обе стороны лица до контурных линий. Брови на первом рисунке длинные, достигающие внешнего контура, а на втором брови короткие, не достают до участков «висков». Нижняя часть. На рис. 14 непосредственно под носом проходит волнистая линия усов, в ней показан рот в виде овального бугорка с ямкой. На рис. 13 рот сделан чуть ниже носа аналогичным овальным бугорком, но без ямки. Сразу под ним выбиты две широкие волнистые линии усов. На рис. 14 ниже рта вторая линия усов, параллельная первой, ниже — третья, аналогичная, но наполовину утраченная. Последняя деталь рисунка — борода, в виде десяти вертикальных и коротких отростков. На рис. 13 эта часть утрачена.

4. Описание лобной части. Лоб на обоих рисунках представляет собой обширное пространство, купольное сверху, а снизу ограниченное линией бровей. Лобные знаки у них сходны в своей основе, но различаются в деталях. На рис. 13 вверху в центре лба выбит угол вершиной вниз. На рис. 14 в том же месте аналогичный угол нанесен более тонкой линией, возле вершины две маленькие ямки, что делает фигуру сходной с сапогом на широком и длинном голенище. На некотором расстоянии от ямок выбиты два прямоугольника.

Заключение по рисунку и содержанию художественного образа. Структуру рисунков составляют тонкие прямые линии и геометрические фигуры. Доминанта мотива прямолинейности указывает на позднее происхождение изображений. В монументальном искусстве Амура мотив прямолинейности появляется как инокультурное явление с запада в эпоху палеометаллов и раннего Средневековья [см.: Окладников]. На это указывает также и подчеркнута воинский облик персонажей (усы, борода), характерный для сложной социальной структуры социума того времени. Удлиненно-купольная форма личин утверждает высокий статус персонажей. Оба снабжены головным убором с плюмажем, который ассоциируется с сиянием, исходящим от высшего небесного божества. Интересен сложный геометрический знак на лбу личины 14, состоящий из длинной центральной фигуры и двух прямоугольников. В эпоху раннего Средневековья выдающиеся воины и вожди племени пребывали в статусе сакральных лиц и ассоциировались с первопредками от начала мира для соплеменников. Знак на лбу данной личины, окруженный по флангам двумя одинаковыми прямоугольниками, передает мотив Мировой Горы или Мирового Древа. В знаковой системе древних сообществ именно так могли обозначить центр мира, мировую ось и сопряженную с ними персону [см. об этом: Евсюков].

Итак, изучение парных шереметьевских личин выявило определенную системность, заложенную как в структуре рисунков, так и в содержании образов. Нами прослежена парность и к о н о г р а ф и ч е с к а я. Рисунки как будто повторяют друг друга, но это не копии, а скорее модели образов близкого содержания. При этом в каждой паре одна из личин более разработана и выглядит доминирующей.

Важно отметить также принцип парной локализации личин. Он характерен для пар 2, 3, 4, каждая из которых занимает отдельную изолирован-

ную плоскость скалы. Пара 5 размещена на разных плоскостях, но в непосредственной близости друг к другу. Большинство рисунков выдерживает этот принцип. Исключение составляют рис. 3 и 20: иконографически они составляют пару, но расположены отдельно: один в начале комплекса изображений, а другой — в его конце, что не может не иметь знаково-символической нагрузки.

Отличительные черты в паре могут означать мужские и женские признаки, более высокий статус одного из персонажей. Разнополость обнаруживают пары 1—4. Исключением из правила стали рисунки пары 5: обе личины обладают мужскими признаками.

Рисунки делятся на две группы, обладающие собственными «содержательными нишами». Первая состоит из пары зооморфно-фантастических образов змеев-драконов и маркирует внешний или небесный мир. Это образы первого порядка в картине мира обитателей реки Уссури и в целом Амуро-Уссурийского петроглифического комплекса [подробнее см.: Лапшина]. Вторая группа состоит из четырех пар с антропоморфными героями: прародители всего сущего, череповидные устрашающие маски, орнаментированные шаманские маски-личины, образы «правителей-воинов». Они характеризуют внутреннюю земную часть мироздания. Пара 4 покровительствуют рождению в человеческом коллективе и в промысловом стаде, это прародители всего живого. В ней просматривается сохраняющийся примат женского начала, но факт показа достойного ей мужского образа указывает на обновление культа, что приближает рисунки к эпохе палеометаллов. Это случай, когда гендерный аспект обозначает социохронологическую стадиальность. Пара 2 отражает, возможно, социальные образования типа тайных мужских союзов. Известно, что они отличались жестокими ритуалами с человеческими жертвоприношениями и устрашающими атрибутами. Маски с плюмажем наносились в местах проведения ритуалов, они увеличивали силу жреца — руководителя обряда. По данным Ф. Боаса, в ритуале жертвоприношений индейцев Северной Америки только главное лицо оснащалось головным убором с «плюмажем» [см.: Boas]. Е. А. Окладникова на петроглифах северо-западного побережья Северной Америки трактует изображения с «сиянием» вокруг головы как знак главного духа — людоеда, обладавшего правом на особый головной убор. Второй персонаж в паре 2 нами рассматривается как личина с женскими признаками, ее размещение в совокупности с главным духом символизировало единство и неизбежность жизни и смерти [см.: Окладникова, Boas]. Пара 3 представляет расписные шаманские маски-личины. В шаманской практике неизвестны случаи, когда шаманами становились оба супруга в семье, зато духи-покровители шаманов — могли быть парой. Кроме того, на Амуре был развит близнецкий культ. Духи-близнецы — таежные покровители шамана адо дуэнтэ, изображаются антропоморфной парой. Но и другие духи-помощники, например маси и бучу ульских шаманов, могут быть парой [см. об этом: Смоляк]. Маски-личины пары 3, на наш взгляд, — это символы духов-помощников шамана либо по типу ульских маси (мужское) и бучу (женское), либо по типу адо дуэнтэ. Пара 5 своими признаками указывает на военную сферу, предположительно это покровители войны и воинов стадии военно-племенных объединений. Эта пара не супружеская,

среди них нет образа с женским обликом, возможно, поэтому они размещены на разных плоскостях скалы, хотя и в непосредственной близости.

Системность в расположении парных личин на скале имеет свое семантическое и композиционное завершение в рисунках первой группы (пара 1). Один змей-дракон начинает изобразительный ряд на скале, а второй его заканчивает. Символизм композиции петроглифов второго пункта шереметьевского памятника заключается, на наш взгляд, в том, что посланники небесной сферы змеи-драконы, являясь персонажами первого ранга, опоясывают пантеон из персонажей второго ранга и тем самым отделяют земную сферу мироздания от небесной. В этнографии низовьев Амура изображения Вселенной на ритуальной атрибутике неизменно сопровождаются фигурами двух змей-драконов, ограничивающих видимый мир слева и справа либо снизу и сверху.

В данном случае змеи-драконы заключают в одно освоенное пространство всех основных персонажей картины мира племен бассейна р. Уссури. Семантическое содержание основных рисунков показывает, что они изготовлены в конце каменного века — начале эпохи металлов. Рисунки пар 4, 5 выбиты не ранее появления металлов и не позднее раннего Средневековья. Этот факт усиливает константу пары драконов: архаические образы каменного века бытовали в Средневековье. Этнография народов Амура указывает на сохранение этих образов в картине мира и в ритуальной атрибутике (шаманских бубнах, костюмах) этнографического времени, а в современности они занимают свою нишу в декоративно-прикладном искусстве.

Парные рисунки из древнего изобразительного творчества по своей сущности отражают мировоззренческую мифологию. Это предметные знаки философии дуально-родовой организации социума, занимающей позицию общечеловеческого универсума. Как писал А. Н. Золотарев, в ней «найден трафарет, которым человек воспользовался при классификации внешнего мира» [Золотарев, с. 291]. Парными героями — братьями-близнецами или сестрами в зооморфном и антропоморфном обликах — заполнена мифология каменного века, эпохи палеометаллов и раннего Средневековья. В представлениях обитателей бассейна Амура и Уссури мир создавался парой демиургов, двумя змеями-драконами (пара 1). Он разделен ими на две половины (земную и небесную или земную и водную). В архаическом обществе было два брачных класса (фратрии) (к примеру, у нивхов и ульчей Амура — люди Таежного пути и люди Водного пути) [см.: Там же]. В шаманистских представлениях дуализм проявляется в парности духов-покровителей шамана (пара 3). В период завершения каменного века, когда появляются мужские культурные герои и лидеры военно-политического характера, привнесены изменения в дуальную систему мировидения. Появляются личины антропоморфных супругов-прародителей как пары личин, где женская и мужская половины представлены паритетно (пара 4). Так обозначен, на наш взгляд, переход от системы материнского рода к патриархату. В этом процессе одним из главных факторов было усиление роли тайных мужских союзов со сложными обрядами устрашающего характера (пара 2). Другой стороной обновления общества было формирование института вождей и сакрализация власти. Эту сторону иллюстрирует пара 5.

Дуализмом как кровеносной системой были пронизаны поры древнего общества. Парные личины на скале пос. Шереметьевского по семантическому содержанию и композиции являют собой отражение мифологизированной дуальной структуры мироздания древних обитателей бассейнов Амура и Усури.

Маак Р. К. Путешествие по долине р. Усури. Ч. 1. СПб., 1861.

Евсюков В. В. Мифология китайского неолита : по материалам росписей на керамике культуры яншао. История и культура востока Азии. Новосибирск, 1988. 128 с.

Золотарев А. Н. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. 330 с.

Иванов Вяч. Вс. [Рецензия]. Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний // Сов. археология. 1968. № 4. С. 276–287. Рец. на кн. : Золотарев А. Н. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник : (по материалам XIX – нач. XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока. М. ; Л., 1963. 500 с.

Крейнович Е. А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., 1973. 495 с.

Лапина З. С. Образ Змея-Дракона в монументальном жанре древнего искусства Амура // Вестн. Тихоокеан. гос. ун-та. 2010. № 1 (16). С. 267–272.

Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971. 335 с.

Окладникова Е. А. Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск, 1989. 168 с.

Спеваковский А. Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов. М., 1988. 205 с.

Смоляк А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура). М., 1991. 280 с.

Boas F. The social organization and the secret societies of the Kwakiutl Indians // Ann. rep. of the Bureau of Amer. Ethnology / Smithsonian Inst., .S. Nat. museum. Washington, 1897. 500 p.

Hocart A. M. The Life-giving Myth and Other Essays. L., 1970. P. 78–86.

Статья поступила в редакцию 12.07.2011 г.

УДК 002.2(47 + 57) + 655(47 + 57) + 94(47 + 57)

И. В. Починская

**КНИГОИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
АНДРОНИКА НЕВЕЖИ И ИВАНА НЕВЕЖИНА:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***

Рассматриваются проблемы изучения истории русского кириллического книгопечатания второй половины XVI — начала XVII в., связанные с деятельностью Андроника Невежи и его сына Ивана Невежина. Дана оценка разнообразным теориям и гипотезам, касающимся этого периода развития книгоиздания в русском государстве.

Ключевые слова: Россия; кириллическое книгопечатание; типография; Оружейный приказ.

История русского кириллического книгопечатания, как любого социального явления, имеет свои этапы развития, определяющиеся, с одной стороны, общими процессами трансформации социально-политической и экономической жизни России, отражающими ее региональные особенности модернизации, с другой — логикой его внутреннего развития.

Заметим, что при всем многообразии литературы, посвященной различным аспектам русского книгопечатания, нет специальных работ, обосновывающих его периодизацию. Лишь в отдельных исследованиях, касающихся других проблем истории книги, встречаются весьма беглые и краткие высказывания об этапах развития отечественного книгоиздания. Предлагаемая учеными периодизация, как правило, не выходит за пределы XVII в.

Первым на эту тему высказался П. А. Бессонов: «...до Смутного времени типография решала лишь вопрос о своем существовании, закладывая первые основы организации по большей части еще внешней и механической. Потом деятельность ее была ослаблена, и Михаилу с Филаретом принадлежало возобновление, восстановление полуразрушенного». Затем Бессонов отмечает период от Алексея Михайловича до Федора Алексеевича как время зрелой поры жизни московской типографии, характеризующейся «тревожными усилиями, — выработать условия печатания и разнообразие шрифтов, очертить обширный объем производства, поспеть ответом на разгоревшиеся потребности народа, гоняться то за внутренним исправлением текста, то за поддержкою доверия, за созданием круга читателей, за отделкою всей внешности». И, наконец, последний период, обозначенный Бессоновым: «Собственно, только при Федоре Алексеевиче, в это безмятежное время, успела типография, так сказать, устояться. Это с ближайшими годами самая счастливая ее эпоха в древней Руси, эпоха правильной организации, во сколько возможно было по тому времени» [Бессонов, с. 44–45].

* При финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках НИР «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов», 2009–1.1–301–072–017.

С периодизацией Бессонова практически солидарен В. Е. Румянцев. Отличие его точки зрения заключается в том, что он не выделяет отдельным этапом развития книгопечатания конец XVII в. начиная с правления Федора Алексеевича. История древнерусского книгопечатания, по мнению Румянцева, разделяется на два периода: 1) с 1553 г. (основание Московского Печатного двора) до разорения во время литовского нашествия в начале десятилетия XVII в.; 2) с восстановления книгопечатания при царе Михаиле Федоровиче до введения Петром I в начале XVIII в. гражданского шрифта. «Со времени введения гражданских шрифтов наступила новейшая эпоха русских печатных типографий, учрежденных в разных местах правительством и частными лицами» [Румянцев, с. 1 (ненум.)].

Уже в начале XX в. несколько строк периодизации кириллического книгопечатания посвятил А. И. Некрасов: «В первом периоде рисуется могучая фигура Ивана Федорова, во втором — Андроника Невежи; в третьем мы найдем много типографий, в Москве и в других городах (имеются в виду города, вошедшие в состав российского государства после присоединения украинских земель. — *И. П.*), а также и много имен; время исключительного подвижничества отдельной личности в книгопечатном деле в России в эту эпоху уже было в прошлом» [Некрасов, с. 101]. Третий период у Некрасова начинается с восстановления московской типографии в 1614 г. и продолжается до конца XVII в.

По мнению А. А. Сидорова, первый период русского книгопечатания длится с момента его возникновения до сожжения типографии в 1611 г. Второй период имеет границы 1614-й — конец 1640-х гг. Эти грани определяются исследователем, с одной стороны, «воссозданием Печатного двора, с другой — началом печатания «первых крупных «светских» изданий, появлением гравюры на меди, западной техники». Следующий этап — это конец 1640-х — 1670-е гг., «конец церковной реформы книг, введение патриархом Иоакимом новых внешних признаков проверенных изданий» [Сидоров, 1946, с. 80].

Однако представления об этапах развития книгопечатания у Сидорова в полной мере еще не сформировались: «Эти водоразделы, конечно, не могут быть установлены с полной категоричностью. Издания, например, Бурцева, образуют в 30-х годах характерную группу, предвещающую много нового. Книги конца XVII в. — и 80-х годов с их явным усилением иноземных элементов, и 90-х, отмеченных появлением наиболее занятных гравированных книг-альбомов, — тоже вполне обособлены» [Там же, с. 80–81].

А. С. Зернова, один из крупнейших специалистов советской поры в области изучения кириллического книгопечатания, не оставила четких формулировок в определении этапов его развития. Однако они просматриваются в ее изложении материала по истории орнаментики московских изданий XVI—XVII вв. [см.: Зернова, 1952, с. 17–26]: первый период длится с момента возникновения книгопечатания до московского пожара 1611 г., второй — с восстановления книгопечатания в 1614 г. до 1676 г., третий — с 1677 г. до середины XVIII в. [см.: Зернова, 1963]. Важно отметить, что периодизация Зерновой базируется главным образом на изменении внешнего вида книги, ее оформления.

Во второй половине XX в. рост научного интереса к расколу русской церкви и истории старообрядчества оказал влияние на периодизацию книгопечатания. Исходя из того факта, что реформа патриарха Никона началась с внесения изменений в книжные тексты, многие исследователи стали выделять в качестве рубежа в развитии книгопечатания XVII в. 1652–1653 гг. [см., например: Поздеева, 1990, с. 14–78; 1991, с. 13–15; 2001; Градобойнова, с. 315–327; Грицевская, с. 268–295; Гурьянова, с. 13–18]. Однако новейшие исследования все больше подтверждают весьма редкие и робкие высказывания, имевшие место в прошлом, о том, что никоновская реформа «была лишь одной из многочисленных попыток улучшить славянский перевод богослужебных книг» [Карабинов, с. 643]. О. С. Сапожникова убедительно показала, что принципиальные изменения в работе Печатного двора происходят в период владычества патриарха Иосифа [см.: Сапожникова]. Они определялись трансформацией официальной идеологии государства, выразившейся в переходе от политики изоляционизма (Москва — Третий Рим) к политике православного универсализма. Новые политические задачи вызвали расширение репертуара Печатного двора, создание программы новых переводов богослужебных и богословских книг, изменение подходов к редактированию текстов, который предполагал «эволюционный переход от средневекового текстологического сопоставления к критическим изданиям нового времени», постепенную и осторожную подготовку книжной реформы. Никон попытался продолжить начатое Иосифом, но им книжная реформа, о необходимости которой говорил еще Максим Грек, была проведена не так, как этого требовала логика развития древнерусской книжности [Там же, с. 316].

Проблема всех предлагавшихся схем периодизации заключается в отсутствии четких критериев, на которых они строились. Например, весьма показательно для всех этих схем обозначение в качестве важного рубежа в развитии книгоиздательского дела сожжение типографии в 1611 г. и перерыв в ее работе до 1614 г., с которого принято начинать новый этап. Встает вопрос, что изменил этот перерыв в деятельности типографии?

Исходя из собственного анализа истории русского кириллического книгопечатания и мнений предшественников об этапах его развития, хотелось бы предложить свое видение этого процесса. Нам представляется, что в основу периодизации должны быть положены изменения системы управления и организации книгоиздания, которые, указывая на место и роль, отводимые ему властью в государственной структуре, тем самым демонстрируют складывающуюся степень влияния печатной книги на общество в эти периоды. Выделение подэтапов внутри периодов основано в первую очередь на трансформации запросов общества, ведущих к изменению репертуара типографий, подхода к тексту, его подготовке к печати, оформлению книги.

Первый этап (середина XVI в. — 1619 г.). Становление книгопечатания. Длительность этого периода определяется сложностями политической жизни государства. Верхний рубеж этапа знаменуется реорганизацией системы управления книгоизданием, осуществленной патриархом Филаретом.

Второй этап (1620 г. — конец XVII в.). Верхний рубеж этапа определяется прекращением патриаршества в результате церковной политики Петра I,

что повлекло за собой существенные изменения в управлении Московской типографией и в ее финансировании.

Третий этап (XVIII в.) Адаптация официального кириллического книгопечатания к условиям активизации перехода общества от традиционного к современному.

Кроме того, восемнадцатый век в истории русского кириллического книгопечатания отмечен началом новой линии его развития, обеспечившей продолжение иосифовской программы реформирования книгоиздания. Это старообрядческое книгопечатание, имеющее свою периодизацию, на которой мы пока не будем останавливаться.

Этапы имеет свои внутренние подэтапы, на обосновании их выделения мы остановимся позднее, после завершения анализа изучения всех этапов развития кириллического книгопечатания.

Историографии начального периода книгопечатания (первые его 13 лет, деятельность анонимной типографии и типографии Ивана Федорова) посвятил значительную часть своего творчества один из крупнейших современных книговедов Е. Л. Немировский. Интерес ученого к этой теме, не ослабевавший до наших дней, был определен еще в начале его научной деятельности кандидатской диссертацией [см.: Немировский, 1964а]. В ходе ее подготовки исследователем было рассмотрено состояние вопроса не только в отечественной литературе, но и в польской [Немировский, 1962б, с. 255–266; 1962а, с. 239–263; 1963, с. 5–42; 1964б, с. 389–437]. По той же проблематике ученым было подготовлено и издано несколько указателей литературы [Немировский, 1975; 1983]. Подведением итогов исследований первых лет русского книгопечатания стала фундаментальная работа Немировского «Иван Федоров и его эпоха» [2007]. Анализ изучения последующих лет первого этапа книгопечатания не нашел должного освещения в литературе, к этому аспекту темы мы и обратились. Его рассмотрению мы планируем посвятить серию статей, публикация которых уже началась [см.: Починская, 2007, с. 122–131; 2010, с. 119–125]. Данная статья продолжает эту серию.

Послефедоровский период московского книгопечатания плохо документирован. Отсутствие источниковой базы для реконструкции системы организации книгопроизводства заставило исследователей сосредоточить свое внимание на персонах мастеров-печатников, упомянутых в выходных данных книг, и на анализе изданий, в том числе их послесловий.

После отъезда Ивана Федорова и Петра Мстиславца из Москвы работу по книгоизданию продолжили Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев, выпустив Псалтырь в 1568 г. Эти имена упомянуты только в одной книге, и документов, фиксирующих какую бы то ни было информацию о них, не обнаружено.

Украинский исследователь О. Губко попытался обосновать украинское происхождение первого из мастеров исходя из того, что имя Тарас малороссийское [см.: Губко, с. 20]. Второго мастера историография XIX в. стали отождествлять с печатником Андроником Тимофеевым Невежей, имя которого впервые появилось в Псалтыри 1577 г. Первым об этом заявил И. М. Снегирев, введший Псалтырь 1568 г. в научный оборот. Свое мнение он дополнил высказыванием

о том, что Андроник был братом Петра Мстиславца [см.: Снегирев, с. 59–60]. В дальнейшем мысль об этих родственных связях не получила поддержки, а вот признание тождества между Невежей Тимофеевым и Андроником стало доминирующим [см., например: Каратаев, с. 220; Румянцев, с. 51; Гатцук, с. 343; Леонид (Кавелин) 1883, с. 15; Зернова, 1947, с. 45; Сидоров, 1951, с. 126], но четкого обоснования этой позиции никто из исследователей не сформулировал. В первой половине XIX в. И. П. Сахаровым было высказано другое предположение: Невежа Тимофеев — отец Андроника Невежи [см.: Сахаров, с. 414]. Уже в XX в. это мнение поддержал М. Н. Тихомиров [Тихомиров, 1962, с. 97–98]. Сомнения в том, что обе послефедоровские Псалтыри напечатаны одним и тем же человеком, высказывал Ю. А. Лабынцев [см.: Лабынцев, 1993, с. 11]. Эту точку зрения разделял Е. Л. Немировский, дополняя ее гипотезой, что печатные мастера, «может быть, даже родные братья» [Немировский, 1997, с. 27]. Кроме того, исследователь, не объясняя своих выводов, заявил, что «по некоторым косвенным сведениям можно предположить, что происходил он [Андроник Невежа] из Новгорода» [Там же, с. 38]. Но в более поздней работе Немировский отказался от своих прежних взглядов, указав, что Невежа Тимофеев, возможно, идентичен Андронику Невеже и вовсе не упоминает о новгородском происхождении печатника [см.: Немировский, 2007, с. 539–540].

Сочинение об истории книгопечатания в Московском государстве «Сказание известно...», написанное в 40-х гг. XVII в., две редакции которого были опубликованы в 1836 г. П. И. Строевым [Строев, с. 438–447], называет Андроника Невежу учеником Ивана Федорова. Опираясь на это заявление источника, ряд исследователей придерживались такой точки зрения, находя тому подтверждения в тождестве шрифта невеженских изданий с федоровским шрифтом, а также в аналогиях декора книг печатников [см., например: Булгаков, с. 238–239; Божерянов, с. 12; Покровский, с. 16; Зернова, 1952, с. 14, 22; Немировский, 1985, с. 245; 1997, с. 38]. Однако в послесловии Псалтыри 1568 г. нет упоминаний о предшествующем книгопечатании, текст колофона создает впечатление, что типография, выпустившая книгу, является первой, а Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев — первопечатники. Пытаясь объяснить эту особенность послесловия Псалтыри, архимандрит Леонид (Кавелин) предположил, что в период становления книгопечатания в Москве там сложилось несколько групп печатников, получивших знания основ типографского искусства у некоего иноземного учителя. Одну из групп составляли Иван Федоров и Петр Мстиславец, другую — Андроник Невежа, он же Невежа Тимофеев, и Никифор Тарасиев. Эти группы находились в состоянии соперничества. Отсутствие в послесловии к Псалтыри 1568 г. упоминания о предшественниках, по мысли исследователя, свидетельствует именно об этом [Леонид (Кавелин), 1883, с. 15, 29–30].

Два штриха к биографии Андроника Невежи попытался добавить А. А. Сидоров. Анализируя орнаментiku ранних московских изданий, он пришел к выводу, что Андроник начал свою деятельность в анонимной типографии [см.: Сидоров, 1946, с. 63]. Его причастность к работе этой типографии ученый аргументирует следующим: «...в третьем анонимном Евангелии (широкошриффт-

ном. — *И. П.*) есть пример печатания инициала с не вынутым в гравюре черным фоном, в вышедшей из той же типографии Псалтыри встречается тот же инициал уже в доделанном виде, с вырезанным фоном, ставший линейным. Именно такие же приемы встречаются в книгах Невежи. В его изданиях встречается заставка, которая известна в нескольких «состояниях». Вначале она как бы не доделана, снабжена черным фоном, в дальнейшем она «дорезывается», превращается в линейную. Таких случаев история оформления русской книги не знает, кроме как в указанных изданиях анонимной типографии и в книгах, выпущенных Андроником Невежей» [Там же, с. 70].

Мысль о связи Невежи с анонимной типографией Сидоров повторил в своей следующей монографии («Древнерусская книжная гравюра»), но там она сформулирована в более осторожной форме [см.: Сидоров, 1951, с. 132—133]. Позднее мнение Сидорова поддержал Немировский, дополнив его доводы своим наблюдением о широком использовании в изданиях Андроника Невежи слепого тиснения, характерного для книг анонимной типографии. Однако этот вывод исследователя противоречит контексту, в котором он упоминает об изданиях печатника. Немировский говорит о том, что наличие слепого тиснения свойственно не только изданиям анонимной типографии, но и книгам Ивана Федорова, оно особенно активно использовалось в московском Апостоле мастера. С учетом вышеупомянутого признания ученым Андроника Невежи учеником Ивана Федорова его аргумент, якобы подкрепляющий гипотезу Сидорова, выглядит крайне неубедительно. Доводы Немировского позволяют говорить о слепом тиснении как об общей особенности раннего московского книгопечатания, но не об участии Андроника в работе анонимной типографии.

В ходе анализа оформления невеженских изданий Сидоров, вслед за А. И. Некрасовым [Некрасов, с. 97] обратил внимание на стилистическую связь изображения царя Давида на гравюре в Псалтыри 1568 г. с книжными миниатюрами XVI в. и подчеркнул особое его сходство с изображением Мамая в Лицевом летописном своде. Сидоров предположил, что гравюра была выполнена по рисунку одного из миниатюристов царской мастерской, а гравером, только начинающим деятельность в этом качестве, был сам Невежа. Возможно, Андроник тоже являлся работником книгописной мастерской, которая занималась иллюстрированием Никоновского летописного свода [см.: Сидоров 1951, с. 129, 131—132].

С Андроником Невежей связан значительный период раннего русского книгопечатания. Его деятельность на поприще книгоиздания носила прерывистый характер, что, несомненно, объясняется сложностями внутривосточной жизни страны этого периода.

После выхода в свет Псалтыри 1568 г. книгоиздание в Москве было прервано. Возобновление печатного производства книг произошло во второй половине 1570-х гг. в «новом граде слободе», где была устроена типография, печатным мастером которой являлся Андроник Невежа. По одной из гипотез московская типография, выпустившая издание 1568 г., сгорела во время пожара 1571 г. [см., например: Соловьев, с. 13; Тихомиров, 1940, с. 94; Тихомиров, 1959, с. 40]. Однако эта точка зрения разделялась не всеми учеными.

А. А. Покровский справедливо заметил, что деятельность типографии прекратилась за три года до пожара. Следовательно, «...не один только московский пожар 1571 г. задержал деятельность Печатного двора, были и какие-то другие причины, нам теперь неизвестные» [Покровский, с. 18].

А. С. Зернова, характеризуя данный период московского книгопечатания, ничего не говорит об уничтожении московской типографии огнем, но считает, что типография в слободе была временно вывезенной из Москвы [Зернова 1952, с. 15]. Со стана слободской печатни сошли две известные на сегодняшний день книги: Псалтырь 1577 г. и Часовник ок. 1577–1582 гг. К середине XX в., когда писалась работа Зерновой, библиографией была зафиксирована только Псалтырь, поэтому исследовательница характеризует одно это издание. «Орнамент ее тесно связан с московским и по стилю и по общности досок, и мастера, ее печатавшие московские» [Там же]. Более того, Зернова определила, что клише инициалов Псалтыри 1568 г. были использованы Андроником Невежей в издании 1602 г. [см.: Там же, с. 14–15], значит, они не сгорели.

В 1967 г. Т. Н. Каменева ввела в научный оборот упомянутый выше слободской Часовник [см.: Каменева, с. 133–144]. В статье, посвященной его атрибутированию, исследовательница приводит дополнительные факты, усиливающие сомнение в гибели московской типографии. Кроме инициалов, отмеченных Зерновой, она установила еще ряд элементов декора Псалтыри 1568 г., употреблявшихся Невежей в более поздних изданиях. Так, в Триоди постной 1589 г. для оформления одной из страниц Невежа использовал заставку малого формата, увеличив ее до размеров полосы набора, с помощью дополнительных украшений справа и слева. Они были выполнены разрезанной на две части доской инициала «Н», отпечатанного в Псалтыри 1568 г. Одно из клише заставок Псалтыри [см.: Зернова, 1952, (№ 96)] использовано мастером в Минее общей 1600 г. В анализируемом Каменевой Часовнике (л. 101) был обнаружен оттиск ломбарда (В), имеющийся и в Псалтыри 1568 г. (л. 186). Это клише также было употреблено позднее в Триоди цветной 1591 г. [см.: Каменева, с. 137, 140]. Наконец, об особенностях шрифтов Невежи писали многие исследователи, отмечая тождественность их во всех изданиях и указывая, что в их основе лежит гарнитура Ивана Федорова [см., например: Румянцев, с. 51–52; Некрасов, с. 97–98; Зернова, 1947, с. 44, 93–94; Зернова, 1952, с. 22; Каменева, с. 140–141. При этом заметим, что Тихомиров и Лабынцев считают, что федоровские издания напечатаны другими шрифтами [см.: Тихомиров, 1959, с. 39; Лабынцев, 1993, с. 11]. Таким образом, нет оснований считать пожар причиной прерывания книгопечатания в Москве. Несмотря на это, Л. И. Сазонова в статье «Словаря книжников», посвященной Андронику Невеже, со ссылкой на А. Н. Соловьева повторяет мысль о гибели типографии во время пожара 1571 г. [см.: Сазонова, с. 40–42].

Уже в XIX в. развернулась дискуссия о местонахождении слободы, указанной в послесловии Псалтыри 1577 г. В 1813 г. В. С. Сопиков, впервые введший это издание в научный оборот [Сопиков, 1813, с. 185 (№ 932)], в 1-м томе своего «Опыта российской библиографии» привел цитату из записок о путешествии в Москву 1581 г. папского легата Антонио Поссевино, который прямо

указывает на Александрову слободу (ныне город Александров) как место расположения типографии при Иване Грозном. Правда, ученый выразил недоумение, о какой типографии идет речь, поскольку на тот момент считал Псалтырь 1577 г. московским изданием [см.: Там же, с. LV—LVI]. Но в 5-м томе работы Сопиков уже поправляет себя, отмечая, что оно «было ошибкою показано в Москве» [Сопиков, 1821, с. 187]. Однако при этом не дает уточнений о местоположении типографии, напечатавшей Псалтырь.

В 1825 г. П. И. Кеппен, связав информацию Поссевино с указанием в выходных данных Псалтыри, высказал мнение о том, что «новый град слобода» и есть Александрова слобода [см.: Кеппен, с. 294]. Его точку зрения принял митрополит Евгений (Болховитинов) и включил в издание своего «Словаря исторического» [Евгений (Болховитинов), с. 267]. Разделил это мнение, хотя и с некоторой осторожностью, И. П. Каратаев [Каратаев, с. 13 (№ 72)], поддержал В. Е. Румянцев [Румянцев, с. 51]. Однако И. М. Снегирев, В. М. Ундольский, А. С. Родосский считали слободу, названную в издании, московской. В частности, Снегирев, с которым, видимо, был солидарен Ундольский, поскольку в своем «Очерке славяно-русской библиографии» цитирует его [см.: Ундольский, с. 14], указывал, что слобода находилась на Воздвиженке, между Арбатом и Никитской улицей [Снегирев, 1835, с. 168—174], Родосский полагал, что «новый град слобода» — это резиденция Ивана Грозного в Москве [Родосский, с. 33].

В конце XIX в. архимандрит Леонид (Кавелин), разделявший точку зрения Кеппена, основательнее аргументировал ее, указав, что речь идет о населенном пункте, называвшимся в документах «новое село Олександровское». Оно возникло на рубеже XV—XVI вв. в пяти километрах от старой Александровой слободы и в 96 километрах от Москвы на пути следования из столицы в Троице-Сергиеву лавру. Как известно, именно эта Александрова слобода стала местом расположения опричного двора Ивана IV. Сюда был переведен государственный аппарат, привезены, как полагают исследователи, книгописцы, художники, здесь же была устроена типография [см.: Тихомиров, 1962, с. 170]. Важным аргументом в пользу пребывания там типографии, по мнению Кавелина, является существование в Александрове в прежние времена района, называвшегося Печатной слободкой [Леонид (Кавелин), 1891, с. 12].

Советская историография поддерживала и развивала аргументацию архим. Леонида [см., например: Сидоров 1951, с. 134; Зернова, 1952а, с. 15; Демин, с. 65]. Особенно интересным представляется замечание М. Н. Тихомирова, сделанное в ходе анализа памятника XVI в. «Повести о свершении большия церкви Никитского монастыря» в Переяславле Залесском. Там он обнаружил наименование Александровой слободы «новой Александровской слободой», что ученый счел основанием для следующего вывода: «Этим указанием как будто разрешается спорный вопрос, вызвавший различные высказывания по поводу того, что надо понимать под «новым градом слободою», где Андроник Невежа печатал Псалтырь 1577 г.» [Тихомиров 1958, с. 255]. Позднее Тихомиров обнаружил наименование Александровой слободы новой слободой в документах 1534 г. [Тихомиров, 1962, с. 170]. Таким образом, отождествление «нового

града слободы» с Александровой слободой стало общепринятой точкой зрения. Однако это не помешало появлению на рубеже XX—XXI вв. еще одной, весьма любопытной, гипотезы о местонахождении «нового града слободы», предложенной казанским краеведом Е. И. Григорьевым [2002а, с. 443—452; 2001, с. 13—21; 2002б, с. 147—162; 2002в, с. 3—7; 2002г, с. 46—47]. Отправной точкой его рассуждений стала информация Андроника Невежи в послесловии к Псалтыри 1577 г. о том, что типография, в которой напечатана книга, «...повелением... государя царя и великого князя Ивана Василиевича составися... тезоименитом (выделено нами — *И. П.*) в новом граде слободе».

К сожалению, исследователи, пытавшиеся определить местонахождение типографии, выпустившей это издание, никак не объясняли определение «тезоименитый», к тому же в послесловии к Псалтыри речь шла не просто о новой слободе, а о «новом граде слободе». Все это дало повод Григорьеву предложить свою трактовку выходных сведений Псалтыри. Он справедливо заметил, что «тезоименитый» означает *о д н о и м е н н ы й*. Следствием этого стали поиски некоего Ивангорода, основанного Иваном Грозным. Таковым оказался Ивангород на р. Свияге, за которым в дальнейшем закрепилось название Свияжск. Кроме того, подтверждением издания Псалтыри не в Александровой слободе является, по мнению Григорьева, отсутствие в выходных данных имени митрополита Московского. «Александровская слобода по церковной иерархии в духовных делах подчинялась непосредственно Московскому митрополиту, и если бы Псалтирь была отпечатана на территории Московской епархии, то, несомненно, имя Антония было бы названо. Отсутствие его имени свидетельствует, на мой взгляд, о том, что Псалтирь печаталась не в Московской епархии» [Григорьев, 2001, с. 444]. Нелепость этого вывода очевидна. В выходных данных книг указывались имена не архиереев, а митрополита Всея Руси. Отсутствие имени митрополита в Псалтыри может объясняться только частой сменой глав русской церкви в виду их опалы при Иване Грозном.

Вслед за этим в статье приводится ряд фактов, якобы подтверждающих работу печатного стана в Свияжске. На наш взгляд, эти факты столь же несостоятельны, как приведенный выше аргумент. Подробный их анализ нами уже публиковался [см.: Починская, 2010, с. 119—125].

Расшифровка же загадочной фразы Андроника Невежи может быть достаточно простой. Государева резиденция в Александровой слободе и прилегающая к ней территория в период опричнины были существенно перестроены. Известный исследователь архитектуры Александровой слободы В. В. Кавельмахер пишет: «Старое хоромное строение заменялось свежерубленным, менялся кровельный тес, все “избяное освежалось”, и даже якобы заново “ставился город”, т. е. крепость вокруг Государева двора. <...> Перевод государственного аппарата и опричного войска в Слободу, конечно, сопровождался массовым деревянным строительством — приказов, казарм, хозяйственных построек и хором» [Кавельмахер]. Вероятно, вследствие этого у Невежи появляется определение «новый град», т. е. вновь отстроенный. Поскольку перестройкой занимался царь Иван, с конца 1564 до конца 1581 г. большую часть времени

проводивший в слободе, в обиходе его двор мог называться Ивановым, что и зафиксировал в своей книге печатник.

В конце 1580-х гг. было возобновлено книгопечатание в Москве, что принято связывать с учреждением патриаршества на Руси. Первым печатником возрожденной московской типографии, на плечи которого, видимо, и легли заботы по ее восстановлению, был Андроник Невежа, проработавший там до 1602 г. (как полагают, до своей смерти).

Наиболее подробно историография деятельности Андроника Невежи рассматривает вопросы художественного оформления его изданий, отводя особое место вкладу в развитие русской книжной гравюры. Одну из своих гравюр и клише заставки Андроник подписал, что дало исследователям бесспорный материал для оценки его творчества. Первые опыты анализа гравюр Андроника Невежи принадлежат Д. А. Ровинскому [1870, с. 105; 1895, с. 23–24] и В. В. Стасову [1894, с. 171–172]. Они оценивают работу Невежи как весьма посредственную, испытывавшую немецкое влияние, а Стасов добавляет, что на формирование художественных приемов гравюр Невежи якобы оказали некоторое влияние и польские мастера. Позднее А. И. Некрасов, развивая это наблюдение Стасова, сделал вывод о прямом заимствовании Невежей элементов изображения гравюры краковской Псалтыри 1540 г. при изготовлении миниатюры к своей Псалтыри 1568 г. Это заимствование касалось в первую очередь архитектурных форм, обрамляющих Давида, а сама фигура царя «представляет точное соответствие фигурам московской миниатюры царской школы того времени» [Некрасов, с. 97].

Говоря об оценке декора книг Андроника Невежи Некрасовым, следует заметить, что исследователь не принадлежал к сторонникам мнения, считающего печатника автором всех клише орнаментики. Для него несомненным являлось изготовление Андроником гравюры к Апостолу 1597, поскольку она подписана мастером, а также он допускал, «что и некоторые из орнаментов резаны им же». При этом в гравюре апостола Луки Некрасову виделась рука незрелого мастера, поскольку имя и отчество автора гравюры вырезаны не в зеркальном отражении, что, по мнению ученого, есть результат неопытности [Некрасов, с. 98–99].

Совершенно иначе оценивал художественное творчество Андроника Невежи А. А. Сидоров [см.: Сидоров, 1951, с. 126–144]. Он подверг критике взгляды своих предшественников [см.: Там же, с. 126]. Анализируя в первую очередь фронтисписы книг Андроника, ученый пришел к выводу, что «Невежа представляется нам гравером на дереве, учившимся у Ивана Федорова, имевшим возможное отношение к анонимной типографии; в 1568 г. он выполняет своего первого “Давида”» по чужому рисунку (если он только не был сам миниатюристом), в 1577 г. он пробует свои силы как гравер и как рисовальщик; своего зенита он достигает в Апостоле 1597 г.» [Там же, с. 142]. Подводя итог исследованию декора изданий Андроника Невежи, Сидоров считает, что он «...создает если не лучший, то “средний” тип всей нашей позднейшей книги, вплоть до последней четверти XVII в. не Иван Федоров, именно Андроник Невежа был создателем основного образца для русской художественно оформленной книги

всего того времени». И оговаривается, что это не касается заставок. «В этой области Невежа целиком шел по стопам своего учителя и предшественника, Ивана Федорова. <...> Именно Невежа определил характер русской иллюстрации XVII в. Конечно, Иван Федоров был талантливее Невежи. Но на стороне последнего оказался очень важный плюс, который в книжном искусстве, в первую очередь для гравюры в книге, всегда играет большую роль: такт. Андроник Невежи показал, как можно (или даже как надо) находить нечто среднее, сливающееся в целое правдоподобие и декоративность в применении к мастерству печати. ...По поводу спокойного компромисса, достигнутого Андроником Невежей, надо было бы произнести еще одно слово, которое исторически неизбежно: академизм... Стиль Невежи — благополучный, умный, расчетливый, полезный, даже необходимый, но ему присущ внутренний холодок. Не надо удивляться, что в XVII в. за Андроником Невежей пошли многие граверы и рисовальщики правительственного Печатного двора. <...> Он является мастером, завершившим определенный этап в развитии нашей художественной культуры» [Сидоров, 1951, с. 136, 143–144].

В заставках Андроника Невежи Сидоров видел продолжение традиции Ивана Федорова, отмечая при этом, что в них «дает о себе знать определенная индивидуальность мастера, которым был, конечно, Андроник Невежа» [Там же, с. 132]

На анализе декора книг Невежи останавливается и А. С. Зернова в своей работе «Орнаментика книг кирилловской печати» [Зернова, 1952, с. 15–16], акцентируя внимание на заставках и инициалах. Она не оспаривает мнения Сидорова о влиянии книжной орнаментики Ивана Федорова на орнаментiku Невежи. Однако исследовательница выделяет в творчестве Невежи несколько периодов, в которые влияние Ивана Федорова на него проявлялось в разной степени. В первых двух изданиях (Псалтыри 1568 и 1577 гг.) она была существенна. Отдельным периодом Зернова отмечает работу над Триодью постной 1589 г., заставки которой «наиболее значительны и оригинальны», среди них только одна копирует федоровскую. Следующий этап (1590-е) менее интересен, здесь только три заставки отличаются самостоятельностью, а остальные повторяют орнаментiku предшественника Невежи. Последний этап творчества Невежи приходится на книги, выпущенные в 1600–1602 гг. В большинстве заставок этого периода Зернова усматривает работу другого мастера, которым, вероятно, был сын Андроника Иван. Эти заставки, на ее взгляд, характеризуются однообразным рисунком «с мелким листовым узором, довольно сложным, но мало значительным и невыразительным» [Там же].

В 1598 г. к книгопечатанию подключился сын Андроника Иван Невежин, продолживший дело отца после его смерти, выпустив самостоятельно семь изданий, больше всех современных ему русских печатников. Об Иване Невежине, так же как и об Андронике, исследователям не удалось обнаружить никаких сведений. Только Е. Л. Немировский, со свойственной ему фантазией, порожденной способностью вживаться в рассматриваемую историческую ситуацию, предположил, что Иван либо погиб «в борьбе с захватчиками» в 1611 г. в Москве [Немировский, 1985, с. 246], либо в это же время вывез свою типографскую «избу» в Казань, где, «видимо, вскоре умер» [Немировский, 1997, с. 90].

Ивану Невежину в научной литературе уделено крайне мало внимания. Редкие и довольно краткие высказывания ученых касаются главным образом декора его книг. Так, А. А. Сидоров отмечал: «...издания Ивана Невежи наиболее схожи с прошлыми, за исключением, пожалуй, заставок, узор которых становится измельченным и дробным» [Сидоров, 1946, с. 84]. Позднее это свое высказывание он дополнил еще несколькими предложениями: «...его заставки гораздо более дробны и мелочны, более цветисты и орнаментальны, чем заставки его отца и, тем более, — Ивана Федорова. Новых фигурных гравюр Иван Невежин не создал. <...> Иван Невежин в своей практике ясно выявляет одну из возможностей нового развития русской книжной гравюры: стать декорацией, уйти в украшение» [Сидоров, 1951, с. 145]. Ограничившись этими словами, Сидоров отсылает читателя к готовившейся на тот момент к публикации работе А. С. Зерновой «Орнаментика книг кирилловской печати», в которой исследовательница указывает, что подписанных Иваном клише декора книг не установлено. В связи с этим Зернова полагает, «что нет никакой уверенности в том, что он сам умел гравировать. <...> Помимо Ивана Невежи в типографии мог работать и другой мастер-резчик» [Зернова, 1952, с. 16]. Орнаменту книг, напечатанных Иваном Невежиным, исследовательница считает в значительной степени подражательной, обнаруживая в ней сходство с заставками Франциска Скорины, Ивана Федорова, Петра Мстиславца, Анисима Радишевского [см.: Там же].

Только Ю. А. Лабынцев в статье «Иван Андроников Невежин» для «Словаря книжников» попытался обозначить вклад печатника в книгоиздание начала XVII в. как достаточно масштабный, исходя из своих представлений о роли мастера-печатника той эпохи. Однако заметим: поскольку время не сохранило ни одного документа, характеризующего функции мастера, то можно говорить лишь о вероятности выполнения Иваном Невежиным некоторых видов работ из тех, что перечислены Лабынцевым. Исследователь пишет: «Положение руководителя обязывало И. А. заботиться не только об административной стороне книгоиздательского процесса, но и о технической: принимать деятельное участие в самой подготовке текста к изданию, заниматься редакционно-эditorскими вопросами, созданием прообраза (макета) будущей книги, изготовлением шрифтов, заставок, концовок и других орнаментальных материалов. Можно с достаточной определенностью утверждать, что он являлся автором или одним из авторов послесловий и предисловий к своим изданиям... <...> ...Не исключена возможность, что он принимал участие в составлении и редактировании годового круга служебных миней, из которых им были напечатаны только книги первой четверти года и частично минея на декабрь» [Лабынцев, 1984, с. 7–8].

Таким образом, подводя итог обзору мнений о деятельности продолжателей русского книгопечатания после отъезда на Запад Ивана Федорова и Петра Мстиславца, можно сказать, что единственным прямым источником исследований являются издания. Источник важный, многоплановый, но явно недостаточный для реконструкции истории книгоиздательства конца XVI — начала XVII в. Именно это обстоятельство породило множество противоречивых оценок событий и явлений начального этапа книгоиздания. Некоторые гипотезы,

как, например, идентичность Невежи Тимофеева и Андроника Невежи, приобрели характер факта, о недоказанности которого задумываются немногие. Остается надеяться на чудо обнаружения иных источников, помимо книг, способных пролить свет на столь важный период развития традиционной русской книжности.

-
- Бессонов П. А.* Типографская библиотека в Москве : ист. очерк. М., 1859. 66 с.
- Божерянов И. Н.* Исторический очерк русского книгопечатного дела. СПб., 1895. 61 с.
- Булгаков Ф. И.* Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. Т. 1 : С изобретения книгопечатания по XVIII век включительно. СПб., 1885. 364 с.
- Гатцук А. А.* Очерк истории книгопечатного дела в России // Рус. вестн. 1872. Т. 99, № 45. С. 310–343.
- Градобойнова Е. В.* Часовник как книга для обучения вере и грамоте (по материалам московских печатных изданий первой половины XVII века) // Федоровские чтения 2005. М., 2005. С. 315–327.
- Григорьев Е. И.* Ивангород на реке Свияге как книжный центр Древней Руси середины – второй половины XVI века: (библиотеки, скриптории, типография, школа) // Усадебные библиотеки – история и современность : (Русская усадьба XVIII – начала XX в. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации) : материалы науч. конф. / Департамент культуры и туризма администрации Ярославской области ; Гос. лит.-мемор. музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха» ; Яросл. обл. универс. науч. б-ка им. Н. А. Некрасова. Ярославль, 2002а. С. 3–7.
- Григорьев Е. И.* О некоторых спорных вопросах русского книгопечатания // Вестн. РАН. 2001. Т. 71, № 5. С. 443–452.
- Григорьев Е. И.* Роль и значение свияжского и казанского кириллического книгопечатания середины XVI – начала XVII в. в духовной и материальной культуре Казанского и Московского царств [Электронный ресурс] // Православный собеседник. 2002б. № 2. С. 147–162. URL: <http://kds.eparhia.ru/publishing/sobesednik/three/articleeight/> (дата обращения – 3.07.2011).
- Григорьев Е. И.* Свияжская типография Андроника Тимофеева Невежи второй половины XVI века (к вопросу о времени начала работы и перевода в Москву) [Электронный ресурс] // Литературные чтения в усадьбе Боратынских, посвященные литературе, истории и культуре провинциальной России конца XVIII – начала XX в., 19–20 марта 2002 г. [М., 2002в.] С. 13–21. URL: http://www.tatar.museum.ru/Boratynsk/musproj_1_tez.ntm#10 (дата обращения: 3.07.2011).
- Григорьев Е. И.* Училища, типографии и скриптории Казанского края XVI века как первые в России образовательные комплексы // Структурно-функциональные и методические аспекты деятельности университетских комплексов: материалы всерос. науч.-метод. конф., 28–30 мая 2002 г. Казань, 2002г. С. 46–47.
- Грицевская И. М.* Патристика в репертуаре Московского печатного двора дореформенного периода // Федоровские чтения 2005. М., 2005. С. 268–295;
- Губко О.* До початків українського друкарства // Архіви України. 1969. № 3. С. 17–25.
- Гурьянова Н. С.* Об издательской политике Печатного двора в первой половине XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Культура, наука, образование (Новосибирск). 2006. № 3. С. 13–18.
- Евгений (Болховитинов).* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви. СПб., 1827. Ч. 1. 345 с.
- Зернова А. С.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947. 102 с.
- Зернова А. С.* Орнаментика книг московской печати XVI–XVII веков. М., 1952. 28 с.

- Зернова А. С.* Орнаментака книг московской печати кирилловского шрифта, 1677—1750 : (атлас). М., 1963. 362 с.
- Кавельмахер В. В.* Государев двор в Александровой слободе (опыт реконструкции) [Электронный ресурс] // Кавельмахер В. В. Древности Александровой слободы : сб. тр. URL: http://www.kawelmacher.ru/science_kawelmakher313.htm (дата обращения: 3.07.2011).
- Каменева Т. Н.* Неизвестное издание московской печати XVI века // Книга: Исследования и материалы. 1967. Сб. 14. С. 133—144.
- Карабинов И. А.* К истории исправления Постной Триоди при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1911. № 5/6. С. 627—643.
- Каратаев И. П.* Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами. СПб., 1861. 52 с.
- Кетпен П. И.* Хронологическая роспись первопечатным словенским книгам // Библиографические листы / изд. П. И. Кетпенем. СПб., 1825. № 21. С. 293—300.
- Лабынцев Ю. А.* Иван Андроников Невежин // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 2 : И — О. С. 7—8.
- Лабынцев Ю. А.* Типография Никифора Тарасиева и Невежи Тимофеева // Сводный каталог и описание старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Описание старопечатных изданий кирилловского шрифта. М., 1984. Вып. 19. 20 с.
- Леонид (Кавелин).* Евангелие, напечатанное в Москве, 1564—1568. СПб., 1883. С. 13—31.
- Леонид (Кавелин).* Историческое и археологическое первоклассного Успенского женского монастыря в г. Александрове Владимирской губернии. М., 1891. 156 с.
- Некрасов А. И.* Книгопечатание в России в XVI и XVII веках // Книга в России. Ч. 1 : От начала письменности до 1800 года. М., 1925. С. 63—100.
- Немировский Е. Л.* Источниковедение и историография русского первопечатания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964а. 23 с.
- Немировский Е. Л.* Польские труды по истории книгоиздательского дела и книгопечатания // Книга : исследования и материалы. 1962б. Сб. 6. С. 255—266.
- Немировский Е. Л.* Историографические заметки о начале книгопечатания на Руси // Книга : исследования и материалы. 1962а. Сб. 7. С. 239—263.
- Немировский Е. Л.* Очерки историографии русского первопечатания // Там же. 1963. Сб. 8. С. 5—42;
- Немировский Е. Л.* Труды по истории русского первопечатания во второй половине XIX—XX в. // Там же. 1964б. Сб. 9. С. 389—437.
- Немировский Е. Л.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине. Жизнь и деятельность первопечатника Ивана Федорова : указ. лит. 1574—1974. М., 1975. 282 с.
- Немировский Е. Л.* Первопечатник Иван Федоров. Описание изданий и указатель литературы о жизни и деятельности. Львов, 1983. 121 с.
- Немировский Е. Л.* Иван Федоров. Около 1510—1583. М., 1985. 317 с.
- Немировский Е. Л.* Анисим Михайлов Радишевский. Около 1560 — около 1631 г. М., 1997. 150 с.
- Немировский Е. Л.* Иван Федоров и его эпоха : энциклопедия. М., 2007. 911 с.
- Поздеева И. В.* Московское книгопечатание первой половины XVII века // Вопр. истории. 1990. № 10. С. 14—78.
- Поздеева И. В.* Историческое бытование изданий Московского печатного двора первой половины XVII века // Solanus (London). 1991. N. S. Vol. 5. P. 13—15.
- Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадькин А. В.* Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры, 1618—1652 гг. : От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона : исслед. и публикации. М., 2001. 543 с.
- Покровский А. А.* Печатный Московский двор в первой половине XVII века // Древности : тр. Императ. Моск. археол. о-ва. 1914. Т. 23, вып. 2. С. 12—79.
- Починская И. В.* Размышления по поводу гипотезы о существовании в XVI в. типографии в Казани // Федоровские чтения, 2007. М., 2007. С. 122—131.

Починская И. В. Казанские земли — колыбель русского книгопечатания?! // Вестн. УрО РАН. 2010. № 4. С. 119—125.

Ровинский Д. А. Русские граверы и их произведения с 1564 г. до основания Академии художеств. М., 1870. 790 стб.

Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. СПб., 1895. 806 стб.

Родосский А. С. Описание старопечатных и церковно-славянских книг, хранящихся в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной академии. СПб., 1891. Вып. 1. 227 с.

Румянцев В. Е. Сборник памятников, относящихся до истории книгопечатания в России. Вып. 1. М., 1872. 76 с.

Сазонова Л. И. Андроник Тимофеев // СККДР. Л., 1988. Вып. 2 : (Вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 1 : А — К. С. 40—42.

Сапожникова О. С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. М. ; СПб., 2010. 553 с.

Сахаров И. П. Летопись русского гравирования // Северная пчела. 1841. С. 414.

Демин А. С. Русские старопечатные послесловия второй половины XVI в. (отражение недоверия читателей к печатной книге) // Русская старопечатная литература, XVI — первая четверть XVIII в. : Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 45—70.

Сидоров А. А. История оформления русской книги. М., Л., 1946. 384 с.

Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. 396 с.

Снегирев И. М. Древнейшие памятники славянских типографий. Б. Псалтырь, напечатанная в Слободе в 1576 г. // Тр. Моск. гос. ун-та. 1835. Ч. 9. С. 168—174.

Снегирев И. М. О первой Псалтыри, напечатанной Неvejeю Тимофеевым и Никифором Тарасиевым при царе Иоанне Васильевиче // Вестн. Европы. 1830. № 13. С. 59—60

Соловьев А. Н. Государев Печатный двор и Синодальная типография в Москве : ист. справка. М., 1903. 104 с.

Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. СПб., 1813. Ч. 1. 313 с.

Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. СПб., 1821. Ч. 5. 232 с.

Стасов В. В. Разбор рукописного сочинения Д. А. Ровинского «Русские граверы и их произведения ...» // Стасов В. В. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1894. С. 171—172.

Строев П. М. Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке московского купца... И. Н. Царского. М., 1836. 702 с.

Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. 410 с.

Тихомиров М. Н. Начало московского книгопечатания // Уч. зап. Моск. гос. ун-та. 1940. Вып. 41. С. 81—95.

Тихомиров М. Н. Начало московского книгопечатания [Электронный ресурс] // У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 9—40. URL: <http://sobornik.ru/article/uistokov/uistokov02.htm> (дата обращения: 3.07.2011).

Тихомиров М. Н. Новый материал об Иване Грозном // ТОДРЛ. М. ; Л., 1958. Т. 14. С. 247—255.

Ундольский В. М. Очерк славяно-русской библиографии. М.. 1871. 388 стб.

Статья поступила в редакцию 05.06.2011 г.

УДК 355.257(470.5) + 355.292(470.5) + 94(100)“1914/19” **Н. В. Суржикова****ВОЕННОПЛЕННЫЕ В БОГОСЛОВСКОМ ГОРНОМ ОКРУГЕ:
КОНТАКТЫ, КОНФЛИКТЫ, КОНВЕНЦИИ***

Описывается история пребывания военнопленных Первой мировой войны в Богословском горном округе. Плен рассматривается как пространство многоакторных и многофакторных социальных взаимодействий, выявляются наиболее характерные для них мотивы, каналы и сценарии. Социология плена, развивавшаяся в континууме между эксклюзией и инклюзией, по мысли автора, не просто отражала насущные для локального социума проблемы, но и обнаруживала пределы гибкости атрибутивно важных для него общественных институтов.

Ключевые слова: военнопленные; Первая мировая война; Богословский горный округ; социология плена; коммуникация; контакты; конфликты; конвенции.

Прагматический дрейф в историю российского плена, порожденного Первой мировой войной, свидетельствует, что он, беспрецедентно массовый и радикальный, не просто отражал тенденцию тотализации войны как таковой. В чем-то он зримо обособился от войны, обретя свою запутанную статистику, обширную географию, экономику, выражавшуюся через причастность пленных к процессам администрирования, потребления и производства, психологию, характеризующуюся стрессом аккультурации и кризисом идентичности, а также социологию, развивавшуюся в континууме между эксклюзией и инклюзией. При этом сказать однозначно, к какому из этих полюсов социология плена тяготела больше, практически невозможно. С одной стороны, плен, в основе которого лежат принуждение и подавление, априори предполагал объектность военнопленных и ограниченность их социальных возможностей. С другой же стороны, выброшенные за пределы привычных сетей социального взаимодействия пленные тут же включались в новые сети, познавая посредством этого включения все «прелести» своего нового социального положения. Очевидно, что и для местного населения, и в частности «аборигенов», проживавших на территории Богословского горного округа, встреча с пленными иностранцами также не прошла даром, наложив свой отпечаток на социально типические процессы и явления в сфере межличностной, внутригрупповой и межгрупповой коммуникации. При этом живая, вербальная коммуникация наряду с не менее живой мыслекоммуникацией, не знающей границ в виде запрещающих документов и высоких заборов, могут быть с успехом описаны через самые разные аспекты. Рассматривая их из перспектив сразу всех участников описываемых событий, в качестве наиболее вероятностных характеристик социологии плена можно выделить такие, как 1) конфликтогенность, 2) конвенциональность и 3) кооперация.

* Статья в рамках исследования при поддержке РГНФ, проект № 11-31-00-702м, продолжает поднятую в нашем журнале (2011, № 3(93)) тему пребывания военнопленных Первой мировой войны в Богословском горном округе [см.: Суржикова, 2011].

Их сегрегация условна, поскольку любые ее попытки разбиваются о тот факт, что процессы социального взаимодействия всегда остаются процессами многофакторными, многоакторными и многовекторными. В этой связи при определении жанровых особенностей той или иной сценки, разыгранной в пространстве плена, настаивать на какой-то однозначной оценке непродуктивно, так как одна и та же ситуация могла агрегировать элементы комедии, драмы и трагедии одновременно. Все зависит от того, с какой стороны посмотреть.

Надо, однако, отметить, что уловить все оттенки во взаимоотношениях пленных с другими пленными или пленными с местным населением крайне сложно. Проблема состоит в том, что эго-документов, наиболее живо передающих тональность взаимодействий, остроту мнений, переживаний и настроений как сданных на работы БГО вражеских военнопленных, так и контактировавших с ними «русских», весьма немного. Деловая же переписка с ее «дистиллированным» канцеляритом является плохим подспорьем для реставрации поведенческих технологий, фиксируя главным образом краткосрочные и долгосрочные результаты их использования. Все это, впрочем, не мешает признать тот факт, что процессы адаптации и интеграции, аккультурации и инкультурации, эксклюзии и инклюзии — практически все эти социальные процессы в пространстве плена так или иначе опосредовались его экономикой. Производство и потребление изобиловали «перекрестками», где пленные иностранцы и автохтонное население, будь то служащие округа, рабочие или простые обыватели, пересекались практически ежедневно. Во что это выливалось?

По мнению местного исправника, отписывавшего в губернскую Пермь рапорт за рапортом, как того требовало циркулярное распоряжение от 28 ноября 1911 г., русские и иностранцы уживались вполне себе мирно [см.: ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 1041, л. 1–2; ф. 183, оп. 1, д. 71, л. 71]. Правда, это заявление отражало ситуацию лишь в самом общем виде, требуя своей конкретизации. Известен целый ряд примеров, когда мирное сосуществование пленными и аборигенов перерастало в нечто большее, нежели просто сосуществование. Они не просто жили рядом, а, руководствуясь самыми разными причинами, принимали деятельное участие в повседневной жизни друг друга. Так, крестьяне А. Исупова, Н. Ляпунов и О. Ляпунова передавали нелегальную переписку между военнопленными Надеждинского завода и Морозковской ветки заводской железной дороги (за что и были оштрафованы на 25 рублей каждый) [ГАПК, ф. 65, оп. 5, д. 156, л. 12, 12 об., 16]. Жительница с. Турьинские Рудники Е. Сабашадаш обстирывала австрийца И. Кальмана, а телеграфистка ст. Верхотурье Богословской железной дороги К. Некрасова за отсутствием мужа, старшего аптечного фельдшера 2-й Туркестанской стрелковой артбригады Д. Некрасова, и вовсе сожительствовала с одним из вражеских военнопленных [ГАПК, ф. 65, оп. 3, д. 82, л. 261; д. 593, л. 109]. Объездчик Богословской дачи П. Гусев и работавшие на заготовках древесного топлива вражеские военнослужащие нашли общий язык на почве купли-продажи продуктов, несмотря на то, что приобретать их с рук пленным выходило дороже, нежели через округ [ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 231, л. 127].

Эти и аналогичные им «преступные связи», порицавшиеся военными, гражданскими и окружными властями, являлись наглядным примером взаимовыгодного сотрудничества, которое безусловно расширило границы не только индивидуального, но и коллективного опыта, требуя от той или иной группы приличествующей случаю реакции на поведение ее отдельных членов. Так, пленные, не влияя серьезно (или влияя лишь временно) на отношения полов в регионе, тем не менее явно не добавляли гармонии гендерной коммуникации и, более того, ставили под сомнение вековые гендерные стереотипы, заставляя локальное сообщество консолидироваться для их защиты.

В процессе защиты своих интересов как пленные, так и местные вынуждены были идти на уступки, что породило такую разновидность их мирного сосуществования, как договорные отношения. К примеру, в условиях продовольственного кризиса, к середине 1916 г., резко обострившего конкуренцию на рынке потребления, местное общество, хоть и не сразу, все-таки отказалось от конфликтного сценария отношений с пленными, предложив им своеобразное «мировое соглашение»: «В отмену состоявшегося постановления от 20 августа с. г. о воспрещении военнопленным покупки съестных припасов постановлено: разрешить военнопленным покупку всех жизненных съестных припасов и молочных продуктов на местном рынке из торговых заведений по вторникам и четвергам от 10 до 20 часов дня» [ГАСО, ф. 181, оп. 1, д. 5, л. 5]. Конвенциональность, если хотите — контрактность, социальных взаимодействий, протекавших в пространстве плена, давала их участникам возможность сохранить хрупкий консенсус даже тогда, когда их интересы вступали в очевидное противоречие. Остается только добавить, что разойтись миром коммуникантам удалось далеко не всегда.

Наиболее травматичным с психологической точки зрения, а также опасным для перспективы мирного взаимодействия пленных иностранцев и локального сообщества стал несчастный случай, произошедший на Надеждинском заводе в августе 1915 г. По версии местной полиции трагедия, всколыхнувшая всю округу, выглядела так: «25 сего августа, около 6 час. утра в улице Надеждинского завода под охраной трех сторожей и двух полицейских стражников проходила на работу в завод партия военнопленных австрийцев в 600 человек. Около первых ворот заводской ограды под названием Азиатские ворота от партии военнопленных отделилось три человека, каковые, пройдя во двор, направились в сортопрокатный цех. Ход в ворота как рабочим, так и военнопленным воспрещен и таковой существует исключительно для прохода поездов. Охранявшие ворота сторож крестьянин Маракулинской волости, Слободского уезда Козьма Игнатьевич Шулаков 69 лет и обходной крестьянин Шубенской волости Котельнического уезда Павел Нестеров Гуцин 49 лет, увидав прошедших пленных, потребовали, чтобы они вернулись и присоединились к проходившей по заводу партии военнопленных; прошедшие требованию этому не подчинились и направились своей дорогой. Шулаков, остановив двоих из них, потребовал, чтобы они вернулись, угрожая в противном случае имевшейся у него в руках железной палкой. Гуцин же стал преследовать третьего военнопленного. Шулаков замахнулся железной палкою на задержанных пленных с целью

принудить их присоединиться к партии, тогда один из них толкнул его в грудь, и Шулаков упал на полотно железной дороги; в это время по полотну проходил тихим ходом паровоз, каковой, наскочив на упавшего Шулакова, тотчас же сдвинулся назад, причинив Шулакову тяжкие повреждения, от которых он через несколько минут тут же и умер. Военнопленные, освободившись от Шулакова, бросились бегом вглубь завода, где и скрылись» [ГАПК, ф. 65, оп. 3, д. 601, л. 5–5 об.].

Арестованные по этому делу австрийские немцы Мартин Шипош, Франц Войс, Иоганн Шумайер тут же сделались врагами всего «русского общества», бурно обсуждавшего их «дерзостный поступок» и выражавшего свое «крайнее возмущение» [ГАСО, ф. 183, оп. 1, д. 71, л. 85–86]. Под давлением общественного мнения военный суд в г. Екатеринбург своим решением от 31 октября 1915 г. признал главным виновником случившегося И. Шумайера и приговорил его к смертной казни. Узнав об этом, управляющий Богословского округа С. С. Постников спешно телеграфировал пермскому губернатору: «Ожидая тяжелого впечатления на десять тысяч пленных[,] работающих [в] округе[,] указанного приговору [и его] отрицательного влияния на работу и взаимные отношения с русскими[,] беру на себя смелость просить Ваше Превосходительство ходатайствовать перед командующим [Казанским военным] округом о смягчении приговора [с его] заменой другою формой наказания» [ГАПК, ф. 65, оп. 3, д. 601, л. 3]. Вполне обоснованное беспокойство окружной администрации понимания, однако, не встретило, и 13 декабря 1915 г., в 6 часов вечера, в ограде Екатеринбургской тюрьмы вынесенный И. Шумайеру приговор привели в исполнение [Там же, л. 15].

Позволю себе предположить, что произошедшее стало важным уроком не только для пленных иностранцев, но и для местного населения. Однако то, что богословский плен больше не знал таких трагедий, не отменяет общего вывода о потенциально высокой конфликтогенности плена вообще. Ее градус не поддается более или менее точной шкальной оценке, предлагая исследователю самому делать соответствующие выводы. Предваряя их, позволю себе привести еще несколько примеров недружелюбного поведения пленных и местного населения. 12 января 1916 г. «на Никитинском руднике во время выдачи расчета военнопленным австрийцам один из числа военнопленных, Деметер Иштвик, 25 лет, получил причитающийся ему расчет в сумме 30 копеек, т. е. две марки денежные 15-копеечного достоинства каждая, выругавшись непомянутыми словами на мадьярском языке, демонстративно порвал полученные марки и бросил таковые на пол, что при производстве дознания вполне подтвердилось свидетельскими показаниями» [ГАПК, ф. 65, оп. 5, д. 165, л. 1–1 об.]. Другой неприятный инцидент произошел в феврале 1916 г. в Богословском лесничестве. Не будучи в полной мере удовлетворена работой военнопленных, местная администрация уменьшила их паек и увеличила число охранников, разрешив последним прибегать к физическим методам воздействия на вверенный им контингент. В результате после одной из потасовок 40 румынских военнопленных, почувствовав себя глубоко обиженными, бросили работу и удалились в с. Андриановичи. В ходе разбирательства по факту случившегося

румыны заявили, что причину предпринятого ими демарша следует искать не только и не столько в их «трепетных» отношениях со сторожами, а в простом обмане: еще до прибытия в округ пленным была обещана работа в сельском хозяйстве, вместо чего их заставили рубить дрова [ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 272, л. 5 об.].

Очевидно, таким образом, что росту социальной напряженности в пространстве плена способствовала негибкая или непоследовательная политика властей разного ранжира. К примеру, центральные военные власти оказали прямое воздействие на рисунок внутригрупповой коммуникации отвоёванных вражеских военнослужащих, подразделив всех пленных на «дружественных», которым всячески покровительствовали, и «неблагонадежных», обреченных на бесконечные подозрения в злом умысле. Этноконфессиональные асимметрии в отношении пленных различных наций и вероисповеданий лишь углубили раскол в их рядах, который и без того активно навязывался ситуацией плена [см. об этом подробнее: Суржикова, 2008, с. 349–358]. Полякам, чехам, словакам и вообще славянам, оказавшимся во враждебном окружении из немцев, мадьяр и евреев, приходилось скрывать свое происхождение, наоборот. «Нас, чехов, во всем здесь сокращают и буквально обдирают; лучше всех живется немцам и мадьярам, — жаловался в марте 1917 г. чешский военнопленный Фиала Франтишек, работавший на Самском руднике БГО, в правление Союза чехословацких обществ в России. — Всякого чеха можно узнать с первого взгляда по рваной одежде. Так убого, как здесь, одеты чехи во всем округе, потому что в случае получения Красным Крестом посылок для пленных все вещи делят между собою евреи, немцы и мадьяры. Вообще весь округ кишмя кишит евреями; они всюду: в канцелярии, складах, магазинах и т. п. Горсточка нас, добрых чехов, в течение своего пребывания здесь должна была проглотить немало горьких пилюль...» [ГАСО, ф. 24, оп. 20, д. 2825, л. 67–68].

Администрация же Богословского округа вопросу взаимоотношений пленных различных наций и конфессий внимания практически не уделяла; для нее все они были равны. А потому пленные, как отмечал в августе 1917 г. окружной инженер Северо-Верхотурского округа, продолжали относиться друг к другу «очень неприязненно» [Там же, л. 71–71 об.], что было вполне закономерно. Оказавшиеся в плену люди, обособляясь по этноязыковому и конфессиональному признаку от других людей, тем самым пытались спастись от кризиса идентичности, который неизбежно приходил вместе со стрессом аккультурации, вызванным, в свою очередь, принудительным воздействием чужой культуры. При этом, преодолевая культурный шок, пленным приходилось отгораживаться не только от того, что может быть артикулировано как «русское», но и другого чужого — «немецкого», «венгерского», «румынского», «турецкого», «болгарского», «чешского», «польского», «еврейского» и т. д. Те же пленные, которым не удалось отстоять свою «самость», становились жертвами развития аномии, проявляющейся прежде всего в потере выраженного самоидентификационного кода, и ожидаемо вызывали у более «стойких» исключительно негативную реакцию. Причем реакция эта могла быть негативной до такой степени, что требовала вмешательства со стороны, о чем свидетельствует записка,

отправленная в июне 1916 г. в управление БГО с Аурбаховского рудника: «Препровождаем Вам для работ в Надеждинске шесть человек военнопленных, хлопчущих о приеме их в русское подданство, так как дальнейшее пребывание на руднике, среди своих соотечественников, для них становится слишком тяжелым» [ГАСО, ф. 24, оп. 20, д. 1101, л. 161].

Допустившие, по мнению своих соотечественников, недопустимое, эти шестеро военнопленных даже не подозревали, что их пример будет дополнительным стимулом к консолидации их вчерашних товарищей по национальному и конфессиональному признаку. Вместе с тем к подобному опыту социализации наверняка неодобрительно отнеслись не только соотечественники, но и другие военнопленные, поскольку он трактовался как предательство самой идеи отечества. В этой связи следует сказать, что эксклюзия, дезинтеграция пленных никогда не доходила до критической точки. Еще вчера воевавшие под разными знаменами солдаты, объединенные теперь общим несчастьем, а именно пленом, должны были сохранить хотя бы относительное единство для того, чтобы своевременно реагировать на вызовы извне, и в частности обмениваться актуальной информацией.

Немногочисленные архивные находки свидетельствуют, что сохранить приемлемый уровень монолитности разноязыкой армии иностранных рабочих БГО скорее удалось, нежели нет. Как проявление этой монолитности можно рассматривать ту молниеносную скорость, с которой среди пленных округа распространялись всевозможные слухи и кривотолки. Весной 1916 г. из уст в уста и, полагаю, под большим секретом передавалась новость о том, что с 15 мая находящихся на рудниках округа пленных начнут снимать с работ. Молва твердила, что так решила Государственная дума, намереваясь посредством отправки пленных домой или, в худшем случае, в особые лагеря лишить военную промышленность рабочих рук и приблизить тем самым окончание войны. Спустя некоторое время слухи конкретизировались, и речь теперь шла о снятии пленных с работ как в России, так и в Германии [Там же, ф. 183, оп. 1, д. 70, л. 107–107 об., 113]. Выяснилось, что «распространению этих слухов послужило распоряжение верхотурского уездного воинского начальника о составлении списка о хорватах», зачем-то затребованного штабом Казанского военного округа. Слухи, не имевшие под собой равным счетом ничего, но охватившие в считанные дни весь Верхотурский уезд, не на шутку напугали администрацию БГО. Опасаясь непредсказуемых последствий столь активной внутригрупповой коммуникации пленных, она прибегла к помощи окружного инженера Северо-Верхотурского горного округа, который, однако, главных провокаторов так и не нашел. Масштабы же «брожения» среди вражеских военнопленных впечатлили его настолько, что во избежание каких-либо эксцессов чиновник оставался в Богословском округе, на Богословском заводе, вплоть до 16 мая, никуда не выезжая даже по самым срочным делам службы [Там же, ф. 24, оп. 20, д. 2825, л. 18 об.].

Очевидно, таким образом, что репертуар коммуникативных практик, реализовавшихся в пространстве плена, был настолько широк, что в орбиту взаимодействий и противодействий оказались вовлечены и вовсе необязательные ге-

рои. И не будет преувеличением сказать, что плен, оказав или не оказав серьезное влияние на социальные сети местного значения, способствовал приобретению новых коммуникативных навыков и росту социальной компетентности всех его агентов. Нарушая привычный и удобный ход вещей, плен побуждал как военнопленных, так и местных жителей принимать меры, либо направленные на возвращение утраченного баланса, либо ведущие к новой ступеньке с а м о а к т у а л и з а ц и и как отдельно взятого человека, так и общества в целом. Вместе с тем контакты, конфликты и конвенции, имевшие место в пространстве богословского плена, как, впрочем, и плена вообще, не просто расширяли горизонты индивидуального или группового опыта, не просто маркировали, актуализировали те проблемы, которые были насущны как для локального сообщества, так и для российского социума вообще, но и способствовали зримым трансформациям систем и контрактов локального и надлокального значения, обнаруживая пределы их устойчивости и функциональности. Сообразно с этим позволю себе предположить, что наиболее перспективным подходом к изучению социологии плена и, очевидно, плена вообще в недалекой перспективе станет прежде всего изучение его с точки зрения теории практик, понимаемых как искусство решения практических задач в ситуации неопределенности [см., например: Бурдые; Волков; Горень, с. 138–151; James]. Такой подход даст возможность предположить с большей или меньшей долей вероятности, *что* из себя представлял российский плен и *как* он конструировался, какие мотивы, решения, приемы и т. д. сделали его тем, чем он оказался в конечном итоге.

Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001.

Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб., 2008.

ГАСО. Ф. 45, 181, 183.

ГАПК. Ф. 65.

Горень Ж.-И. Размышления о «критическом повороте» // Одиссей: человек в истории. М., 2005. С. 138–151.

Суржикова Н. В. Военнопленные в Богословском горном округе: статистика и экономика // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2011. № 3(93). С. 110–129.

Суржикова Н. В. «Воспитать в желательном для России духе...»: этнополитические мотивы в практике российского плена 1914–1917 гг. // Седьмые Татищевские чтения : докл. и сообщ. Екатеринбург, 2008. С. 349–358.

James W. Pragmatism and Other Writings. N. Y., 2000.

Статья поступила в редакцию 20.07.2011 г.

УДК 279.12(470.5) + 398.3(470.5) + 2-79

С. В. Голикова

**«БРЕДНИ ХРИСТОВЩИНЫ И БЕЗУМИЕ СКОПЧЕСТВА»:
ИСТОРИЯ СЕКТАНТСТВА НА УРАЛЕ 1-й ЧЕТВЕРТИ XIX в.
ПО ДНЕВНИКУ С. Д. НЕЧАЕВА**

Дневниковые записи С. Д. Нечаева использованы для анализа мистического сектантства — хлыстовства и скопчества. Исследуется история появления этих сект на Урале в 1-й четверти XIX в., особенности местного сектантства, обряды и радения. Даются характеристики наиболее ярких представителей религиозного разномыслия среди жителей края.

Ключевые слова: религиозные секты; хлыстовство; скопчество; обряды.

Дневниковые записи Степана Дмитриевича Нечаева, в том числе касающиеся его командировки на Урал в 1826—1827 гг., увидели свет на исходе XIX столетия [см: Нечаев]. Для истории местного сектантства они представляют значительный интерес, поскольку дают картину религиозного разномыслия жителей края уже к концу первой четверти XIX в. В. А. Шкерин, биограф этого неординарного человека, не так давно обратился к тексту «Дневника» для характеристики уральского старообрядчества и признал, что «Нечаев изъездил обширную территорию Пермской губернии вдоль и поперек — и по восточному склону Уральских гор и по западному» [см: Шкерин]. Выясненная исследователем история создания «Дневника» избавляет нас от необходимости специального обращения к источниковедческой стороне вопроса и позволяет использовать дневник С. Д. Нечаева также для анализа мистического сектантства — хлыстовства и скопчества.

Появление в крае этих сект Нового времени, видимо, стоит связать с событиями XVIII в. Спасаясь от розыска 1745 г., здесь искали приют «беглые квакеры» (приверженцы «хлыстовской» ереси, или христоверни) [см.: Смышляев, с. 98, 123]. Следствием Tobольской епархии 1760—1761 гг. были обнаружены уже местные крестьяне Окуневского и Шадринского дистриктов — «квакерскую ересь содержащие» [Покровский, с. 278—279]. Если хлыстовщина «задержалась» в своем пути на Урал почти на сто лет, то отпочковавшееся от нее скопчество пришло из Центральной России сюда довольно рано. По сведениям священнослужителя В. Гагинского, «в Пермскую губернию скопческая зараза занесена была еще в 1825 г.», «неизвестно... кем» [Гагинский, с. 871]. Вероятно, он имел в виду первое судебное разбирательство над скопцами Березовского завода. Однако бывший в эти годы на Урале С. Д. Нечаев оставил 11 ноября 1826 г. следующую запись в своем дорожном дневнике: «На Березовских заводах видел я скопцов, присланных из Орловской губернии назад тому около 30-ти лет в горную работу» [Нечаев, 1893, с. 662]. Таким образом, скопцы в качестве осужденных оказались здесь в конце XVIII в., после первых массовых судебных гонений на них, в результате которых стало известно скопчество как таковое.

Первый оплот скопчества незадолго до приезда Нечаева на Урал власти обнаружили в Березовском заводе. Здешние скопцы имели традиционный набор хлыстовских «обыкновений»: пели духовные песни-роспевцы, радели, «становясь в кружок и прискакивая в лад», «вертелись кругом до усталости», имели собственного пророка, который «каждому делал обетования, или венца, или вечной жизни, одному говорил, что Спаситель подносит ему чашу жизни, другим иное подобное, о себе же утверждал, что на него уже шестьдесят лет скатывается Св[ятой] Дух». В этом описании присутствуют характерные черты хлыстовщины-скопчества как практики харизматических лидеров: доступность некоторых форм эзотерического знания немногим избранным, которые «озвучивают» его на собраниях посредством личных пророчеств.

Проповедь оскпления совершалась на фоне такого «богослужения, которое “называют они работою израильскою или Божьею”». «Овладев таким образом умами сих неведующих, но вообще набожных и благонравных людей, старик начал предлагать им для спасения души скопить самих себя, и своими убеждениями, ложными уверениями и превратными толкованиями Священного Писания, а тем не менее и странными своими обрядами умел наводить такую тоску на сердце, что многие из них вдруг решились сделать ужасную операцию, и когда болезнь и пользование лекарское открыли их преступление, тогда двое, не могшие в домах лишиться себя соблазняющих удов, решились на это в подземных рудниках, не имея другого орудия, кроме железной лопатки, а вместо подставки употребив край тележки, на которой возят по ортам добываемую руду» [Нечаев, 1893, с. 662–663].

Священник Березовского завода в публикации 1881 г. привел более конкретные, чем у Нечаева, данные о бытовании здесь в начале XIX в. скопчества. «Можно с полною достоверностью полагать, что первые здешние скопцы были переселенцы из внутренних губерний России... Они долгое время жили в Березовском заводе, скрытно продолжая держаться своего учения». В 1826 г. мастеровые Грехов и Сысков «в заблуждении своем сделали раскаяние», и заводская контора просила благочинного иерея И. Боголепова «быть увещателем прочих мастеровых, еще не раскаявшихся». В 1834 г. из Полевского завода пермскому викарию доносили: «...мастеровой В. Ох. был в церкви не в здравом рассудке, помолясь и поклонившись народу, вслух [при] всех произнес какое-то невнятное слово». После нескольких молебнов, проведенных священником «по просьбе его домашних», «Охл. открыл, что он плоть свою исказил... отчего и знак есть на теле».

В 1850 г. в Березовском заводе вновь «был открыт один человек, совершивший над собой оскпление, по имени Филарет Воробьев. Спустя лет 10 после того оскпился еще один, некто Семенов». После высылки их «с семействами» на Кавказ о скопцах не было слышно до 1872 г. Тогда обыватель Иван Солодьянкин довел до сведения «высшего начальства» об оскплении Ивана Коршунова. Под следствие, кроме холостого 17-летнего Ивана, попали его мать, 48-летняя вдова, и сестра — девица 13 лет, а также Пушкарев, женатый, 40 лет, и жена его, 36 лет. Мужчины оказались без «детородных удов», женщины — с отрезанными грудями. «Коршунова открылась нам, — писал настоятель

Березовской церкви, — что она свои отрезанные груди сожгла в печи, а куда девал свой отрезанный член, Коршунов не сказал». «Народная молва идет, — добавил священнослужитель, — что отец его подвергся осклощению и помер от ран на половых частях». Следствие полагало, что изувечившие себя «были увлечены другими», но «вожаков и распространителей секты не открыли». Подозрение пало на сосланного Воробьева, который в письмах родным с Кавказа писал, что благодаря осклощению стал состоятельным человеком. Религиозных экстремистов выслали с завода. И хотя по наблюдениям причта «народ отнесся к участи их совершенно равнодушно», священники старались внушать прихожанам ложность этого учения, и даже «с церковной кафедры в великие два праздника... произнесены были два поучения о пагубных и вредных свойствах скопческой секты, с доказательством нелепости и противоестественности этого учения» [Топорков, № 24, с. 246—248].

Общины сектантов были хорошо законспирированными и малочисленными организациями, «окружали себя таинственностью». «Если кто про нашу веру будет изведывать, — устраивали неопитов скопцы Полевского завода, — то тот немного проживет. Из мастеровых [5 человек] давно уже покойны? и скончались они преждевременно потому, что восставали против нас» [Материалы..., с. 1128]. Могли они, как и раскольники, надеяться на помощь заводчиков. Имеются сведения, что владелец Саткинского завода Н. М. Лугинин «совратился в секту белых голубей» (самоназвание оскопившихся) [см: Игнатьев].

Скопческие общины существовали и на Ертарском и Талицком винокуренных заводах (на последнем их насчитывалось до 20 человек). Они тайно собирались, сообщает С. Д. Нечаев, «для отправления израильской работы, но пророка за свои слабости в круге своем не имеют и приверженцев вновь не приобретают» [Нечаев, 1894, с. 72].

В Красноуфимском и Кунгурском уездах скопцы, которые сами себя называли новыми израильтянами, были известны более под именем «суслеников» [Там же, с. 70]. «Суслениками, — пишет Нечаев, — называются они здесь потому, что, не употребляя хмельных напитков, пьют один квас или сусло и, по замечанию кунгурского протопопа, великие охотники до лакомств, пряников и вообще до пресного и сладкого, что обыкновенно водится у так называемых постников и постниц» [Там же, с. 74]. В России их также называли квасниками, в Сибири — квакушами и квакерами. «В самом деле, — отмечал автор дневника, — они ходят на квакеров, ежели прибавить к их вероучению бредни христовщины и безумие скопчества» [Там же, с. 146].

Скопцы, как хлысты, верили «перехождению Духа Христова из одного человека в другого, когда один, исполненный сим духом, или, короче, сделавшийся Христом, умирает обыкновенною смертию, как человек» [Там же, с. 73]. «...Здесь в каждом круге скопцов есть меньшие христы и богородицы, коим отдается равное поклонение с изображением креста», — пояснял Нечаев. У екатеринбургских скопцов была «пророчествующая девка» [см.: Там же]. Скопцы имелись в Суксунском заводе и находящемся в его округе селении Степанове. «Новая секта вышеупомянутых суслеников» была «открыта» в Ключах или Златоустове (возле Суксуна). Действия ее участников (а это были «вообще

молодые люди обоего пола», которые «будто бы собирались бегать по избе друг за другом и сообщались потом, кто с кем попал») [Нечаев, 1894, с. 74], больше напоминают так называемые хлыстовские «ималки». Однако на следствии открылась их связь с «подобною шайкою в селе Степанове, где, наконец, найдено, что многие из мужчин и женщин скопились, и посему завязалось дело»: в 1820 г. «при отдаче рекрутской, нашлось, что один представленный в рекруты крестьянин сей волости был скопец». При проведении повального обыска обнаружены были «три скопившихся девки, с незажившими еще на груди ранами». (Редкий случай женского скопчества на Урале. Оскопление среди женщин было распространено гораздо меньше, чем среди мужчин. Они могли числиться скопчихами, не прибегая к операции удаления вторичных половых признаков) [см.: Там же, с. 74, 145—146]. «Старые девки сей секты называются девуни или девони. В ней состояло до 60 человек обоего пола, оказывающих друг другу братскую любовь и возможное в нужных случаях пособие [Там же, с. 74].

Нечаеву также удалось узнать, что «на Васильевском заводе г. Ярцова и Полевском наследников Турчанинова находилась прежде хлыстовщина», и описать одну из форм радения: «Собравшись в одну избу, последователи сей секты одного из своего общества раздевали, второго опоясывали его полотенцем (лентием), ставили в угол с распростертыми руками, в виде распятия, и зажигали пред ним свечи, убрав заранее все иконы. Посреди комнаты ставили воду, где полагали видеть, что знать желали или ожидать были должны, бегали кругом и стегали друг друга, приговаривая: терпи за Христа, на что ответ был один: терплю за Христа. После гасили свечи, сообщались, кто с кем попало». «В прочее же время, — отмечал автор дневника, — охранялись от соития с другим полом, и мужчины имели жен только для исправления хозяйства». Он также отметил одну из характерных черт мистических сектантов: в отличие от раскольников, они не порывали с официальным православием: «Впрочем, они были очень привержены к церкви и в таинствах ее участвовали усердно» [Там же, с. 143].

Любопытствующие рассказали Нечаеву типичную для внешнего наблюдателя ситуацию сближения с «сектаторами». Тайно подобранным к избе, где «отправлялось» богослужение, они «слышали топанье и всхлипования или вопли пророчествующих женщин, которые, начав великим гласом, продолжали говорить потом большею частию с рифмами. Во второй раз их заметили: они принуждены были войти, и нашли в числе многих несколько человек в длинных белых рубахах, босиком. Это был христос с апостолами». Наедине с неопфитам содержатель молитвенного дома или старшина открывали «тайны»: «о суздальском Христе» и о том, что «государь Александр Павлович еще не умер». «Сообщение» со скопцами, сосланными на казенные винокурные заводы Пермской губернии, привело к появлению в местной хлыстовской общине оскопленных. Обрезание «ввелось» в Степанове «от приезжавших с Талицкого завода». Оскопленные — «человека четыре мужчин и столько же женщин» — стали собираться отдельно от радеющих хлыстов, в отдельном доме. «Сии не употребляют мясной пищи, почему и называются молоканами» [Там же, с. 146—147].

Дневниковые записи неоднократно подтверждают высказанную Нечаевым мысль: «Различные и мало известные толки заносятся и распространяются в здешнем краю от так называемых несчастных т. е. сосланных сюда на жительство за какое-нибудь преступление» [Нечаев, т. 2, с. 580]. Однако наряду с внешним влиянием ему удалось выявить следы сугубо местных религиозных «умствований». Со страниц его дневника уральцы предстают постоянно ищущими, «взыскующими» разнообразия в духовной жизни, находящимися в состоянии первооткрытия веры. «Колико я вер прошел!..», — восклицал житель города Екатеринбурга уже в середине XVIII в. [Корепанов, с. 35]. По данному поводу уместно вспомнить наблюдение А. М. Панченко: «Смена вероисповедания, прежде на Руси почти неслыханная, в канун Петровских реформ превращается в некое поветрие. Нам известны переходы в католицизм, в магометанство, в протестантизм. Самозванец Тимофей Акундинов, личность яркая и неприятная, проделал все эти метаморфозы. Но схожим образом поступают и люди вполне пристойные» [Панченко, с. 495]. Следовательно, подобное поведение перестало быть уделом религиозных отщепенцев, превратившись в массовую практику спасения. Способствовала этому и близость Сибири, которую Указ о пристойном поведении инородцев по отношению к христианской вере 1685 г. характеризовал как находящуюся «меж бусурманских и иных вер многих земель» [Шишонко, 1888, ч. 1, с. 214].

В нечаевские времена между местными старообрядцами «простого разбора» существовало «мнение, что в мире обретается 77 вер»: «Вообще, здешний добродушный и трудолюбивый народ являет удивительные примеры набожности. Ибо что значит сие общее искание спасения и назидания, которое заводит его по невежеству в разныя секты?» [см.: Нечаев, 1893, с. 587—588; 1894, с. 148].

Ослабление конфессиональной однородности, по мнению Нечаева, проявлялось уже на уровне семьи: «Весьма часто случается здесь, что члены одного семейства едят в разной посуде и молятся розно, каждый своим образом, составленным в разных сторонах избы, — и все это от разных понятий о вере, которые, впрочем, не мешают супругам приживать детей, из коих иныя по возрасту нередко избирают несогласное с родителями вероучение» [Нечаев, 1893, с. 837—838]. Таким же образом вел себя «негрубый Запотымский раскол» в Городищенском приходе Соликамского уезда: «...один из членов семьи православный, а другой раскольник, часто случается: муж православный, а жена раскольница или сын православный, а родители раскольники, а таких домов в Запотыме немало» [Шишонко, 1888, ч. 2, с. 485]. Вариантами конфессионального выбора могло стать обращение не только к любому раскольничьему толку, но и к мистическому сектантству. Кроме того, человек мог отправиться на поиски собственной дороги к Богу. Со временем он обзаводился последователями, а его личный религиозный опыт становился основой локального варианта общерусской секты. Подобное самозарождение местных «пророческих культов» отмечал А. А. Панченко [см.: Панченко, с. 201].

В своих духовных притязаниях «сектаторы» обращались к народному наследию. Яркий пример — присутствие на хлыстовских собраниях сосуда с водой, «где полагали видеть, что знать желали или ожидать были должны».

На страницах дневника Нечаев приводит описание ряда замечательных экспериментов (правда, это касалось старообрядцев) над «перекрещиванием», которое было осмыслено ими (с использованием образности и обрядов отнюдь не религиозных) как новое рождение: «У одних перерождение образуется следующим порядком. Под полатями в избе ставится женщина в широкой рубахе с широким же воротом, в который с полатей спускается вниз новоприняемый и вынимается уже из-под подола рубахи, как бы родившийся в сию минуту младенец. У других неофитов зашивают или продергивают чрез сырую, только что снятую с коровы, кожу» [Нечаев, 1894, с. 70]. Синкретизм народной культуры сыграл не последнюю роль в увеличении разнообразия «злых, неправедных и недобрых обычаев» местных сект.

Характеризуемые в дневнике Нечаева секты продолжали существовать на Урале и в последующие годы. По мнению В. Гагинского, «верным доказательством живучести скопчества» служило то обстоятельство, что всего за 13 лет (с 1876 по 1889) суды рассмотрели два «скопческих дела» в Екатеринбурге и два (1887 и 1888) в Камышлове [см.: Гагинский, с. 871]. В 1874 г. обнаружилось «следы действия скопцов» в Златоустовском заводе. «Энергические меры» следственной комиссии в первые же дни «открыли» здесь около 20 оскопленных лиц, в том числе несколько малолетних [Распространение..., с. 366]. Л. Энгельштейн упоминает судебные процессы 1874 и 1911 гг. над уфимскими скопцами, 1910 г. — над оренбургскими, 1915 г. — над пермскими и екатеринбургскими [см.: Энгельштейн, с. 300]. По данным В. Н. Шишонко, «последователи вредной скопческой секты» также находились в Екатеринбургском, Камышловском, Кунгурском и Осинском уездах». И это при всей сложности их обнаружения: скопцы являлись самыми истовыми прихожанами, «к церкви были усердны, имели охоту к посещению храма Божья, никаких враждебных отношений к духовенству не обнаруживали и всегда исполняли все обязанности православных христиан». Как показало следствие, один из них («преданный своему заблуждению до изуверства») — сектант Пушкарев — служил трапезником при екатеринбургской Духо-Сошествиевской церкви [см.: Топорков, № 42, с. 452].

Помощь правоохранительным органам могли оказать медики. В. Н. Шишонко вспоминал: «Находясь в качестве пермского врачебного инспектора, мне приходилось видеть оскопленного старика, не помнящего родства, больного, которого приходилось лечить и, так как он видел во мне заботливого врача, то, сожалея о своем оскоплении, высказывал при этом, что его оскопили лет 10 от роду». Окончательный «диагноз» «заподозренным в скопчестве мужчинам и женщинам, в числе 35 лиц» из села Филатовского Камышловского уезда был поставлен после осмотра врачом: один из них точно оказался оскопленным. Хотя здешние приверженцы «скопческих убеждений» вели себя нетипично: они произносили «хулы» на православную церковь, предпочитая для молитв собираться «в дома» [Шишонко, 1884, с. 575, 573].

В «Пермской летописи» В. Н. Шишонко приведена характеристика «сумудрых изобретателей старых вер» Пермской губернии на 1880-е гг. Повторив о «христовщине» известное («какой-нибудь мужик представляет лицо Спасителя, а женщина — Богородицу»), он указывает на новый образ: «избирают старую

девку, именуемую “пятницей”, и воздают ей почитание с прыжками и кривлянием», и не забывает отметить, что «величайшие распутники» считались у хлыстов спасенными душами. Почему-то отдельно автор описывает проникших в Екатеринбург и обнаруженных полицией в 1831 г. приверженцев секты под названиями «Зеленый сад» или «Белый виноград», хотя их культ напоминает хлыстовский: «из среды своей избирают старшину, который в молитвенных собраниях представляет лицо Спасителя, а Божью мать представляет какая-нибудь старуха-“матушка”». В Екатеринбурге ею была сосланная в Сибирь Акулина Ивановна [Шишонко, 1884, с. 559–560]. Причина подобных несоответствий, помимо отсутствия нужной информации, возможно, заключалась (о чем свидетельствует появление «Пятницы») в саморазвитии сект.

В начале XX в. радения хлыстов, известных в народе под именем квасников, были замечены в городе Далматове [см.: Состояние..., с. 532]. В разных приходах Оренбургской губернии приверженцы мистико-экстатических сект были известны под различными именами: кулугуры, топтуны, плакуны, скакуны [см.: Набивач, с. 321].

-
- Гагинский В.* Секта скопцов // Екатеринбург. епарх. ведомости. 1889. № 37.
Игнатъев Р. Празднование семика в Саткинском заводе // Уфим. губерн. ведомости. 1875. № 23.
Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723 – 1781 гг.). Екатеринбург, 1998.
Материалы для истории некоторых церквей и приходов Екатеринбургского уезда // Екатеринбург. епарх. ведомости. 1893. № 45.
Набивач И. На собраниях у хлыстов // Оренбург. епарх. ведомости. 1910. № 20/21.
Нечаев С. Д. Дневник // Братское слово. 1893. Т. 2; 1894. Т. 1.
Панченко А. А. Христовщина и скопчество : Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2004.
Панченко А. М. Церковная реформа и культура Петровской эпохи // Из истории русской культуры. Т. 3 : XVII – начало XVIII века. М., 1996.
Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.
Распространение скопчества в Оренбургском крае // Оренбург. епарх. ведомости. 1880. № 10.
Смышляев Д. Лжеучитель Мензелин // Календарь Перм. губ. на 1887 год. Пермь, 1886.
Состояние раскола в Екатеринбургской епархии в 1902 году // Екатеринбург. епарх. ведомости. 1903. № 18.
Топорков А. Березовский завод Екатеринбургского уезда (историческое и этнографическое описание) // Перм. епарх. ведомости. 1881. № 24, № 42.
Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263 по 1881 г. : в 7 кн. Пермь, 1881–1889. [Кн. 3] : Третий период. Пермь, 1884.
Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263 по 1881 г. : в 7 кн. Пермь, 1881–1889. [Кн. 5] : Пятый период : в 2 ч. Пермь, 1888.
Шкерин В. А. Уральские старообрядцы глазами декабриста С. Д. Нечаева // Образ Урала в документах и литературных произведениях (от древности до конца XIX века). Екатеринбург, 2007. С. 150–185.
Энгельштейн Л. Скопцы и Царство Небесное. Скопческий путь к искуплению. М., 2002.

Статья поступила в редакцию 10.10.2011 г.

УДК 94(47)/"19" + 27-9 + 322 + 172.3 + 348.71 + 2-79

С. Г. Петров

**ОТНОШЕНИЕ СТРАННИКОВ-СТАТЕЙНИКОВ
К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: НЕИЗВЕСТНОЕ СОЧИНЕНИЕ
СТАРОВОРА П. С. МОРОЗОВА***

Рассматривается неизвестное ранее историческое сочинение старовера-странника П. С. Морозова, написанное в 1920 г. для председателя ВЦИК М. И. Калинина с целью защиты старообрядцев города Данилова Ярославской губернии от преследований местных чекистов. Главное внимание уделено особенностям осмысления старовером проблемы отношения староверов-странников к советской власти.

Ключевые слова: старообрядчество; староверы-странники города Данилова; советская власть; историческое сочинение; П. С. Морозов; М. И. Калинин.

Составленное в 1920 г. старовером-странником из г. Данилова Ярославской губернии Петром Стефановичем Морозовым историческое сочинение сохранилось в единственном, как бы сказали сегодня, эксклюзивном экземпляре. Оно находится среди множества других материалов религиозного характера в одном из архивных дел фонда ВЦИК [ГАРФ, ф. 1235, оп. 56, д. 26, л. 86—104 об.]. В большинстве своем эти материалы, включая и сочинение П. С. Морозова, были присланы в высший государственный орган советской власти и адресованы его руководителю — «всероссийскому старосте» М. И. Калинину.

Текст памятника написан фиолетовыми чернилами самим автором на 8 листах простой писчей бумаги желтого цвета, перегнутых пополам. Первые шесть листов образуют первую тетрадь, два других — вторую. В получившихся тетрадях П. С. Морозов пронумеровал каждую страницу. Всего в рукописи 36 страниц. Данная внутренняя пагинация имеет два сбоя, которые исправлены автором. У двух листов в первой тетради срезаны края, особенно сильно нижний. Сходным образом обрезан и титульный лист, причем его вторая часть (задняя обложка) вообще отсутствует. На титуле П. С. Морозовым дан заголовок сочинения — «Очерк истории странствующих православных христиан». Другое, более полное, название проставлено им вверху первой страницы памятника — «Краткий очерк истории общества странствующих православных христиан». Рукопись неоднократно правилась и корректировалась П. С. Морозовым теми же фиолетовыми чернилами, которыми написан ее текст. Все это говорит нам, что у автора не было достаточного времени и возможностей для создания белого варианта очерка, и он подал во ВЦИК, по сути, черновой вариант текста истории своего согласия.

Не менее интересно и документное окружение очерка в архивном деле, самым тесным образом связанное с ним и помогающее лучше понять предысторию его

* В основу статьи положен доклад, прозвучавший в Уральском государственном университете на Всероссийской научной конференции «Россия и Запад в переходный период от Средневековья к Новому времени (XVI — первая половина XIX в.)» (Екатеринбург, 14—17 октября 2010 г.).

составления и последующих событий. Некоторые из этих документов написаны П. С. Морозовым все теми же чернилами. Например, его заявление на имя М. И. Калинина от 2 июня 1920 г., которое составлено на таком же точно перегнутом пополам листе писчей бумаги [ГАРФ, ф. 1235, оп. 56, д. 26, л. 84—85 об.]. Все это говорит нам, что и заявление, и очерк создавались одновременно и в одном месте. Данный вывод подтверждает запись, проставленная в конце текста очерка: «Составил 7428 г. месяца мая 19-го дня с[арого]/ст[иля] (1 июня 1920 г. — С. П.) в городе Москве П. Морозов» [Там же, л. 103 об.]. Помимо Москвы, часть поданных во ВЦИК документов была подготовлена непосредственно в Данилове, в местной общине староверов-странников: копия заявления общего собрания трудовой артели мукомолов и общины странников в коллегия Даниловского уездного исполкома; свидетельский акт странника С. Кузнецова об эксгумации тела умершего председателя артели В. А. Рогожникова; реестр отобранного агентами Даниловской уездной транспортной ЧК имущества трудовой артели мукомолов «с указанием принадлежности вещей, места приобретения и оснований к тому»; копия удостоверения Даниловской уездной РКИ о результатах ревизий артели мукомолов и работе мельницы; копии справок соответственно Даниловского уездного СНХ и Даниловского горуездпродкома о подлинности предыдущего удостоверения [Там же, л. 77—83 об.]. Два первых документа П. С. Морозов упомянул как официальные приложения к заявлению в адрес М. И. Калинина. Отметил он в качестве приложения к заявлению и написанный им исторический очерк.

Из приведенных документов следует, что даниловская община староверов-странников была связана, и весьма крепко, с местной мельницей и артелью мукомолов. Это действительно так, имеющиеся в современной литературе сведения подтверждают сделанный вывод. Как хорошо известно из работ крупнейшего исследователя страннического согласия А. И. Мальцева, в начале XX столетия г. Данилов превратился во влиятельный старообрядческий центр [об этом подробно см.: Мальцев А. И., 2000; 2003]. Он стал резиденцией одного из деятельных руководителей странников-статейников Александра Васильевича Рябина, будущего о. Арсения, благодаря инициативам которого здесь открылись духовное училище с обширнейшей библиотекой, слесарная мастерская, бакалейная лавка, паровая мукомольная мельница. Увлеченность А. В. Рябина торгово-предпринимательской деятельностью и мирскими делами, дававшими странникам материальное благополучие и прикрытие, плохо стыковалась с проповедуемым вероучением. Бурная полемика по этому поводу привела к новым разделениям среди странников-статейников, которые так и не были преодолены ни до революции, ни в советское время. Несмотря на конфискацию большевиками мельницы и закрытие лавки, большой примирительный собор странников-статейников 1926 г. не устранил имеющихся противоречий. В это время в Данилове уже работал организованный А. В. Рябиным сельскохозяйственный кооператив «Аксиома», приносивший доход и помогавший укрывать мироотрекшихся странников [Архив Ин-та истории СО РАН, собр. рук. № 8/02, прил., л. 7]. Около 1930 г. даниловский центр был окончательно разгромлен советской властью.

Документы из ГАРФ освещают события, происходившие в Данилове с ноября 1919 по май 1920 г. и связанные с первыми попытками местных большевиков конфисковать имущество странников-статейников, вызвавшими протестные настроения. Расширяющийся конфликт с местными органами советской власти подтолкнул староверов к обращению в высшие государственные инстанции. Помимо изготовленных специально копий документов, привезенных П. С. Морозовым из Данилово и призванных подтвердить все происходившее в Ярославской губернии, ему пришлось непосредственно в Москве написать очерк истории своего согласия и заявление на имя М. И. Калинина. Это было сделано с целью своеобразной презентации странников-даниловцев перед высшим должностным лицом советского государства и для получения высокой защиты от творимых притеснений.

Как уже было показано, П. С. Морозов датировал очерк по старому стилю, ведя исчисление от сотворения мира, а заявление — по новому стилю, от Рождества Христова. Подобная толерантность старовера в значительной мере предопределялась предпочтениями в этом вопросе его высокопоставленного адресата. В угоду ему П. С. Морозов старался изъясняться с «всероссийским старостой» по правилам новой советской орфографии, правда, периодически сбываясь на привычное для него правописание с фитами, «и» десятиричными, ерами. Проскальзывает в его текстах и притяжательное местоимение *ея*, и прилагательные с окончаниями *-аго*, *-яго* и *-ия*. Иногда он использовал паерки в приставках и предлогах из одиночных согласных, выносные буквы в конце слов, особенно если не хватало места в строке. Делал старовер все это в меру своих способностей и личного уровня осведомленности в особенностях языка: и русского, и церковнославянского. В написанном скорописью начала XX в. тексте очерка П. С. Морозов оставлял свободные места для подтверждающих его выводы ссылок на Священное Писание, святоотеческую литературу, жития святых, богослужебные книги, исторические работы светских и церковных исследователей старообрядчества. Эти лакуны заполнялись затем полууставным письмом с соблюдением тонкостей церковнославянского языка, в том числе допетровского времени: выносных букв с покрытиями и без, строчных букв в именах собственных. Не забывал он проставлять в словах буквы *есть*, *фита*, *малый юс*, *ять*, *ер*. Хотя и здесь автор очерка переходил зачастую на современные ему правила русского языка. Получившаяся яркая языковая смесь свидетельствует, что П. С. Морозов, адаптируя создаваемый текст под восприятие М. И. Калинина, испытывал определенные трудности как при написании исторического очерка, так и заявления.

Из составленного им заявления можно почерпнуть некоторые сведения и о самом Потапе Стефановиче Морозове. Будучи уроженцем Пермской губернии, Оханского уезда, Новопаинской волости, он проживал в городе Данилове Ярославской губернии на углу улиц Любимской и Новотроицкой, в доме при трудовой артели мукомолов. Работал в должности машиниста на механической вальцовой мельнице. Он был не мироотрекшимся странником, принявшим крещение, а странноприимцем, оглашенным только проповедью мирским членом даниловской общины. Именно на странноприимцев возлагалась ответственность

за прикрытие нелегалов и контакты с внешним миром. Поэтому ему и выпала миссия представлять странников в Москве, куда он выезжал неоднократно ранее с разными поручениями¹. Все это говорит об особом доверительном к нему отношении со стороны главы даниловцев А. В. Рябинина.

В поданном во ВЦИК заявлении П. С. Морозов объяснял возникшие недоразумения с местными представителями советской власти, особенно чекистами, абсолютным непониманием особенностей их конфессии. Подозрения большевиков, что члены трудовой артели мукомолов могут укрывать контрреволюционеров, помноженные на поступившие к чекистам «изветы» о спекуляции артельщиков в голодное время, привели к бесчисленным повальным обыскам на мельнице и во всех домах странников. Кроме обысков, на даниловских странников обрушились аресты, слежка, досмотр всех входящих и выходящих лиц, сверка документов, конфискация имущества рабочих артели, изъятие части библиотеки, попытки захвата помещений². Особенно странников, по мнению П. С. Морозова, потрясла эксгумация в конце апреля 1920 г. большевиками тела умершего председателя артели В. А. Рогожникова. Несмотря на то, что даниловцы пошли на совершение открытого чина погребения, с освидетельствованием скончавшегося соответствующими должностными лицами, местные чекисты сочли необходимым столь оскорбительным для староверов способом подтвердить смерть одного из руководителей трудовой артели, преследуемого судом по обвинению в спекуляции.

Оценивая же сложившуюся ситуацию в целом, П. С. Морозов делал в заявлении следующие выводы:

Получилось то, что при царизме мы были укрыватели «революционеров, коммунистов, подготовляющихся к политической борьбе», а при советской власти мы уже переделались в «контрреволюционеров». Это ужасная противоположность есть следствие непонимания нашей религиозной идеи тех, кто так выражается. По существу дела во имя своих религиозных убеждений, ради которых наши христиане страдали более двух с половиной столетий, они не были революционерами, ни под каким видом не могут быть и контрреволюционерами. Ибо никаких политических целей они не преследуют, а преследуют душевное спасение на вечную загробную жизнь [ГАРФ, ф. 1235, оп. 56, д. 26, л. 84 об., 85 об.].

После неудачной попытки традиционным для старообрядцев «путем взаимных объяснений», письменных или устных, разрешить конфликт с коллегией Даниловского уездного исполкома, странники прибегли к последнему аргументу: известить обо всем происходившем высшие государственные органы. В на-

¹ В первую очередь имеются в виду его поездки в Москву по хозяйственным делам, которые известны нам по привезенному им из Данилова реестру отобранных агентами местной уездной транспортной ЧК вещей трудовой артели мукомолов «с указанием принадлежности, места приобретения и оснований к тому». Из пунктов 14 и 44 данного реестра следует, что в мае 1919 г. П. С. Морозов приобретал на Сухаревке в Москве нужные рабочим артели вещи и предметы первой необходимости [ГАРФ, ф. 1235, оп. 56, д. 26, л. 79 об., 80 об.].

² Аресты, коснувшиеся даниловских странников, не миновали и самого автора заявления и очерка. В пункте 86 реестра изъятых чекистами у староверов личных и артельных вещей указывается, что П. С. Морозов был арестован местными агентами ЧК 21 ноября 1919 г. [Там же, л. 82].

чале очерка и заявления П. С. Морозов счел нужным указать, что он является гражданином, как и все другие мирские члены «общества странствующих истинных православных христиан», «имеющие гражданства на равне со всеми гражданами р.с.ф.с.р.» [ГАРФ, ф. 1235, оп. 56, д. 26, л. 84, 87]. Исходя из этого правового состояния, П. С. Морозов объяснил причины обращения к высшему должностному лицу в стране так:

В целях пресечения дальнейших недоразумений с представителями власти на местах, где есть наши верующие, считаю долгом довести до сведения центральной власти и заявить прилагаемым «Очерком истории общества странствующих православн[ых] христиан», что наше общество есть чисто религиозное, а не демократическое-революционное: и никакого участия в контрреволюционном движении ни активного, и ни косвенного принять не может. Всякое предубеждение власти в политической неблагонадежности нашего общества будет излишнее затруднение для самой власти, а для нас, трудового народа, покровителей странствующих, оскорблением наших религиозных чувств [Там же, л. 85 об.].

В заявлении П. С. Морозов просил М. И. Калинина помочь странникам в решении целого ряда насущных хозяйственных, административных и духовных проблем, которые он оформил в шесть отдельных пунктов. В первую очередь старовер хотел, чтобы «всероссийский староста» способствовал возвращению конфискованных чекистами вещей, перечисленных в привезенном из Данилова специальном реестре, а также реквизированной местным продкомом артельной коровы. Затем П. С. Морозов обратил внимание своего адресата на изъятые железнодорожным парткомом из артельной библиотеки исторических книг, которые он потребовал вернуть назад и дать гарантию от всех последующих возможных конфискаций книг из созданной в течение столетий несколькими поколениями староверов богословско-исторической библиотеки. Просил автор заявления разрешить мироотрекшимся странникам проживать вместе с мукомолами без официальных документов, а с удостоверениями личности, выданными старцам и старицам непосредственно артелью, чтобы эти удостоверения оградили их в условиях гражданской войны от арестов и расстрелов [Там же, л. 85].

Дабы М. И. Калинин осознал, что все эти просьбы необходимо непременно удовлетворить, П. С. Морозов в представленном очерке уделил главное внимание краткому изложению непростой истории своего согласия от времени царя Алексея Михайловича и патриарха Никона до современных автору событий. Помимо краткого исторического экскурса, П. С. Морозов решил ознакомить М. И. Калинина еще и с особенностями вероучения и образа жизни странников, введя в очерк соответствующие структурные части. Разместив их следом за историческими сюжетами, он дал им такое название: «Вероучение», «Управление общества», «Внутреннее управление», «Образ жизни», «Труд», «Касса», «Клеветы на общество», «“Странники” не истинные».

История страннического согласия виделась П. С. Морозову прежде всего как хронологически строго выверенная история взаимоотношений светской власти и «защитников древлеправославия». Наряду с Алексеем Михайловичем

повествователь упоминает по имени еще две царствующие особы времени явления «всемирного Антихриста и в Россию» — Петра I и Николая I. Других царствующих персонажей он не считал нужным выводить на историческую сцену, указав лишь время их правления («во второй половине восемнадцатого столетия», «в тысяча семсот семидесяти годах») и безымянные властные институты («правительство», «преследователи»). В общем-то нетрудно догадаться, что отбор выдержали государи, при которых противостояние староверов и власти было наиболее яростным. Думается, делалось это вполне осознанно, автор пытался провести историческую параллель с современной конфликтной ситуацией, сложившейся в Данилове. По мнению П. С. Морозова, только слабая светская и духовная власть, которая не в состоянии доказать свою правоту словесно, прибегает к репрессивной политике: «инквизиционной деятельности» и «тираннической строгости». В самом начале очерка он писал:

Протест защитников древлеправославия был чисто религиозного характера, но несмотря на это вызвал оппозицию со стороны гражданской и духовной власти, которая в целях ограждения своего авторитета и несостоятельности оправдать производимую ломку древлеправославия и введение новизн путем доказательств, пустила в ход против протестующих средства насилия [ГАРФ, ф. 1235, оп. 56, д. 26, л. 87 об.].

Таким образом, у читателя, знакомого с другими приложенными к очерку странническими документами, возникала ассоциация, что даниловские представители советской власти мало чем отличались от царских и церковных преследователей староверов. Исправить эту противоестественную для большевиков ситуацию, по замыслам автора очерка, и должен был председатель ВЦИК.

Вводя конкретно-исторические сюжеты в свое повествование, П. С. Морозов опять же пытался провести ненавязчиво мысль, что предъявляемые большевиками требования уравнивают их с указанными в очерке самодержцами и весьма существенно ограничивают гражданские и вероисповедные свободы странников. В частности, большевистское требование обязательно иметь паспорт автор очерка связывал напрямую с эпохой первого российского императора. П. С. Морозов писал, что петровские «ревизии» «паспортной» системы, прикрепляющей к МЕСТУ или сословию, и обозначение в паспорте вероисповедания в роде: «раскольник», «сектант» такой-то, окончательно лишили истинно верующих христиан всякой надежды на мыслимую свободу» [Там же, л. 90].

Трудно удержаться, чтобы не заметить, что даниловский старовер оперировал по сути теми же характеристиками, к которым прибегали и его высокопросвещенные современники. Вспомним хотя бы известную бердяевскую характеристику Петра I как большевика на троне.

Постепенно П. С. Морозов переходит на изложение истории собственно странников, с упоминанием, в противовес царствующим особам, ярких представителей староверов, основателей и руководителей этого согласия, вплоть до А. В. Рябинина. Особое место он отводит старцу Евфимию, наделяя его ярчайшими эпитетами и похвалами: «ревностный по вере, энергичный характером, усердно изучивший св[ятых] отец писания, всю жизнь проведенный в труде и

борьбе со старообрядцами (странники не считали и не считают себя старообрядцами. — С.П.) и никонианами по пререкаемым вопросам веры, написавший массу сочинений, в обличение инакомыслящих и укреплению верующих» [ГАРФ, ф. 1235, оп. 56, д. 26, л. 92].

В своем сочинении Морозов однозначно решал во многом до сих пор дискуссионную проблему историографии согласия. В отличие от профессиональных историков, он считал, что старец Евфимий, осмысливший наиболее полно конфессиональную доктрину странников, не может быть признан основателем их общества. При этом он называл авторитетного Евфимия основателем странничества в Ярославской губернии, т. е. в Данилове. Не менее ярких эпитетов в очерке был удостоен еще один выдающийся странник, основатель статейников — «славный и знаменитый проповедник и учитель, вождь и наставник, глава всего братства преимуществ пастырь» Никита Семенович Киселев [Там же, л. 94 об.—95].

Морозов составил очерк истории страннического согласия, т. к. трудившиеся до него над этой темой историки и миссионеры, связанные теснейшим образом с прежней светской властью и государственной церковью, являлись «заклятыми врагами так называемого “раскола”, т. е. истинного христианства». По его мнению, у этих в кавычках исследователей — старорежимных «расколоведов» и «казенных “миссионеров”», не располагавших в достаточной мере ни источниками, ни фактами, получались в большинстве случаев исключительно лживые «историйки», которые могли ввести Калинина лишь в заблуждение. Он писал:

Доказательствам сему служит то обстоятельство, когда в наше время и на наших глазах фигурируют в руководствах «историйки» о нашем обществе, вышедшие из-под пера какого-либо «знаменитого» профессора или «миссионера», переполненные лжи, клеветы. Приурочивание таких обвинений нашему обществу, которые немислимы при наших религиозных убеждениях, и есть сплошной вымысел какого-либо клеветника. До сих пор о нашем обществе в исторической литературе НЕТ НИ ОДНОЙ истории, вполне правильно освещающей наше УЧЕНИЕ и жизнь общества. Высказаться на страницах истории и изложить все то, как мы веруем, как должно быть, при монархизме мы не имели возможности... [Там же, л. 93].

Несмотря на резкую и нелицеприятную полемику с «монархическими» историками и миссионерами, П. С. Морозов охотно заимствовал у них данные и отдельные суждения, необходимые для подкрепления своих собственных выводов³.

В других структурных частях своего очерка он излагал особенности жизни староверов-странников, подчеркивая неизменно присущие им «коммунальные начала», так импонирующие большевикам в их представлениях о сектантах и раскольниках [см.: Эткинд]. После исторических сюжетов к проблеме отношений с властью П. С. Морозов обратился только в разделе «Вероучение». В пункте 16 этого раздела он отметил для М. И. Калинина следующее: «Власть

³ Из светских и церковных исследователей наиболее часто П. С. Морозов обращался к работам Н. И. Ивановского, Ф. В. Ливанова, К. Н. Плотникова, И. К. Пятницкого, Н. И. Субботина, А. П. Шапова.

гражданскую странствующие христиане для блюдения государственного порядка признают и учат, что без власти мир быть не может, а без царей быть [может?]».

Правда, последнюю фразу «а без царей быть [может?]» Морозов выскоблил, посчитав ее, очевидно, лишней. А пунктом 17 добавил: «Власти гражданской повинуются по столько[,] по сколько повеления ея не вредят истинному православному исповеданию» [ГАРФ, ф. 1235, оп. 56, д. 26, л. 98–98 об.].

Как видим, на большевиков были перенесены традиционные установки странников в отношении власти, с попыткой небольшого новаторского дополнения, от которого сам автор тут же отказался. Однако уже в последнем пункте (27) Морозов зафиксировал реалии современной ему жизни в полном объеме:

Ни к какой политической партии, ни к монархической, ни анархической, ни демократической и т. п., не принадлежали, не принадлежат и не могут принадлежать. В силу своих чисто религиозных убеждений, не могут быть ни революционерами, ни контрреволюционерами [Там же, л. 99 об.].

По всей видимости, именно этот новый пункт вероучения странников, по замыслам Морозова, должен был оградить их от дальнейших большевистских посягательств и притязаний.

Из всего очерка оказались написанными особо эмоционально два последних раздела: «Клеветы на общество» и «“Странники” не истинные». Здесь выверенная книжная манера изложения, характерная практически для всего предшествующего текста, прерывается нередко разговорной речью равнодушного автора. Так, по поводу имевших место клеветнических слухов об умерщвлении странниками заболевших христиан «красной подушкой» и «причащении человеческой кровью», особенно детской, П. С. Морозов пояснил М. И. Калинин, что об этом до сих пор пишут церковные «миссионеры-боевики» на страницах своих «пасквилей», особенно пермские «так называемые миссионеры» в брошюре «Вера странников». Автор очерка сообщил председателю ВЦИК следующее:

Их мучает опасение, они боятся, что с непризнанием у «странников» «красной смерти» ускользнет последнее доказательство, дискредитирующее «странников» пред темными народными массами. Ведь нет же ни одного основания доказать за «странниками» неправославие и защитить свое положение особенно при полемике с представителями странников. Дай, мол, хоть этим кольнем их, авось запугаем публику, она не будет им доверяться и не пойдет за ними, а странникам-то больно будет [Там же, л. 103–103 об.].

Во всем этом разделе даже сегодня слышится некая переключка со столь громким дореволюционным судебным процессом, как дело М. Бейлиса. Возможно, П. С. Морозов понимал, что подобное скрытое сравнение является достаточно актуальным для тогдашней большевистской верхушки, поэтому включил данный сюжет в свое сочинение.

В отношении же «неистинных странников», перечислив всех отделившихся с начала XIX в. от даниловцев староверов (безденежников, брачников, савваитов безглавых, корнило-федоровцев), Морозов счел необходимым упредить

М. И. Калинина, что «все вышеперечисленные ответвления выросли на почве неподчинения преимуществ церковной власти и тяготении к личному вольнодумству». Далее он пояснил, почему решил отметить их в своем очерке:

Подробное описание возникновения всех обществ «не истинных странников» и их вероучения ждет своего автора. Краткое напоминание о них сделано здесь с целью выделить их от описанных истинных христ[иан] странствующих и снять с себя ответственность за их благонадежность [ГАРФ, ф. 1235, оп. 56, д. 26, л. 104 об.].

Продемонстрированный старовером подход, если и принес какую-то пользу даниловской общине, то весьма кратковременную. Об этом можно косвенно судить, исходя из дальнейших событий в Данилове, связанных с конфискацией мельницы, ликвидацией трудовой артели мукомолов и разгромом в годы «великого перелома» самого страннического центра.

Как видим, изменение политической ситуации, падение самодержавия заставило странников внести коррективы в осмысление своих отношений со светской властью. В рассматриваемом историческом сочинении эти коррективы были сделаны с учетом восприятия написанного властью имущими читателями, в соответствии с пониманием данного восприятия самим автором очерка. Морозов пытался предугадать заранее реакцию большевиков и поэтому отбирал для текста своего исторического сочинения сюжеты, которые должны были, по его мнению, сформировать у высокопоставленных читателей лояльное отношение к странникам.

Итак, написанный для М. И. Калинина старовером П. С. Морозовым «Очерк истории странствующих православных христиан» представляет собой компендиум исторического пути страннического согласия от возникновения до начала XX в. Он был составлен с целью своеобразной презентации даниловцев перед новой светской властью и защиты от произвола местных большевиков и чекистов. Советская власть виделась странникам тогда хоть и в безбожном, но освободительном ореоле. По всей видимости, эти представления и повлекли за собой неудачную попытку установления диалога, противоречащего всей предшествующей и последующей, вплоть до наших дней, истории согласия, столь ярко изложенной в сочинении странника-статейника.

Архив Института истории СО РАН. Собр. рукописей. № 8/02.

ГАРФ. Ф. 1235.

Мальцев А. И. Проблемы церковной организации и управления в сочинениях староверов-странников (вторая половина XIX – начало XX в.) // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 168–175.

Мальцев А. И. Старообрядческий наставник инок Арсений (А. В. Рябинин) : материалы к биографии // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 68–71.

Эткинд А. М. Русские секты и советский коммунизм : проект Владимира Бонч-Бруевича // Минувшее. Вып. 19. М. ; СПб., 1996. С. 275–319.

Статья поступила в редакцию 13.10.2011 г.

УДК 323.325(470.5) + 334.012.34 + 94(470.5)/“19”

А. Б. Суслов

**ПОЛИТИКА ПРИНУЖДЕНИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В ПРИКАМЬЕ (НОЯБРЬ 1929 – МАРТ 1930)**

Рассматривается начальный этап форсированной коллективизации в Прикамье на основе анализа документов региональных архивов. Исследуется реализация директив политического руководства страны на местах. Анализируются элементы управляемости и стихийности в осуществлении репрессивной политики, реакция крестьян на действия власти.

К л ю ч е в ы е с л о в а: коллективизация; колхоз; репрессии; насилие; крестьянство; Прикамье.

Наиболее трагические события, происходившие в российской деревне в 1930-е гг., связаны с насильственной коллективизацией. Политическое руководство страны стремилось решить сразу несколько задач: получить продовольствие для промышленных центров, обеспечить дешевой рабочей силой стройки оборонного значения, найти валюту для закупки иностранного оборудования, продавая зерно, лес и другие сырьевые ресурсы.

Исследование на региональном уровне позволяет предельно конкретно проанализировать политику советской власти в отношении крестьянства, которую вполне можно охарактеризовать как репрессивную.

Требования государства отдавать хлеб за бесценок вылились в кризис хлебозаготовок 1928–1929 гг., результатом чего стало использование сельхозналога как способа разорения зажиточной части деревни и форсирование темпов насильственной коллективизации.

7 ноября 1929 г. И. В. Сталин объявил о «великом переломе» в деревне и провозгласил политику сплошной коллективизации. К этому моменту в целом по стране колхозы включали 7,8 % крестьянских хозяйств, на Урале – 7,3 %, в Предуралье – 3,6 % в северных районах и 5,2 % в остальных [см.: История коллективизации сельского хозяйства Урала, с. 88].

Заметим, что и до названного выступления Сталина, весной – осенью 1929 г., особенно начиная с октября 1929 г., на крестьян оказывалось давление с целью вовлечь в колхозы, с применением не только жесткого экономического пресинга (подход к нормированию хлебозаготовок, сельхозналога, самообложения), но и уголовных репрессий в отношении противодействующих.

Вот характерный пример. 20 октября 1929 г. во время собрания в деревне Пуздрыта Сосновского сельсовета Кунгурского округа крестьянин Михаил Грачев нецензурно обругал члена комиссии содействия по хлебозаготовкам, говоря, что хлебозаготовки его ободрали, а его жена Анна заявила председателю колхозобъединения, что он «приехал к нам сбивать мужиков в колхоз, а в своей деревне не организует». В результате собравшиеся зашумели и разошлись, а потом было подано 11 заявлений о выходе из колхоза. Через неделю М. Грачева арестовали. В январе 1930 г. суд приговорил его к 4 годам лишения свободы по

ст. 58-8 УК РСФСР, поскольку ранее (в июне 1929 г.) он несколько раз ударил члена комиссии по хлебозаготовкам в ходе спора о раскладке норм сдачи хлеба, что обвинением квалифицировалось как террористический акт. Анну Грачеву тот же суд приговорил к 6 месяцам лишения свободы условно по ст. 58-10 [ПермГАНИ, ф. 643/2, оп. 1, д. 5221, л. 59–59 об.].

Рамки допустимого репрессивного воздействия в первые месяцы проведения форсированной коллективизации, судя по дошедшим до нас документам, не были очерчены достаточно четко, что придавало дополнительный импульс произволу, творимому исполнителями на местах, и вызывало ответное возмущение сельского населения. Последующие разбирательства по поводу ряда эксцессов, проводившиеся разнообразными партийными и иными комиссиями, позволяют определить, как видели границы легитимного административного насилия вышестоящие инстанции, а также демонстрируют весьма неприглядную картину происходившего.

Так, из доклада комиссии Пермского окружкома ВКП(б) о результатах расследования и исправления «перегибов», допущенных Нытвенской парторганизацией в проведении сплошной коллективизации в Шерьинском, Сергинском и Мокинском сельских советах, работавшей 4–11 декабря 1929 г., можно понять, что в качестве объекта репрессивного воздействия окружком ВКП(б) готов видеть только зажиточных крестьян, не середняков и, тем более, не бедняков. Прием в кохозы «кулаков» признавался недопустимым. Используемые проверяемыми методы запугивания и обмана крестьян окружком осуждаются. В частности, «противоречащими политике партии» были признаны директивные указания секретаря Нытвенского райкома ВКП(б) Петрова «удалять с собраний выступающих против колхоза, хотя они и были бы бедняками или середняками, узнавать причины выступления против», «вызывать их на квартиру или в сельсовет» (чтобы добиться желаемых действий, например, угрозой отправки на Соловки) и т. п. Осуждались угрозы в отношении крестьян на проводимых собраниях по коллективизации: «Если не пойдете в колхоз, то через неделю последние юбки спадут с вас» (на собрании женщин Мокро-Постнятского земельного общества), «Не пойдете в колхоз — лишим земли» (собрание в Сергинском сельсовете), «Если не войдете в колхоз, то вас выселят в Калининский район или дадут худшую землю, за которую вы государству будете платить по 4 копейки за квадратную сажень» (собрание Сырковского земельного общества Шерьинского сельсовета) и т. п. Осуждалась и повсеместно применяемая практика принуждения крестьян подписывать один из 2–3 предлагаемых на выбор списков, в которых альтернативой вступления в колхоз могли быть отказ от земли или получение земли в отдаленных неплодородных районах. Вместо отвергаемых, согласно заключению комиссии, методов «нытвенским товарищам» следовало вести системную и кропотливую партийную работу, тщательно инструктировать членов бригад по коллективизации, убеждать бедноту и середняков в преимуществах колхозов и т. п. [ПермГАНИ, ф. 2, оп. 6, д. 225, л. 99–102]. Однако упорное нежелание снятого с должности секретаря райкома и его соратников признать ошибки, их недоумение по поводу возможности иных подходов в выполнении заданий партии вполне

определенно высвечивают лукавство вышестоящих партийных начальников, требовавших строгого выполнения своих директив, используя не работающие в реальности методы [см.: ПермГАНИ, ф. 2, оп. 6, д. 225, л. 77–78].

После публичного провозглашения курса на массовую коллективизацию уральские партийные руководители энергично взялись за претворение в жизнь идей вождей. Уралобком ВКП(б) уже в декабре 1929 г. постановил за 1930 г. коллективизировать до 80 % крестьянских хозяйств, а число районов сплошной коллективизации довести до 134. Уральский облисполком поставил задачу коллективизации 60 % хозяйств уже к весеннему севу. 7 декабря 1929 г. Пермский окружком ВКП(б) счел «намеченный контрольными цифрами рост колхозов (25 % крестьянских хозяйств, 27 % посевных площадей) неудовлетворительным» и предложил «пересмотреть в этой части контрольные цифры, взяв линию на коллективизацию всего округа в течение 30-го года» [Очерки истории Пермской областной партийной организации, с. 264; см. также: ПермГАНИ, ф. 2, оп. 6, д. 4, л. 5, 11; д. 224, л. 166].

В некоторых районах поспешили выполнить задачу в кратчайшие сроки, очевидно, не задумываясь о серьезности социальных преобразований, веруя в универсальность административных и репрессивных мер. Так, 8–9 января 1930 г. расширенный пленум Нытвенского райисполкома принял решение «коллективизировать на 90 % все хозяйства района» уже в январе-феврале. «8 января пленум исполкома в Нытвенском районе объявляет днем начала сплошной коллективизации» — так записано в резолюции [Там же, оп. 7, д. 127, л. 76].

Зимой 1929/30 г. развернулось своеобразное соревнование за наибольшее вовлечение крестьян в колхозы в кратчайшие сроки. В Чусовском районе единый ТОЗ на весь район образовали за одни сутки, а в Кудымкарском районе Коми-Пермяцкого национального округа — за 120 часов. Региональные и районные партийные комитеты подстегивали форсирование темпов коллективизации. Так, Пермский окружком ВКП(б) 2 февраля 1930 г. послал в районы телеграмму с требованием: «Примите немедленно ряд организационных и разъяснительных мер, обеспечивающих высокие темпы коллективизации» [Иванова, с. 49].

Желание угодить начальству иногда выливалось в стремление на местах организовывать колхозы-гиганты. Так, в Большом Соснове был создан колхоз «Революция» на 7 тыс. дворов, в Очере — «Красный Урал» на 1 тыс. хозяйств.

К марту 1930 г. в Пермском округе в колхозы вовлекли 83 % хозяйств, в Коми-Пермяцком — 78 %, в то время как по всему Уралу — 70,6 % [см.: ПермГАНИ, ф. 2, оп. 7, д. 128, л. 14]. Темп коллективизации в Предуралье, таким образом, превысил весьма высокий среднеуральский. Высокие показатели повсеместно достигались путем принуждения, угроз и прямого насилия.

Обычно к вступлению в колхоз принуждали все село. Не пожелавших вступить, бывало, заставляли писать заявления, на которые цинично накладывалась резолюция «отказать» [см.: Там же, д. 124, л. 46, 109–115]. Распространенной практикой стали массовые аресты, пытки голодом с целью заставить вступить в колхоз и т. п. Архивные документы свидетельствуют, что на местах широко применяли составление списков «за колхоз» и «против колхоза» с последующим судилищем над попавшими во второй список. Могли предло-

жить и иную альтернативу — записаться в два списка: 1) «вступаю в колхоз», 2) «отказываюсь от земли». Сплошь и рядом крестьянские «сомнения» преодолевали с помощью исключения из потребкооперации или прекращения снабжения промтоварами. Самых непокорных, а их было немало, ждали аресты и содержание под стражей без пищи и воды, реквизиции запасов зерна, продуктов. Всех, кто в той или иной форме противодействовал власти или просто не хотел вступать в колхоз, причисляли к «кулакам». Угроза раскулачивания стала самой действенной мерой принуждения «записываться» в колхозники.

Крестьянское недовольство принуждением к вступлению в колхозы усиливалось вследствие обобществления почти всего личного имущества, включая домашнюю птицу, продукты и т. д., халатное отношение к обобществленному имуществу, особенно к скоту, а также невыплатой в ряде колхозов зарплат. В частности, помощник уполномоченного I отделения Пермского окротдела ОГПУ А. П. Романова сообщал: «Имущество, переданное в колхоз, содержится и хранится плохо, то есть не в надлежащих условиях, например: пчелы стоят на улице, находящиеся в подполье ульи пчел в описи не значатся, и даже колхозу не известно об их существовании, и никакого ухода за ними нет, и все пчеловодное оборудование разбросано (Гражданский с/совет)». «Есть случаи падежа конфискованного скота, например пропала овца и куры ввиду плохого ухода (Гражданский с/совет)» [ПермГАНИ, ф. 2, оп. 7, д. 18, л. 184-185 об.].

Забегая вперед, заметим, что власти впоследствии сами признавали непродуктивность колхозов и царившую там бесхозяйственность [см.: Там же, ф. 200, оп. 1, д. 425, л. 2]. Признавалось и то, что обобществление скота в спешке в неподготовленные помещения спровоцировало массовый падеж коров, лошадей и прочей живности, а вступление в колхоз принесло для крестьян не только разорение, но и бесплатную работу на лесозаготовках всю зиму [Там же, ф. 2, оп. 7, д. 124, л. 109—115; ГАПК, ф. р-1617, оп. 1, д. 1, л. 99—103]. Более того, впоследствии на места были спущены секретные циркуляры «о недопустимости перегибов в колхозном строительстве» [ПермГАНИ, ф. 2, оп. 7, д. 131, л. 101]. Многие местные руководители за допущенные «перегибы» получили административные взыскания, были сняты с должностей, некоторых привлекли к уголовной ответственности.

Вынужденное вступление крестьян в колхозы, сопровождавшееся «обобществлением» большей части крестьянского имущества, что воспринималось новоиспеченными колхозниками как изъятие, повсеместно вызывало естественное желание собственников распорядиться нажитым по своему усмотрению, т. е., не дожидаясь неминуемого отторжения имущества, продать его хотя бы за бесценок или употребить для своей пользы (например, съесть корову), иногда даже привести инвентарь в негодность, чтобы никому не досталось.

В частных разговорах, а иногда и в публичных выступлениях, хозяева обосновывали справедливость и рациональность такой линии поведения. Кроме того, многим из них казалось, что колхозные объединения в условиях недостаточности средств производства развалятся сами собой и все вернется «на круги своя». Тем более что работа на колхоз «спустя рукава» нормировалась сельским общественным мнением в большей части позитивно.

Естественное недовольство крестьян созданием колхозов находило отражение в их разговорах. В частных беседах они изливали свою досаду: «землю отбирают, хлеб отбирают», «Говорят, что мы свободные граждане, а тут выходит наоборот, настоящее крепостное право», «Хлеб нужно искать у грабителей — коммунистов и у служащих, которые награбили его», «Никакой правды нет, и верить этой грабительской власти не следует» [ПермГАНИ, ф. 643/2, оп. 1, д. 26557, л. 57]. Впоследствии после распределения урожая крестьяне высказывались однозначно: «сеять бесполезно, все равно оставят без хлеба». За подобные высказывания отчаявшихся крестьян ждали уголовные репрессии.

Многие из крестьян прозорливо разъясняли односельчанам перспективы. Например, «лишенец» Злыгостев, по показаниям свидетеля, данным в 1933 г., говорил так: «Ну зачем ходить в колхоз, вы там будете как батраки. Ведь единолично жить лучше, сам себе хозяин, не нужно будет выглядывать из рук, когда что-то дадут, и не будет над тобой начальства. В колхоз пойдете, над вами будут распоряжаться те, кто не знает, на чем хлеб растет. Будете жить в колхозе как при крепостном праве» [Там же, ф. 641/1, оп. 1, д. 14954, л. 162]. Крестьяне из Ординского района И. Н. Бабин и Ф. С. Самыловских, по данным чекистского досье, предсказывали: «Вас насильно загоняют в колхоз... Добровольно в колхозы никто не идет. Хотят все отобрать, сделать там все общим. Своим уже ничего не назовешь. Ну, ладно. Потерпим еще немного, не все время ваше будет, будет и на нашей стороне праздник», «Нет дураков к ним идти в колхоз добровольно, так начали силой туда загонять... с вашими колхозами толку никакого не будет, богатых оберете и самим жрать будет нечего» [Там же, ф. 643/2, оп. 1, д. 26622, л. 34—36].

Многие крестьяне не скрывали своего критического и даже враждебного отношения к антикрестьянской политике советской власти. В существовавших условиях они рано или поздно привлекались к уголовной ответственности как минимум за антисоветскую агитацию. Так, крестьянин села Серга Д. Ф. Курсанин, как следует из составленного ОСОГПУ обвинительного заключения, постоянно издевался на общих собраниях над различными мероприятиями коллективизации, говорил: «Вот начинают грабить разбойники, коллективизация погубит окончательно мужика, мы хорошо будем жить и без коллективизации» [Там же, ф. 641/1, оп. 1, д. 14897, л. 77].

В ряде сел властям не удавалось сразу добиться от крестьян принятия на собраниях решений о вступлении в колхозы и обобществлении имущества. Так, на общем собрании женщин Уймужского сельского общества Бардымского района 27 января 1930 г. несколько женщин открыто выразили нежелание вступать в колхоз, заявляя: «будем жить по-старому», «будем хранить семена у себя», «до самой смерти не запишемся в колхоз» и т. п. Как записано в протоколе, «этим сорвали общее собрание», на котором осталась 41 женщина из 119 присутствовавших [см.: Там же, д. 7998, л. 8—9]¹.

¹ По инициативе ведущего собрания представителя райисполкома Кучукбаева оставшиеся постановили составить список «более вредных» и «выслать в надлежащий орган для привлечения их к уголовной ответственности». К ответственности впоследствии был привлечен деревенский мулла, обвиненный в агитации против коллективизации.

Иногда недовольство подталкивало отдельных крестьян к написанию анти-советских воззваний. Так в Усть-Кишертском районе Пермского округа ГПУ обнаружило листовку «Воззвание союза освобождения трудящихся России». В нем утверждалось, что компартия обманула рабочих и крестьян, ограбила их, вместо земли и воли дала трудовую повинность и тюрьмы. Содержался призыв к тайной консолидации крестьян, созданию крестьянской партии, ожиданию скорых перемен [ПермГАНИ, ф. 2, оп. 7, д. 124, л. 48–60]. В д. Подка Черновского района зафиксирован лозунг «Долой колхозы, да здравствует единоличное хозяйство!». В Уинском районе по рукам ходила листовка «Смерть всем коммунистам-угнетателям! Долой Советы, которые нас гнетут!». В январе участились случаи поджогов домов сельского актива [Иванова, с. 57].

Были случаи, когда задетые за живое крестьяне не выдерживали и избивали активистов колхозного движения. Крайним выражением крестьянского озлобления стали несколько убийств энтузиастов коллективизации. Всего было убито трое коммунистов: А. М. Аликин, секретарь Ивановской партячейки Чермозского района; Н. Курочкин, секретарь комсомольской ячейки деревни Феклисты Очерского района; и М. Г. Попов — председатель крестьянского комитета общественной взаимопомощи деревни Абрамово Нердвинского района [Очерки истории Пермской областной партийной организации, с. 263]. Коммунистические идеологи и чекисты преподносили все эти эксцессы как ожесточенный кулацкий террор, оправдывая тем самым широкомасштабный государственный террор в отношении десятков тысяч крестьян, обреченных на гибель и страдания в местах высылки и концлагерях, неприспособленных для жизни.

Несмотря на усиливавшееся недовольство крестьян, власть не собиралась отказываться от антикрестьянской политики. Массовый саботаж колхозного строительства крестьянами объяснялся происками классового врага, который был представлен в первую очередь в образе «кулака». Недовольство крестьян, по большей части пассивное, жестко подавлялось репрессивной машиной государства. Неизбежному сопротивлению крестьянства насилию и произволу властей государством был нанесен превентивный удар в форме ликвидации кулачества как класса².

Административное принуждение крестьян к вступлению в колхозы продолжалось и в феврале, тем более что в большинстве районов поспешили заняться сплошной коллективизацией, хотя директивы центральных органов партии требовали ее не от всех территорий. Как впоследствии отмечали проверяющие различных комиссий (расследовавшие часть жалоб), не желавших вступать в колхозы середняков и бедняков запугивали, необоснованно привлекали к уголовной ответственности, приговаривали к большим штрафам и принудительным работам «по ничемным делам» [ПермГАНИ, ф. 156, оп. 1, д. 287, л. 6].

Так, секретарь воскресенской ячейки, избач Серовиков на собраниях говорил: «Кто не вступит — отправим туда, где пасет Макар телят. Земли не

² Раскулачивание в ходе коллективизации заслуживает отдельного рассмотрения. Автор посвятил этому сюжету специальную статью, которая принята к публикации в ноябрьском «Вестнике Пермского государственного университета» (Сер. История. 2011. № 3).

получите и т. д.», однажды он не выпустил пришедших на собрание, пока они не записались в колхоз [см.: ПермГАНИ, ф. 2, оп. 7, д. 124, л. 113—114]. На одном из собраний Краснослудского сельсовета Калининского района (Пермский округ) вынесли такое постановление: «Предложить всем немедленно вступить в колхоз. На тех, кто не вступит, составить списки, направить в РИК для их выселения из Уральской области и принятия к ним самых суровых мер» [Там же, л. 46—47].

Одним из инструментов коллективизации стали репрессии судебных и административных органов как в отношении крестьян, так и в отношении советских руководителей. Так, Комиссия Верхнекамского окружкома ВКП(б), расследовавшая весной 1930 г. проведение коллективизации в Чердынском районе (после появления в «Правде» письма об искажениях партлинии в Чердынском районе), констатировала «грубейшие извращения директив партии и правительства судебно-административными органами Чердынского района, выразившиеся в неосновательном привлечении к уголовной ответственности бедняков и середняков, в чрезмерном наложении штрафов и принуд-работ по ничемным делам, осуждении 10 председателей сельсоветов без соблюдения достаточного политического подхода к этому делу и в недопустимой слабости репрессивных мер в отношении кулачества» [Там же, ф. 156, оп. 1, д. 287, л. 6].

Коллективизация сопровождалась также антирелигиозными акциями властей — закрытием церквей, мечетей, фабрикации дел против священнослужителей. Так, на 2-м съезде колхозов Уинского района по докладу секретаря РК ВКП(б) Переселенцева было вынесено решение передать церковные колокола в фонд индустриализации. «Съезд высказывается провести эту кампанию в течение февраля с таким расчетом, чтобы можно было их представить на пристанционные пункты по хорошему санному пути Красным районным обозом», — докладывал старший следователь А. И. Александров пермскому окружному прокурору. В развитие этой инициативы в районе проводились сельские собрания, где от населения категорически требовалось принять решение о закрытии церквей, что вызвало массовое недовольство. «В Чайкинском с/совете избач (секретарь ячейки) Ибанов Курбан самовольно закрыл мечеть, вывесил на купол красный флаг и в тот же день устроил вечер молодежи с гармошкой. Впоследствии в силу напора и требования населения мечеть пришлось возратить», — сообщал А. И. Александров. После того, как на собрании в Медянском сельсовете секретарь коммунистической партячейки Ильин категорически поставил вопрос о закрытии церкви, у церкви собралось ее караулить около 800 человек и возник конфликт с активистами ячейки, которые стремились разогнать толпу [Там же, ф. 2, оп. 7, д. 124, л. 110—112].

8 марта 1930 г. на заседании президиума Мазунинского сельсовета Юго-Осокинского района по инициативе избача Бочкарева и предсельсовета Мальцева было вынесено решение о закрытии церкви. В тот же день у церкви сломали купол и сняли колокола. Большой колокол, уронив, разбили. По данным прокуратуры, после закрытия церкви количество верующих увеличилось с 200 до 300 чел. Также увеличилось количество выходов из колхоза. Уже через три недели суд приговорил инициаторов к нескольким месяцам принудительных

работ. Примерно в то же время, в марте, Чайкинский сельсовет Уинского района принял решение о закрытии мечети. Избач Иванов при голосовании о закрытии мечети говорил: «Кто голосует против закрытия церкви, тот против Советской власти». В тот же вечер в мечети был поставлен спектакль. Виновных впоследствии привлекли к уголовной ответственности [ПермГАНИ, ф. 2, оп. 7, д. 124, л. 57–59].

Атеистические припадки случались у местных властей и позднее. Например, в секретной телеграмме временно исполняющего обязанности начальника окротдела ОГПУ, адресованной полпредству ОГПУ по Уралу, описывается, что в мае 1930 г. в селе Ашав власти закрыли храм и начали снимать колокола. Это встретило массовое сопротивление. Более того, возмущенные крестьяне выдвинули требования отдать отобранные семена и уравнивать их в правах с колхозниками [см.: Там же, л. 148]. Заметим, что служителей культа облагали «кулацкими» налогами, понуждая к сложению сана (тогда освобождали от уплаты) [ГАПК, ф. р-684, оп. 3, д. 17, л. 132].

Утверждения партийных руководителей о массовом устремлении крестьян в колхозы опровергла сама жизнь. Истинное отношение крестьян к колхозной политике отчетливо отразил их массовый выход из колхозов после статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» 2 марта 1930 г., открывшей кампанию по ликвидации «перегибов на местах». Эту публикацию можно рассматривать как очевидное свидетельство официального отречения власти от проводимой политики во избежание социального взрыва.

Характерно, что многие местные руководители пришли в недоумение от новых директив, которые отчасти противоречили старым. Особенно шокировала их статья Сталина «Головокружение от успехов», опубликованная в газете «Правда», поскольку в ней вся вина за перегибы при проведении коллективизации возлагалась на местные власти. Не случайно отмечается ряд фактов замалчивания этой публикации и даже намеренного искажения ее смысла. Так, избач Ильин, по совместительству секретарь медянской партячейки Уинского района, газеты припрятывал, а на собрании заявил, что «это просто статья, а не закон». На том же собрании агроном Перминов сказал, что «статья Сталина написана не для нас, а для заграницы» [ПермГАНИ, ф. 2, оп. 7, д. 124, л. 111–113; ф. 156, оп. 1, д. 276, л. 59–59 об.].

Крестьяне же повсеместно стремились найти статью для публичного обоснования своей правоты. Ни одна из публикаций «Правды» не становилась на селе таким бестселлером, как эта. Например, в Ленинском районе Пермского округа крестьяне за газету со статьей Сталина платили пуд муки или 2 фунта масла [Там же, ф. 2, оп. 7, д. 124, л. 46–48].

Начавшийся исход из колхозов после появления статьи стал воистину массовым. Уже в марте из ряда колхозов вышло до 40 %, а в некоторых и до 80 % хозяйств [см.: Там же, л. 46]. Например, в Уинском районе в течение месяца из колхоза в 6001 колхозное хозяйство в колхозах осталось 1465 [Там же, л. 111–112].

Примечательно, что в первое время при массовом выходе крестьян из колхозов их имущество, в том числе скот, как правило, оставляли в колхозе как

неделимый капитал. Так продолжалось до выхода специальных постановлений органов советской власти.

Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» от 14 марта 1930 г. ориентировало все парторганизации на строгое соблюдение принципа добровольности в колхозном строительстве, прекратить принудительное обобществление жилых построек, мелкого скота, птицы, покончить с «раскулачиваниями» середняков, членов семей сельских учителей, военнослужащих, бывших красных партизан и т. д. Эти ориентиры легли в основу директив региональных и местных властей по ограничению административного произвола [ПермГАНИ, ф. 156, оп. 1, д. 276, л. 59—59 об.].

Более внимательным стало отношение руководителей региональных органов власти (областных и окружных) к определению лиц, подлежащих раскулачиванию. При окрисполкомах заработали комиссии, рассматривающие материалы на «кулаков» 2-й и 3-й категории. Важнейшим ориентиром для них становится размер уплачиваемого сельхозналога. Например, в марте 1930 г. комиссия Пермского окрисполкома рассмотрела около 160 дел, подготовленных для выселения по 3-й категории, утвердив только 51 дело. Остальные были отклонены «как не подпадающие под признаки кулацких хозяйств», на том основании, что эти хозяйства платили сельхозналог в размере 30 руб., 23 руб. или даже 3,78 руб. [см.: Там же, ф. 2, оп. 7, д. 124, л. 55—57]

В результате прямой нажим на крестьян на несколько месяцев ослабевает. Хотя продолжались и «раскулачивания», и уголовные преследования крестьян, открыто выражавших недовольство советской аграрной политикой. Несмотря на смягчение курса, заведенные ОГПУ в январе — феврале 1930 г. дела по обвинению крестьян в антисоветской агитации доводились до логического конца, т. е. до осуждения за критические высказывания по поводу непомерно высоких налогов, недобровольной коллективизации и т. п. Именно за это были осуждены особым совещанием при коллегии ОГПУ ординские крестьяне И. Н. Бабин, Ф. С. Самыловских, И. П. Лопаногов [Там же, ф. 643/2, оп. 1, д. 26622, л. 34—36, 39] и многие другие.

Массовый исход из колхозов весной 1930 г. постепенно сошел на нет (во многом вследствие налогового и административного нажима на крестьян). Летом 1930 г. в колхозах Западного Урала насчитывалось немногим более 20 % крестьянских хозяйств. Выполняя указания ЦК ВКП(б) руководство Пермской окружной парторганизации предложило считать имеющуюся в колхозах долю хозяйств исходной «в деле развертывания коллективизации», как это постановила Восьмая окружная партконференция. В ряде районов это транслируется как курс на 100-процентную коллективизацию [см.: Иванова, с. 58]. Снова начинается «закручивание гаек», хотя уже в несколько смягченном виде, с обещаниями помощи и льгот колхозникам, но неизменно в сочетании с усилением налогового давления на единоличников и с продолжением «раскулачиваний».

Не рассматривая ход коллективизации на данном этапе, заметим только, что принятые меры принесли свои плоды. Если в конце лета в колхозах При-

камья насчитывалось около 25 % крестьянских хозяйств, то к концу года их было около 30 % [Очерки истории Пермской областной партийной организации, с. 265].

Таким образом, изучение начального этапа колхозного строительства в Прикамье позволяет конкретизировать, каким образом проводилась на местах репрессивная политика форсированной коллективизации, довольно полно отраженная в современной отечественной историографии [см.: Ивницкий; Зеленин; и др.]. Можно проследить, как весьма общие директивы центра провоцируют произвол на местах, который впоследствии в основном вводится в нормативные рамки при осуждении единичных и наиболее одиозных проявлений. Крестьянская реакция на принуждение к изменению жизненного уклада, отчуждению собственности и т. п. оказывается весьма умеренной и сводится в основном к осуждению советской власти в узком кругу и к тихому саботажу.

ГАПК. Ф. Р-684.

Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. 315 с.

Иванова М. А. Коллективизация в Прикамье: насилие без границ // Годы террора : книга памяти жертв политических репрессий. Пермь, 1998. С. 47–66.

Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996.

История коллективизации сельского хозяйства Урала (1927–1937) : сб. документов и материалов / отв. сост. Л. А. Трефилова. Пермь, 1983. 222 с.

Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь, 1986. 683 с.
ПермГАНИ . Ф. 2, 156, 641/1, 643/2.

Статья поступила в редакцию 12.11.2011 г.

УДК 2-532.2 + 213 + 34(37)

П. С. Боровков

**ПОНТИФИКИ И ИСКУПЛЕНИЕ ПРОДИГИЙ
В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В IV—II вв. до н. э.:
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ***

Анализируются политически значимые функции понтификов в сфере учета и искупления продигий в Римской республике в IV—II вв. до н. э. Исследуется влияние деятельности коллегии понтификов на формирование универсальных политико-правовых механизмов и норм в области регулирования государственных священнодействий. Религиозно-юридическая деятельность понтификов существенно выделяет ее из числа всех остальных жреческих структур Римской республики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: продигии; понтифики; жреческие коллегии; публичные жертвоприношения; сенат.

Сфера религиозной жизни древних римлян, связанная с учетом и искуплением продигий (*prodigia* — неблагоприятные знамения)¹, являлась предметом публично-правового регулирования и находилась под пристальным контролем политической власти в период Римской республики. Появление продигий, согласно представлению древних римлян, указывало на гнев богов, вызванный нарушением интересов последних со стороны гражданского коллектива (например, по причине неисполнения обета или сакральных нарушений при проведении публичных жертвоприношений). Таким образом, знамения являлись своеобразным барометром в системе взаимоотношений римского полиса с его богами-защитниками. В свою очередь, ненадлежащее исполнение сакральных обязательств было чревато разрывом добрых отношений общины с небожителями (*pax deorum*), забота о поддержании которых являлась первостепенной обязанностью органов власти в Римской республике [более подробно о содержании понятия *pax deorum* см.: Сини, с. 10—14]. Поэтому, несмотря на то, что продигии являлись частью религиозной жизни гражданской общины, их связь с государственными интересами и деятельностью политических институтов Римской республики не вызывает никаких сомнений [о взаимосвязи продигий с политическими процессами в Римской республике см.: Сидорович, с. 69—72; Сморгчов, 2001, с. 113—116; Bloch, p. 119—131; Beard et al., p. 28—30].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

¹ Применительно к сфере религии римской гражданской общины продигии (*prodigium* — ном. sg; *prodigia* — ном. pl.) понимаются в нарративных источниках как чудесные знамения, чаще всего природного характера (удары молний, необычные атмосферные осадки, аномальный приплод скота, землетрясения и т. д.), свидетельствующие о нарушении *pax deorum* (добрых отношений общины с ее богами-покровителями) и требующие проведения публичных искупительных ритуалов, направленных на восстановление благоприятного отношения небожителей к римскому государству [см.: Wissowa, 1912, S. 390; Händel, S. 2283].

Авторитетным жреческим институтом, специализировавшимся в области искупления продигий, во все периоды развития римской гражданской общины являлась коллегия понтификов. В научной литературе подробно рассмотрены процедуры искупления неблагоприятных знамений, механизмы и принципы взаимодействия политических и сакральных институтов, а также порядок принятия решений понтификами, сенатом и магистратами в случаях обнаружения свидетельств гнева богов на территории римской *civitas* [см., например: Сморгчов, 1994, с. 55–58; Wülker, S. 38–43; Szemler, 1972, p. 34–36; Linderski, p. 2154–2155; Schofield, p. 47–65]. Между тем в антиковедении практически нет специальных работ, посвященных отдельному анализу роли понтификов в данной области религиозной жизни Римской республики. В связи с этим в современной историографии остаются недостаточно изученными вопросы, связанные с оценкой политико-правового значения деятельности коллегии понтификов. Прежде всего это проблема содержательного наполнения и характера функций понтификов в сфере учета и искупления свидетельств гнева небожителей, а также вопросы религиозно-юридической специфики решений коллегии при определении мер по восстановлению *pax deorum*. Такая ситуация с изучением проблемы, на наш взгляд, сформировала определенную историографическую тенденцию, согласно которой коллегия понтификов в сфере регулирования продигий отводится место пассивного и малозначительного участника государственно-религиозной жизни Римской республики, явно теряющегося на фоне деятельности других жреческих объединений и институтов власти [см., например: Сморгчов, 2001, с. 113–116; Wülker, S. 38–40; Rosenberger, 2007, p. 295].

Таким образом, цель настоящего исследования — определить политико-правовое значение и характер деятельности коллегии понтификов в сфере учета и искупления продигий в период классической Римской республики (IV–II вв. до н. э.). В связи с поставленной целью предлагается сфокусировать внимание на разрешении двух взаимосвязанных задач.

Во-первых, проанализировать функции понтификов в области искупления продигий. Рассмотреть обязанности понтификов в контексте системы взаимоотношений гражданской общины с ее богами-покровителями и выделить тот пласт полномочий жрецов, реализация которых действительно прослеживается в свидетельствах наших источников применительно к IV–II вв. до н. э.

Во-вторых, выявить содержательные особенности декретов понтификов в сфере регулирования религиозных мероприятий, направленных на восстановление *pax deorum*. Провести сравнительный контент-анализ решений понтификов и других жречеств в сфере искупления неблагоприятных знамений.

Сведения о продигиях наиболее полно и последовательно изложены у Ливия и Юлия Обсеквента, автора IV в. н. э., составившего (вероятно, на основе книг Ливия) погодные сводки о фактах продигий в Римском государстве (*Liber prodigiogum*) [см.: Badian, p. 21]. Общая краткая характеристика функций понтификов в сфере продигий приводится у Ливия в контексте описания мероприятий Нумы Помпилия по учреждению жречеств. В своем перечне жреческих

полномочий Ливий [Liv. I. 20. 7] указывает: «тот же понтифик мог проконсультить, какие неблагоприятные знамения от Юпитера в виде молний или в ином образе обязательно учитываются (*susciperentur*) и отвращаются (*curarentur*)»². Таким образом, понтифики уже изначально выступают консультантами³ по двум взаимосвязанным публично-правовым процедурам: 1) учет протидий (*prodigia suscipere*) и 2) искупление протидий (*prodigia curare*).

Следуя логической структуре, заданной пассажем Ливия, рассмотрим сначала понтификальную функцию по учету протидий (*prodigia suscipere*). Если мы проанализируем данные традиции относительно фактов протидий в Римской республике на протяжении IV—II вв. до н. э., то заметим простую закономерность: сообщения о наблюдаемых на территории римской общины знамениях поступали прежде всего в сенат [Gell. IV. 6. 1; Liv. V. 15. 1; XXII. 1. 14], который принимал решение, каким образом принимать их во внимание [Liv. XLII. 20; XLIII. 13. 6; XLV. 15. 5]. Сенаторы проводили расследование относительно этих фактов, опрашивая свидетелей и выясняя обстоятельства, при которых были замечены протидии [Liv. V. 15. 1; XXII. 1. 14]. Источники не дают нам прямых свидетельств, что понтифики привлекались сенатом в качестве консультантов на этом этапе процедуры. Между тем, если принять во внимание, что большинство понтификов были членами сената⁴, то необходимость в этом отпадает. В сенате понтифики могли выяснить из первоисточника, какие знамения были зафиксированы, и тут же дать свое заключение. О том обстоятельстве, что жрецы имели право в рамках сената непосредственно высказываться по вопросу их компетенции, прямо указывает Плутарх [Cam. 18], говоря, правда, не о понтификах, а о фециалах (что, по нашему мнению, демонстрирует возможность использования в Римской республике жреческого мнения и знаний для публичных нужд без официального запроса в коллегия).

Таким образом, отсутствие прямых упоминаний в источниках консультаций понтификов при решении вопроса об официальном принятии необычных явлений в качестве свидетельств нарушения *raх deorum*, на наш взгляд, еще не указывает, что функция *prodigia suscipere* была утрачена понтификами в период республики. Если сенат как высший государственно-контрольный орган общины (вероятно, с помощью понтификов-сенаторов) учитывал и «сортировал» поток сообщений о фактах проявления немилости небожителей, то понтифики уже искали причину этого божественного гнева и предлагали необходимые меры для восстановления пошатнувшегося *raх deorum* [Liv. XXVII. 4. 15;

² «...Ut idem pontifex edoceret, quaeque prodigia fulminibus aIove quo visu missa susciperentur atque curarentur».

³ Необходимо обратить внимание, что акцент в источниках делается на обязанности понтифика учить, наставлять (*edocere*), а не приказывать.

⁴ Списки, приведенные Макробием и Цицероном относительно состава коллегии в 70-е гг. I в. до н. э., ясно показывают, что большинство членов коллегии являлись сенаторами [см.: Taylor, p. 386—387]. Представляется, что данная закономерность сложилась уже в период классической республики, поскольку из 72 поименно известных понтификов III—I в. до н. э. 66 занимали курульные магистратуры, что является непосредственным указанием на их принадлежность к сенаторскому рангу [см.: Szemler, 1986, p. 2317—2319].

XXVII. 37. 4; XXX. 2. 13; XXXIX. 22. 4; XLI. 16. 6]⁵. В данном случае понтифики принимали участие в этом процессе уже как самостоятельный, отдельно действующий от сената институт. Здесь мы подходим к рассмотрению следующей функции понтификов, связанной с нейтрализацией и «обезвреживанием» неблагоприятных знамений, — *prodigia curare*.

На протяжении IV—II вв. до н. э. искупление неблагоприятных знамений от имени римского народа осуществляли магистраты: диктаторы [Plut. Cam. 42]⁶, консулы [Stewart, p. 77] или, как свидетельствует надпись 258 г. до н. э., цензоры [Федорова, с. 254]. Однако сами искупительные мероприятия формулировались и реализовывались на основе декретов понтификов [Liv. XXXIX. 22. 4; XLI. 16. 6] или решений иных жреческих коллегий. В декрете понтификов указывались необходимые жертвы либо иные религиозные мероприятия (например, общенародные молебствия), которые магистрату необходимо воздать богам, чтобы искупить prodigia [Liv. XXVII. 37. 4].

Любопытно отметить, что первоначальное значение глагола *curare* (или его более употребительного аналога *procurare*) — лечить, исцелять [см.: Oxford Latin Dictionary, p. 1471]. В связке же с *prodigia* этот глагол дает несколько иное, но схожее значение — исцелять, отвращать prodigia священными обрядами [Ibid., p. 476]. В таком случае невольно рождается ассоциативная связь между процедурой искупления prodigia и исцелением или очищением общества от скверны. В связи с этим необходимо отметить, что в источниках описание prodigia порой сопровождается появлением стихийных бедствий и различных массовых эпидемий [Cic. De nat. deor. II. 14]. Поэтому саму процедуру искупления неблагоприятных знамений вполне можно рассматривать в качестве некоего символического акта, направленного на очищение гражданской общины от греха. В каждой конкретной ситуации публичные жертвоприношения и ритуалы, направленные на нейтрализацию неблагоприятных знамений, призваны были вселить в граждан уверенность в том, что все напасти непременно будут отведены от общины (относительно социального значения искупительных жертвоприношений см.: [Bernstein, p. 226–228]).

Однако для того, чтобы определить точный рецепт и адресат искупительного ритуала, прежде всего необходимо было выявить причины гнева небожителей. Для решения этой задачи понтифики проводили самое настоящее расследование. Так, жрецы могли найти, что определенные обеты не были вовремя исполнены, или то, что магистраты пренебрегли правилами жертвоприношений (например, не справив должным образом обряд Латинских священнодействий) [Liv. XXXII. 1. 9]. Самый роковой результат понтификального расследования заключался в уличении весталки в ритуальной нечистоте или блуде [Dion. Hal. IX. 40; Liv. II. 42]. Также понтифики по характеру prodigia определяли, кто именно из божеств гневается [Val. Max. I. 1. 8; Gell. II. 28], чтобы

⁵ Такое разделение функций выглядит вполне логично, если учесть, что на период IV—II вв. до н. э. приходится эпоха расцвета властных полномочий сената [см.: Ferenczy, p. 78].

⁶ В государственной жизни древних римлян бытовала практика избрания диктатора специально для совершения искупительных мероприятий [см.: Дементьева, с. 64–65].

включить в свой декрет именно те виды и масти жертвенных животных (как правило, это были взрослые животные — *hostis maioribus*), которые подходят этому небожителю [Liv. XXXI. 2. 13]. И только после того, как определялась причина появления неблагоприятных знамений, консулы на основании точного предписания жрецов («his procuratis ex decreto pontificum profecti consules») совершали процедуру искупления [Liv. XXIV. 44. 7–8; XXVII. 4]. В декрете понтификов значились не только состав жертв и их назначение, но и порядок их принесения [Gell. II. 28.] или совершения иных ритуальных мероприятий (как в случае с проведением публичных однодневных молебствий во имя процветания Римского государства) [см.: Liv. XXVI. 23. 6].

Таким образом, учет сенатом продигий и сам акт их искупления магистратом — это лишь начальные и конечные звенья той цепочки действий, которые следовало совершать в процессе урегулирования продигий. Ключевым содержанием процедуры восстановления *raх deorum*, как нам представляется, являлась «диагностическая» работа понтификов, направленная на формулирование специального декрета. Декрет в этом случае выполнял функцию религиозно-юридического документа, не только определяющего состав искупительных мероприятий, но и регламентирующего сам процесс коммуникации представителя гражданской общины с миром небожителей.

Для более объективной оценки роли коллегии понтификов в сфере искупления продигий рассмотрим их деятельность в сравнении с функционированием других институтов жречества. В историографии неоднократно отмечалось, что положение понтификов в сфере искупления продигий в период республики выглядит явно маргинальным при сравнении с активностью других жречеств [см.: MacBain, p. 43; North, p. 609]. И действительно, из 75 известных сводных описаний различных фактов продигий (применительно к IV — первой половине II в. до н. э.) понтифики только 10 раз упоминаются в источниках в качестве составителей искупительных ритуалов, тогда как жрецы Сивиллы или гаруспики, а порой и дельфийские оракулы были задействованы в процедуре *procuratio prodigia* не менее 38 раз [см.: Wülker, S. 33–37; Rasmussen, p. 55–84]⁷. В остальных случаях у нас нет свидетельств, что какое-либо жречество привлекалось к отвращению продигий. В этих ситуациях указание по искуплению продигий, как правило, поступало магистратам напрямую из сената (таким образом, сенат самостоятельно решал вопрос о мерах по искуплению) [Gell. IV. 6. 2; Liv. XXVIII. 11. 5; XXXII. 1. 13; XXXVI. 21. 9; XL. 19. 4; XLI. 9. 7; 15. 4; XLII. 28. 7] либо в источниках фиксировалось абстрактное выражение, не позволяющее выделить субъект действия (в большинстве казусов обнаруживается универсальная формулировка: Продигии искуплены принесением в жертву крупных животных и назначением дня молебствия)⁸ [Liv. XXVI. 23. 6; XXVII.

⁷ В работе С. Расмуссен представлена удобная сводная таблица, содержащая подробную информацию по всем известным фактам продигий в период республики (с указанием конкретной жреческой коллегии, принимавшей участие в процедуре отвращения неблагоприятных знамений) [Rasmussen, p. 51–91].

⁸ «Prodigia procurata hostiis maioribus et supplicatio diem».

11. 6; XXVIII. 11. 7; XXX. 38. 9; XXXIII. 26. 9; XL. 2. 4; Obsequ. 7]. Таким образом, если принимать во внимание эти статистические данные, то положение понтификов будет выглядеть более чем скромным. И в таком случае напрашивается прямой вывод, что коллегия понтификов была вытеснена из этой области сакральных дел общины другими жречествами.

Для прояснения данного вопроса необходимо обратиться к рассмотрению тех продигий, которые получали искупление по рецептам гаруспиков и жрецов священнодействий (*decemviri sacris faciundis*). Следует отметить, что сенат привлекал этих жрецов для помощи в борьбе с наиболее странными и уникальными явлениями, среди которых: появление гермафродитов и рождение аномальных детенышей животных [Oros. II. 12. 3], появление змей, необъяснимых атмосферных осадков и землетрясений [Liv. IV. 21. 5; Liv. III. 10. 5; Liv. XXIV. 10. 6; XXIX. 10—4; Plin. H.N. II. 47; VII. 120; Dion. Hal. X. 2. 2; Val. Max. I. 6. 5; App. Hann. 56]. Типизацию этих знамений провести очень сложно [см. об этом: Rosenberger, 2007, p. 293—296; Bendlin, S. 88—89]. Однако можно заметить, что привлечение понтификов осуществлялось при фиксации более типичных явлений, связанных главным образом с ударами молний и повреждением сакральных или общественно важных объектов [Liv. I. 20. 7; XXVII. 37; XXXIX. 22. 4; XLI. 16. 6]⁹. Поэтому можно согласиться с замечанием К. Латте, что, хотя крайне необычные продигии по решению сената могли быть переданы на рассмотрение гаруспиков или децемвиров по священным делам, продигии же, которые были достаточно типичны, входили в компетенцию понтификов [Latte, S. 204].

Таким образом, даже если предположить, что в более ранние времена понтифики были компетентны отвращать все виды неблагоприятных знамений, то в период республики происходит постепенная дифференциация и распределение функций между различными жреческими коллегиями. Такая тенденция вполне объяснима, так как если проанализировать количественные данные наших источников в отношении фиксации продигий, то можно заметить, что количество фактов возрастает начиная с середины IV в. до н. э. [см.: Rawson, p. 158—169]. Независимо от того, как объяснять причины нарастания свидетельств о появлении продигий в период классической республики¹⁰, для нас принципиально важно понять, почему другими жреческими коллегиями нарушалась монополия понтификов в сфере учета и искупления продигий. На наш взгляд, такая ситуация сложилась естественным образом, поскольку понтифики

⁹ Однако следует отметить, что участие понтификов не исключалось и при разрешении иных ситуаций [например, см.: Liv. XXVII. 4. 14—15; XXXIV. 45. 8].

¹⁰ В связи с этим любопытно отметить соображения А. Клотца, по мнению которого, нарастание упоминаний в источниках о продигиях начиная с середины IV в. до н. э. объясняется динамичным расширением территории римской цивитас, появлением новых поселений римских граждан на большом расстоянии от города. Такие процессы неизбежно сказались на том обстоятельстве, что сенату пришлось учитывать гораздо большее число неблагоприятных знамений [см.: Klotz, S. 44—49]. Между тем в историографии доминирует иное объяснение увеличения фактов продигий в IV в. до н. э. В частности, исследователи указывают на то обстоятельство, что Ливий и другие древние авторы, вероятно, просто не имели всей полноты данных относительно периода ранее IV в. до н. э. [см.: Sumner, p. 160].

в силу того, что обладали, в отличие от жрецов по священным делам и гаруспиков, массой других полномочий¹¹, просто были бы не в состоянии принимать участие в нейтрализации всего потока неблагоприятных знамений. Не случайно сенат консолидировал учет продигий в своей компетенции, поскольку тем самым не только контролировал процесс регулирования продигий, но и проводил грамотное распределение обязанностей между жрецами в зависимости от ситуации.

В связи с этим вернемся еще раз к вопросу о количественных показателях, на основании которых рядом ученых делается вывод о снижении роли понтификов в сфере интерпретации и искупления продигий в IV—II вв. до н. э. [см.: Rosenberger, 2007, p. 293—296; Bendlin, p. 88—89]. Рассмотрим более подробно содержание декретов понтификов, связанных с «обезвреживанием» неблагоприятных знамений. Так, Ливий сообщает, что в 209 г. до н. э. были зафиксированы удары молнии в храм Юпитера Капитолийского и по указанию сената «эти продигии в соответствии с декретом понтификов были искуплены принесением в жертву взрослых животных и назначением дня для общих молебствий» («haec prodigia hostiis maioribus et supplicatio diem procurata decreto pontificum») [Liv. XXVII. 4. 15]. Аналогичную характеристику решения понтификов, практически дословно совпадающую с первой, мы встречаем и в рассказе Ливия о продигиях 207 г. до н. э.: «haec procurata hostiis maioribus prodigia et supplicatio diem unum fuit ex decreto pontificum» [Liv. XXVII. 37. 4]. Схожие по своему содержанию формулы «рецептов» понтификов, иногда с некоторыми вариациями¹², мы находим и в других случаях [Gell. IV. 6; Liv. XXVII. 4. 15; XXX. 2. 13; XXXIX. 22. 4; XLI. 16. 6; Liv. XXXII. 9. 2; XXXIV. 45. 6; Obsequ. 9].

Таким образом, в большинстве указанных эпизодов решение понтификов отличает общая формулировка, в которой, как правило, фигурируют в качестве мер *hostiis maioribus*, либо *hostiis maioribus et supplicatio diem*. Если мы будем сравнивать эти решения с известными нам мерами, предлагаемыми жрецами Сивиллы или гаруспиками, то заметим существенные отличия. В формулах последних двух жреческих объединений такой закономерности явно не прослеживается [Liv. III. 10. 7; XXIX. 10. 5—6; Plin. H. N. II. 47; VII. 120; Dion. Hall. X. 2. 2; Val. Max. I. 6. 5; App. Hann. 56]. В этой связи исследователями справедливо подмечено, что рекомендации по искуплению продигий как коллегии жрецов по священным делам, так и гаруспиков отличаются казуистичностью и даже некоторой экзотичностью предлагаемых мер [подробнее см.: Rasmussen, p. 57—91].

Рассмотрим теперь самостоятельные решения сената. Можно заметить, что в большинстве случаев формулировки решений сената аналогичны формулировкам декретов понтификов [Gell. IV. 6. 2; Liv. XXVIII. 11. 5; XXXII. 1. 13;

¹¹ В числе наиболее значимых функций понтификов в V—III вв. до н. э., требующих от коллегии постоянного участия в общественной жизни *civitas*, исследователи отмечают: 1) консультирование магистратов по вопросам частного судопроизводства и 2) отправление правосудия в области *iudicia privata* [см.: Mitchell, p. 170]. Между тем отметим, что вопрос о судебных прерогативах понтификов в сфере гражданского права является крайне дискуссионным в современной историографии [см. об этом: Боровков, с. 19—22].

¹² Так, встречается еще и обряд очищения (*sacrificium nouemdiale*) [см.: Liv. XXXIV. 45. 6].

XXXVI. 21. 9; XL. 19. 4; 53. 4; XLI. 9. 7; 15. 4; XLII. 28. 7]. Кроме того, в тех случаях, когда нашими источниками полностью опускается информация о субъекте издания решения об искуплении, а употребляется лишь абстрактное выражение, мы опять же встречаем уже знакомую нам форму («*hostiis maioribus*», либо «*hostiis maioribus et supplicatio diem*») [см.: Liv. XXVI. 23. 6; XXVII. 11. 6; XXVIII. 11. 7; XXX. 38. 9; XXXIII. 26. 9; XL. 2. 4; Obsequ. 7]. Выявление такой закономерности наводит на следующие соображения. Вполне возможно, что в тех случаях, когда в тексте повествования опускается субъект действия, то подразумевается, что интерпретировали prodigии и формулировали решение по ним понтифики, поскольку содержательная линия искупительных мероприятий явно восходит к их творчеству. И в таком случае количественные показатели при оценке активности и значения данной жреческой коллегии в области нейтрализации prodigий уже необходимо использовать очень осторожно.

Конечно, в ситуациях молчания источников по поводу субъекта действия, как и в тех случаях, когда ясно, что решение принимали сами сенаторы, органом принятия решения мог являться тот же самый сенат. Однако то обстоятельство, что формулировки решений сената порой полностью совпадают с декретами понтификов, позволяет сделать предположение о возможном использовании сенатом уже готовых решений жрецов для урегулирования схожих по своему характеру ситуаций. Не исключено, что сенат готовил свое постановление об искуплении prodigий на основе уже неоднократно применявшегося того или иного типового декрета понтификов. Прямое свидетельство того факта, что ранее принятый декрет понтификов мог по указанию сената использоваться магистратами повторно, мы находим у Ливия [Liv. XXXI. 12. 4].

Таким образом, мы склонны предполагать, что особенность деятельности понтификов в сфере регулирования prodigий заключалась в том, что она, помимо традиционного консультирования органов власти, была также направлена и на составление норм сакрального права, устанавливающих для магистратов и сената типовой и обобщенный вариант поведения. В подтверждение нашей гипотезы приведем одну очень важную цитату из сочинения Авла Гелия, который с опорой на Варрона сообщает следующее: «...если кто-либо осквернял празднество и вследствие этого требовалась умиловительная жертва, то приносили жертву (со словесной формулой) “если какому-либо богу или какой-либо богине” (нанесен ущерб). И это правило, согласно М. Варрону, было введено декретом понтификов, так как было неясно, какая сила и кто из богов или богинь вызвали землетрясение» [Gell. II. 28. 2]¹³.

Исходя из данного пассажа, четко видно, что решением понтификов утверждается универсальная формула принесения умилолюбивого жертвоприношения в случае появления неблагоприятных знамений в виде землетресений, вызванных осквернением неких религиозных праздников. Данная формула имела, вероятно, важное практическое значение, поскольку позволяла в типовых

¹³ «...Ferias si quis polluisset piaculoque ob hanc rem opus esset, hostiam «si deo, si deae» immolabant, idque ita ex decreto pontificum observatum esse M. Varro dicit, quoniam, et qua vi et per quem deorum dearumve terra tremaret, incertum esset».

случаях совершать гарантированно верные «графаретные» сакральные действия без привлечения понтификов. В этом отношении декрет понтификов по существу является нормой абстрактного характера, рассчитанной на многократное применение в самых различных ситуациях, объединенных общей каузой — необходимостью совершения искупительных мероприятий в тех случаях, когда невозможно точно определить происхождение неблагоприятных знамений. Вполне возможно, что некие подобные декреты, определяющие типовой порядок проведения искупительных мероприятий, издавались понтификами по вопросам интерпретации продигий самого различного содержания.

В связи с этим уместно рассмотреть одно любопытное сообщение Валерия Максима относительно мнения понтификов, высказанного по вопросу дедикации одного храма сразу двум божествам в 208 г. до н. э. [Val. Max. I. 1. 8]¹⁴: «Когда Марк Марцелл, в пятый раз консул, вознамерился прежде всех дел освятить храм Чести и Доблести... то был остановлен коллегией понтификов, полагавшей, что один храм нельзя посвящать одновременно двум богам, поскольку если в связи с этим храмом произойдут продигии, то может возникнуть ошибка в определении, кому из небожителей воздавать почести и в принесении одной и той жертвы сразу двум богам одновременно». Аналогичный рассказ приводит и Ливий [XXVII. 25. 7—10]. Отметим, что в данном случае понтики не конкретизируют, какие именно могут произойти продигии, и не указывают точный рецепт, который может понадобиться для их искупления. Их решение носит предельно обобщенный характер и обрисовывает возможную ситуацию в целом. Кроме того, то обстоятельство, что понтики выступают здесь как ответственные лица за искупление всех потенциально возможных продигий, свидетельствует, на наш взгляд, о том, что политическая власть признавала данную коллегию компетентной принимать решения в отношении всех неблагоприятных знамений.

Отчасти наш тезис о координирующей роли понтификов в сфере консультирования органов власти по вопросам интерпретации продигий находит подтверждение в известном факте регулярных публикаций верховным понтификом сводок значимых для общины событий. Так, по свидетельству Катона Старшего, в его время (первая треть II в. до н. э.) существовал обычай, согласно которому глава коллегии понтификов ежегодно фиксировал все факты знамений и выставлял о них сведения возле своей официальной резиденции на специальных таблицах [Cato Orig. fr. 77]: «В таблицах верховного понтифика указывается и о том, когда подоразало зерно, и о том, когда затмился свет луны или Солнца». Такие таблицы скорее всего служили для того, чтобы официально информировать граждан о том, какие продигии уже были учтены и отвращены государством [Händel, p. 2283]. Без такой официальной информации слухи об устрашающих явлениях в отдаленных частях Римского государ-

¹⁴ «In qua cum M. Marcellus quintum consulatum gerens templum Honori et Virtuti Clastidio prius, deinde Syracusis potitus nuncupatis debitum votis consecrare vellet, a collegio pontificum inpeditus est, negante unam cellam duobus diis recte dicari: futurum enim, si quid prodigii in ea accidisset, ne dinosceretur utri rem divinam fieri oporteret, nec duobus nisi certis diis una sacrificari solere».

ства могли привести к нескончаемому потоку свидетелей, стремящихся доложить о тревожащих знамениях, а так граждане видели воочию, что государство самостоятельно ведет фиксацию и учет всех подобных фактов. Р. М. Огилви справедливо замечает, что ключевой смысл таблиц понтификов заключался в том, что их можно было дополнять новой информацией ежедневно [Ogilvie, p. 200]. Это было важно не только для анонсирования подвижных религиозных праздников и церемоний, но также и для объявления о произошедших знамениях, триумфах, победах и поражениях. Публий Муций Сцевола, отправлявший верховный понтификат с 130 по 115 г. до н. э., был последним главой коллегии, который выставлял таблицы возле своей официальной резиденции [Händel, p. 2283]. Прекращение этой практики, возможно, следует связывать со стремлением правящей элиты снизить интерес граждан к знамениям и искупительным ритуалам [Eckstein, p. 71–72].

Для нас принципиально важно отметить, что именно верховный понтифик (а не представитель коллегии децемвиров по священным делам или гаруспиков) составлял официальную сводку о продигиях и осуществлял ее публикацию. Этот факт свидетельствует о том, что коллегия понтификов являлась ответственным жречеством за сферу публичных продигий в целом и концентрировала у себя информацию по всем видам неблагоприятных знамений. Наличие такого информационного ресурса обеспечивало коллегии необходимые условия для обобщения практики интерпретации и искупления продигий самого различного содержания, что, в свою очередь, являлось важной предпосылкой для составления декретов неказуистического характера.

Итак, сформулируем основные выводы. С одной стороны, полномочия и диапазон деятельности понтификов в сфере регулирования публичных продигий были явно ограничены контролем со стороны сената и деятельностью магистратов, а также функционированием других жреческих институтов. С другой стороны, мы не склонны вслед за рядом современных исследователей характеризовать деятельность понтификов в сфере учета и искупления публичных продигий как вспомогательную и техническую по своей сути. Свидетельства наших источников позволяют сделать заключение о том, что понтифики путем принятия декретов и предоставления консультаций обеспечивали магистратам необходимую религиозно-юридическую основу для их взаимодействия с небожителями и регламентировали порядок отправления публичных священнодействий в каждой конкретной ситуации, связанной с нарушением *pax deorum*. Кроме того, проявляемая понтификами забота по поводу предотвращения казусов, когда невозможно интерпретировать продигии и сформулировать соответствующее решение, а также деятельность главы коллегии по ежегодной фиксации и публичному обнародованию всех фактов нейтрализованных знамений свидетельствуют о том, что именно эта коллегия была ответственна в целом за сферу продигий в римской общине.

Мы предполагаем, что понтифики благодаря своей деятельности по интерпретации и искуплению продигий самого различного типа создавали абстрактные нормы сакрального права, которые использовались сенатом в целях

технического упрощения и более эффективного управления процессами в области государственных священнодействий (нормы, которые применялись, по существу, для регулирования публично-правовой сферы). Данный характер функций понтификов напоминает по своей сути известную практику этих жрецов в области интерпретации и составления типовых исковых формул и норм в гражданском праве и существенно выделяет их на фоне всех остальных религиозных структур, связанных со сферой искупления продигий в Римской республике.

Таким образом, учитывая указанные аспекты полномочий понтификов, мы никак не можем согласиться с тем выводом, что положение этой коллегии в сфере регулирования продигий было второстепенным по сравнению с другими жречествами. Кроме того, принимая во внимание то обстоятельство, что за многими безличными выражениями древних авторов относительно искупления неблагоприятных знамений может скрываться непосредственное участие понтификов (особенно в том случае, когда содержание решений явно восходит к их творчеству), мы считаем, что и количественные данные, показывающие более высокую степень участия жрецов Сивиллы и гаруспиков, требуют как минимум поправки на возможную погрешность в пользу понтификальной коллегии.

Боровков П. С. Судебная власть понтификов в римском гражданском праве V—IV вв. до н. э. // Изв. Урал. гос. ун-та. 2007. № 49. Сер. 2, Гуманитар. науки. Вып. 13. С. 19—27.

Дементьева В. В. Магистратура диктатора в Римской республике. Ярославль, 1996. 128 с.

Сидорович О. В. Дивинация: религия и политика в архаическом Риме // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 69—84

Сини Ф. Люди и боги в римской религиозно-политической системе // IVS ANTIQVVM. 2001. № 8. С. 8—30.

Сморчков А. М. Коллегия понтификов и гражданская община (IV—II вв. до н. э.) // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 45—68.

Сморчков А. М. Коллегия понтификов // Жреческие коллегии в раннем Риме: к вопросу о становлении римского сакрального и публичного права / под ред. Л. Л. Кофанова. М., 2001. С. 100—141.

Фёдорова Е. В. Латинская эпиграфика. М. 1969. 208 с.

Badian E. The Early Historians // The Latin Historians / ed. by T. A. Dorey. N. Y., 1966. P. 1—38.

Beard M., North J. A., Price S. R. F. Religions of Rome. Cambridge, 1998. Vol. 1. 478 p.

Bendlin A. Divination, römische II.C.4: Quellen und Interpretationen // Thesaurus Cultus et Rituum Antiquorum. 2005. Vol. 3. S. 88—89.

Bernstein F. Complex Rituals: Games and Processions in Republican Rome // A companion to Roman religion / ed. by J. Rupke. Blackwell Publishing Ltd, 2007. P. 222—234.

Bloch R. Les prodiges dans l'antiquité classique: Grece, Etrurie et Rome. Paris, 1963. 138 p.

Eckstein A. Human Sacrifice and the Fear of Military Disaster in Republican Rome // American J. of Ancient History. 1982. N. 7. P. 75—81.

Händel P. Prodigium // Pauly's Realencyclopaedie der Klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Stuttgart, 1959. S. 2283—2296

Ferenczy E. From the Patrician State to the Patrician-Plebeian State. Budapest, 1976. 223 p.

Klotz A. Livius und seine Vorgänger. Amsterdam, 1964. 302 S.

- Latte K.* Römische Religionsgeschichte. München, 1960. 484 S.
- Linderski J.* The Augural Law // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. 1986. Vol. 2. P. 2146–2312.
- MacBain B.* Prodigy and Expiation : a Study in Religion and Politics in Republican Rome. Brussels, 1982. 140 p.
- Mitchell R. E.* Patricians and plebians. The origin of the Roman state. N. Y., 1992. 276 p.
- North. J. A.* Religion in Republican Rome // Cambridge Ancient History. Cambridge, 1989. Vol. 7. P. 573–624.
- Ogilvie R. M.* [Rec.] Frier Libri Annales Pontificum Maximorum: The Origin of the Annalistic Tradition // J. Roman Study. 1981. Vol. 71. P. 200–201.
- Oxford Latin Dictionary* / ed. by P. G. W. Glare. Oxford, 1968.
- Rasmussen S. W.* Public Portents in Republican Rome. Rome, 2003. 296 p.
- Rosenberger V.* Gezähmte Götter. Das Prodigienwesen der römischen Republik. Stuttgart, 1998. 287 s.
- Rosenberger V.* Republican Nobiles: Controlling the Res Publica // A companion to Roman religion / ed. by J. Rupke. Blackwell Publishing Ltd, 2007. P. 292–303.
- Rawson E.* Prodigy Lists and the Use of the Annales maximi // Classical Quarterly. 1971. Vol. 21. P. 158–169.
- Schofield M.* Cicero for and Against Divination // J. Roman Study. 1986. Vol. 76. P. 47–65.
- Stewart R.* Public Office in Early Rome : Ritual Procedure and Political Practice. Ann Arbor, 1998. 255 p.
- Sumner G. V.* [rec. ed.]: Frier Libri Annales Pontificum Maximorum: The Origin of the Annalistic Tradition (Pappers and Monographs of the American Academy in Rome). Rome, 1979 // Phoenix. 1982. Vol. 36. P. 190–191.
- Szemer G. J.* The Priests of the Roman Republic : A Study of Interactions between Priesthoods and Magistracies. Brussels, 1972. 255 p.
- Szemer G. J.* Priesthoods and Priestly Careers in Ancient Rome // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. 1986. Vol. 2. P. 2314–2331.
- Taylor L. R.* Caesar's Colleagues in Pontifical College // American J. Philology. 1942. Vol. 63. P. 385–412.
- Wissova G.* Religion und Kultus der Römer. Munich, 1912. 612 s.
- Wülker L.* Die geschichtliche Entwicklung des Prodigienwesens bei den Römern-Studien zur Geschichte und Überlieferung der Staatsprodigien. Leipzig, 1903. 103 s.

Источники

- App. Hann.* — Appiani Historia Romana (Hannibalum bellum).
- Cato Orig. Fr.* — Marcus Porcius Cato. Origines.
- Cic. De nat. deor.* — Marcus Tullius Cicero. De Natura Deorum.
- Gell.* — Aulus Gellius. Noctes Atticae.
- Dion. Hal.* — Dionysius Halicarnassus. Roman Antiquities.
- Liv.* — Titus Livius. Ab Urbe Condita Libri.
- Obsequens.* — Julius Obsequens. Prodigiorum Liber.
- Oros.* — Paulus Orosius. Historiarum Adversum Paganos.
- Plin. H.N.* — Gaius Plinius Secundus. Naturalis Historia.
- Plut. Cam.* — Lucius Mestrius Plutarchus. Camillus.
- Val. Max.* — Valerius Maximus. Facta et Dicta Memorabilia.

Статья поступила в редакцию 13.09.2011 г.

УДК 321.728(410) + 329(410)Лейб.

И. Г. Ковалев

ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЫ БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТА В УСЛОВИЯХ ПОСЛЕВОЕННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Рассматривается история подготовки и принятия Акта о парламенте 1949 г. в Великобритании. Исследуется проблема эффективности законотворческой деятельности палаты лордов в сложных экономических и политических условиях послевоенной реконструкции. Анализируются подходы основных политических партий Великобритании в отношении необходимости реформирования принципов формирования состава и полномочий второй палаты парламента.

Ключевые слова: реформа палаты лордов; Консервативная партия; Лейбористская партия; модернизация; соглашение Солзбери — Аддисона; Акт о парламенте 1949 г.

В конце XX — начале XXI в. Великобритания вступила в период модернизации своей системы центрального управления. Важнейшим элементом этой модернизации стала реформа одного из старейших государственных институтов — палаты лордов. Разумеется, необходимость демократизации этой аристократической и невыборной составной части законодательной ветви власти возникла задолго до того, как «новые лейбористы», ведомые премьер-министром Т. Блэром, решились на ликвидацию наследственного представительства в стенах британского парламента. Можно сказать, что на протяжении практически всего прошлого века в Соединенном Королевстве то разгорались, то угасали споры по поводу того, в каком направлении и насколько кардинально необходимо изменить принципы формирования состава и властные полномочия верхней палаты. Как правило, активизация дискуссий по этим вопросам отмечалась в периоды обострения общественно-политической обстановки в стране, в тех случаях, когда непростая социально-экономическая ситуация требовала адекватной и эффективной реакции со стороны власти. В этом отношении вторая половина 1940-х гг. была очень показательным временем, наглядно демонстрировавшим неразрывную взаимосвязь сложнейших и неотложных проблем послевоенной реконструкции с задачами обеспечения бесперебойного, качественного управления процессами принятия политических и законотворческих решений.

Новый этап в деле реформирования верхней палаты британского парламента начинался на фоне очевидной активизации партийно-политической борьбы в Великобритании в последние месяцы Второй мировой войны, что было отнюдь не случайным явлением. Победа над фашистской Германией фактически избавила основные политические силы страны (консерваторов, лейбористов и либералов) от необходимости сохранять коалицию, созданную весной 1940 г., к тому же по вопросам стратегии и тактики послевоенного развития между ними наблюдались достаточно серьезные расхождения. Попытки сохранить коалиционное правительство хотя бы до окончания войны с Японией, предпри-

нимавшиеся премьер-министром У. Черчиллем, в итоге не увенчались успехом. После безрезультатных переговоров с лидерами лейбористов и либералов 23 мая 1945 г. он объявил о своей отставке и попросил короля распустить палату общин 15 июня 1945 г. [см.: Churchill, p. 15]. Всеобщие парламентские выборы, состоявшиеся 5 июля 1945 г., вопреки ожиданиям консерваторов, принесли убедительную победу Лейбористской партии. Она сумела завоевать 393 места в палате общин и впервые в истории обеспечила себе абсолютное большинство в 146 голосов над всеми другими партиями [British Parliamentary..., p. 23–24]. Тори понадеялись на то, что избиратели не захотят менять премьер-министра, управлявшего страной в годы победоносной войны, и не смогли предложить гражданам страны четкой и понятной программы послевоенного восстановления. По мнению лорда Хинчинбрука, «разочарование избирателей в Консервативной партии было вызвано ее нежеланием осуществлять глубокие реформы» [National Union..., p. 6–7]. Ставка только на ура-патриотизм на этот раз не сработала, и У. Черчиллю пришлось покинуть апартаменты на Даунинг-стрит.

Успех лейбористов на выборах, наоборот, в первую очередь, был достигнут благодаря лозунгам хорошо продуманной программы «Лицом к будущему», которую можно охарактеризовать как явно радикальную и даже революционную. В своем предвыборном манифесте лейбористы прямо указывали на то, что они выступают как «социалистическая партия», а их конечной целью является «создание социалистического содружества Великобритании путем плавной и постепенной эволюции в рамках смешанной экономики» [см.: Let Us Face...]. Первоочередными практическими шагами, необходимыми для достижения этих целей, лейбористы считали проведение национализации ряда отраслей британской промышленности и осуществление широкого комплекса социальных реформ. Вместе с тем для реализации этой программы требовалось проведение через парламент соответствующих законов, а это не являлось такой уж легкой задачей. Консерваторы еще в ходе предвыборной кампании недвусмысленно заявляли о своем негативном отношении к планам национализации и расширения государственного вмешательства в экономические и социальные вопросы. Так, например, в специально подготовленной Декларации Черчилля указывалось, что «национализация не защищает человека от власти монополий», а государственный контроль над экономикой и ценами «приведет к ограничению свободы личности и введению бюрократического контроля» [Mr. Churchill Declaration..., p. 2–5].

Несмотря на одержанную в ходе всеобщих выборов убедительную победу, лейбористское руководство небезосновательно опасалось, что у него могут возникнуть сложности с реализацией на практике предвыборных обещаний партии. Если в палате общин подавляющее преобладание лейбористской фракции позволяло новому правительству без труда нейтрализовать консервативную оппозицию, то в палате лордов соотношение сил было совершенно иным. Тори имели в верхней палате парламента давнее и безусловное большинство. В 1945 г. в ней насчитывалось 400 пэров-консерваторов и всего лишь 16 пэров-лейбористов [Twentieth Century..., p. 228]. В этих условиях даже обращение нового

премьер-министра К. Эттли к монарху с просьбой о пожаловании 44 новых пэрских титулов членам победившей на выборах партии не могло кардинально изменить ситуацию. Существенное увеличение сторонников правящей партии в верхней палате парламента имело лишь символическое значение и свидетельствовало о том, что Лейбористская партия окончательно вытеснила либералов с позиции ведущей силы в британской двухпартийной системе. Однако ставшая более заметной фракция лейбористских пэров даже и мечтать не могла о том, чтобы что-то противопоставить подавляющему консервативному большинству. Не случайно лидер лейбористов в палате лордов виконт Аддисон, описывая тогдашнее соотношение сил в ней, сравнивал свою фракцию с «крошечным атоллom в необъятном океане торийской реакции» [Fogward, 1946, 27 July].

Потенциально противоречия между палатами парламента в условиях послевоенной реконструкции могли привести к серьезному политическому кризису, похожему на тот, который был вызван в 1909 г. внесением «народного бюджета» Д. Ллойд Джорджа. В связи с этим лейбористы включили в свой предвыборный манифест тезис о том, что они «не допустят обструкции народной воли со стороны палаты лордов» [Labour Party..., p. 60]. Впрочем, в документе никак не объяснялось, как конкретно будет действовать партия в случае возникновения препон на пути ее законодательных инициатив: будет ли она, как на протяжении 1930-х гг., настаивать на упразднении палаты лордов либо предпочтет добиваться существенного сокращения ее властных полномочий. В качестве возможного варианта развития событий современники рассматривали и изменение принципов формирования состава палаты, прежде всего исключение из нее наследственных пэров. На самом деле, как показало дальнейшее развитие событий, лидеры победившей партии на всякий случай решили иметь в своем арсенале сразу несколько механизмов, фактически гарантировавших им беспрепятственную реализацию обещанных избирателям реформ.

На первом этапе лейбористы попытались договориться с оппозицией, серьезно дезориентированной поражением на выборах. Такая тактика объяснялась еще и тем что, осознавая всю сложность стоящих перед страной задач послевоенного социально-экономического восстановления, обе ведущие политические силы страны не были заинтересованы в обострении межпартийной борьбы. Разрешить же противоречия и возможные проблемы, вызванные сложившимся дисбалансом политических сил в палатах парламента, можно было либо при помощи очередной парламентской реформы, либо путем достижения межпартийного компромисса. Консервативное руководство явно склонялось ко второму варианту, считая его меньшим злом по сравнению с новым масштабным ограничением прав и полномочий верхней палаты. Как следствие, уже упоминавшийся виконт Аддисон, представлявший правящий кабинет, и лидер консерваторов в палате лордов виконт Крэнборн (с 1947 г. пятый маркиз Солзбери) после серии консультаций смогли заключить соглашение, которое стало новым конституционным обычаем и известно в британской парламентской истории как доктрина Солзбери — Аддисона.

Суть этого соглашения заключалась в том, что палата лордов обязывалась не отвергать те правительственные законопроекты, принятые палатой общин,

которые были разработаны для реализации инициатив, содержащихся в предвыборном манифесте победившей партии. Следует особо отметить, что таким образом доктрина Солзбери — Аддисона не только гарантировала подобные правительственные билли от поражения во время второго и третьего чтений, но и защищала их от разрушающих поправок на любой стадии законодательного процесса. Данное соглашение, бесспорно, позволило лейбористскому правительству К. Эттли, не имевшему большинства в верхней палате парламента, обеспечить беспрепятственное прохождение в ней своих законодательных инициатив. В своих воспоминаниях он отмечал, что «...в течение первых трех лет нашего нахождения у власти мы не испытывали проблем. Палата лордов исполняла обычную роль форума для дебатов и ревизионной палаты» [Attlee, p. 167]. Многие члены правящей фракции, включая даже твердых сторонников упразднения второй палаты, признавали в этот период ее практическую значимость как ревизионного органа и отмечали, что она не предпринимала никаких попыток «воспрепятствовать реализации народной воли» [Ibid., p. 168]. Действительно, в 1945—1947 гг. пэры при обсуждении законопроектов о национализации ряда отраслей британской промышленности внесли несколько полезных технических поправок и ни разу не попытались настаивать на тех своих предложениях, которые отвергались палатой общин.

Справедливости ради следует признать, что осуществление лейбористами своих планов в области социально-экономической политики в первые послевоенные годы было обеспечено не только заключением указанного соглашения, но и изменившимся отношением консерваторов к проблемам развития страны. Их критика лейбористских инициатив, как показала практика, была скорее тактическим шагом. Не случайно в одном из своих выступлений в августе 1945 г. лидер оппозиции У. Черчилль отмечал: «Возможно, то тут, то там возникнут разногласия во взглядах и мнениях, но в основном никогда еще парламента не начинал своей работы на столь высоком уровне согласия в подходе к законодательству» [Great Britain..., 1945—1949a, vol. 413, col. 95]. По мнению большинства исследователей, консерваторы вовсе не являлись принципиальными противниками проведенных реформ. Как справедливо отмечал профессор и один из лейбористских идеологов Дж. Коул, «если бы в 1945 г. вместо лейбористов к власти пришли тори, они едва ли сумели бы избежать какой-то формы национализации угольной и газовой промышленности, железных дорог, электро- и энергетической промышленности. Во всяком случае, после 1951 г. тори (вернувшиеся к власти. — *И. К.*) не проявили никакого желания аннулировать то, что было сделано в этой области их предшественниками-лейбористами» [Cole, 1957, p. 128—129].

Что касается консерваторов, то они расценивали новое конституционное соглашение как естественную эволюцию сложившейся еще в середине XIX в. «доктрины мандата». Напомним, что она активно использовалась в период борьбы вокруг «народного бюджета» Д. Ллойд Джорджа, а также по вопросу о самоуправлении Ирландии. В новых исторических условиях соглашение Солзбери — Аддисона представлялось консервативными лидерами как дальнейшее логичное развитие «доктрины мандата» и исконных торийских принципов. Не

случайно виконт Крэнборн, выступая 16 августа 1945 г. во время обсуждения пэрами речи короля, по традиции представлявшей собой программу правительственного законотворчества, отмечал: «Какими бы ни были наши персональные взгляды, мы должны откровенно признать, что эти предложения были поставлены перед страной на недавних всеобщих выборах и граждане, в полной мере осознавая суть этих предложений, вернули Лейбористскую партию к власти. Поэтому правительство, я думаю, может справедливо считать, что оно получило мандат избирателей на выдвижение этих инициатив. Я полагаю, что было бы конституционно неправильным после того как страна выразила свое мнение, если бы данная палата выступила против предложений, которые, несомненно, были поставлены перед электоратом» [Great Britain..., 1945—1949b, vol. 137, col. 47]. Несколько позже, в речи, произнесенной в палате лордов 31 октября 1945 г., виконт Крэнборн особо подчеркивал и полное соответствие нового соглашения традициям британского конституционализма: «Правительство подконтрольно парламенту, а над парламентом есть власть британского народа. Такова структура британской Конституции. Если же правительству мешают в его работе, оно всегда может обратиться к суверенной власти народа этой страны, который наделяет властью парламент» [Great Britain..., 1945—1949b, vol. 137, col. 613].

Однако, как и любой компромисс, доктрина Солзбери — Аддисона оказалась несовершенной ввиду неоднозначности ее содержания и правомочности применения. Во-первых, в ней не учитывался тот факт, что в Великобритании партии в своих манифестах предлагают избирателям лишь самые общие проекты своих действий после победы на выборах. Детали и нюансы будущих законопроектов на суд электората чаще всего не выносятся. Следовательно, говорить в таком случае об одобрении страной конкретного билля не всегда справедливо. Во-вторых, партийные программы, как правило, содержат достаточно обширный перечень предложений, и избиратели, отдавая предпочтение той или иной партии, обычно выделяют из него наиболее приоритетные и актуальные для себя пункты. Но это вовсе не означает, что они поддерживают абсолютно все положения манифеста. Партия, если ей это необходимо, может без особых проблем растворить несколько вопросов, не пользующихся поддержкой населения, среди популярных предложений, которые обеспечат ей победу на выборах. Наконец, в-третьих, любое политическое соглашение заключается в конкретных исторических условиях и обычно теряет свою актуальность, а следовательно, и силу в том случае, если эти условия изменились.

К лету 1947 г. социально-экономическая и политическая обстановка в Великобритании кардинальным образом отличалась от той, что была двумя годами ранее. Наиболее острые и неотложные проблемы послевоенной реконструкции были решены. Лейбористское правительство, проведя национализацию ряда отраслей промышленности, с одной стороны, столкнулось с необходимостью организовать эффективное управление ими, а с другой стороны, подвергалось критике со стороны профсоюзов за промедление с реализацией обещанных социальных реформ. Как следствие, на муниципальных выборах 1947 г. правящая партия получила существенно меньшую под-

держку избирателей, нежели на предыдущих, что свидетельствовало о росте недовольства ее сторонников [см.: Cole, 1948, p. 457]. В свою очередь, консерваторы сумели оправиться от неожиданного для них поражения на выборах 1945 г. и предприняли ряд мер по укреплению и усовершенствованию организационной структуры партии, а также начали пересмотр своих программных установок. В 1946 г. тори подготовили и представили на суд общественности Промышленную программу, в которой, не отвергая государственной собственности в принципе, отмечали, что для них предпочтительнее «возможно более широкий индивидуальный капитализм» [Campbell-Johnson, p. 210]. В этих условиях вероятность того, что консерваторы предпримут попытку заблокировать некоторые новые законодательные инициативы правительства К. Эттли, существенно возростала.

Во многом именно поэтому летом 1947 г. кабинет принял решение отложить внесение в парламент уже подготовленный законопроект о национализации металлургической отрасли. Официальной причиной такого шага было объявлено стремление заняться более насущными, не терпящими отсрочки вопросами. На самом же деле лидеры лейбористов опасались того, что оппозиция, используя властные prerogatives палаты лордов, не позволит им реализовать задуманные преобразования. До конца полномочий избранной в 1945 г. палаты общин оставалось три года, а это означало, что пэры при помощи отлагательного вето могли соорудить непреодолимую преграду на пути ряда лейбористских инициатив от биллей к актам. Правительство в экстренном порядке начало готовить предложения по ограничению властных полномочий пэров. Задача предстояла достаточно сложная. С одной стороны, необходимо было обеспечить беспрепятственное прохождение законопроектов через верхнюю палату, а с другой, сделать это так, чтобы не вызвать решительного противодействия новациям правящей партии со стороны консерваторов. В условиях падения популярности лейбористов острый политический кризис для кабинета был совершенно неприемлем.

В тронной речи, по традиции открывавшей очередную парламентскую сессию 1947/48 г., было заявлено о намерении правительства К. Эттли внести дополнения в Акт о парламенте 1911 г. [Great Britain..., 1945–1949a, vol. 443, col. 6]. В последовавших за этим дебатах премьер-министр отказался раскрывать подробности содержания готовящегося законопроекта, но отметил, что «...планируется сократить с двух до одного года период отлагательного вето» пэров [Ibid., col. 33]. Кроме того, лидер лейбористов подчеркнул, что если все оставить по-прежнему, то это означает признание того факта, что любое лейбористское правительство может реализовывать сформированную политическую программу только в течение первых трех лет своего нахождения у власти. «Я думаю, что целесообразно рассмотреть этот вопрос вовремя и до того, как возникнут какие-либо серьезные противоречия... Зачем ждать доставки огнетушителя до тех пор пока на самом деле разгорится пожар», — заключил он [Ibid.].

Следует отметить, что предложенный проект реформы имел чрезвычайно важное значение и с точки зрения обеспечения внутреннего единства правящей партии. Правые лейбористы во главе с Гербертом Моррисоном в середине

1947 г. считали, что в условиях ухудшения экономической конъюнктуры не стоит инициировать национализацию металлургической отрасли. Им оппонировали члены левого крыла партии, ведомые Эньюрином Бивеном и Джоном Стрэчи, которые утверждали, что если промедлить с этим решением, то палата лордов сможет его заблокировать, используя нормы Акта о парламенте 1911 г. [Attlee, p. 427]. Сокращение срока, в течение которого пэры могли блокировать правительственные нефинансовые билли с двух до одного года, позволяло отложить обещанный перевод в собственность государства сталелитейных заводов, но гарантировать, что у правительства будет возможность осуществить обещанную избирателям меру спустя некоторое время.

Перемены, которые предлагали лейбористы, на самом деле оказались крайне незначительными. Кроме сокращения срока отлагательного вето, в представленном законопроекте о парламенте никаких других новаций не оказалось. Введенные в 1911 г. ограничения прав пэров в отношении рассмотрения финансовых законопроектов, срок полномочий парламента и неоднократно критиковавшийся порядок сертификации биллей спикером остались неизменными. Не нашла отражения в правительственном плане преобразований и проблема допуска в палату лордов женщин. Вместе с тем этот вопрос в послевоенной Великобритании обсуждался достаточно активно. К примеру, 4 января 1946 г. в «Таймс» было опубликовано обращение с призывом провести комплексную реформу верхней палаты, включающую в том числе и предоставление дамам права заседать и голосовать в ней наравне с мужчинами [The Times, 1946, 4 January]. Примечательно, что в этот период времени эту идею поднимали не только борцы за равноправие женщин, но и некоторые представители знатных семей, которые во время Второй мировой войны потеряли сыновей и в силу этого имели только наследниц своих титулов.

В марте 1946 г. в палате лордов были выдвинуты два предложения о предоставлении женщинам права участвовать в дебатах и голосованиях наравне с пэрами-мужчинами. Лорд-канцлер, оценивая эти инициативы, заявил, что если они будут поддержаны, лейбористское правительство незамедлительно подготовит необходимые законодательные предложения для инкорпорации женщин в состав палаты [Great Britain..., 1945–1949b, vol. 139, col. 1031–1032]. Однако большинство пэров в тот период времени не были готовы одобрить столь решительный шаг, и авторы предложений предпочли снять их с обсуждения. Несколько позднее, осенью 1947 г., в Англии была сформирована специальная группа давления под руководством известного юриста Эдварда Айви, которая разработала пространную петицию с требованием допуска женщин в палату лордов и за два года собрала под ней 50 тыс. подписей, но добиться включения этого положения в текст законопроекта о парламенте так и не смогла [Fraser, p. 348].

В итоге лейбористы предпочли представить на суд парламентариев лаконичный билль, затрагивающий лишь наиболее актуальный для них вопрос об ограничении срока отлагательного вето. Внесение в него статей, изменяющих принципы формирования палаты, они рассматривали как фактор, существенно усложняющий перспективы прохождения законопроекта через парламент. Од-

нако расчет на то, что умеренность предлагаемой реформы снизит накал критики со стороны оппозиции, абсолютно не оправдал себя. Лидер консерваторов У. Черчилль еще во время дебатов по тронной речи охарактеризовал правительственную инициативу как «преднамеренный акт социальной агрессии» [Great Britain..., 1945—1949a, vol. 443, col. 35]. Впрочем, лично ему трудно было активно противодействовать этой инициативе кабинета К. Эттли поскольку менее 30 лет тому назад он горячо поддерживал практически аналогичный проект либералов.

В ходе второго чтения законопроекта в палате общин, состоявшегося 10—11 ноября 1947 г., к критике активно подключились консервативные заднескамеечники. «Это плохой законопроект, — отмечал в своем выступлении член фракции тори Майкл Астор, — настолько несвоевременный, неадекватный и плохо обоснованный, что в будущем неизбежно потребует законодательство по пересмотру полномочий и укреплению второй палаты. С экономической точки зрения я знаю, о чем страна думает сейчас. Люди задаются вопросом: “Даст ли эта мера, к примеру, хотя бы один доллар, один галлон бензина, одно новое рабочее место?”» [Ibid., col. 104]. Очевидно, что оппозиция решила атаковать инициативу правительства сразу с нескольких сторон, указывая на бессмысленность исключительно косметических конституционных изменений, а также акцентируя внимание общественности на том, что существуют более нерешенные актуальные, затрагивающие интересы каждого избирателя социально-экономические проблемы.

Не мене активно новый законопроект о парламенте критиковался и британской прессой. Ежедневник «Манчестер гардиан уикли», оценивая правительственную программу законотворческой деятельности в целом, конкретно этот билль назвал «ее политически неуместной частью» [The Manchester, p. 8]. Либеральный «Экономист» в редакторской статье, озаглавленной «Проказы в Вестминстере», отмечал: «...это призрак, это намерение реформы верхней палаты, это предложение вовсе не является реформой» [The Economist, p. 3]. Свое крайнее неудовлетворение предложенным биллем вполне ожидаемо выразила консервативная «Таймс». В ее передовице говорилось о том, что это «...несвоевременная и полностью неадекватная мера» [The Times, 1947, 1 November]. В целом, большая часть английской прессы негативно оценила эту инициативу лейбористского кабинета К. Эттли. Пожалуй, самый благожелательный отклик на нее был опубликован на страницах левоцентристского журнала «Нью-стэйтсмен энд нэйшен». Причем автор статьи откровенно оценивал внесение законопроекта о парламенте как «дальновидный политический маневр» [The New Statesman..., p. 22]. Несмотря на то, что общественное мнение к проекту реформы трудно было назвать благожелательным, лейбористское большинство в палате общин сумело преодолеть все попытки оппозиции внести разрушающие поправки или отклонить Билль о парламенте и добилось 10 декабря 1947 г. его одобрения в третьем чтении [см.: Great Britain..., 1945—1949a, vol. 445, col. 1021—1094].

После этого законопроект был передан в палату лордов, где во втором чтении в отношении него прозвучали прежние и уже знакомые большинству

наблюдателей обвинения. Консервативные пэры единодушно отмечали его несовершенство и несвоевременность. «Я не понимаю причины столь настойчивого стремления правительства добиться прохождения этого билля, — отмечал в своем выступлении маркиз Солзбери. — Единственным, возможно не соответствующим действительности, объяснением этого для меня является то, что оно боится отложить этот законопроект и вступить в переговоры...» [Great Britain..., 1945—1949b, vol. 153, col. 667]. Партия лейбористов аргументировала свое стремление ограничить prerogatives пэров тревожной тенденцией участвовавших слушателей, когда в палате лордов возникали вопросы к инициативам, содержащимся в предвыборном манифесте правящей партии и поддержанным избирателями. Кроме этого, ее лидеры считали, что в современных условиях задержка на один год — это вполне достаточный срок для того, чтобы общество смогло сформировать свое отношение к той или иной спорной проблеме.

С другой стороны, лейбористы были вынуждены маневрировать, поскольку становилось все более очевидным, что любая попытка ограничения полномочий пэров неизбежно вызовет широкую дискуссию о принципах формирования верхней палаты, а также о ее роли и эффективности взаимодействия с палатой общин. На заседании кабинета лидер лейбористов в верхней палате виконт Аддисон констатировал, что по вопросу ее реформирования в правительстве есть три точки зрения: 1) оставить все как есть; 2) ликвидировать ее; 3) достичь соглашения с консерваторами по проблемам полномочий палаты и формирования состава пэров. Отвергая первые два варианта, виконт предложил дополнить законопроект пунктом о лишении наследственных пэров права заседать и голосовать в палате лордов, заменить их назначенными пожизненными членами палаты, получающими жалование за свой труд [Dorey, p. 601—602]. Такая коррекция билля должна была снять обвинения в непродуманности и легковесности лейбористской инициативы, а также продемонстрировать избирателям, что правительство готово к диалогу с оппозицией.

Важным фактором, толкавшим кабинет на поиски компромисса, было и общественное мнение. Опрос, проведенный среди британских граждан в ноябре 1947 г. агентством Гэллап показал, что только 32 % из них одобряют идею о сокращении полномочий палаты лордов, в то время как 45 % высказались за то, чтобы все оставить как есть [Hitchner, p. 428]. В итоге под давлением консерваторов, либералов, а также части собственных членов партии правительство К. Эттли прервало рассмотрение законопроекта во втором чтении, согласилось на объявление перерыва и созыв специальной конференции лидеров основных политических сил для обсуждения всех возможных вопросов, связанных с реформой палаты лордов. Таким образом, было решено вновь попытаться использовать механизм межпартийного диалога, который уже применялся при разработке проекта реформы 1911 г. Предполагалось, что в спокойном, конструктивном ключе будут обсуждены предложения различных политических течений, что позволит выработать сбалансированный компромиссный вариант преобразований.

Начиная с 19 февраля и до конца апреля 1948 г. состоялось шесть заседаний конференции лидеров. Консервативную партию на этих переговорах пред-

ставляли А. Иден, маркиз Солзбери, виконт Суинтон и сэр Дэвид Максвелл-Файф. Либералы делегировали на переговоры виконта Самюэла и Клемента Дэвиса. От правящей партии в работе конференции участвовали К. Эттли, Г. Моррисон, виконт Аддисон, виконт Джовитт и У. Уитли. В ходе состоявшихся нескольких раундов дискуссий затрагивались вопросы как полномочий, так и принципов формирования верхней палаты британского парламента, поскольку стороны согласились с тем, что они неразрывно взаимосвязаны. Партийные лидеры констатировали, что палата лордов должна дополнять нижнюю палату, а не выступать в качестве ее соперника, в ней не должно быть постоянного большинства ни у одной политической фракции. Не вызвало противоречий и предложение, согласно которому пэрами могли стать не только носители унаследованных титулов. Политики даже согласились с тем, чтобы открыть доступ в верхнюю палату парламента женщинам и платить жалованье ее членам [Parliament Bill..., с. 1–6].

Вместе с тем участники конференции так и не смогли договориться по вопросу о сроке, на который новая палата лордов сможет задерживать принятие законопроектов, одобренных палатой общин. Лидеры консерваторов настаивали на том, что он должен составлять 12 месяцев со времени третьего чтения в нижней палате, кабинет требовал сократить его до 9 месяцев [Hood, Jackson, p. 169–170]. Примечательно, что эту (казалось бы, несущественную) разницу в три месяца противоборствующие стороны считали важной и по-разному аргументировали. Лейбористы считали, что девяти месяцев вполне достаточно, чтобы палата общин смогла обдумать и сформулировать свою позицию по проблеме, не нашедшей поддержки со стороны пэров. Тори доказывали, что разногласия между палатами парламента — это серьезная политическая проблема, требующая того, чтобы о ней должным образом были информированы избиратели, а для этого необходимо гораздо больше времени. На самом деле за спором о сроке отлагательного вето скрывалось принципиально разное понимание целей реформы. Лейбористы бесспорно хотели дальнейшего ослабления полномочий пэров, консерваторы, наоборот, стремились сохранить за палатой лордов реальные властные прерогативы. В итоге переговоры зашли в тупик, и конференция была прервана [см.: Ibid.]. Также следует отметить, что причины провала попытки выработать компромиссный вариант реформы заключались, на наш взгляд, еще и в том, что внутри правящей партии сторонники достижения соглашения с оппозицией были в явном меньшинстве, а лидеры опасались спровоцировать серьезный политический кризис. Как следствие, кабинет в итоге решил вернуться к первоначальному варианту законопроекта.

Второе чтение законопроекта о парламенте было возобновлено в палате лордов 8 июня 1948 г. Открывая его, лорд-канцлер виконт Джовитт констатировал, что конференция закончилась ничем, отметил, что правительство не согласилось с тем, что торийские пэры контролируют существенную часть срока полномочий парламента, и призвал собравшихся поддержать законопроект [см.: Great Britain..., 1945–1949b, vol. 156, col. 443–452]. Однако это никак не повлияло на решимость оппозиции проголосовать против. На следующий день ситуацию попытался спасти архиепископ Кентерберийский. В своем выступлении он

подчеркнул, что билль рано или поздно все равно станет законом, но если пэры поддержат его сейчас, то правительство готово рассмотреть поправку об изменении периода отлагательного вето. Впрочем, эта отчаянная попытка путем мелкой уступки перетянуть на свою сторону колеблющихся пэров не имела должного эффекта, и дело вполне ожидаемо закончилось тем, что консервативное большинство отвергло правительственную инициативу 177 голосами против 81 [Ibid., col. 600–602]. Примечательно, что вместе с лейбористскими пэрами в рядах сторонников проекта оказались три духовных лорда, около тридцати либералов и даже несколько консерваторов.

В этих условиях руководство лейбористов решило добиваться принятия билля при помощи норм Акта о парламенте 1911 г., позволявших преодолевать сопротивление верхней палаты. Во второй раз он был одобрен палатой общин в третьем чтении 21 сентября 1948 г. [Great Britain..., 1945–1949a, vol. 456, col. 827]. Все попытки оппозиции внести в него какие-либо существенные изменения были решительно отвергнуты правительственным большинством. Ситуация становилась патовой. Все мнения уже не раз были высказаны, аргументы предъявлены, никаких новых идей не появилось. Дебаты велись лишь потому, что этого требовали правила парламентской процедуры. Во время второго чтения в палате лордов, например, состоялось всего шесть выступлений. Как следствие, спустя всего два дня пэры большинством в 170 голосов вновь отвергли законопроект о парламенте [Great Britain..., 1945–1949b, vol. 158, col. 239].

После этого консерваторы попытались отвлечь внимание от правительственного билля, применив уже не раз испытанную тактику: они выдвинули собственное достаточно громкое предложение, с тем чтобы спровоцировать новый виток обсуждения и попытаться все-таки задержать фактически неминуемое принятие инициативы кабинета. Один из видных деятелей консерваторов маркиз Ридинг, выступая в верхней палате 27 июля 1949 г., заявил: «По мнению этой палаты... следует срочно, как только это практически возможно, принять меры для подготовки законодательства, наделяющего пэресс, которые в нынешних условиях не могут занимать свои места в этой палате, теми же правами, обязанностями и привилегиями, которыми в настоящее время пользуются мужчины, имеющие места и право голоса в этой палате» [Ibid., vol. 164, col. 581–582]. После непродолжительного обсуждения данная инициатива была одобрена 45 голосами против 27 [Ibid., col. 622–623]. Таким образом, пэры и лидеры консервативной фракции четко продемонстрировали, что они не против допуска в свои ряды женщин, и этот вопрос может стать одним из важнейших аспектов в деле будущего изменения существующих принципов формирования состава палаты.

Однако лейбористы прекрасно понимали замысел своих политических оппонентов и не стали втягиваться в дискуссию, а сосредоточили все усилия на принятии все-таки правительственного варианта реформирования палаты лордов, тем более что после повторного блокирования пэрами Билля о парламенте путь к третьему — финальному и фактически техническому — этапу его одобрения был открыт. В палате общин лейбористское большинство подтвердило свою прежнюю позицию по законопроекту 14 ноября 1949, а члены верхней

палаты отклонили его 29 ноября 1949 г. [Great Britain..., 1945–1949b, vol. 165, col. 1039–1040]. Но это решение пэров уже ничего не значило, поскольку 16 декабря после получения санкции короля Акт о парламенте 1949 г. стал частью статутного корпуса Великобритании.

На первый взгляд новый закон не привел к каким-либо принципиальным переменам в роли и месте палаты лордов в системе британских органов государственного управления. До одного года сократилось право отлагательного вето по нефинансовым законопроектам, но оно осталось и по-прежнему могло быть серьезным сдерживающим фактором на пути слишком поспешных, радикальных и непродуманных инициатив. Возникновение доктрины Солзбери — Аддисона и принятие Акта о парламенте 1949 г., бесспорно, означали то, что консерваторам не удалось поставить заслон на пути дальнейшего постепенного ограничения властных полномочий пэров. Времена, когда, даже будучи отстраненными от управления страной, тори при помощи большинства в верхней палате парламента фактически полностью контролировали законотворческий процесс, остались в прошлом.

Вместе с тем в ходе баталий по проблеме реформирования верхней палаты в 1947–1949 гг. возникли новые важные факторы, которые имели существенное значение для разработки планов дальнейших преобразований. Во-первых, стало ясно, что проблемы властных полномочий пэров и принципов формирования состава палаты нельзя рассматривать изолированно. Их тесную взаимосвязь признали лидеры всех ведущих партий Соединенного Королевства. Во-вторых, основные политические силы страны в ходе межпартийной конференции в феврале — апреле 1948 г. сумели согласовать свои позиции по целому ряду вопросов, которые в будущем станут базой для формирования новых проектов модернизации палаты лордов.

-
- Attlee C.* As I Happened. L., 1954.
British Parliamentary election statistics, 1918–1970 / ed. by F.W.S. Craig Chichester, 1971.
Campbell-Johnson A. Sir Anthony Eden : a Biography. L., 1955.
Churchill W. S. The Second World War. Triumph and Tragedy. Boston, 1953.
Cole G. D. H. A History of the Labour Party from 1914. L., 1948.
Cole G. D. H. The Post-War Condition of Britain. L., 1957.
Dorey P. 1949, 1969, 1999 : the Labour Party and House of Lords Reform // *Parliamentary Affairs*. 2006. Vol. 59, N. 4. P. 599–620.
Forward. 1946. 27 July
Fraser A. The Persistent Peeress // *Independent Woman*. 1948. December. P. 345–351.
Great Britain. The Parliamentary Debates. Fifth Series. House of Commons. L., 1945–1949a.
Great Britain. The Parliamentary Debates. Fifth Series. House of Lords. L., 1945–1949b.
Hitchner D. G. The Labour Government and the House of Lords // *Western Political Quarterly*. 1948. Vol. 1, N. 4. P. 426–438.
Hoffman J. D. The Conservative Party in Opposition, 1945–1951. L., 1964.
Hood Phillips O., Jackson P. Constitutional and Administrative Law. L., 2001.
Labour Party General Election Manifestos, 1900–1997 / ed. by I. Dale. L., 2000.
Let Us Face the Future. A Declaration of Labour Policy for the Consideration of the Nation. L., 1945.

- Mr. Churchill Declaration of Policy to the Electors. General Election, 1945. L., 1945.*
National Union Central Council Minute Book. 1945. 28 November. L., 1945.
Parliament Bill, 1947. Agreed Statement on Conclusion of Conference of Party Leaders. L., 1948.
The Economist. 1947. 25 October.
The Manchester Guardian Weekly. 1947. 23 October.
The New Statesman and Nation. 1947. 25 October.
The Times. 1946. 4 January.
The Times. 1947. 1 November.
Twentieth Century British Political facts, 1900—2000 / ed. by D. Butler, G. Butler. Basingstoke, 2000.

Статья поступила в редакцию 10.11.2011 г.

УДК 321.728(450) + 342.82(450)

Е. А. Маслова

РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В ИТАЛИИ НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ В ПАРЛАМЕНТ 2006 г.

Предпринимается попытка осветить пестроту политического спектра накануне итальянских парламентских выборов 2006 г. Излагается краткая история итальянского парламентаризма. Политическая система Италии подверглась системной трансформации в конце XX в. Первая Республика, сложившаяся после окончания Второй мировой войны, пала, со сцены исчезли партии, формировавшие облик страны на протяжении полувека. В результате возникли многочисленные партийные образования, утвердилась двухблоковая система, где партии были объединены в правую и левую коалиции.

Ключевые слова: Итальянская Республика; парламентаризм; избирательная система; правая и левая коалиции.

История итальянского парламентаризма начинается от 1861 г., когда начала формироваться политическая система объединенной страны. По состоянию на 2006 г. парламент Итальянской Республики состоял из палаты депутатов, куда входило 630 членов, и сената, где 315 мест распределялись между депутатами, избираемыми от округов, и сенаторами, назначаемыми пожизненно президентом. Согласно Конституции Италии, голосование является личным и равным, свободным и тайным, а также гражданским долгом [Конституции зарубежных государств, с. 188—189].

Избирательная система Итальянской Республики претерпела в 1990-е гг. значительные изменения. С 1993 г. наметилась тенденция на более широкое распространение мажоритарной избирательной системы¹, по-

¹ В 1993 г. впервые был проведен референдум по вопросу о реформировании избирательной системы. Явка составила 74 %, из них 82,7 % высказались за предложенную реформу, согласно которой более широкое распространение получила мажоритарная избирательная система.

сколькx пропорциональная система на выборах обеих палат парламента приводила к множественности партийных фракций и формированию правительств, которые состояли из представителей десятков партий, не пользовавшихся поддержкой большинства депутатов. Такой состав кабинета министров затруднял выработку общей политической линии и приводил к частым правительственным кризисам. В 2005 г. правительству Сильвио Берлускони удалось добиться принятия избирательного закона, который вводил новую систему избрания парламентариев. Избирательная система смешанного типа, с превалированием элементов мажоритарной системы, была заменена пропорциональной для обеих палат парламента².

Выборы 2006 г. проводились на основе новой системы распределения мест в парламенте, введенной избирательным законом от 21 декабря 2005 г. [см.: Parlamento Italiano]. Согласно экзит-пулам, некоторые избиратели не имели представления о том, что электоральная система претерпела изменения [см.: The Organization for Security...]. Как отмечала Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), предвыборная кампания проводилась в рамках демократической традиции, несмотря на то, что в Итальянской Республике наблюдалась так называемая «итальянская аномалия» в сфере СМИ: несколько телевизионных каналов (входящих в холдинг Mediaset) принадлежали С. Берлускони, контролирующему их политику. Тем не менее, согласно мнению экспертов ОБСЕ, итальянские избиратели могли получить цельное представление о различных политических воззрениях из печатной прессы и бесплатного эфирного времени, предусмотренного для каждой из партий [см.: Ibid.].

Официально предвыборная кампания началась с роспуска парламента 11 февраля 2006 г. и закончилась за 24 часа до открытия избирательных участков. Выборы в парламент состоялись 9 и 10 апреля 2006 г. Партийные списки носили региональный характер, т. е. размер и состав коалиций варьировался в зависимости от региона. В избирательных списках значилось более 50 партий, которые боролись за голоса избирателей. Однако основной предвыборный ажиотаж сосредоточился вокруг двух лидеров — Романо Проди и Сильвио Берлускони. Р. Проди уже занимал пост председателя Совета министров Италии с мая 1996 г. по октябрь 1998 г., а с 1999 г. по 2004 г. был президентом Еврокомиссии. С. Берлускони в 1994 г. основал партию «Вперед, Италия» (Forza Italia) и трижды возглавлял правительство: с 1994 по 1995 г., с 2001 по 2005 г. и с 2005 по 2006 г. На парламентских выборах 2006 г. Р. Проди и С. Берлускони возглавили соответственно левоцентристскую и правоцентристскую коалиции.

Блок, возглавляемый Р. Проди, получил название Союза (Unione) и был сформирован на основе альянса «Оливковое дерево» (Ulivo), который одержал победу на парламентских выборах 1996 г. Альянс «Оливковое дерево»

² Избирательный закон № 270 был принят 21 декабря 2005 г. простым парламентским большинством, которое составили такие политические силы, как «Вперед, Италия», Национальный альянс, Союз христианских демократов, Лига Севера. Этим политическим силам удалось преодолеть возражения оппозиции в лице таких партий, как Левые демократы, «Ромашка», Коммунистическое возрождение.

представлял собой конфедерацию трех партий: Левых демократов, «Ромашки» и Движения республиканцев Европы. Левые демократы (Democratici di Sinistra) — ведущая социал-демократическая партия Италии, возглавляемая Пьеро Фассино, идеология которой базировалась в основном на политическом наследии Коммунистической партии Италии. В программном Статуте партия отмечала приверженность социалистической мысли (демократическим и реформистским традициям Итальянской коммунистической партии, Итальянской социалистической партии и итальянского рабочего движения), верность принципам светской республики, подчеркивала ценность идей социального католического движения и защиты окружающей среды [Il sito ufficiale dei Democratici di Sinistra]. Партия «Ромашка» (Margherita), лидером которой являлся Франческо Рутелли, являлась организацией, вдохновленной христианскими идеями, но открытой для лиц всех конфессий. Среди основных ценностей партии значились: свобода, правовое государство, центральная роль семьи в обществе [La Margherita]. Движение республиканцев Европы (Movimento Repubblicani Europei) — немногочисленная партия левоцентристов под руководством Лучиана Сбарбаты. Движение возникло в марте 2001 г., после раскола Итальянской республиканской партии, и большинство примкнуло к Дому свобод. Движение восходило к традиции республиканской партии и ее деятелям, таким как Джузеппе Мадзини и Джованни Спадолини.

Помимо «Оливкового дерева», в блок Р. Проди входила Партия коммунистического возрождения (Partito della Rifondazione Comunista) под руководством Фаусто Бертинотти. Партия была основана в декабре 1991 г. коммунистами, не согласными с преобразованием Итальянской коммунистической партии в Демократическую партию левых сил. К несогласным присоединились также члены небольших леворадикальных партий и групп, в результате чего внутри партии сложились различные течения — от еврокоммунистических до троцкистских. Партия провозглашала себя свободной организацией рабочего класса, всех трудящихся и граждан, которые разделяют ценности равенства, свободы и марксистского социализма, претендовала на обновление традиций итальянского коммунистического движения в духе антифашистского Сопротивления и республиканской Конституции [Partito della rifondazione comunista].

Таким образом, четыре политические силы составили основу коалиции Р. Проди. Их убеждения основывались на идеях социал-демократии, республиканства и христианской демократии. Немаловажную роль также занимала Партия коммунистического возрождения Ф. Бертинотти, что придавало основе коалиции «левый» оттенок. В целом, предвыборный блок Союз характеризовался левоцентристской направленностью.

К коалиции Р. Проди также присоединилось движение «Роза в кулаке» (Rosa nel Pugno), возникшее в ноябре 2005 г. в результате консолидации четырех политических сил — Итальянских демократических социалистов³, Итальянских демократических социалистов.

³ После роспуска Итальянской социалистической партии (ИСП) в ноябре 1994 г. Энрико Бозелли собрал часть вышедших из ИСП членов под эгидой нового образования — Итальянские демократические социалисты.

яньских радикалов⁴, Ассоциации Луки Кошони⁵ и Федерации молодых социалистов⁶. «Роза в кулаке» выступали за распространение и укрепление в Италии радикальных либеральных ценностей⁷.

Партия еврокоммунистов (*Partito dei Comunisti Italiani*) и ее лидер Оливiero Дилиберто также входили в коалицию Р. Проди на выборах 2006 г. Партия была создана в октябре 1998 г. и основывалась на наследии деятелей Коммунистической партии Италии, в том числе Антонио Грамши и Пальмиро Тольятти. Одной из основных идей еврокоммунистов являлось преобразование Италии в социалистическое общество, основанное на демократических принципах, а также укрепление идеалов мира и социализма в Европе.

Италия ценностей (*Italia dei Valori*) — политическая партия умеренного либерального толка, которая также вошла в предвыборную коалицию Р. Проди. Она была создана в октябре 1998 г. борцом с коррупцией Антонио Ди Пьетро⁸. Партия выступала за соединение традиций католической культуры и семейной солидарности, социалистической культуры труда и социальной справедливости, либеральной культуры рыночной экономики, индивидуальной свободы. По мнению сторонников А. Ди Пьетро, традиционные ценности свободы, равенства, законности и справедливости следует сочетать с современными ценностями — личной инициативой и ответственностью, самоуправлением, борьбой с политической коррупцией и европейским федерализмом [*Italia dei valori*].

В состав Союза входило также множество небольших партийных образований, защищавших интересы определенных категорий граждан: Партия «зеленых» Альфонсо Пекораро Сканио (*Federazione dei Verdi*), Партия пенсионеров Карло Фатуццо (*Partito Pensionati*), Партия народа Южного Тироля Эльмар Пихлер-Роллера (*Südtiroler Volkspartei*), Партия потребителей Пьетро Фуда (*Lista Consumatori*), Ломбардский альянс⁹ Элидио Де Паоли (*Lega Alleanza*

⁴ Итальянские радикалы (*Radicali Italiani*) — итальянское отделение транснациональной радикальной партии (международной межпартийной организации, ведущей ненасильственную борьбу за утверждение демократических прав и свобод во всем мире). Движение было основано в июле 2001 г. Радикалы выступали за расширение практики референдума и прямого участия граждан в государственном управлении, за рыночное хозяйство и свободную конкуренцию. Известны антимилиитаристскими и антипрогибационистскими кампаниями. Лидерами партии являлись Марко Паннелла и Эмма Бонино.

⁵ Ассоциация Луки Кошони (*Associazione Luca Coscioni*) — радикальное политическое движение, основанное в сентябре 2002 г. экономистом и политиком Лукой Кошони. Ассоциация выступала главным образом за свободу научных исследований и невлияние церкви и ее религиозных убеждений на политику государства в науке.

⁶ Федерация молодых социалистов (*Federazione dei Giovani Socialisti*) — организация, унаследовавшая традицию Союза молодежи Итальянской социалистической партии. Федерация опиралась на всеобщие ценности демократии, солидарности, мира, ненасилия и поддержания диалога. Занимала оппозиционную позицию по вопросам нетолерантности и тоталитаризма.

⁷ «Роза в кулаке» выступала за упрощение процедуры развода, отмену привилегий церкви и ее участия в политической жизни страны, свободу исследования клеток эмбрионов, легализацию эвтаназии и т. п.

⁸ *Антонио Ди Пьетро* (*Antonio Di Pietro*; р. 1950) — миланский следователь, который руководил операцией «Чистые руки» — расследованием, выявившим существование разветвленной системы коррупционных связей между политической элитой и крупным бизнесом.

⁹ Ломбардский альянс — политическое региональное движение Ломбардии, стоявшее на позициях автономизма.

Lombarda) и Лига фронта Венето¹⁰ Фабрицио Коменчини (Liga Fronte Veneto), движение «Автономия, свобода, демократия»¹¹ Роберто Никко (Autonomie-Liberté-Démocratie), а также небольшая центристская партия Народники — Союз демократов за Европу¹² (Popolari-Unione Democratici per l'Europa).

Таким образом, в коалицию Р. Проди входили политические образования не только умеренного либерального толка, но также коммунистического и даже радикального. Также к блоку Союз присоединились малые политические движения и партии, преследовавшие исключительно интересы своих меньшинств или регионов.

Коалиция С. Берлускони, в выборном списке которой значилось десять партий, называлась Домом Свобод (Casa delle Libertà). Основное ядро блока составила крупнейшая правоцентристская партия Итальянской Республики, основанная в январе 1994 г. С. Берлускони, — «Вперед, Италия» (Forza Italia). В идеологии партии лежали различные политические убеждения. Согласно основополагающему документу партии — Хартии ценностей, «Вперед, Италия» — «ассоциация граждан, признающих идеалы либеральной демократии, либерального католицизма, идеалы светские и реформистские» [Forza Italia]. Партия позиционировала себя как качественно новую партию, как «партию-ответ» партийным кризисам, но в то же время как наследницу лучших политических традиций Италии, сочетая в себе элементы правого центра с явной ориентацией в сторону левого реформизма и либерального социализма [Ibid.].

Вторая по численности партия, входившая в коалицию С. Берлускони, — Национальный альянс (Alleanza Nazionale). Организация была создана в 1995 г. на основе неонацистского Итальянского социального движения¹³ (Movimento Sociale Italiano), хотя официально Национальный альянс отрекся от расизма, антисемитизма и фашизма. Лидером партии являлся Джанфранко Фини — министр иностранных дел Италии в 2005—2006 гг. Основные положения Статута Национального альянса были посвящены обеспечению безопасности, усилению борьбы с преступностью, уменьшению бюрократии в государственном аппарате и повышению его эффективности. Национализм партии проявлялся в ее стремлении резко ограничить поток иммигрантов в страну.

Движение «Лига Севера — Движение за автономию» (Lega Nord-Movimento per l'Autonomia) составили совместный избирательный список, состоявший из двух партий — Лиги Севера за независимость Падании (Lega Nord per l'Indipendenza della Padania) и Движения за автономию (Movimento per l'Autonomia) и также вошли в Дом Свобод. Лига Севера — партия под руководством Умберто Босси, оформившаяся официально в феврале 1991 г. в резуль-

¹⁰ Лига фронта Венето — политическое движение, основанное в октябре 1998 г. и выступавшее за автономию региона Венето.

¹¹ «Автономия, свобода, демократия» — региональное политическое движение, отстаивавшее интересы национальных меньшинств, проживавших в автономном регионе Валле д'Аоста.

¹² Народники — Союз демократов за Европу — партия, основанная в 1999 г. Клементе Мастеллой, в идеологии которой лежали ценности христианской демократии.

¹³ В конце 1946 г. мафия и неонацисты образовали собственную партию — Итальянское социальное движение (Movimento Sociale Italiano).

тате объединения автономистских группировок из регионов и провинций Северной Италии — Лиги Венето (впервые выступила на выборах в 1979 г.) и Ломбардской лиги (создана в 1984 г.), организаций из Пьемонта, Лигурии, Эмильи-Романьи и Тосканы. Целью Лиги Севера была провозглашена независимость Северной Италии — так называемой области Падания¹⁴, чье международное признание и независимость предполагалось достичь демократическими средствами. Лига Севера выступала против классовой или социальной борьбы и считала основным вопросом политики конфликт между централизованными государствами и народами, добивающимися самоопределения и свободы. В июне 1995 г. У. Босси созвал в Мантуе парламент Падании, а 15 сентября 1996 г. провозгласил в Венеции ее независимость. Падение популярности движения на севере Италии вынудило Лигу несколько изменить тактику: впредь она не добивалась независимости, но заявляла о намерении достичь широкой федерализации Италии. Партия У. Босси — крайне националистическое движение: соратники У. Босси неоднократно выступали против миграции выходцев из южной части страны на север, движение также требовало ограничения иммиграции из-за рубежа.

Данные политические объединения составили основную силу блока С. Берлускони Дом Свобод. Несмотря на то, что ценности «Вперед, Италия» можно было бы назвать либерально-демократическими, Национальный альянс и Лига Севера — Движение за автономию имели в своей основе консервативные установки, что дает основание назвать коалицию С. Берлускони *п р а в о ц е н т р и с т с к о й*.

Движение за автономию (Movimento per l'Autonomia) — молодая политическая сила, появившаяся в апреле 2005 г., основанная на идеях автономии и меридионализма¹⁵, также вошла в Дом Свобод. Лидером партии являлся Раффаэле Ломбардо. Партия возникла в результате разногласия внутри сицилийского отделения Союза христианских демократов и Демократов Центра (Unione dei Democratici Cristiani e Democratici di Centro) из-за того, что, по мнению Р. Ломбарди, партией не уделялось должное внимание интересам Сицилии. Впоследствии в Движение за автономию вошли политики различных убеждений, в основном бывшие христианские демократы и социалисты.

Партия Христианская демократия за автономии (Democrazia Cristiana per le Autonomie), чаще именуемая как Новые христианские демократы (Nuova Democrazia Cristiana), а также Новая партия итальянских социалистов (Nuovo Partito Socialista Italiano) входили в один избирательный список коалиции С. Берлускони. Христианская демократия за автономии под руководством Джанфранко Ротонди являлась центристской партией, вдохновленной идеалами христианских демократов и «стурцианством»¹⁶. В число основных ценностей партии

¹⁴ Падания включала в себя восемь северных регионов Италии. Топоним *Падания* образован от названия реки *По*, условно отделяющей Паданию от остальной части Италии.

¹⁵ Меридионализм — политика отстаивания интересов Юга Италии, борьба за его возрождение.

¹⁶ *Луиджи Стурцо* (Luigi Sturzo; 1871–1959) — итальянский священник, один из лидеров католического движения. Организатор Народной партии (Popolari) — первой массовой католической партии Италии, в 1919–1923 гг. её политический секретарь. В 1940 г. основал международный Христианско-демократический союз (после II Мировой войны был вице-председателем Союза).

входили христианская демократия и социальная доктрина католической церкви. Новая партия итальянских социалистов — политическая сила, образованная в январе 2001 г. посредством соединения Партии социалистов Джанни Де Микелиса и Социалистической лиги Бобо Кракси и Клаудио Мартелли. Партия решила продолжить политическую линию Социалистической итальянской партии Беттино Кракси и призывала к единству социалистов, придерживавшихся принципов либерализма, реформизма и светскости. В период с 2001 по 2007 г. секретарем партии был Дж. Де Микелис.

В Дом Свобод входили также различные малые политические образования и движения, в основном радикального типа. В их числе были: Союз Центра (Unione di Centro) — центристская католическая партия, координируемая ПьерФердинандо Казини, официальным лидером которой являлся Лоренцо Чеза; Социальная альтернатива (Alternativa Sociale) — конфедерация неонацистских движений, возглавляемых внучкой Бенито Муссолини — Алессандрой Муссолини¹⁷; Трехцветное пламя¹⁸ (Fiamma Tricolore) — неонацистская партия Пино Раути; Либеральные реформисты¹⁹ (Riformatori Liberali) — либеральное движение, защищавшее традиционные либеральные ценности; движение «Нет евро»²⁰ (No Euro) — политическая организация евроскептиков.

Таким образом, наряду с партиями, выступавшими за либеральные и христианско-демократические ценности, в Дом Свобод вошли политические объединения, представлявшие интересы отдельных регионов Италии, многие партии восходили к традициям фашизма, присутствовали также евроскептики. В целом, нельзя сказать, что коалиция С. Берлускони была более гомогенной по своему составу по сравнению с блоком Р. Проди Союз.

Разнородный состав коалиций во многом обусловил трудность составления предвыборной программы и выработки единой политической линии. Либералы (часть Партии левых демократов П. Фассино, часть партии «Ромашка» Ф. Рутелли) выступали за рыночную экономику, конкуренцию, дальнейшую приватизацию государственных предприятий, расширение инфраструктуры, мобильность рынка труда. С другой стороны, коммунисты и бывшие христианские демократы являлись сторонниками социального государства. Установки католиков из «Ромашки», которые выступали за традиционную семью, не соот-

¹⁷ Социальная альтернатива была создана в феврале 2004 г. А. Муссолини на следующий день после ее выхода из Национального альянса.

¹⁸ Трехцветное пламя было основано в марте 1995 г. Пино Раути и его союзниками из Итальянского социального движения, которые были против роспуска Социального итальянского движения, большинство которого вошло в Национальный альянс. С 2002 г. секретарем партии являлся Лука Романьели.

¹⁹ Движение Либеральные реформисты возникло в октябре 2005 г. Слоганом партии являлось словосочетание «Америка, рынок, индивид», отражавшее основные ценности. Лидером являлся Бенедетто делла Ведова.

²⁰ Движение «Нет евро» основано в Турине в октябре 2003 г. Лидером движения являлся Ренцо Рабеллино. Участники движения были убеждены, что введение единой валюты не принесло никаких выгод ни для итальянской экономики, ни для жителей Апеннин. Они выступали за выход Италии из зоны «евро» и возобновление выпуска национальной валюты.

ветствовали убеждениям радикалов, социалистов, «зеленых» и коммунистов, высказывавшихся в пользу однополых браков.

Выборы в сенат и палату депутатов состоялись 9–10 апреля 2006 г. Согласно экзит-пулам, большинство голосов избиратели отдали коалиции Союз, возглавляемой Р. Проди [BBC News]. Но победила она с минимальным преимуществом. В палате депутатов сторонники Р. Проди получили 348 депутатских места, а правый центр — 281 место [La Repubblica, Camera]. На выборах в сенат в самой Италии победила коалиция С. Берлускони: она набрала 49,9 % голосов против 49,2 % за левоцентристов [La Repubblica, Senato]. Решающее значение в победе Союза сыграли выборы в сенат представителей итальянских диаспор, проживавших за границей, согласно которым Союз получил 4 дополнительных места, а правый центр — одно. В результате в сенате блок Р. Проди получил 158 мест, т. е. на два места больше, чем коалиция С. Берлускони, которой досталось 156 мест [Ibid.]. Явка избирателей составила 83,6 % [La Repubblica, Riepilogo Nazionale], примерно столько же, сколько на предыдущих парламентских выборах 2001 г.²¹

Согласно результатам выборов, не все партии получили места в парламенте. От коалиции Р. Проди наибольшее количество мест досталось Оливе, остальные мандаты были распределены между партиями Коммунистическое возрождение, «Роза в кулаке», Итальянские коммунисты, Италия ценностей, «зелеными», народниками, Партией народа Южного Тироля и движением «Автономия, свобода, демократия». Из заявленного списка коалиции С. Берлускони пять партий заняли места в итальянском парламенте. Наибольшее число мест получила партия «Вперед, Италия». Выиграли мандаты также Национальный альянс, Союз Центра, Лига Севера, Христианские демократы за автономию и Новая партия итальянских социалистов [Ibid.].

Дом Свобод отказывался признать поражение и результаты выборов, советники С. Берлускони требовали пересчета голосов. Однако 20 апреля 2006 г. Кассационный суд Италии подтвердил победу блока Союз, что дало основание провести выборы председателей обеих палат парламента в самом конце апреля. Председателем палаты депутатов в четвертом туре голосования был избран лидер партии Коммунистическое возрождение и член коалиции Р. Проди Ф. Бертинотти, а пост председателя сената получил Франко Марини, согласно отданному ему числу голосов в третьем туре. Сразу же после избрания председателей обеих палат парламента С. Берлускони подал президенту страны Карло Адзелио Чампи прошение об отставке, а 10 мая в четвертом туре голосования на совместном заседании обеих палат парламента получив 55 % голосов [Presidenza della Repubblica], президентом Италии был избран Джорджо Наполитано — кандидат от левоцентристского блока, бывший активист Итальянской коммунистической партии. Вступив в должность 15 мая, Дж. Наполитано поручил Р. Проди сформировать кабинет министров.

²¹ На выборах 2001 г. явка избирателей составила 81,4 %.

Конституции зарубежных государств : учеб. пособие / сост. В. В. Маклаков — М., 2003.
BBC News — Prodi hails Italy poll 'victory' [Electronic resource] / BBC News. 11 Apr., 2006. URL: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/4897994.stm> (дата обращения: 08.10.2011).

Forza Italia — Statuto di Forza Italia [Electronic resource] / 1997. 18 gen., URL: <http://www.forzaitalia.it/speciali/statutoforzaitalia04.pdf> (дата обращения: 08.10.2011).

Il sito ufficiale dei Democratici di Sinistra [Electronic resource] / 2005. Statuto dei Democratici di sinistra. 5 febbraio, URL: http://www.dsonline.it/partito/organizzazione/documenti/dettaglio.asp?id_doc=24018 (дата обращения: 08.10.2011).

Italia dei valori [Electronic resource] / Statuto nazionale. URL: <http://italiadeivalori.antoniodipietro.com/documenti/Statuto.pdf> (дата обращения: 08.10.2011).

La Margherita [Electronic resource] / Democrazia e liberta. Lo statuto di Democrazia e liberta — La Margherita. URL: <http://www.margheritalecchese.org/documenti/statuto.htm> (дата обращения: 08.10.2011).

La Repubblica [Electronic resource] / Elezione politiche 2006: Camera. URL: <http://www.repubblica.it/speciale/2006/elezioni/camera/index.html> (дата обращения: 08.10.2011).

La Repubblica [Electronic resource] / Elezioni politiche 2006. Riepilogo Nazionale. URL: http://www.repubblica.it/speciale/2006/elezioni/camera/riepilogo_nazionale.html (дата обращения: 08.10.2011).

La Repubblica [Electronic resource] / Elezione politiche 2006: Senato. URL: <http://www.repubblica.it/speciale/2006/elezioni/senato/index.html> (дата обращения: 08.10.2011).

Parlamento Italiano — Modifiche alle norme per l'elezione della Camera dei deputati e del Senato della Repubblica [Electronic resource] / Legge 21 dicembre 2005, n. 270. URL: <http://www.parlamento.it/leggi/05270l.htm> (дата обращения: 08.10.2011).

Partito della rifondazione comunista / Statuto. 2008. 24–27 lug., URL: http://home.rifondazione.it/xisttest/index.php?option=com_content&task=view&id=25&Itemid=432 (дата обращения: 08.10.2011).

Presidenza della Repubblica [Electronic resource] / Risultati della votazione. URL: <http://www.quirinale.it/presidente/elezione.htm> (дата обращения: 08.10.2011).

The Organization for Security and Co-operation in Europe [Electronic resource] // OSCE/ODIHR Election Assessment Mission Report. 2006. 9 June. URL: <http://www.osce.org/odihr/elections/italy/19405> (дата обращения: 08.10.2011).

Статья поступила в редакцию 10.12.2011 г.

УДК 321.728(497.11) + 323.1(497.11) + 37.014

А. А. Михайлова

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ КАК ДВИЖУЩИЙ ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СЕРБИИ XIX в.

Анализируются проблемы национального строительства в Сербии после обретения ею суверенитета в XIX в. в условиях патриархально-аграрного традиционализма. Рассматриваются вопросы о формировании национальной элиты в сербском обществе как движущей силы модернизационных процессов и путях заимствования западноевропейских идей и ценностей сербским правящим классом.

Ключевые слова: Сербия; модернизация; интеллигенция; образование; либералы.

Изменения политической карты Балканского региона на рубеже XX—XXI вв. сделали актуальной проблему пересмотра национальной истории для многих его народов, в том числе и для сербов. В частности, это выразилось во всплеске научного интереса к истории становления сербской государственности в Новое время, когда были выработаны основные принципы реализации и защиты сербских национальных интересов через сложившиеся общественные институты, а также механизмы их регулирования.

Анализ современной сербской и идущей ей вслед российской историографии по данной проблеме позволяет делать вывод о выраженном тяготении большинства исследователей к опоре на теорию модернизации. Основные положения данной теории указывают на то, что традиционные аграрные общества в своем развитии рано или поздно приходят к необходимости перенимания и освоения опыта передовых стран мира как в области технологий, так и в отношении самих способов общественного функционирования. Однако такого рода заимствования не всегда приводят к одинаковым и предсказуемым результатам.

Это наблюдение в полной мере относится и к проблеме сербской модернизации, отчетливые признаки которой обнаруживаются со второй трети XIX в. Вплоть до Первой мировой войны модернизационный фактор играет ведущую роль в построении и развитии сербского национального государства, а его важнейшей чертой становится стремление адаптировать к сербским условиям варианты западноевропейских общественных институтов и других достижений либеральной мысли. Однако заимствования не обеспечили Сербии искомый путь развития, свойственный передовым европейским странам. Именно вследствие своей противоречивости сербская модернизация получила в историографии такие характеристики, как «иррациональная», «имитационная», «отсроченная», «регенерирующая» отсталость, «догоняющее» развитие, «модернизация без модерности», «эволюция без развития» и т. д. [см.: Palairet; Дарендорф, с. 31—35; Шемякин, 1998, с. 18; Popović-Obradović, с. 321; и др.]. Причины несоответствия полученного эффекта ожидавшимся сдвигам многие историки склонны видеть в природе сербского социума. Население в массе

своей тяготело к сохранению и защите архаичных патриархальных порядков, что было связано с доминированием аграрных методов хозяйствования и господством общинного принципа принятия решений. К этому добавлялось стремление сербов утвердить свою национальную самобытность, обеспечивавшую им легитимные основания для дальнейшего расширения территории страны. Эти обстоятельства содействовали отторжению обществом организационных инициатив, угрожавших расслоением и дезорганизацией существовавшей общественной структуры, что, в свою очередь, приводило к возникновению социокультурного противоречия между стремлением оградиться от перемен и необходимостью с ними считаться [см.: Ахиезер, с. 58].

Вместе с тем данное противоречие неизбежно влекло за собой модификацию бытовавшей культуры и приводило к конструктивным изменениям в эволюции сербской государственности. В этой связи особого внимания заслуживает вопрос об истоках творческой энергии, направлявшей общественное развитие в сторону освоения достижений европейской цивилизации. Попытаемся углубиться в тонкости внутрисоциальных процессов, рассмотрим природу движущих сил модернизационных процессов в Сербии в XIX в., а также сделаем попытку оценить эффективность этих сил в утверждении новых принципов функционирования сербского патриархально-аграрного общества.

Деятнадцатый век стал для Сербии временем поиска путей ее самостоятельного развития. В 1804 г. сербы развернули борьбу за ликвидацию вассальной зависимости от турецкого султана и за право создания собственного государства. Это привело к обретению ими автономии в 1830 г. в границах бывшего Смедеревского санджака Османской империи. В 1867 г. последний турецкий гарнизон покинул пределы автономного княжества, а в 1878 г. Сербия обрела независимость. В целях соответствия европейской традиции в 1882 г. Сербия объявила себя королевством [см.: Љушић, с. 200]. В 1888 г. в стране была принята первая либеральная конституция, однако ее действие оказалось непродолжительным, и более прочное утверждение гражданских прав в Королевстве произошло лишь в начале XX в. Таким образом, почти целое столетие сербы осваивали принципы создания государства современного типа.

Многовековое турецкое владычество, нарушившее континуитет сербской истории, способствовало тому, что строительство собственного государства сербам пришлось начинать практически «с нуля». К началу XIX в. в ряде сербонаселенных районов Османской империи существовало ограниченное самоуправление, выражавшееся в действии народных собраний, на которых выборные кнезы, кметы, главы задруг и прочие уважаемые люди занимались распределением налогов и решением общественно важных проблем [см.: Формирование национальных независимых государств ..., с. 94]. Однако традиционной элиты, т. е. аристократии и правящего слоя, у сербов в турецкий период не было [Žene kao deo elite ..., с. 251]. В условиях господства натурального хозяйства сербское население было преимущественно сельским, что обеспечивало ему социальную однородность [см.: Ristić, р. 185–195]. События начала XIX в., в конечном итоге послужившие обретению Сербией автономии, актуализировали проблему формирования в ней собственного правящего слоя.

Первый правитель автономной Сербии и его окружение были людьми «из народа», не обладавшими навыками элементарной грамотности [см.: Marinković]. Их право на руководящие позиции обосновывалось личным вкладом в дело народного освобождения и собственной популярностью в народе [см.: Белов, с. 17]. Со временем в Сербии утвердилась система династического монархического правления, способствовавшая формированию традиционной элиты. В нее вошли члены династии и их окружение, государственная бюрократия, высшие военные чины, духовенство и представители крупного торгового капитала [см.: *Žene kao deo elite ...*, p. 252]. Однако упомянутые круги вряд ли могли быть двигателем модернизационных процессов, скорее наоборот. Для власти модернизация означала конец авторитарности, для церкви — снижение ее политической роли, для армии — утрату привилегий и влиятельных позиций, для предпринимателей — сужение и без того узкого рынка. Иными словами, для традиционной элиты, как и для самого традиционного общества, модернизация не представляла собой особой ценности.

Ответом на вопрос, кто делает модернизацию, может служить утверждение британского историка А. Тойнби о том, что эта заслуга принадлежит творческому меньшинству, которое обладает способностью выдвигать новые идеи и претворять их в жизнь посредством своего личного дарования и авторитета. При этом он указывает, что традиционная элита обладает склонностью к замыканию в самовоспроизводящуюся касту и к утрате своего творческого ресурса [см.: Кисель, с. 411]. В Сербии в XIX в. таким «творческим меньшинством» становились отдельные личности, чаще всего специалисты, обладавшие не свойственными большинству знаниями и умениями, считавшие проблему обновления страны делом собственной чести. В отличие от обывательского большинства, они старались мыслить далеко вперед и осознавали назревшую необходимость в проведении перемен во всех сферах жизни общества, а потому всей своей деятельностью пытались изменить вековые порядки и утвердить всевозможные новшества. Эти люди решали задачи поиска ресурсов для реализации проектов национального значения, зачастую долгосрочных, что напрямую не было связано с насущными потребностями обывателей. Иными словами, речь идет о формировании в сербском обществе, помимо традиционной элиты, прослойки патриотически мотивированных интеллигентов. Стоит отметить, что внутренних условий для выделения в сербском обществе интеллектуальной элиты практически не было, поэтому обстоятельства формирования этой социальной группы заслуживают особого внимания.

Появление инициативных интеллигентов на исконно сербской основе затруднялось из-за повсеместной неграмотности населения в Сербии в XIX в. В 1865 г., например, по оценкам современников, грамотных людей в стране было всего около 4 % [см.: Vivian, p. 265]. Люди, владевшие навыками чтения и письма, проживали преимущественно в городах и чаще всего были заняты на государственной службе. Однако большинство населения было сельским и вело натуральное хозяйство. К началу XX в. в неземледельческой сфере по некоторым сведениям было занято лишь 13 % населения, но и они преимущественно не утрачивали связь с землей, что делало весьма размытой грань между городом и

селем [см.: Шемякин, 1998, с. 18]. Обезземеливанию крестьян и урбанизации препятствовал также Закон о народном благосостоянии 1873 г., вводивший неотчуждаемый аграрный минимум [см.: Шемякин, 2004, с. 20]. Лишь в конце XIX в. в селах стали появляться грамотные люди, но их число было крайне скромным. В современной краеведческой литературе встречаются, например, такие сведения: «первые грамотные люди в селе Янья (ст. назв. Левача) появились в 1884 г., из 198 жителей их было пятеро» [Велюжић, с. 102]; «...по данным переписи 1895 г. в селе Татрасница из 485 жителей грамотных было всего трое» [Лукић, с. 61].

Для последней трети XIX в. сохранение столь низкого уровня грамотности населения может вызвать некоторое недоумение. Развитие государственной бюрократической системы, судебно-правовых стандартов, печатного дела и политика в сфере просвещения в целом, казалось бы, должны были поставить население перед необходимостью освоения минимальных навыков обращения с бумагой и буквенно-знаковыми символами. Между тем этого не происходило. Причиной чаще всего было отсутствие весомой мотивации к освоению знаний в условиях сохранения традиционализма, с одной стороны, и посредственность политики, проводившейся государством в этом отношении, — с другой. Потребности сельчан в письме (к примеру, при составлении писем, жалоб и прочих бумаг) обеспечивались услугами сельского писаря, способностей которого было достаточно для удовлетворения нужд всего окрестного населения. Сельский писарь являлся штатным сотрудником правления општини (административной единицы, объединявшей в себе одно-два села, один город или часть города) [см.: Два века првог суда..., с. 13]. Через это же правление осуществлялось информационное обслуживание населения. По настоянию правительства все општинские правления (а точнее, их структурная основа — општинские суды) должны были в обязательном порядке выписывать центральные газеты [см.: Гацовић, Вельковић, с. 11]. Впрочем, в силу того, что подписка на газеты не гарантировала их прочтения, правительству приходилось самому брать на себя функцию информационного агента и посредством специальных указов оповещать население о важнейших событиях в стране, своих инициативах и новшествах в законодательстве. Такие оповестительные письма зачитывались председателем општинского суда на общем собрании жителей населенного пункта, благодаря чему на протяжении всего XIX в. население не испытывало неудобств, связанных с неумением читать и писать.

Правительство пыталось повлиять на эту ситуацию путем развития школьного образования. Конкретные шаги в этом направлении были предприняты еще в 1835 г., когда по всей Сербии при церквях и монастырях стали открываться начальные школы, перед которыми ставилась задача воспитания «благочестивых христиан, уважаемых и полезных граждан» [Јовановић, с. 5]. Сербские школьники изучали азбуку, азы арифметики, обретали представления о географии и истории своей страны, но главный упор делался на религиозное воспитание. Учителями поначалу были духовные лица, так как считалось, что именно они могли воспитать в человеке лучшие моральные качества. Количество учеников, приходившихся на одну школу, в период автономного княже-

ства в среднем колебалось в пределах десяти. Одна школа обслуживала около трех окрестных сел, но случалось, что она была единственной для более чем десяти населенных пунктов области¹. Из-за удаленности школ детям нередко приходилось покидать свой дом на всю учебную неделю с понедельника до субботы, жить в пришкольных бараках в антисанитарных условиях и питаться привезенным с собой сухим пайком. Такие условия не привлекали родителей, которые к тому же лишались рабочих рук в доме. Поэтому посещение ребенком школы для семьи сельчанина становилось вдвойне убыточной затеей. Эти обстоятельства не способствовали популяризации школы среди населения, особенно в условиях, когда обучение в них было рекомендованным, но не обязательным. В Тимокском крае, например, по подсчетам краеведов, в 1897 г. на 1 тыс. человек приходилось около 45 учащихся, причем многие из них лишь числились на бумаге, а на занятиях не появлялись [см.: Ничић, с. 68]. После обретения Сербией независимости, кроме начальных школ, стали открываться низшие (4 класса) и высшие (8 классов) гимназии. Учениками этих заведений становились дети торговцев, ремесленников, чиновников. Дети зажиточных земледельцев, как правило, учились не более 4 лет. В начале XX в. участились случаи поступления в гимназии детей других категорий населения, но, как правило, они их не заканчивали из-за нехватки средств на обучение и собственное содержание [см.: Гимназија и стручне школе..., с. 6].

Другой мерой в сфере просвещения, направленной на популяризацию знаний, было открытие читален. Первые читальни открылись в 1846 г. в Белграде, в Крагуевце, Пожаревце, Смедереве, Неготине. Они открывались по распоряжению Министерства просвещения, но на средства самих горожан. Характерно, что из-за малого числа посетителей вскоре все читальни, кроме белградской, прекратили свою работу. Впоследствии они вновь открывались и закрывались по тем же причинам и в итоге, вопреки своей целевой функции, становились для местных жителей местом проведения досуга за кофе и разговорами [см.: Гацовић, Вельковић, с. 14; О Нишкој читаоници].

Глубинные причины равнодушия обывателей к печатному слову следует искать и во внутренней природе сербского общества, отличительной чертой которого было стремление к сохранению своей однородности. Человек, научившийся читать и писать, обретал навыки, не свойственные людям своего окружения, т. е. навыки, не связанные с земледелием, животноводством или мелкой торговлей, а потому выбивался из коллектива, наталкиваясь на непонимание и даже неодобрение. Более того, социальная одинаковость и неприятие индивидуальности были не только способом стабильного существования общества, но и воспринимались как неперемненное условие национального единения и сохранения национальной идентичности [см.: Stojanović, 2008]. Этот культурный код был весьма устойчивым и транслировался из поколения в поколение. В таких условиях люди, проявившие склонность к знаниям и овладевшие навыками чтения и письма, чаще всего покидали родные места, уходи-

¹ Например, начальная школа монастырского типа в Турековце, основанная в 1873 г., обслуживала 13 сел, а школа в Мрштане, открытая в 1890 г., — 9 сел [Преглед архивских фондова..., с. 112].

ли в город и устраивались на государственную службу [см.: Гацовић, Вельковић, с. 15]. Таким образом, порядки, существовавшие в сербском обществе, не только не вызывали в нем внутренних потребностей в модернизации, но и становились препятствием на пути тех, кто начинал осознавать необходимость в осуществлении перемен для достижения процветания страны.

В подобных обстоятельствах главным источником формирования сил, вовлекавших сербское общество в социально-политические и экономические трансформации, становились внешние импульсы. Важнейшую роль в образовании «творческого меньшинства» сыграли сербы из сербонаселенных областей империи Габсбургов, в частности Воеводины — области, граничившей с автономным княжеством Сербия [Batakovich, 2002b, p. 336]. Воеводинские сербы обладали церковно-школьной автономией, на основе которой у них функционировала развитая система образования [см.: Бешлин, с. 69]. Это позволяло им поддерживать более высокий уровень грамотности среди населения, чем в соседней Сербии. Кроме того, сербы в Габсбургской империи обладали возможностью получать образование в других частях страны, например в словацких протестантских школах. Поэтому при формировании системы образования в автономном Княжестве Сербия в качестве преподавателей стали приглашаться преимущественно сербы из-за р. Савы. Эти люди не только обучали своих соплеменников грамоте и прочим дисциплинам, но и привносили в сербское общество идеи западнолиберального толка.

Позднее был освоен и обратный механизм перенимания зарубежных знаний и опыта. Молодых людей, проявивших усердие к учебе в школе, правительство Сербии стало посылать на обучение в другие страны — Германию, Францию, Швейцарию и Россию. Первых студентов за государственный счет отправили в 1839 г. Это была небольшая группа из 10 молодых людей не старше 22 лет. Позднее стали отправлять по 12 человек ежегодно. Студенты подписывали обязательство, согласно которому по окончании обучения они должны были отработать на государственной службе столько же лет, сколько государство оплачивало их учебу и проживание за рубежом (в среднем три года). Дважды в год они отчитывались перед Министерством просвещения о своей семестровой успеваемости. Если студент был недостаточно прилежным, легкомысленным или неспособным, его лишали стипендии [см.: Milanović, с. 71]. К концу XIX в. на учебу за рубеж стали самостоятельно отправлять своих детей и состоятельные родители. По некоторым подсчетам до начала 80-х гг. XIX в. всего образование за рубежом смогли получить около четырехсот сербов [см.: Екмечић, с. 244]. Возвращаясь на родину, эти молодые специалисты становились чиновниками, политиками, педагогами, писателями и в ходе своей деятельности переносили на сербское общество усвоенные ими за время учебы идеи и ценности, оказывая тем самым заметное влияние на политическую и культурную жизнь Сербии.

В результате такой политики у власти в Сербии стали появляться люди, не просто получившие образование, но и испытавшие на себе все преимущества государственного устройства передовых европейских стран. Их желание внедрить зарубежный опыт в родной стране становилось вполне закономерным.

Так, в середине XIX в. к власти в автономном Княжестве Сербия пришли так называемые уставобранители (защитники конституции). С целью модернизации своей страны они привлекли сотни образованных сербов из Австрии, приверженцев правовых методов управления, для работы в весьма скромном государственном аппарате. Они стремились вытеснить турецкий стиль правления Милоша Обреновича и утвердить европейскую модель централизованной администрации. В 1844 г. ими был утвержден Гражданский кодекс Сербии, сочетавший австрийское право и кодекс Наполеона. Кодекс делал всех граждан равными перед законом и гарантировал защиту частной собственности. Усилия уставобранителей были также направлены на организацию постоянной судебной системы и пропаганду образования среди сельчан. Однако бюрократизация, которую они ввели, обернулась бременем, еще более отделившим сельские массы от гражданских служащих, постепенно становившихся небольшой привилегированной социальной группой.

В конце 50-х гг. на смену уставобранителям пришли юные либералы, принесшие с собой из-за рубежа романтические идеи нации, французское понимание народного суверенитета, английское видение парламентаризма, бельгийские представления об институте конституционной монархии. Безаристократичность сербского общества виделась им залогом установления демократических порядков в стране [см.: Bataković, 2002a]. Поэтому их борьба была направлена в первую очередь на утверждение представительской системы власти [см.: Popović-Obradović, с. 57]. Итогами борьбы стала реформа государственного управления 1861 г., наделившая Скупшину полнотой законодательной власти, а также Конституция 1869 г., провозгласившая Сербию наследственной конституционной монархией.

На зарубежные образцы во многом ориентировались и сами монархи. Так, князь Михаил Обренович (годы правления 1839–1842, 1860–1868), проведя почти 18 лет в изгнании (большой частью в Вене и Пеште), возвратился оттуда европейским джентльменом и был одержим желанием преобразить Сербию на европейский манер. Он поощрял развитие образования и культуры, пытался придать Белграду образ европейской столицы. Европейское образование получил и князь Милан Обренович (1868–1882, 1882–1889), что в дальнейшем отразилось на его внешнеполитических пристрастиях.

Важным следствием появления и деятельности такой «нетрадиционной» элиты в Сербии стало образование в начале 1880-х гг. политических партий — либеральной, радикальной и напредняцкой (прогрессивной). Деятельность последней, достигшей влияния в 80-е гг., как раз основывалась на стремлении «превратить патриархальную страну в современное европейское государство». Однако широкой опоры для выполнения своей объективно буржуазной программы развития независимой Сербии по пути, уже пройденному большинством развитых европейских стран, она не нашла [Шемякин, 1997, с. 140]. Кроме того, объем заимствований со всей очевидностью начал «перегружать» идентичность, что создавало определенный общественный диссонанс [см.: Хантингтон, с. 107]. С этим же фактором связан и ощутившийся кризис либерализма. Либеральная конституция, принятая в 1888 г., была отменена в 1894 г.

На этой волне все большую популярность стала приобретать радикальная партия (почвенники), свою главную задачу видевшая в решении проблем общенародного характера, понятных не только узкому кругу интеллектуалов, как в случае с модернизацией, но доступных и близких широким кругам населения. Она выступала против засилья бюрократии, за расширение самоуправления снизу доверху и прочие демократические преобразования, а главное, переносила акцент с модернизационных задач на проблему объединения всего сербского народа в границах единого государства [см.: Шемякин, 1997, с. 143]. Таким образом, одной из причин, по которым Сербия не смогла достигнуть желанных перспектив к концу XIX — началу XX в. стало несоответствие предпринимаемых правящими кругами инициатив интересам обывательского большинства, а точнее, неспособность правительства и общества двигаться в одном направлении и действовать во благо общей цели.

Между тем нельзя недооценивать и определенные успехи в деле сербского государственного строительства в XIX в. Путем примерки на свое государство разнообразных западных идей и достижений сербы смогли найти вполне приемлемую для них формулу ведения национальной политики, утвердившуюся после смены династии в 1903 г. Сбалансированность между ориентацией на Запад и защитой национальных интересов позволила им достичь качественных сдвигов в политической и социально-экономической жизни страны в предвоенные годы [см.: Stoyanovitch, 1919, с. 22]. Однако Первая мировая война и последовавшие за ней изменения геополитического пространства в очередной раз нарушили естественный ход сербской истории и привели к необходимости поиска новых решений.

Другим важнейшим следствием эволюции сербской государственности в XIX в. стало появление в обществе нового социального слоя образованных людей — специалистов, т. е. «нетрадиционной» элиты, или, как ее еще называют в сербской историографии, «запланированной» элиты². В силу того, что ее формирование происходило не на внутринациональной основе, а преимущественно в западноевропейском информационном поле, между интеллигенцией и обществом, которому она была призвана служить, образовалась огромная мировоззренческая дистанция. Низкий уровень образования населения способствовал тому, что интеллигенция становилась обособленной и довольно замкнутой группой, а ее попытки вывести общество на путь преодоления традиционализма были малорезультативными. Создававшееся противоречие нередко приводило и к обратному эффекту: сила традиции лишала элиту ее творческого потенциала. Оказываясь у власти или вступая во взаимодействие с капиталом, элита нередко утрачивала свой модернизационный потенциал и амбиции, отказывалась от политики перемен, замыкалась на достигнутом и коррумпировалась, обнаруживая явные преимущества для себя в управлении неразвитым обществом [см.: Stojanović, 2009, с. 397]. Поэтому конечный ре-

² Элита, появившаяся благодаря намеренной политике государства по привлечению преподавателей из-за границы и обучению специалистов за пределами страны [см.: Trgovčević].

зультат всех преобразований и их продуктивность напрямую зависели лишь от личного потенциала, сознательности, энтузиазма и инициативы отдельных личностей, посвятивших свою жизнь делу обновления Сербии, противостоящих традиционализму, бюрократическим проволочкам и прочим преградам и воспринимавших свою борьбу как частную миссию. К таким деятелям можно отнести, например, Владана Джорджевича (1844–1930), много сил отдавшего просветительской работе, реформированию системы здравоохранения Сербии, обустройству Белграда на современный манер и решению других государственно важных проблем, или профессора Высшей школы в Белграде, председателя комиссии по электрификации Джордже Станоевича (1858–1921), самоотверженно боровшегося с консерватизмом общественного мнения и чиновничьей волокитой, затруднявшими возведение новых электростанций. В книге Йована Николича «Они строили современную Сербию» упоминается более трехсот персоналий, чей жизненный путь был посвящен делу обновления Сербии [см.: Николић, с. 3].

Таким образом, человеческий потенциал сербской модернизации, появившийся в XIX в., представлял собой достаточно немногочисленную и разрозненную силу, действовавшую скорее над сербским обществом, нежели внутри него. Интеллигенция для сербского общества была относительно новым явлением, а потому не обладала необходимым авторитетом, опытом и навыками для проведения преобразований, что и помешало ей оперативно вывести страну на путь прогрессивного развития.

Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991.

Белов М. В. Мифология «человека из народа» в Сербии первой половины XIX в. // Человек и общество: опыт взаимодействия. СПб., 2010.

Бешлин Б. Српски либерализам у 19 веку — генеза, идеје, страначке поделе // Зборник матице српске за историју. 2003. № 67/68.

Велојић М. Развој писмености у старопланинском насељу Јања // Архивско наслеђе. 2006. № 4.

Гацковић С., Вельковић С. Од читалишта до народне библиотеке у Зајечару, 1866–1996. Зајечар, 2001.

Дарендорф Р. От социального государства к цивилизованному сообществу // Полис. 1993. № 5.

Два века првог суда у Србији. Београд, 2004.

Екмечић М. Стварање Југославије, 1790–1918. Књ.1. Београд, 1989.

Јовановић Д. Основне школе у Јагодинском округу до 1850. године. Јагодина, 2010.

Киссель М. А. Тойнби // Современная западная философия : словарь. М., 2000.

Лукић С. Развој писмености у насељу Татрасница // Архивско наслеђе. 2006. № 4.

Љушић Р. Српска државност 19. века. Београд, 2008.

Николић Ј. В. Градили су модерну Србију. Београд, 2006.

Ничић Д. Школство у Тимочкој крајни / Развитак. 1970. № 3.

О Нишкој читаоници // Нишке новине. 1886. 1 мај.

Преглед архивских фондова и збирки. Лесковац, 2004.

Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). М., 1986.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

Шемякин А. Л. Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868—1891). М., 1998.

Шемякин А. Л. Сербская национальная идея в 1878—1903 гг. Время разочарования и осмысления // На путях к Югославии: за и против : очерки истории национальных идеологий югославянских народов, конец XVIII — начало XX в. М., 1997.

Шемякин А. Л. Традиционное общество и вызовы модернизации // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.) СПб., 2004.

Batakovich D. T. Belgrade in the nineteenth century. A historical survey // J. of the North American Society for Serbian Studies. Washington, 2002a. N.16 (2).

Bataković D. T. Liberalizam u seljačkoj zemlji // НИИ. 2002b. № 2670.

Marinković M. Knez Miloš i njegovi savetnici i činovnici: Jedna politička i državotvorna generacija // Српско наслеђе. 1998. № 11.

Milanović J. Društvene pojave u Srbiji XIX veka. Beograd, 2002.

Palairat M. The Balkan economies c. 1800—1914: evolution without development. Cambridge, 1997

Popović-Obradović O. Kakva i kolika država: Oglеди o političkoj i društvenoj istoriji Srbije XIX—XXI veka. Beograd, 2008.

Stojanović D. Problems of modernisation in Serbia at the start of the twentieth century [Electronic resource]. URL: http://www.bosnia.org.uk/news/news_body.cfm?newsid=2527.

Stojanović D. Speed-clutch break: modernization of Belgrade, 1890—1914 // Стојановић Д. Калдрма и асфалт. Урбанизација и европеизација Београда, 1890—1914. Београд, 2009.

Stojanovitch C. Economic problems of Serbia. Paris, 1919.

Trgovčević Lj. Planirana elita. O studentima iz Srbije na evropskim univerzitetima u XIX veku. Beograd, 2003.

Tene kao deo elite u Srbiji u 19. veku. Otvaranje pitanja // Dijalog povjesničara-istoričara. 2002. N. 1.

Статья поступила в редакцию 15.10.2011 г.

РОССИЯ В СИСТЕМЕ ЕВРО-АЗИАТСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

УДК 316.61(47 + 57) + 340.11(47 + 57) + 323.2(47 + 57)

К. Н. Тарасов

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА конца XIX — 1-й половины XX в.

На примере взглядов Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина и евразийцев

Рассматривается проблема отношений личности и государства в социально-политической доктрине российского консерватизма. Анализируются взгляды российских консерваторов по вопросам роли государственной власти в деле обеспечения прав и свобод граждан, взаимообусловленности социального порядка и гражданской свободы, соотношения прав и обязанностей. Подходы консерваторов-реформаторов соотносятся со взглядами монархистов-охранителей рубежа XIX—XX вв. М. Н. Каткова, К. П. Победоносцева, К. Н. Леонтьева.

Ключевые слова: личность и государство; консерватизм; свобода и порядок; права и обязанности.

В современных условиях поиска оптимальных путей модернизации России обращение к наследию отечественной общественной мысли представляется особенно актуальным. В работах именитых представителей отечественного консерватизма Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина и евразийцев 1920—1930-х гг. Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Л. П. Карсавина, Н. Н. Алексева, на наш взгляд, содержится синтез важнейших достижений идейных поисков выдающихся русских мыслителей, искавших ответ на вопрос о специфике исторически сложившегося в России типа социума и возможных вариантов его модернизации.

В работах современных исследователей отечественной общественной мысли проблема отражения в консервативном учении вопроса об отношениях власти и общества сводится к анализу консервативного тезиса о личности как главной социальной и этической ценности [Голиков; Колесниченко; Кржевов;

Матюхин, 2005а; 2005б; Сухов; Шамшурин]. Однако, на наш взгляд, принципиальным аспектом проблемы отношений личности и государства в социально-политической доктрине российского консерватизма является тезис о взаимообусловленности свободы личности и общественно-политического порядка. Обоснованная консервативными идеологами диалектическая взаимозависимость свободы гражданина и степени устойчивости социально-политического порядка, по нашему мнению, является ключевым аспектом социальной доктрины российского консерватизма. Через данное положение консерваторы стремились обосновать (в противовес либерализму) важнейший принцип консерватизма — отсутствие противоречий между личностью и государством.

В современной историографии идейно-политического наследия российского консерватизма анализ данного положения консервативной программы не нашел своего отражения. Представленная работа является попыткой заполнить образовавшийся пробел в отечественной историографии консерватизма.

Проблему отношений и соотношения личности и государства в работах отечественных консерваторов следует рассматривать в нескольких аспектах. Во-первых, необходимо проанализировать взгляды консервативных идеологов по вопросу о роли власти в деле обеспечения прав и свобод граждан. Это даст возможность выяснить мнение консерваторов о функциях и задачах государственного аппарата принуждения и границ его вмешательства как в личную жизнь граждан, так и в деятельность общественных институтов. Во-вторых, следует проанализировать консервативный подход к обоснованию взаимозависимости государственного порядка и индивидуальной свободы граждан. Это позволит доказать единство целей и задач государственной власти и социальных институтов как основы их идейно-институционального отождествления в консервативной мысли. И, наконец, более полно изучить проблему соотношения личности и государства поможет анализ консервативного тезиса о приоритете обязанностей граждан над их правами. Сформулированная консерваторами взаимообусловленность прав налагаемыми на гражданина обязанностями указывает на специфику консервативной трактовки вопроса о роли индивида в обществе, обосновывает примат интересов целого (государства и общества) по отношению к интересам личности.

Итак, важным аспектом проблемы отношений личность и государства в работах российских консерваторов является тезис о том, что свобода личности является главной этической и социальной ценностью. В свою очередь, защита личных и гражданских свобод выступает главной задачей государственной власти.

Развитие личности, по мысли Л. А. Тихомирова, должно стать главной заботой власти. Степень совершенства «общественного и культурного творчества личности», уровень ее интеллектуального и духовного развития определяет темпы и направление общественного прогресса. Государство призвано лишь создавать благоприятные условия для развития личности. Идеолог консерватизма писал, что «личность есть первоисточник общественной жизни, она сама создает общество и государство, она есть живая сила общества и государства»

[Тихомиров, с. 443]. Отношение государства к свободе личности, способность его защищать и обеспечивать свободную, социально полезную деятельность человека, по мнению Тихомирова, являются показателем зрелости верховной власти, критерием ее «способности к совершенству».

Главная цель человеческого существования, по мысли Тихомирова, — это стремление к Богу, к абсолютному нравственному идеалу. Человек существует и действует в обществе, поэтому общественное устройство должно максимально соответствовать стремлению личности к нравственному самосовершенствованию. Но общество управляется властью, значит, форма власти должна обеспечить такой общественный порядок, при котором каждому человеку будут созданы благоприятные условия для развития его интеллектуальных, а главное, нравственных качеств. Обеспечить такой общественный порядок способна только власть, стоящая над интересами отдельного человека и различных социальных групп, власть верховная, абсолютная [Тихомиров, с. 33–34]. Более всего этой задаче соответствует монархическая форма правления. Монархия лучше, чем демократическая республика, способна обеспечить и защитить подлинные права и интересы личности. Монархия как воплощение этического принципа «не может не сознавать государственного значения личности как носительницы этического начала» [Там же, с. 574]. Демократия же, выражающая власть количества и силы, не связана с этическим началом и зависит только от «безапелляционного безответственного народного самодержавия» [Там же]. Она основана на формально-юридических нормах и предполагает диктат большинства, даже если его мнение ошибочно.

Для И. А. Ильина свобода, так же как и для Л. А. Тихомирова, является необходимым условием формирования нравственно совершенной и ответственной личности. А степень справедливости общественного устройства определяется возможностью реализации свободы. Общество, которое не гарантирует реализацию свободного развития личности, по убеждению мыслителя, априори не может считаться справедливым и устойчивым. Продолжая лучшие традиции отечественного консерватизма пореформенной эпохи, Ильин подчеркивал, что «жизнь человеку предназначена не для рабства или распутства, а для свободного, осознанного самосовершенствования» на основе христианских ценностей [Ильин, 2001, с. 310].

Социальный порядок, по И. А. Ильину, есть лишь средство достижения, осуществления национального идеала. Идеал же заключается в нравственном самосовершенствовании каждого человека и общества, в целом, на основе евангельских заповедей, в достижении социальной гармонии, в создании справедливого общественного устройства. Ильин подчеркивал, что «они [консерваторы] и не думали отвергать всякую свободу и всю свободу, но всегда разумели человека как существо самостоятельное, призванное к внутреннему духовному самоуправлению и самодеятельности» [Там же, с. 294]. Гарантом реализации свободы должен выступать государственный авторитет.

Ильин обращает внимание на существование двух противоположных традиций понимания общества и государства — «механистической» и «органической» [Там же, с. 214]. Механистическая (либеральная) традиция в оценке

политической власти и общества исходит из интересов индивида как автономной, не зависимой от других людей личности. Это идеология «гражданского общества». В этой традиции государство и общество противопоставлены друг другу. Государственная власть рассматривается в данном случае как своего рода арбитр, который следит за законностью конкурентных отношений между людьми. Государственная политика при либерально-демократическом строе представляет собой компромисс между интересами противостоящих друг другу социальных слоев, групп элиты и т. п. Формально-механистическому пониманию государства и общества И. А. Ильин противопоставляет «органический подход», согласно которому общество представляет собой «органическую сумму общих волей», единый живой организм, соединение на основе общих духовных смыслов людей и даже поколений, объединенных исторической памятью [Ильин, 2001, с. 214].

Заметим, что подобная трактовка социума подразумевает обоснование единства общества и государства. Консерватизм, в отличие от либерализма, не противопоставляет общество государственной власти, а провозглашает то же государство и общество. Государственная власть не просто воспринимается системообразующим фактором российского социума. Консерваторы идут гораздо дальше и пытаются представить государство и общество как две стороны единого целого.

Отношение евразийцев к свободе индивида в обществе определяется их концепцией симфонической личности. В более широком смысле «симфоническая личность» представляет собой неразделимое единство личности, общества, государства и церковной организации как различных ипостасей единого целого — «исторического бытия России-Евразии» [Евразийство, с. 20]. Состояние общества как «симфонической личности» характеризуется гармонией образующих данный социум индивидов и социальных групп. По мнению Л. П. Карсавина, свобода является необходимым условием социального творчества масс и поступательного развития общества [Карсавин, 2004, с. 110]. Гармония социального порядка возможна лишь при условии самореализации каждого гражданина как части «симфонической личности».

Таким образом, идеи Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина и евразийских идеологов объединяет взгляд на свободу личности как главную этическую и социальную ценность, защита которой становится главной задачей государства. Принципиальных различий по данному вопросу в работах указанных консервативных авторов не находим.

Следует заметить, что обоснование ценности индивидуальной свободы противопоставляет взгляды Тихомирова, Ильина и евразийцев подходу консерваторов-охранителей М. Н. Каткова, К. Н. Леонтьева и К. П. Победоносцева. По словам редактора «Московских ведомостей», «гражданская свобода требует ограждения, она нуждается для своего обеспечения в живой и твердой, правильно поставленной власти, вне которой свобода изменяет свою природу и превращается в насилие и разврат» [Тяпин, с. 259]. По убеждению К. Н. Леонтьева, отношения государства и личности могут строиться только на полном господстве государства и самодержавной власти над личностным началом

[Голиков, с. 254]. Леонтьев был сторонником неограниченного в своих полномочиях государства и считал, что греховную природу человека и проистекающие от нее социальные язвы сможет обуздать только жестокая деспотичная власть. Что же касается взглядов К. П. Победоносцева на проблему свободы личности, то философ Н. А. Бердяев не случайно определил мировоззрение Константина Петровича как «нигилизм на религиозной почве». Бердяев отмечал, что мироощущение Победоносцева отличало «неверие в объективную силу добра на земле, в смысл мировой истории, в непосредственную мощь самого Бога в земной общественности, неверие это и есть основа государственного позитивизма, обоготворения государственной власти» [Бердяев, 1996, с. 76]. Соответственно допущение даже минимального уровня гражданских и политических свобод Победоносцев считал губительным для социального порядка. Подозрительное, а подчас и резко отрицательное отношение к личным и политическим правам и свободам граждан стало одной из главных предпосылок идейного бессилия и последующего идеологического и политического краха реакционно настроенного крыла российского консерватизма, напрямую связанного с элитой самодержавной монархии.

Консерватизм разделяет христианский взгляд на изначальную греховность природы человека. А значит, предоставление человеку полной свободы, и духовной, и политической, по убеждению консерваторов, губительно как для самого человека, так и для общества в целом. Неограниченная свобода обернется разнузданной вседозволенностью, а на смену социально-политическому порядку придут хаос и разложение.

Однако консерваторы не являются противниками свободы в целом. Дело в том, что консерватизм всегда делал ставку на свободу духовную, на свободу личного выбора и ответственности, возможную, по словам К. Н. Леонтьева, и «в цепях», т. е., ценность внешней — социально-политической и юридической — свободы является для консерваторов либо сомнительной (так считают «охранители-реакционеры» К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев и др.), либо отступает на второй план после свободы внутренней и коррелируется с уровнем морального и интеллектуального развития личности. Таким образом, объем предоставляемых свобод соотносится с уровнем моральных, интеллектуальных, профессиональных качеств личности. Вторая точка зрения на свободу характерна для умеренных либеральных консерваторов, к числу которых следует отнести Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина и евразийцев.

В данном вопросе мировоззрение российских консерваторов соотносится с христианским учением о свободе религиозного самоопределения человека. Христианство признавало прежде всего ценность внутренней духовной свободы в принятии веры и следовании заповедям. При этом свободу личного религиозного опыта христианство совмещало с необходимостью подчинения государственной власти: «Богу — Богово, кесарю — кесарево» [Бердяев, 2006, с. 23].

Необходимость сочетания свободы и государственного принуждения, неизбежного при поддержании должного социального порядка, получила обоснование в консервативном тезисе о взаимообусловленности, взаимозависимости свободы и порядка.

Так, Л. А. Тихомиров отмечал, что власть, конечно, предполагает подчинение. Но если власть справедлива, то это подчинение оборачивается приобретением человеком порядка и свободы действия. В обществе без власти, без подчинения человек не свободен. Он всецело зависит от непредсказуемых внешних обстоятельств. В обществе же, где власть создает стройный порядок, человек может планировать свою деятельность, не боясь неожиданностей. Тихомиров обращал внимание на несостоятельность самого противопоставления власти и свободы в условиях социальной организации: «Государство представляет собой лучшую организацию разумной свободы — общественной и личной. Только в государстве может развиваться свобода и нравственная личность» [цит. по: Голиков, с. 254].

По убеждению И. А. Ильина, общественное зло проистекает не вследствие принуждения и диктата власти (как считал, например Л. Н. Толстой), а является свидетельством несовершенной природы большинства людей. «Безбожной и злой воле человека», по словам Ильина, опасно и глупо предоставлять полную свободу. «Общественная и политическая свобода, — указывал консервативный идеолог, — должны иметь свою меру и форму», обусловленные спецификой национального менталитета, типа общества и власти, своеобразием исторического опыта» [Ильин, 2007, с. 293–294]. Социально-политический строй должен развивать все лучшее, что заложено в природе человека, и одновременно бороться с разрушительными наклонностями многих индивидов.

Развивая идеи Л. А. Тихомирова, И. А. Ильин писал, что искусство настоящего государственного деятеля заключается в том, чтобы люди связывали свое будущее и возможность развития в настоящем с сильной государственной властью. Государство должно быть сильным, чтобы иметь возможность обеспечить каждому гражданину условия для свободного развития. Власть не должна тотально контролировать людей, но должна быть способна обеспечить правопорядок — необходимое условие общественного развития. Именно тогда, убежден мыслитель, граждане начнут в силу власти видеть гарантию своей свободы. Подобное отношение гражданской свободы и государственного принуждения призвано, по словам Ильина, обеспечить такое положение, при котором «свобода граждан будет верным и могучим источником государственной власти» [Там же, с. 265].

Приведенный выше взгляд на проблему взаимообусловленности социально-политического порядка и индивидуальной свободы разделяли и идеологи евразийства. Так, по мысли Н. Н. Алексеева, относительно соотношения порядка и свободы государства делятся на «нормоустроительные» и «правоустроительные» [Алексеев, с. 505]. В первую группу входят государства с тоталитарным политическим режимом, которые «издают нормы, предписывающие обязанности». Ко второй группе относятся государства либеральной демократии, которые «сводят до минимума деятельность нормоустроительную». По утверждению Алексеева, евразийское государство должно сочетать в себе достоинства этих двух типов. В этом случае за гражданином будет признаваться право свободы и самоопределения. Однако государство будет обязано не только обеспечить реализацию этой свободы, но и активно бороться с возможными

«антисоциальными последствиями ее осуществления» [Там же, с. 511]. Диалектика свободы и порядка предполагает, что принудительный характер многих действий государственной власти не должен подавлять личность. Силовой аппарат государства не ограничивает индивидуальную свободу, а является гарантией стабильности социума и защищенности индивида. Чем сильнее власть, тем стабильнее и прочнее общество, тем спокойнее и увереннее чувствует себя в нем гражданин.

Приведенная выше диалектика порядка и свободы является неотъемлемой особенностью политической программы российского консерватизма. Государственный порядок в консервативной социально-политической доктрине оценивается не как явление, подавляющее свободу человека, а как необходимое условие ее реализации. Свобода человека, по убеждению консерваторов, может быть обеспечена только в стабильном обществе, когда человек может планировать свой жизненный путь, не опасаясь социальных катаклизмов. Данный тезис обосновывался отечественными консерваторами в противовес либеральной социально-политической программе. Как известно, в учении либерализма поддержание социального порядка является задачей гражданского общества, т. е. задачей самих граждан, а не государственной власти, которая призвана лишь следить за законностью социальных отношений и обеспечивать оборону государства. Значительная доля государственного патернализма в консервативной идеологии, очевидно, объясняется учетом консерваторами исторического опыта России, который свидетельствует о том, что важнейшие задачи освоения, управления, защиты и модернизации страны решала государственная власть.

Необходимо отметить, что данное утверждение о взаимозависимости общественного порядка и свободы личности объединяет подходы Тихомирова, Ильина и евразийцев со взглядами консерваторов-«охранителей» Каткова, Победоносцева, Шарапова, Меньшикова и др. Однако консерваторы дореволюционной поры поддержание социального порядка однозначно связывали с монархическим строем. Так, М. Н. Катков писал, что «только по недоразумению думают, что монархия исключает народную свободу; на самом же деле она обеспечивает ее более чем всякий шаблонный конституционализм» [цит. по: Матюхин, с.36]. Консерваторы-«охранители» подчеркивали, что именно концентрация государственной власти в руках монарха, а не каких-либо иных властных институтов есть главная предпосылка свободной социальной жизнедеятельности общества. Катков указывал, что только при соблюдении принципа верховенства монархической власти, гражданская свобода не превратится во вседозволенность, а получит свое истинное, достойное человека воплощение. И. А. Ильин и евразийские авторы, являвшиеся свидетелями краха российского самодержавия, сохранение общественного порядка как условия свободного развития граждан с монархией уже не связывали. Они предпочитали избегать вопроса о конкретной форме правления в своих работах и программах, тем не менее характеризую государство как системообразующий фактор социума. К тому же для консерваторов-«охранителей» социально-политический порядок был абсолютной ценностью сам по себе. Условия жизни людей, положение каждой отдельной

личности в данном социуме как бы отходили на второй план. Устойчивая общественная организация с сильной монархией во главе была для Каткова, Леонова, Победоносцева своеобразным продолжением Божественного миропорядка. Л. А. Тихомиров, И. А. Ильин и евразийцы, наоборот, отмечали ценность социальной гармонии как средства, инструмента создания благоприятных условий жизни для максимально большего количества людей. На первый план здесь выступали потребности и интересы личности.

С проблемой соотношения свободы и порядка связана еще одна особенность консервативной политической доктрины — соотношение прав и обязанностей. Отечественная консервативная мысль отвергает принцип либерализма о примате прав над обязанностями и обосновывает главенство обязанностей над правами. Примат обязанностей, по утверждению консерваторов, есть специфическая особенность российского социума, сложившегося в особых исторических условиях.

Специфика и сложность российского исторического пути обусловили необходимость сильной, жесткой, а порой и жестокой центральной власти. Эта власть обеспечивала освоение обширных пространств с тяжелыми природными условиями и малым размером прибавочного продукта, а также организовывала защиту от постоянных внешних вторжений. В этих условиях государство было вынуждено закрепить все сословия, сильной рукой сплотить нацию на основе общей идеи для решения стоящих перед страной исторических задач. Крепостной строй, в том смысле, что любой подданный, независимо от социального статуса, являлся, по сути, рабом перед лицом высшей власти, стал нормой русской жизни. И естественно, что в этих условиях обязанности человека и его сословия перед государством (в лице верховной власти) получили преобладающее значение над правами. Причем права и привилегии предоставлялись самой верховной властью и только для облегчения несения обязанностей.

По убеждению Л. А. Тихомирова, главная задача человека в земной жизни — стремиться к нравственному идеалу, развивать свои творческие способности, заложенные Богом. Развитие личности, пояснял консерватор, это не право, не привилегия, а обязанность, долг каждого человека перед Богом и другими людьми. В монархическом государстве личность подчиняется монарху, признает верховную власть нравственного идеала, а значит, должна признать и свою обязанность развиваться, служить общему делу. Таким образом, право в монархическом государстве дается подданному как средство для исполнения своих обязанностей перед Богом, царем, народом. Тихомиров писал, что «человек, как существо разумное, нравственное и волевое, не есть первоисточное существо, не истекает из Божественного начала, которое поместило его в мире именно с миссией самостоятельно развивать данные ему духовные силы. Человек по природе это чувствует и твердо требует необходимой свободы и права тогда только, когда это необходимо для исполнения обязанности его миссии» [Тихомиров, с. 577].

Права необходимы, по словам Л. А. Тихомирова, «для выработки личности, способной к свободе» [Там же, с. 578]. Главная задача объединения усилий

власти и общества заключается в формировании социально активной, ответственной личности, гражданина, способного использовать предоставленную ему свободу для созидательной, общественно значимой деятельности, в воспитании подданного, с честью исполняющего свой долг перед страной. Тихомиров был уверен, что «уравновешенность прав обязанностями» дает личности подлинную свободу, безопасность и осознание своей социальной значимости и самооценности.

И. А. Ильин связывал примат обязанностей над правами прежде всего с нравственным аспектом, называя одним из важнейших качеств настоящего гражданина «умение превратить свою свободу в добровольную лояльность», т. е. посвятить свою жизнь служению нации, поставить свои обязанности перед обществом выше своих личных прав. По словам Ильина, каждый истинный гражданин России должен воспринимать свои обязанности как права, т. е. несение обязанности трактуется как возможность (право) внести свой вклад в общее дело. Права же должны восприниматься как обязанности в том смысле, что гражданин должен сознавать общественную значимость и последствия осуществления своих прав.

Обеспечение социального порядка и поступательное развитие общества должно обеспечить повышение уровня «правосознания» граждан. Поэтому строй «органической демократии», по мысли Ильина, должен характеризоваться обеспечением «живого контакта между юридической наукой и сознанием масс» [Ильин, 2001, с. 184]. Власть должна всячески способствовать распространению в обществе правовых знаний, обеспечивать изучение правоведения в школах в качестве одного из важнейших предметов, формировать в общественном сознании уважительное отношение к праву, в том числе и на личном примере. Ильин был убежден, что «право должно стать фактором жизни, мерою реального поведения, силою народной души» [Там же, с. 184]. В противном случае, предупреждал философ, развитие демократических институтов обернется либо анархией, либо установлением такого политического строя, в котором политическая элита будет умело манипулировать массовым сознанием в своих узко корпоративных интересах.

С обоснованием совместимости государственного порядка и свободы личности связано и положение евразийской идеологии о взаимообусловленности прав и обязанностей гражданина. Так, по словам Л. П. Карсавина, «конкретно и эмпирически сферы государства и индивида по содержанию своему не могут быть разграничены раз навсегда и абсолютно» [Карсавин, 1997, с. 198]. Это объясняется тем, что человек представляет собой неотъемлемую часть отождествленных общества и государства. Индивид как часть общества несет перед ним ответственность. Из этой принадлежности индивида целому и вытекают его обязанности. Часть априори не может быть важнее целого. Поэтому и обязанность важнее права.

Другой евразиец, Н. Н. Алексеев, в своей статье «Обязанность и право» обосновал традиционную для российского консерватизма идею о приоритете обязанностей над правами. Однако явный примат обязанности, характерный для взглядов консерваторов-монархистов (Каткова, Победоносцева, Тихомирова) в концепции Алексеева несколько смягчается в понятии «правообязанность».

Идеолог евразийства писал, что в этом понятии заключается «внутреннее органическое сочетание прав и обязанностей, когда право, так сказать, пропитывается обязанностью, а обязанность правом» [Алексеев, с. 158].

Правовая доктрина отечественного консерватизма утверждает, что обязанность следует понимать как право, как возможность осуществления обязанности (налоговой, военной и т. д.), как возможность принести пользу обществу и государству. Право же следует понимать как обязанность, т. е. при реализации своих прав и свобод гражданин должен учитывать общественные последствия своих действий. Тем самым снимается противоречие между интересами человека и общества, между свободой личности и общенациональными задачами.

В отличие от указанных консервативных авторов, консерваторы-«охранители» Катков, Леонтьев, Победоносцев и другие были сторонниками тезиса о том, что наличие обязанностей у подданных отрицает необходимость наделяния их правами. В качестве доказательства этого положения можно привести известное высказывание М. Н. Каткова о том, что подданные российского императора «имеют нечто лучшее, чем права, — они имеют обязанности» [Катков, с. 221]. К. Н. Леонтьев, в свою очередь, утверждал, что «Божественная истина Евангелия земной правды не обещала, свободы юридической не проповедовала, а только нравственную духовную свободу, возможную и в цепях» [Леонтьев, с. 128]. Тем самым консерватор показывал опасность для социального спокойствия сословного строя наделяния граждан равными правами. Также скептически к возможности предоставления гражданам политических прав относился и К. П. Победоносцев [см.: Гусев, с. 82]. Наделив граждан избирательными правами, считал обер-прокурор Синода, самодержавная власть лишится своей политической монополии в обществе, потеряет рычаги управления и контроля над различными сферами общественной жизни. Эти факты могут привести к развалу многонационального и многоконфессионального государства, особенно в условиях капиталистической модернизации, когда логика общественного развития заключается в разложении сословного строя, потере дворянством статуса экономической и политической элиты, усилении общественной роли нарождающейся буржуазии и интеллигенции, которые в массе своей настроены антимонархически [см.: Русский консерватизм, с. 296].

Итак, характерной особенностью социально-политической доктрины российского консерватизма является своеобразная трактовка отношений личности и государства. Взгляды ведущих консервативных идеологов в принципиальных положениях по данному вопросу совпадают. Конечно, различные аспекты подходов отдельных консерваторов могут значительно расходиться. Как было отмечено выше, это связано с особенностями мировоззрения того или иного консерватора, а также обусловлено историческими реалиями, свидетелем которых был тот или иной консервативный автор. Тем не менее можно выделить общие подходы отмеченных в исследовании консерваторов в трактовке проблемы отношений личности и государства.

Главной особенностью консервативного подхода к решению данной проблемы является стремление консервативных авторов обосновать отсутствие противоречий между личностью и государством. Российские консерваторы

подвергали критике тезис либеральной идеологии о неизбежном антагонизме интересов личности и государства. Защиту и реализацию прав и интересов каждого гражданина консервативные авторы ставили в зависимость от степени стабильности социального порядка, который создается сильной государственной властью в интересах всех граждан. В трактовке либерализма первичен индивид. Его права и свободы провозглашаются главной ценностью. Общество формируется как совокупность свободных индивидов, связанных между собой лишь юридическими обязательствами. По утверждению либералов, общество вторично по отношению к индивиду и не может спрашивать с него больше, чем предписано законом. Консервативный же взгляд на данный вопрос соответствует традиционалистскому пониманию проблемы «человек — общество». Личность провозглашается консерваторами неотъемлемой частью общества, органично с ним связанной. Причем связь людей в общество, по утверждению консервативных авторов, осуществляется не столько формальными юридическими нормами, сколько общими, разделяемыми всеми религиозными, этическими, национальными смыслами. Индивидуальностью человек может стать только в обществе, по-своему воплощая в жизнь общие для всех мировоззренческие и социально-политические установки. Поэтому объединяющее индивидов и социальные группы в единый социум государство выступало в работах консерваторов системообразующим фактором общества.

Считая государство ядром социума, умеренные либеральные консерваторы (Л. А. Тихомиров, И. А. Ильин, евразийцы Н. С. Трубецкой, Н. Н. Алексеев, Л. П. Карсавин) тем не менее провозглашали свободу личности главной социальной и этической ценностью. Обеспечение свободы граждан эти консервативные авторы считали главным условием социального прогресса. Только по-настоящему свободная личность может быть ответственна за свои действия перед обществом и государством [см.: Шамшури, с. 69].

Задача создания условий для свободного творчества и самореализации индивидов ложится на государство. С указанной задачей в программе консерватизма соотносилась степень влияния государства на различные сферы общественной жизни. Государство, указывали консерваторы, призвано быть сильным, потому что только сильное государство будет способно обеспечить устойчивый и поступательно развивающийся социально-политический строй. От степени устойчивости и потенций развития данного строя зависит, как будут чувствовать себя граждане, насколько полно они смогут соотносить свои планы на будущее и возможности самореализации с данной социально-политической моделью. Тем самым российские консерваторы подчеркивали, что свобода и перспективы развития личности не находятся в противоречии с властью, не умаляются силой государственного аппарата принуждения. Только стабильный социальный порядок способен обеспечить защиту и реализацию прав и свобод личности каждого гражданина.

Взгляд на индивида как неотъемлемую часть целого (общества и государства) обусловил и такую характерную особенность социальной доктрины консерватизма, как приоритет обязанностей над правами. Согласно взглядам российских консерваторов, поскольку человек — часть общества, то и его

обязанности перед целым являются первичными. Права же ему предоставляются либо как средство для исполнения тех же обязанностей, либо зависят от уровня морального и интеллектуального развития индивида. Анализируя социально-политический строй западных либеральных демократий, идеологи консерватизма подчеркивали, что приоритет прав (объемом которых определяется характер обязанностей и степень ответственности) оборачивается вседозволенностью, разрушением социальной структуры, порождает многочисленные конфликты и столкновения между людьми, социальными слоями и группами. Приоритет обязанностей делает общество более устойчивым, нейтрализует причины социальных конфликтов.

Отмеченные выше особенности консервативной трактовки отношений личности и государства указывают на стремление консервативных авторов связать интересы личности с общенациональными целями. Интересы государства и общества, если они направлены на создание справедливого общественного строя, не могут противоречить интересам отдельной личности. Личность и государство должны сотрудничать, а не противостоять друг другу. Консервативные авторы, формулируя взаимозависимость социального порядка и свободы, взаимообусловленность прав и обязанностей граждан, стремились обосновать единство целей личности и государства. Эти общие цели, по убеждению консерваторов, заключались в организации справедливого общественного порядка, в проведении национально ориентированной модернизации, в отстаивании общенациональных интересов и решении стоящих перед страной исторических задач. Личность и государство как бы отождествлялись через эти общие цели, противоречия между общим и частным должны были отступить на второй план перед задачей достижения общенационального идеала.

Алексеев Н. Н. Обязанность и право // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2003. С. 157–161.

Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2003. С. 375–578.

Бердяев Н. А. Русская идея // Бердяев Н. А. Самопознание : сочинения. М., 2006. 613 с.

Бердяев Н. А. Нигилизм на религиозной почве // К. П. Победоносцев: pro et contra. Личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение Константина Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / вступ. ст., сост. и примеч. С. Л. Фирсова. СПб., 1996. С. 74–79.

Голиков А. К. Государство и личность в социально-философских концепциях русского консерватизма (К. Леонтьев, Л. Тихомиров) // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 1. С. 247–260.

Гусев В. А. Русский консерватизм: основные направления и результаты развития. Тверь, 2001. 332 с.

Евразийство: опыт систематического изложения // Савицкий П. Н. Континент Евразия / сост. А. Г. Дугин. М., 1999. С. 6–126.

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи / под ред. О. А. Платонова. М., 2007. 399 с.

Ильин И. А. Учение о правосознании // Ильин И. А. О воспитании национальной элиты / сост. Т. Ю. Лисица. М., 2001. С. 187–245.

- Карсавин Л. П.* Основы политики // Мир России — Евразия : антология / сост. Л. Новикова, Н. Сиземская. М., 2004. С. 98—121.
- Карсавин Л. П.* Феноменология революции // Русский узел евразийства : антология / сост. М. А. Маслин. М., 1997. С. 188—199.
- Катков М. Н.* Имперское слово. М., 2002. 476 с.
- Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство : сочинения. М., 2007. С. 121—289.
- Маркелов Е. В.* Пути исканий русской интеллигенции: оформление охранительной концепции М. Н. Каткова // Обозреватель — Observer. 1996. № 10—12. С. 104.
- Матюхин А.* Личность, общество и государство политической философии русского консерватизма // Обозреватель — Observer. 2005а. № 5. С. 98—107.
- Матюхин А.* Традиция «государственников» в русском консерватизме // Обозреватель — Observer. 2005б. № 9. С. 36—44.
- Колесниченко Ю. В.* Опыт евразийства: тема личности в отечественной философии // Вестн. МГУ. Сер. 12, Социал.-полит. исслед. 1994. № 1. С. 71—78.
- Кржегов В. С.* Социально-политическая концепция евразийства и проблема поиска надежных основ интеграции общества // Вестн. МГУ. 2005. № 4. С. 76—111.
- Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика* / Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская, К. Ф. Шацилло ; отв. ред. В. Я. Гросул. М., 2000. 378 с.
- Сухов А. Д.* Социально-философские воззрения евразийцев // Философия и общество. 1998. № 1. С. 173—190.
- Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность / вступ. ст. С. М. Сергеева. М., 1998. 805 с.
- Тягин И. Н.* М. Н. Катков и его философия истории // Социал.-гуманитар. знания. 2005. № 2. С. 97—105.
- Шамиурин В. И.* Консерватизм о человеке и свободе // Человек. 2003. №1. С. 65—72.

Статья поступила в редакцию 15.11.2011 г.

УДК 94(510-265.72) + 347.441.87(510-265.72)

К. Г. Муратшина

ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ: УЗЛЫ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Южно-Китайское море в последнее время становится территорией столкновения интересов. Почти все государства, имеющие береговую линию и соответственно исключительную экономическую зону, находятся в состоянии противоречий с КНР, претендующей на острова Спратли и большую часть морского пространства. Рассматривается конфликт интересов в его динамике; делается попытка охарактеризовать перспективы развития ситуации. Проблема исследуется на материале значительного числа источников, среди которых дипломатические документы, а также российская, китайская и тайваньская публицистика.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Китай; Южно-Китайское море; Спратли; спорные территории.

Южно-Китайское море, в котором в 70-е гг. прошлого века произошел конфликт с применением силы при взятии Китаем под свой контроль Парасельских островов, в последнее время становится территорией столкновения интересов.

Почти все государства, имеющие береговую линию и соответственно исключительную экономическую зону, находятся в состоянии противоречий с КНР, претендующей на острова Спратли и большую часть морского пространства, если не сказать, что на все море. В 2011 г. особенно обострились противоречия КНР с Вьетнамом, Филиппинами, Малайзией, Брунеем и Тайванем.

Прежде всего надо отметить, что подобных масштабных очагов противоречий, как в Южно-Китайском море, в мире пока не было. Предмет спора — более 200 островов, атоллов и рифов, большей частью необитаемых. Эти острова (будем называть их так) дальше всего находятся от Тайваня: северная граница их расположения удалена более чем на 1 тыс. км, от Китая — 900 км от острова Хайнань. От Вьетнама западная граница островов отстоит на 450 км, южная граница находится в 240 км севернее Брунея, восточная — в 180 км от Малайзии и в 100 км от филиппинского острова Палаван. Если учесть, что максимальная ширина морской исключительной экономической зоны государств составляет 200 морских миль (370 км), то видно, что часть островов Спратли попадает в экономические зоны Филиппин, Малайзии, Брунея.

Согласно ст. 56 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., прибрежное государство в исключительной экономической зоне имеет «суверенные права в целях разведки, разработки и сохранения природных ресурсов, как живых, так и неживых, на морском дне и в его недрах», а также «управления этими ресурсами», «разработки указанной зоны», «создания и использования искусственных островов» и т. д. [Конвенция ООН по морскому праву]. Ст. 59 Конвенции определяет и пути разрешения возникающих конфликтов «на основе справедливости и в свете всех относящихся к делу обстоятельств, с учетом важности затронутых интересов для каждой из сторон, а также для международного сообщества в целом» [Там же]. Однако Пекин стоит на позиции, что Китай исторически имеет суверенные права как на расположенные в Южно-Китайском море острова, так и на прилегающие морские акватории. Как написала в июле 2011 г. газета «Хуаньцю Шибяо», выражающая официальную точку зрения властей, «Китай обладает неоспоримым суверенитетом над островами Сиша, Наньша и прилегающей к ним акваторией Южно-Китайского моря. Китайская сторона имеет на это достаточные исторические и юридические основания» [Визит адмирала].

Можно предположить, что обострение противоречий связано с ростом экономики Китая, все более нуждающейся в природных ресурсах и дешевых перевозках товаров морскими маршрутами. По разным оценкам, Южно-Китайское море содержит залежи нефти до 30 млрд т и газа — до 1 трлн м³. Несмотря на ухудшающуюся экологическую обстановку, море богато рыбой и другими видами биоресурсов. Кроме того, спорные острова находятся в средней части моря, на перекрестье морского грузопотока, почему они и важны для контроля судоходства, а также воздушных путей. Во время Второй Мировой войны на некоторых островах располагались части японской армии, склады топлива и пункты захода подводных лодок. С этой точки зрения обладание островами дает возможность эффективно использовать их для военных целей, а также контроля Малаккского, Зондского проливов и пролива Баши.

По утверждению вьетнамской стороны, именно китайские военные спровоцировали нынешнее обострение проблемы с Вьетнамом: китайские военные катера вошли в территориальные воды Вьетнама вблизи архипелага Спратли (китайское название — Наньша) и вывели из строя находившееся на дне оборудование исследовательского судна, изучавшего сейсмическое состояние поверхности морского дна [см.: О консультациях...]. После этого началась серия протестов с обеих сторон, а также протестные демонстрации вьетнамцев в Ханое и Хошимине у китайских дипломатических миссий. Вьетнам обвинил КНР также в демонстрации военной силы, выразившейся в концентрации войск в приграничных китайских районах. Минобороны КНР ответило в официальном заявлении, что «командованием Гуанчжоуского военного округа были проведены рутинные учения» [Опровержение...]. Ранее, в июне 2011 г., Вьетнам обвинил Китай в том, что он препятствует проведению геологоразведочных работ на нефтегазовом месторождении неподалеку от острова Сиша. Китай же заявил, что китайские рыболовецкие суда, ведущие промысел в этих водах, были изгнаны вьетнамскими военными кораблями. Ханой провел военные морские учения недалеко от острова Наньша и принял Декрет о порядке военного призыва в случае обострения конфликта с Китаем. Одновременно в Ханое и Хошимине состоялись демонстрации против «запугивания» со стороны Пекина [О ситуации...].

В конце августа 2011 г. в Пекине состоялась встреча министра обороны КНР Лян Гуанле и заместителя министра национальной обороны СРВ Нгуен Чи Виня, в результате которой, как говорилось в сообщении для СМИ, стороны договорились предотвращать «внешние провокации, которые могут осложнить отношения между странами, а также подчеркнули свое намерение учитывать общие стратегические интересы, интересы мира и стабильности, упрочивать их путем развития связей и консультаций» [О путях решения...]. Пятидневный визит генерального секретаря ЦК компартии Вьетнама Нгуен Фу Чонга в Пекин в октябре 2011 г. способствовал дальнейшему урегулированию проблемы, хотя китайские эксперты посчитали, что визит «будет иметь лишь ограниченное влияние на устранение напряженности в Южно-Китайском море... Необходимы длительные переговоры на основе взаимного уважения и доверия» [О визите...].

В июне 2011 г. оборонное ведомство Филиппин потребовало от КНР прокомментировать установку в районе спорных территорий опознавательных буев. Представитель МИД КНР заявил, что деятельность китайских компаний, занимающихся исследованиями в Южно-Китайском море, является «совершенно нормальной... законной, так как исследования проводятся на подконтрольной КНР территории» [Брифинг в МИД КНР]. Филиппины предложили решить вопрос о спорном архипелаге Спратли через Международный трибунал ООН по морскому праву, чем вызвали негативную реакцию Пекина, выступающего против попыток «интернационализации проблемы». Интересно, что «Хуаньцю Шибао» интерпретирует протесты во Вьетнаме и на Филиппинах, где губернатор одной из провинций Джой Сальседа предложил ввести бойкот на китайские товары, не как антикитайские по своей природе, а как поддержку суверенитета своих стран [О ситуации].

В июле 2011 г. КНР предложила Тайваню совместно отстаивать китайский суверенитет над спорным архипелагом. Но Тайбэй ответил, что полон решимости защищать свои собственные интересы в этом вопросе. «Мы не уступим никому в этом территориальном вопросе, и в частности не будем взаимодействовать с КНР для достижения какого-либо компромисса по Спратли», — процитировала слова заместителя главы оборонного ведомства Тайваня Эндрю Яна газета «Taipei Times» [No cooperation with PRC]. Заявление военного чиновника прозвучало после того, как группа преподавателей и студентов Тайваньского национального океанографического университета совершила на военном корабле туристическую поездку к самому крупному острову архипелага Тайтин (Иту Аба), на котором Тайвань имеет взлетную полосу для самолетов.

Попытки решить проблему совместными усилиями государств региона пока не принесли значительных успехов. В 1992 г. была принята Манильская декларация по Южно-Китайскому морю, которая призвала в целях обеспечения безопасности и стабильности ориентироваться на мирное урегулирование споров. Она невольно способствовала интернационализации проблемы, вовлечению в ее обсуждение новых участников, в том числе США, считающих Юго-Восточную Азию зоной своих интересов. В 2002 г. в Пномпене была подписана Декларация о принципах деятельности в Южно-Китайском море. Однако эти документы носят рекомендательный характер и не являются обязательными для выполнения. Кроме того, в Китае еще в 1992 г. был принят собственный официальный документ о территориальном море и прилегающей зоне, в котором территорией КНР назывались, кроме материковой части, Тайвань и иные «отторгнутые» у нее острова, включая Сэнкаку, Пескадорские и Парасельские острова, Пратос и Спратли. Некоторое время спустя была выпущена карта, из которой следовало, что Китай претендует на все Южно-Китайское море и значительные территории на суше по периметру своих границ.

Позиция Китая по Южно-Китайскому морю не меняется. Не принимая во внимание документы, принятые мировым сообществом и азиатскими государствами, и считая свое право на море и острова исторически неоспоримым, Китай предлагает партнерам мирные переговоры на двусторонней основе, без привлечения международных организаций и интернационализации проблемы.

В докладе Минобороны США конгрессу за 2010 г. такая позиция оценивается как националистическая, как стремление Китая усилить свое военное присутствие на стратегически важных транспортных путях. «Китай обеспечит себе таким образом, — говорится в документе, — удобные позиции для применения силы, для блокировки вероятного противника и для разведывательных целей. Он сможет контролировать ключевые морские пути в регионе, через который проходит около 50 % мировых торговых морских перевозок». Кроме того, в докладе говорится о возможном размещении в районе острова Хайнань китайской вооруженной группировки, состоящей из подводных лодок, военных кораблей и — в перспективе — авианосцев. «В этом случае Китай сможет осуществлять стратегическое патрулирование всего моря. Это нарушит шаткое равновесие в регионе» [Military and Security].

В 2011 г. США заявили о своей поддержке позиции Филиппин по проблеме, в июле этого года провели совместные военные маневры с Японией и Южной Кореей. В ходе визита в Пекин в июле 2011 г. глава Объединенного комитета начальников штабов ВС США адмирал Майк Маллен сделал два заявления: во-первых, о том, что США «не откажутся от региона» и, во-вторых, что «Китай должен нести ответственность за стабильность в регионе» [Визит адмирала...].

Оба заявления и маневры были негативно восприняты в КНР. Еще до визита М. Маллена в газете «China Daily» профессор Школы политологии и государственного управления при Гуандунском океаническом университете Гун Цзяньхуа обвинил США в том, что они «пытаются сдержать рост Китая и сохранить свою гегемонию в АТР». Он отметил, что для Китая представляет также сложность в данном вопросе АСЕАН и альянс США — Япония. Китайский эксперт осудил привлечение АСЕАН к спорам вокруг Южно-Китайского моря и обвинил эту организацию в активизации проблемы. «Вьетнам, Филиппины и некоторые другие страны стали использовать эту группировку. Координируя через нее свои позиции, для того чтобы “говорить хором” и добиваться стратегических преимуществ в отношении Китая». Он подчеркнул, что Китай настаивает на мирном урегулировании споров, но «агрессивные действия некоторых государств АСЕАН привели к активизации противоречий». Профессор Гун обосновывает позицию Китая в проблеме Южно-Китайского моря обусловленной двумя целями: «Во-первых, Китай является большой страной, но не является грозной морской державой. Хотя китайская экономическая зона и континентальный шельф являются обширными, а прибрежные линии вдоль материка и островов весьма длинные, они невелики в перерасчете на душу населения. Имея фактический контроль лишь над небольшим количеством спорных островов, Китай испытывает нехватку доступа в Мировой океан; во-вторых, не обладая внушительным флотом и не уделяя достаточного внимания морским интересам, Китай находится в невыгодном положении. Для того, чтобы стать влиятельной силой, Китаю надо превратиться из материковой державы в морскую» [Sea dispute].

На наш взгляд, подобные аргументы в споре опасны: они слишком приближаются к небезызвестной концепции жизненного пространства. Мысль о безответственном раздувании противоречий высказал официальный представитель МИД КНР Хун Лэй в статье «Пекин предостерегает против осложнения вопросов о Южно-Китайском море»: «Нынешняя ситуация в Южно-Китайском море сложилась из-за односторонних действий, предпринятых некоторыми странами, наносящими ущерб суверенитету Китая и его морским интересам. Вот что является корнем проблемы» [Keep Sea issue simple].

Общественные настроения в Китае целиком поддерживают официальную позицию и мнение китайских экспертов. Более того, можно сказать, что проблемы в Южно-Китайском море китайское общество считает необходимым решить более радикально. Недавний интернет-опрос газеты «Хуанцю Шибэо» показал, что только 13,6 % респондентов считают переговоры лучшим путем решения споров, в то время как 82,9 % предлагают «военные действия». В статье «Публика требует жесткой линии в Южно-Китайском море» «Global Times»

(англоязычная версия «Хуаньцю Шибао») приводит мнения видных ученых по проблеме. Директор Центра исследования проблем ЮВА Чжан Готу считает: «Экономики этих стран глубоко зависят от Китая; если произойдет эскалация напряженности, они пострадают больше всех». Цитируются слова директора Центра международных исследований при Университете Цинхуа Яна Сюетуня: «Заинтересованные страны должны стремиться к мирному сосуществованию с Китаем, имея в виду, что агрессивность и оскорбительное поведение могут быть наказаны... Поддержание региональной стабильности через попустительство не ведет к долговременному решению. Оно должно сопровождаться наказанием». А эксперт по международным отношениям АОН КНР Е Хайлинь предложил Китаю «провести красную линию в Южно-Китайском море и сделать ясным для всех, что пересечение этой линии наказуемо» [Public want tough line].

Итак, подведем итоги.

Китай, в силу своего растущего экономического и военного потенциала и представлений о своем месте в мире, определенных также древнекитайской геополитической концепцией, не намерен изменять своего взгляда на Южно-Китайское море как собственную суверенную территорию.

Общественное мнение в КНР не просто поддерживает такую позицию, оно настроено более радикально и предлагает воспользоваться силой для решения проблемы.

Такой подход КНР к территориальным спорам и отстаивание претензий на острова другими государствами ведут к нарушению стабильности в регионе и милитаризации моря.

За развитием противоречий, дестабилизацией и милитаризацией неизбежно следует рост антикитайских настроений в странах, являющихся сторонами спора, в регионе (подобная проблема существует у КНР и Японии в Восточно-Китайском море) и в мире в целом.

Брифинг в МИД КНР // Вестн. Азия ИТАР-ТАСС. 2011. 2 июня.

Визит адмирала М. Маллена // Там же. 11 июля.

Конвенция ООН по морскому праву [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml (дата обращения: 9.11.2011).

О визите генсека ЦК Компартии Вьетнама // Вестн. Азия ИТАР-ТАСС. 2011. 13 окт.

О консультациях по проблеме Южно-Китайского моря // Там же. 27 июля.

О путях решения спорных вопросов Южно-Китайского моря с СРВ // Там же. 30 авг.

О ситуации в Южно-Китайском море // Вестн. Азия ИТАР-ТАСС. 2011. 15 июня.

Опровержение Министерства обороны // Там же. 9 августа.

Keep Sea issue simple, says Beijing // Global Times. 2011. June 15th.

Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2010 [Electronic resource]. Annual Report to Congress. URL: http://www.defense.gov/pubs/pdfs/2010_CMPR_Final.pdf (дата обращения: 30.09.2010).

No cooperation with PRC on Spratlys: official // Taipei Times. 2011. July 20th.

Public want tough line in S. China Sea // Ibid. June 20th/ 2011.

Sea dispute a real test for China // China Daily. 2011. June 8th.

Статья поступила в редакцию 30.06.2011 г.

МЕЖДУ ГАРМОНИЕЙ И АЛГЕБРОЙ: О ТОЧНОСТИ НЕТОЧНЫХ НАУК

УДК 77.03/.08(470.54) + 256(470.54) + 930.2

Е. М. Главацкая

ФОТОДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ОПЫТ АТРИБУЦИИ, КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

Рассматриваются вопросы привлечения фотодокументов в качестве источников по истории религиозных изменений на территории Урала. Проводится атрибуция и критический анализ фотопластин 1920-х гг. из коллекции известного уральского фотографа Л. М. Сурина. На основе использования зарубежных методик анализа фотодокументов в контексте с имеющимися письменными источниками делается вывод о том, что представленные фотодокументы являются не только источниками по этнографии ненцев и манси, но и свидетельствами политической истории России в 1920-е гг., когда народы Севера могли относительно безбоязненно демонстрировать свою традиционную религиозность. Предлагаются принципы научного использования и цитирования фотоматериалов при их публикации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фотография как источник; религиозный ландшафт; Полярный Урал; шаман.

Одной из характерных черт современной историографии является стремление расширить круг источниковой базы, в том числе за счет подключения визуальных документов. Процесс этот осложняется тем, что в рамках классической истории был создан своеобразный культ письменного текста, который всегда ценился выше любого другого источника. Между тем даже «классические» историки периодически испытывают острую потребность в визуализации вербальных реконструкций исторических процессов и феноменов. И вот тогда, в своем стремлении подобрать «картинку» к написанному тексту, историк, трепетно относящийся к письменному источнику, осознанно или нет, легко производит с визуальным документом такое, что никогда себе не позволил бы совершить в отношении письменного. Попытки вульгарного иллюстрирования

истории неизбежно приводят к тому, что визуальные документы вырываются из контекста времени, пространства и культуры, их не подвергают критическому анализу, не оформляют ссылки на место хранения, неаккуратно цитируют, допуская хронологические и географические нелепости. Здесь следовало бы привести конкретные примеры, но, как говорится, им нет числа, и имя им «легион», и, что самое неприятное, я сама, увы, не раз оказывалась среди «легионеров»... Справедливости ради следует отметить, что археологи и этнографы, привыкшие работать с альтернативными письменными источниками, редко совершают такое «насилие» над визуальным документом, но и они чаще всего используют его именно в качестве иллюстрации к тексту.

Только в последнее время к визуальному документу, и прежде всего к фотографии, стали относиться именно как к источнику, требующему критического анализа, разработанной методики использования и интерпретации. И если в зарубежной науке сложилась довольно обширная литература по этому вопросу, отечественная историография представлена лишь небольшим количеством исследований, тематика которых связана в первую очередь с историей политической¹. Что касается отечественной антропологии, социальной и этнической истории, то использование фотографии в этих областях делает только свои первые шаги.

Такое отставание в привлечении фотодокументов в качестве источников и неразработанность методов их критического анализа объясняются слабым знанием этого вида источников и сложностью доступа для исследователя, а в первую очередь — культом письменного источника.

На мой интерес к фотографиям начала XX в. повлияло участие в международном проекте по изучению материалов Приполярной переписи 1926/27 г.² В ходе этого проекта были выявлены и оцифрованы первичные материалы переписи, среди которых был и значительный корпус фотодокументов — стеклянных негативов из собрания Красноярского краеведческого музея (всего более 4 тыс. единиц). Эти уникальные свидетельства повседневной жизни народов Восточной Сибири были оцифрованы и сейчас доступны для исследователей в рабочем режиме на сайте Британской библиотеки³. Кроме того, руководители проекта подготовили основательную статью по обнаруженным фотоматериалам [см.: Anderson, Campbell, p. 1–42].

Что касается документов, выявленных в Екатеринбурге, то они также были отчасти оцифрованы, а электронные копии переданы хранителям оригиналов — ГАСО и Музею писателей Урала. Кроме того, в ходе работы над проектом в 2005 г. было обнаружено 175 стеклянных фотопластин в Тобольске, которые, к сожалению, сразу отсканировать не удалось по техническим причинам. Беспокойство за их судьбу при этом осталось. Стекло само по себе является хрупким носителем, а на ряде пластин уже имелись следы неблагоприятного воз-

¹ Историографию вопроса см.: [Магидов]

² «Archival and Living Transcripts» поддержан Британским советом по гуманитарным исследованиям, грант № В/RG/AN9129/APN16283.

³ URL:<http://www.arts.ualberta.ca/vcr/eap016> (дата обращения: 23.08.2011).

действия внешней среды, повлекшее окисление, коррозию и осыпание эмульсионного слоя; к некоторым стеклам прилипли фрагменты конвертов, в которых они находились. Кроме того, была еще и опасность их утраты в процессе предполагавшегося переезда коллекции, поскольку здания музея планировали вернуть церкви. Для проведения работы по оцифровке коллекции была подготовлена заявка на грант в Британскую библиотеку, которая получила поддержку в 2010 г. [См.: *Endangered...*]. К настоящему времени уникальные фотоматериалы по этнографии народов Западной Сибири, созданные сотрудниками Тобольского губернского музея (современное название — Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, ТИАМЗ), переведены на электронные носители и в скором времени должны стать доступны исследователям.

Среди 786 фотопластин из коллекции ТИАМЗ наибольший интерес представляют фотодокументы, созданные во время экспедиций В. Н. Пигнатти и Б. Н. Городкова на р. Конду в 1910 г.; Л. Р. Шульца, Б. Н. Городкова и Г. И. Лебедева на р. Салым в 1911 г.; Г. М. Дмитриева-Садовникова и Б. Н. Городкова на р. Вах в 1912 и 1913 гг.; Н. А. Варпаховского и Б. Н. Городкова на р. Полуи в 1914 г. и др. Безусловно, с большинства пластин в свое время были сделаны отпечатки, которые, согласно сложившейся традиции, были оформлены в фотоальбомы. Часть этих фотографий была успешно введена в научный оборот [см.: Салымский край; Перевалова, с. 121—134].

Однако стеклянные негативы представляют собой все-таки первоисточник, а фотоотпечаток — всего лишь его копию. При этом качество копии (фотографического отпечатка) зависит от экспонирования, использованных химических материалов и, главное, условий хранения. За годы своего существования они, как правило, утрачивают яркость и четкость изображения. Наконец, копия, сделанная с фотоотпечатка, не дает возможности такого значительного увеличения изображения, какое достигается при работе с цифровым изображением, сделанным непосредственно с фотопластины. Таким образом, стеклянные негативы представляют собой хотя и уникальный, тем не менее сложный для работы вид первоисточника, требующий привлечения дополнительных технологий.

Материалы из собрания ГАСО, оцифрованные в 2006 г., отчасти уже были использованы при реконструкции религиозного ландшафта Урала начала XX в. [см.: *Glavatskaya*, р. 205—220]. Обращение к ним в рамках данной статьи связано с потребностью обсудить предлагаемые подходы и методы анализа, формы научного цитирования данного вида источников, а также перспективы расширения научного оборота фотографических документов.

Среди коллекций фотодокументов, хранящихся в ГАСО, большой интерес представляет собрание Л. М. Сурина. К сожалению, в отличие от фотодокументов ТИАМЗ, которые являются частью обширного комплекса, включающего письменные свидетельства, они поступили значительно позднее времени своего создания и не имеют непосредственно относящегося к ним письменного блока. Однако мы все-таки имеем возможность поместить их в определенный исторический контекст с высокой степенью аккуратности. Дело в том, что в коллекции есть фотодокументы о жизни народов Севера, датированные 1926-м

или просто 1920-ми годами. 1926—1927 гг. ознаменовались беспрецедентным по своим масштабам и значению событием в истории изучения народов Севера — проведением Приполярной переписи.

Это была не просто перепись, а настоящая экспедиция на Север, сотрудники которой должны были, продвигаясь на оленьих упряжках по намеченному заранее маршруту, подробно описать каждое «туземное» хозяйство, его состав, экономику и быт, детали материальной культуры и духовной жизни северян. Ничего подобного никогда не предпринималось ни одной из стран мира. Ценность исследования заключалась и в том, что оно проводилось в период, когда социалистические преобразования еще не коснулись народов Севера и они во многом сохраняли традиционный образ жизни. В подготовке этой переписи на территории Северо-Западной Сибири приняли участие видные исследователи Тобольского Севера: А. А. Дунин-Горкавич, Б. Н. Городков, В. М. Новицкий, Р. П. Митусова и мн. др. Во главе Уральской экспедиции, в чьи задачи входила регистрация населения Северо-Западной Сибири, стоял Леонид Рудольфович Шульц — заведующий Тюменским музеем. Официально работа Уральской экспедиции началась 26 ноября 1926 г. и продолжалась почти полгода, до апреля 1927 г. [см.: Главацкая, с. 194].

Задачей переписчиков было не только зарегистрировать жизнь народов Севера в мельчайших деталях, но и произвести фотосъемку. И здесь надо иметь в виду, что в отличие от предыдущих регистраций, при которых ставка делалась на информацию, полученную от представителей «инородческих» органов управления, члены экспедиций Приполярной переписи должны были собрать первичную информацию именно от самого населения. Возможно, такой же подход применялся и при фотосъемке: она делалась, хотя бы отчасти, с позиций не только фотографа, но и тех, кого снимали. Согласно отчету, представленному руководителем Приполярной переписи по Уральской области Л. Р. Шульцем, в Уральское статистическое управление было сдано 257 фотографий, сделанных во время переписи. К сожалению, мы не располагаем пока информацией о том, кто именно сделал эти снимки, известно только, что в Уральской экспедиции Приполярной переписи приняли участие по крайней мере трое фотографов, которые разделили все трудности работы вместе с регистраторами. Журналист областной газеты «Уральский рабочий» Юркевич был официально послан сопровождать экспедицию; другой, П. Бржезинский, юрист, сосланный в Сибирь, согласно отчету Л. Шульца, получил ожог магнием во время фотосъемки [см.: Главацкая, с. 192—193]. Третьим, вполне вероятно, мог быть Леонид Сурин, фотокорреспондент «Уральского рабочего», чьи фотоснимки регулярно появлялись на страницах областной газеты. Именно он осуществлял фотосъемку всех главных событий, происходивших на Урале в 1920—1940-е гг. К сожалению, его богатое наследие все еще не введено в научный оборот, есть только одна статья, посвященная его деятельности в качестве фотолетописца Урала [см.: Рябинин, с. 33—37]. Имя Леонида Сурина не упоминается в обнаруженных официальных документах Приполярной переписи. Но, учитывая обстоятельства ее организации, участие «Уральского рабочего» в освещении переписи и качество обнаруженных снимков, можно предполо-

жить, что одним из профессиональных журналистов-фотографов переписи был именно Леонид Сурин. Тем более что у него уже был опыт съемки в условиях Севера, не так часто встречавшийся в 1920-е гг.: согласно фотографии, опубликованной в альбоме ямальской экспедиции В. П. Евладова, Л. М. Сурин участвовал в экспедиции на Север Уральского облздравотдела в 1926 г. [см.: Земля Ямал, с. 48].

Все документы переписи должны были заполняться в трех экземплярах, благодаря этому копии, оставшиеся в местном статуправлении, сохранились, в то время как отправленные в Москву были уничтожены после сведения их данных в таблицы. Распространенной практикой в начале XX в. было двукратное фотографирование одного и того же объекта. Возможно, одна копия предназначалась для отчета, а другая оставалась в личном распоряжении фотографа, в нашем случае — Леонида Сурина. Иногда фотографии, вернувшись из экспедиции, делали дополнительные копии с пластин в лабораторных условиях. В центральных хранилищах фотоматериалов переписи обнаружить не удалось, зато пластины из личного архива Л. Сурина сохранились и были переданы в ГАСО в 1950-е гг. Среди них было выявлено 50 пластин, датированных 1920-ми гг. и относящихся к северным территориям.

Переписью не предусматривалось изучение религиозной жизни народов Севера, даже не было специального вопроса о религиозной принадлежности в ее формах, однако участники переписи, среди которых были профессиональные этнографы, не могли упустить возможности собрать сведения о религиозных традициях и занести их в соответствующие графы поселенных бланков. Например, в безобидном разделе «Благоустройство, санитарное состояние и культурно-просветительское дело» содержалась графа 8 с вопросом «Есть ли в вашем селении знахари (шаманы) и знахарки и как часто население к ним обращается?». Некоторые регистраторы активно использовали поля, предусмотренные для комментариев, и заносили ценную информацию, которую удавалось получить во время интервью. Что касается фотографов переписи, то они также не могли обойти вниманием феномен, отраженный в поселенных бланках.

Из фотодокументов коллекции Л. Сурина 9 имеют непосредственное отношение к религиозному ландшафту Северного Урала. Для простоты анализа их можно разделить на три тематические группы: 1) феномен шаманства; 2) медвежий праздник; 3) православие. Надо иметь в виду, что роль фотографирования в начале XX в. понималась многими как «простой и правдивый механизм отображения реальности» [Edwards, p. 4], «точное описание жизни, времени и пространства» [Mydin, p. 249]. Вероятно, именно этот подход был характерен и для работ Сурина-журналиста. Во всяком случае, снимки из его коллекции отличаются от эстетики фотографий, сделанных профессиональными этнографами-антропологами в конце XIX — начале XX в.

Попробуем проанализировать фотодокументы из группы феномена шаманства, следуя предложенному антропологом Джоанной Шерер принципу обязательной реконструкции процесса взаимодействия фотографа и фотографируемых [см.: Scherer, p. 132]. Это прежде всего три пластины с изображением шамана с бубном и колотушкой на фоне чума. Две пластины — копии, сделанные с

утраченного оригинала: негатив [см.: ГАСО, Ф. Коллекция Сурина, д. 2921] и позитив [см.: Там же, д. 4738], зарегистрированы в описи как «Самоедский шаман». Третья пластина — оригинальный негатив отдельного снимка той же сцены с названием «Шаман гадает» [Там же, д. 916]. При производстве этого снимка фотографом был взят более широкий ракурс, что позволило ему запечатлеть всю группу участников действия и часть окружающей территории: фрагмент соседнего жилища, нарты, берег реки. Эти два снимка производят разное впечатление: на первом — лица участников серьезные, напряженные, никто из них не смотрит на камеру и фотографа [Там же, д. 2921] (ил. 1); на втором фотографируемые смотрят прямо в камеру и улыбаются. Сам шаман на второй фотографии тоже выглядит довольно веселым [Там же, д. 916] (ил. 2). Анализируя снимки, можно предположить, что они были сделаны с разными целями. Первый кадр был снят для официального документирования феномена шаманизма, для чего был избран крупный план. Возможно, фотограф специально попросил всех не смотреть в камеру, чтобы избежать ощущения присутствия фотографа в кадре. Сам шаман должен был «замереть» на время съемки, чтобы хорошо вышли основные атрибуты его действия — бубен и колотушка. Второй снимок скорее передает реальную атмосферу, сложившуюся во время фотосъемки. Ненцы-оленеводы явно возбуждены манипуляциями фотографа с камерой, улыбаются, возможно, ожидают вспышки. Аналогичную настроенческую разницу между двумя снимками можно предположить и в случае съемки фотографом медвежьего праздника у манси [Там же, д. 933 и 2614].

В связи с феноменом «двойного взгляда» на фотографируемый объект любопытен метод, примененный Флорой Каплан в Нигерии в конце XX в. Нигерийцы сначала настаивали на съемке своего варианта кадра в том виде, в каком хотели представить себя на фотографии: в праздничной одежде с предметами обихода, свидетельствующими о хорошем достатке, и т. п. И только после этого соглашались дать возможность фотографу сделать более естественный, с ее точки зрения, кадр [Kaplan, p. 317–341]. В результате были получены документы, дающие возможность увидеть не только то, как фотограф представляла жизнь исследуемых ею людей, но и их собственную репрезентацию. Леонид Сурин мог использовать аналогичный подход, но с иными целями: делал один снимок, предоставляя людям свободу поведения перед камерой, а потом — другой для официальной документации. Если это предположение верно, то можно пойти еще дальше в конструировании гипотезы. Два снимка, сделанные фотографом в 1926 г., фактически представляют два различных варианта видения шаманизма как элемента религиозного ландшафта народов Севера: мрачный, настораживающий — в глазах чужого, и доставляющий удовлетворение и радость в глазах тех, кто в нем жил. Заслугой фотографа было то, что он смог задокументировать оба варианта.

Вряд ли фотокорреспондент областной газеты «Уральский рабочий» мог знать нюансы проведения шаманского сеанса у ненцев или медвежьего праздника у манси. Поэтому мы можем рассматривать данные фотографии как документы, созданные при активном участии ненцев и манси. Они предоставили необходимые артефакты, явно помогли соблюсти аккуратность в деталях постановки

Рис. 1. Шаман у самоедов. Копия. Стекло. Негатив, 13 × 14 мм.
1926. Фотограф Л. М. Сурин (?)

Рис. 2. Шаман гадает. Оригинал. Стекло. Негатив, 13 × 15 мм.
1926. Фотограф Л. М. Сурин (?)

кадра, в том числе в расположении мужчин и женщин, наконец, позировали перед камерой. Вместе с тем, как и всякий источник, фотодокумент требует критического подхода. Так, например, описания шаманских камланий или медвежьих праздников, сделанные свидетелями или участниками в конце XIX — начале XX в., предполагают проведение этих сцен внутри жилища. Вероятно, перенесение события на улицу было обусловлено тем, что проведение фотосъемки внутри помещения было технически невозможно.

В заключение можно отметить, что представленные фотодокументы являются не только источниками по этнографии ненцев и манси, но и свидетельствами политической истории России в 1920-е гг. Этот короткий период после окончания гражданской войны до начала политики коллективизации и культурной революции характеризовался тем, что народы Севера могли относительно безбоязненно демонстрировать свою традиционную религиозность. Православная церковь, занимавшаяся их обращением в христианство на протяжении двух веков, сама оказалась объектом насилия со стороны государства, в то время как атеистическая политика, направленная против религиозных традиций народов Севера, находилась только в стадии разработки. Таким образом, фотодокументы из коллекции Л. Сурина отражают важный момент в истории развития национальной и религиозной политики государства и соответственно религиозной ситуации на Урале и в Северо-Западной Сибири.

Что касается критического анализа фотодокументов, то предварительно можно предложить следующие его составляющие:

- 1) необходима тщательная атрибуция фотодокумента и помещение его в четкий территориальный и временной контекст;
- 2) учитывая практику создания нескольких копий фотодокументов, необходимо выявление оригиналов и их копий;
- 3) при оцифровке фотопластин они закладываются эмульсионным слоем к источнику света, и в результате получается зеркальное изображение, поэтому необходимо производить разворот снимка, чтобы увидеть сцену такой, какой ее видел фотограф;
- 4) желательно выявление корпуса комплементарных письменных источников для предположения цели и обстоятельств создания фотодокумента;
- 5) необходим учет авторства, времени и обстоятельств создания фотодокумента;
- 6) обязательно рассмотрение коллекции фотодокументов в ее целостности, поскольку одна и та же сцена, снятая с разными целями, может производить различное впечатление и нести различную, порой прямо противоположную информацию;
- 7) недопустима публикация фотодокумента без корректно оформленной ссылки с указанием архивохранилища, фонда, описи, номера дела, типа документа, его размера.

- Земля Ямал* : альбом ямальских экспедиций В. П. Евладова. М., 1998. 184с.
- Магидов В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М., 2005. 394 с.
- Перевалова Е. В. Экскурсия Б. Н. Городкова и Г. М. Дмитриева-Садовникова в долину реки Вах в 1913 году // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3. С. 121–134.
- Рябинин Б. Красный фотограф // Уральский следопыт, 1961. № 5. С. 33–37.
- Салымский край. Научно-художественное издание. Екатеринбург, 2000. 344с.
- Anderson D., Campbell C. Picturing Central Siberia : the Digitization and Analysis of Early Twentieth-Century Central Siberian Photographic Collections // *Sibirica*. 2009. Vol. 8, N. 2, Sum. P.1–42.
- Edwards E. Introduction // *Anthropology & Photography 1860–1920* / ed. Elizabeth Edwards. N. Haven ; London, 1992. P. 3–17.
- Endangered* images of ethnicity and religion in Western Siberia in the late 19th to early 20th centuries EAP368 [Electronic resource]. URL: http://eap.bl.uk/database/overview_project.a4d?projID=EAP368;r=29358 (дата обращения: 23.08.2011).
- Glavatskaya E. The Polar Urals' religious landscape in the 1920's Images in the photographic collections of the Urals State Archive (GASO) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2009. N. 57. P. 205–220.
- Kaplan Flora S. 1990. Some uses of Photographs in Recovering Cultural History at the Royal Court of Benin, Nigeria // *Visual Anthropology*. 1990. [N] 3. P. 317–341.
- Mydin I. Historical Images – Changing Audiences. In: *Anthropology & Photography, 1860–1920*. P. 249–253.
- Scherer J. Historical Photographs as Anthropological Documents : a Retrospect // *Visual Anthropology*. 1990. Vol. 3. P.131–155.

Статья поступила в редакцию 05.09.2011 г.

УДК 009 + 80 + 82

В. Л. Удалов

ПРОБЛЕМЫ ТОЧНОСТИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ДРУГИХ НАУК

Исследуются возможные пути решения проблемы точности литературоведения и других наук, рассматриваются условия, обеспечивающие научную точность. Доказывается, что литературоведение, как и другие науки, объективно может и должно быть точным качественно, или терминологически.

К л ю ч е в ы е с л о в а : наука; методология; точность; литературоведение; целостно-системный подход; типология.

Проблема точности/неточности литературоведения тесно связана с актуальным и по сегодняшний день вопросом классификации наук. Напомним, что долгое время, особенно в XX в., анализ науки и научного познания проводился по «модели» естественно-математического знания. «Характеристики последнего считались свойственными науке в целом как таковой, что особенно наглядно

выражено в натуралистическом сциентизме» [Основы философии..., с. 60]. Отсюда возникло деление наук на естественные, технические и общественно-гуманитарные. Первые две из них, пользующиеся математическими методами и подтверждающие свои выводы экспериментами (конкретными), количественными расчетами и вычислениями, были объявлены точными, тогда как общественно-гуманитарные науки, и литературоведение в том числе, были признаны заведомо неточными.

Уже из приведенных соображений видно, что дело тут не в самих науках как отдельных явлениях, а в точности или неточности их научно-методологических основ, иначе говоря, в качестве научной методологии, ее терминологического аппарата, и в частности в уровне понимания самих понятий «математика», «математичность», «объективность» и т. д. Это касается каждой науки, в том числе и литературоведения, и в первую очередь такой его составляющей, как теория литературы.

Рассмотрим эти вопросы подробнее. Еще в 1960-е гг. констатировалось: «Литературоведы до сих пор лишены “окончательной” терминологии, “твердых” принципов анализа» [Вопросы литературы, с. 12]. Д. С. Лихачев пытался защищать мысль, что действительно есть точные и, в принципе, неточные науки, к которым, в частности, относится литературоведение. В известной своей статье «Еще о точности литературоведения» (1979) он писал: «В литературоведении есть своеобразный комплекс собственной неполноценности, вызываемый тем, что оно не принадлежит к кругу точных наук. Предполагается, что высокая степень точности в любом случае служит признаком “научности”» [Лихачев, с. 195]. Стремясь вместе с тем уточнить, когда литература и литературоведение все же точны и где, по каким причинам неточны, Д. С. Лихачев объяснял: «Все попытки создать точную методику исследования в литературоведении так или иначе связаны со стремлением формализовать материал литературы... Формализация становится недопустимой только тогда, когда она насильно приписывает материалу ту степень точности, которой он не обладает и по существу своему не может обладать... Что же в литературе не может быть формализовано, где границы формализации и какая степень точности допустима?... Художественное творчество “неточно” в той мере, в какой это требуется для сотворчества читателя, зрителя или слушателя. Потенциальное сотворчество заложено в любом художественном творчестве» [Там же, с. 197]. Отсюда и конечный вывод: «Если расположить весь куст литературоведческих дисциплин в виде некоей розы, в центре которой будут дисциплины, занимающиеся наиболее общими вопросами интерпретации литературы, то окажется, что, чем дальше от центра, тем дисциплины будут точнее. Литературоведческая “роза” дисциплин имеет некую жесткую периферию и менее жесткую сердцевину» [Там же, с. 198]. К точной, «жесткой периферии» он относил дисциплины, которые сопутствуют литературоведению: литературное источниковедение, литературную археографию, историографию, библиографию, стихосложение и т. п. В таком случае собственно «неточными» оказывались основные дисциплины: литературная критика, история литературы и теория литературы (четвертую основную дисциплину, т. е. методологию, в тот период в состав литературоведения не

включали, в чем, кстати говоря, проявлялось искусственное обособление, надуманная «оторванность» наук друг от друга на том уровне, где объективно имеет место их внутренняя общность).

Сейчас уже несложно увидеть, что в основе сделанных в 60—80-е гг. выводов лежат приблизительные соображения, взятые из области субъективного восприятия исследуемых объектов («жесткая», «менее жесткая», «сердцевина», «роза»). Если предположить, что вообще все удаленное от эмпирии (конкретной чувственности) и математики (цифровой, конечно) является неточным, расплывчатым, приблизительным, то окажется, что предельно неточными и потому особенно сомнительными выглядят вообще любые объективные, но не конкретно-цифровые закономерности. Тем более это касается всеобщих объективных принципов и законов самой действительности, таких как материя (двух основных типов), строение и развитие, количество и качество, мера и степень, содержание и форма, направление, сущность и форма проявления, ступенчатость, возможность и необходимость, конечное и бесконечное, конкретное (телесное, вещественное) и абстрактное (диастольное, разреженное), часть (показатель одной стороны, одной из противоположностей) и целое (ступенчатое единство противоположностей), а в конечном счете — и сами природа (как основа) и бытие всего, что есть, т. е. действительности (в переводе с гр. «двойко существующее живое»). Так неужели все эти и другие всеобщие (везде, во всем, всегда действующие) закономерности действительности следует считать «неточными», а значит, неестественными, нереальными и потому сомнительными, надуманными? Может, и мы тогда как бы не существуем да и самой действительности нет?..

Или все же логичнее признать, наконец, обратное, именно то, чему долгое время в XX в. отказывали в существовании, — признать, что «истина» (онтологическая прежде всего) не есть только конкретная и всегда частичная, только чувственно воспринимаемая. Стоит признать, что «понятие конкретной истины утратило бы всякий смысл, если бы не было ее противоположности, т. е. абстрактной истины» [Ойзерман, с. 439], что часть утрачивает смысл, когда игнорируется целое.

Такого признания требует учет практического действия всех всеобщих объективных принципов, в том числе принципа целостности (единства противоположностей), отсюда учет того объективного факта и явления, что абстрактное — это отвлеченное от конкретного и множественного, т. е. в основе лежащее и их связующее. Следствием будет и то, что истина есть не только онтологическая (бытийная), но и гносеологическая (познавательная), которая, в свою очередь, бывает частичной и целостной, частично-системной (односторонней, поверхностной, субъективированной) и целостно-системной, т. е. объективной, природной, естественной, которая учитывает объективное наличие взаимосвязанных (соотносительных и взаимодействующих) противоположностей.

Следующей причиной ошибочных представлений о точности/неточности литературоведения оказывается нередко встречавшаяся в былые времена так называемая подмена понятий или, шире, подмена оснований. Скажем, выводить

неточность литературоведения из имеющего место в литературе расчета на соавторство, сотворчество читателя, зрителя, слушателя — это как раз и есть подмена понятий. Во-первых, учет сотворчества имеет место не только в литературе и науке о литературе, а в любой науке и в любом искусстве. Во-вторых, сотворчество — это уже иная сфера, не сама по себе литература и наука, а их восприятие (т. е. не внутренняя, а внешняя по отношению к ним сфера), где есть свои уровни и ступени качества. В-третьих, именно с уровнем качества восприятия избранных объектов, присущего не иначе как субъектам науки (причем опять-таки не только науки о литературе, а вообще любой науки), непосредственно связана степень качества (или точность/неточность) отдельных исследований и самой науки в целом. В-четвертых, решение вопроса упирается в выяснение степени качества тех базовых оснований, что лежат исторически и фактически в основе определенной науки и всех наук, т. е. в выяснение степени качества их методологических корней.

В результате винить в таком случае следует не ученых или писателей, не отдельную науку (например, литературоведение) и не художественную литературу, а качество избираемой методологии — литературоведческой и вообще научной. Восприятие и его методология бывают неточными тогда, когда в основе их лежит использование неточного познавательного аппарата, неточных познавательных и онтологических категорий и понятий. Неточных в том смысле, что они частичны, не адекватны природе, не гармонируют с имманентными законами объектов, принципами существования и развития действительности.

Проявления субъективизма в науке свидетельствуют о том, что неточности зависят от качества мировоззренческого, философского, методологического восприятия объектов исследования — физических, математических, химических, биологических, социальных, политических, литературных и т. д. Речь идет прежде всего о качестве не общей (избирательной, относительной), а именно в с е о б щ е й методологии, ибо есть не только «общее», но и «всеобщее», лежащее в его основе [Философский словарь, 1986а, с. 140], а не наоборот, как это часто представляют [подробнее см.: Удалов, Полежаева, с. 26—32]. Есть не только «относительное», но и «абсолютное», не только «конечное», но и «бесконечное», а также и гармоничное взаимодействие между всеобщими объективными принципами, законами объективной и субъективной действительности. Поэтому всеобщая методология — замечают ее или нет — непременно лежит в той или иной степени (даже бесконечно малой) в основе мышления, познания, поведения и деятельности любого субъекта, ибо субъект всегда тоже часть действительности (всего, что есть) как объекта.

Всеобщая методология пока еще нечетко усвоена, выглядит недостаточно объективной в нашем восприятии, недостаточно целостна и системна, что неизбежно снижает качество наук. Существенная причина этого в том, что мы все живем в «переходный период», которому уже полстолетия: от частично-системного уровня методологии научных исследований и соответственно мировоззрения — к апогейному, или целостно-системному, уровню, адекватному целостно-системной природе действительности. Не удивительно, что есть мно-

го неточностей не только в науке о литературе, но и во всех остальных науках, как естественных, так и, например, в философии, что вызвано нередко игнорированием принципа органичности в пользу механистичности, принципа объективности в пользу субъективности, принципа взаимосвязи в пользу односторонней связи.

Реальный путь к математической точности — в повышении качества понимания и использования принципов объективного познания, или всеобщей для всех наук методологии, осмысление ее как природной, целостно-системной и перспективно значимой. Все науки, в том числе литературоведение, могут и объективно должны быть математически точными.

Отвечая на вопрос, как этого достигнуть, важно учитывать, что математика и математическая точность, согласно своей природе, бывают различными. Об этом писал еще выдающийся французский математик Анри Пуанкаре (1854—1912) [см.: Пуанкаре, с. 8—9]. Значительно раньше его Аристотель детально объяснил, что понятия «формализация», «математика» и «точность» имеют две противоположные формы проявления (как результат действия принципа бинарности): они бывают соответственно количественными (квантитативными) и качественными (квалитативными) [об этом см. подробнее: Визгин]. И каждая наука всегда использует оба проявления математики, а также оба вида точности — количественную (цифровую) и качественную (терминологическую). Использование это происходит с учетом всеобщего принципа доминанты (преобладания) одной или другой противоположности, что, однако, не нарушает наличия их взаимосвязи.

Преобладающее использование в естественных науках квантитативного (количественно-математического) метода и аппарата широко известно. Что касается гуманитарных наук, в том числе литературоведения и языкознания, пока мало учитывается, что объективно (независимо от субъектных желаний) их научный аппарат преимущественно квалитативный, или терминологический, но с разной степенью качества терминов. Хотя «Дильтей доказывал самостоятельность предмета и метода гуманитарных наук по отношению к естественным (одни “изучают жизнь природы”, другие “науки о духе” — жизнь людей)» [Основы философии..., с. 487], все равно абсолютной самостоятельности, обособленности тут быть не может в силу уже отмеченных всеобщих причин: жизнь природы и жизнь людей теснейшим образом взаимосвязаны. Как и всюду, здесь тоже действует принцип доминанты, преобладания. «Социальное познание ориентировано преимущественно на качественную сторону изучаемой им действительности... Поэтому удельный вес количественных методов здесь намного меньше, чем в науках естественно-математического цикла... Как бы широко математические методы ни использовались в гуманитарных науках, они для них остаются все же вспомогательными методами, но не главными» [Там же, с. 522—523].

Обратим внимание, что степень качества терминологии бывает разной и в литературоведении, и в науках из сферы самого познания и мышления, т. е. в гносеологии, логике, философии:

— исторически приближительная, отдаленная от точности (объективной адекватности), т. е. частично-системная;

— в чем-то уже целостно-системная, или точная, когда достигается адекватность в понимании природы самого объекта.

Как достичь апогейной, качественно-математической точности научного аппарата? Поскольку в конечном счете этот аппарат состоит из слов и терминов, то это подсказывает необходимость сравнения их между собой.

Слова, как известно, многозначны, отсюда очень часто в нашей речи возникают недоразумения. В науке «люди не понимают друг друга потому, что они не говорят на одном и том же языке», — справедливо писал Анри Пуанкаре, имея в виду язык слов, их смыслов, значений, язык научных взглядов [Пуанкаре, с. 616]. Термины же, напротив, однозначны по смыслу, а потому обладают качественной (качественной) четкостью значения и функции, т. е. они математически точны. Таким образом, спасение и перспективное развитие всех наук — естественных, технических, философских, гуманитарных, в том числе и литературоведения, заключается в повышении качества их научной терминологии.

Для непосредственного достижения математичности (синоним точности) качественного научного аппарата существует опять-таки два способа. Они противоположны (а не противоречивы) и дополняют друг друга.

Об одном из них писал Рене Декарт: «Определяйте значения слов, и вы избавите мир от половины его заблуждений». Таким образом, существо вопроса — в превращении «слов» в «термины» и в уточнении смысла имеющихся научных терминов, в избавлении их от поверхностных, частичных значений, в доведении их до целостности. Это первый прием достижения точности в любой науке, в частности в гуманитарной.

Теперь о втором приеме. Если учесть, что объект как целое — это единство противоположностей и нам, например, известна одна из сторон целого, то, по логике, должна быть и вторая, противоположная первой на их общем «основании». Поскольку первый способ (корректировка значения) связан с внутренней стороной «слов» (внутренняя сторона — это «основание» их значения), то можно предположить, что второй способ, противоположный, будет связан с корректировкой внешней стороны слов или их взаимосвязи.

В самом деле, «слова» как вербальная форма мысли не существуют отдельно, как и тела, вещи, явления, приемы, законы, принципы. Они всегда взаимосвязаны, имеют связи — внутренние и внешние. Об этом знали уже в Древнем Китае, Древней Индии. Знал это и Аристотель, который писал: «Противоположности суть начала существующего», «Следует мыслить себе как единое двойку» [Аристотель, с. 77, 276]. Данные факты подсказывают второй способ достижения точности: определяйте взаимосвязи между словами и терминами, и вы избавите мир от второй половины его заблуждений.

Приведем лишь несколько примеров. Категорию «целое» понимают в философии обычно как совокупность (частей, элементов), хотя при этом учитывается лишь формальная, внешняя, механистическая связь, которая охватывает лишь часть объектов (и в этом «частичность» самого определения). Объекты же есть и организмические, для которых главное — внутренние связи, теснейшие, взаимопроникающие [см.: Алексеев, Панин, с. 391–392]. Отсюда и

само целое — в конечном счете, на уровне сущности — обнаруживает себя как единство противоположностей.

«Структуру» и «систему» также не всегда различают на уровне их сущности: «структуру» — как доминирующее соотношение частей и элементов в объекте и «систему» — как доминирующее взаимодействие этих частей, элементов. Сущностные определения именно таковы, потому что «соотношение» и «взаимодействие» — два противоположных вида взаимосвязи, которая выражает собой их единство [Философский словарь, 1986б, с. 64], а не, как иной раз пишут, «признание взаимодействия и взаимозависимости» [Там же, с. 199], поскольку тогда игнорируется «соотношение», которое тоже «отражает взаимозависимость» [Там же, с. 74]. И таких неточностей в определении взаимосвязей между терминами в современной философии пока еще много. Есть и не использованные ею, во многом упущенные возможности, в частности принципы доминанты, перерыва постепенности, скачка и др.

Приведем теперь примеры из теории литературы, которая, вслед за всеобщей методологией, также нуждается в качественном уточнении. Художественный образ одни филологи привыкли определять как конкретную картину жизни (Г. Л. Абрамович, П. К. Волынский), другие — как обобщенную (Г. Н. Поспелов), а третьи — одновременно как конкретную и обобщенную картину действительности (Л. И. Тимофеев, В. М. Жирмунский, Н. А. Гуляев). Однако лишь последний взгляд есть объективный и целостно-системный, что четко доказывается на единичном и всеобщем уровнях — не только фактами из литературы, но и гармонией взаимодействия всеобщих закономерностей. При этом следует помнить, что в одних образах доминирует конкретное над обобщенным, а в других — обобщенное над конкретным. В результате одни образы оказываются повернутыми к нам полностью конкретной стороной (пример из Пушкина: «В роще сумрачной, тенистой...»; из Шевченко: «Садок вишневый коло хати...»), другие — полностью обобщенной (пример из Лермонтова: «Мы пьем из чаши бытия...»; из Гете: «Все быстротечное — символ, сравненье, Цель бесконечная здесь в достиженьи...»), третьи же — обеими сторонами с той или иной частичной доминантой (в большинстве произведений мировой литературы есть образы, имеющие обе стороны одновременно, при этом в одних видна доминанта конкретики над обобщением, а в других — доминанта обобщения над конкретикой).

Поскольку в каждом произведении есть художественные образы и находятся они в столкновении, то этим самым задаются конфликты (или коллизии). И это столь же объективно и точно, как бы ни старались доказывать (при механистическом подходе), что в одних произведениях конфликты (или коллизии) есть, а в других они отсутствуют. На самом деле и в этих «других» произведениях присутствуют конфликты, но конфликты иного рода.

Чаще всего литературные персонажи конфликтуют друг с другом или с окружением, что составляет две разновидности характерно-обстоятельного типа конфликта. Прямой противоположностью данному типу становится тип обстоятельно-характерного конфликта, в котором просматривается уже иная доминанта: окружающая природная среда

(обстоятельства) мстит герою, «отвечает по заслугам» незадачливому персонажу, который ни в чем не признает гармонии или соразмерности.

Следует учитывать еще два типа «исходного» конфликта. Первый из них — в н у т р и х а р á к т е р н ы й (примеры — миниатюра И. Тургенева «Близнецы» или басня И. Крылова «Зеркало и обезьяна»: «Чем кумушек считать трудиться, / Не лучше ль на себя, кума, оборотиться»). Второй — в н у т р и о б с т о я т е л ь с т в е н н ы й конфликт, возникающий из столкновений в сфере самих обстоятельств, законов, условий, природных сил и т. п. Примеры в пословицах: «Кто учится на своих ошибках, ходит в темноте» (конфликтующие силы — *кто учится* и *свои ошибки*, а результат их связи и столкновения — *ходит в темноте*); «Как аукнется, так и откликнется» (обстоятельственные конфликтующие силы подчеркнуты, а характер их связи — *Как... так*). Примеры в афоризмах: «Щелкни кобылу в нос — она махнет хвостом», «Не в совокупности ищи единства, но более — в единообразии разделения» (Козьма Прутков); «Литература — лекарство для души» (Плиний Младший).

Более того, наряду с выделением четырех видов конфликта столь же четко и последовательно должна быть осуществлена типология сюжетов и жанров, проблематики и художественных «идеалов», равно как и «родового деления литературы».

Итак, как мы могли убедиться, точность/неточность во всех науках, в том числе и в литературоведении, зависит исключительно от уровня (или качества) методологии. Все науки постепенно переходят от частично-одностороннего к целостно-системному уровню развития, к адекватному отражению объективной и субъективной действительности. Как и другие науки, литературоведение может и должно стать точным в качественном, или терминологическом, отношении.

Алексеев П. В., Панин А. В. Философия : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999.

Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М., 1972.

Визгин В. П. Генезис и структура квалитативизма Аристотеля. М., 1982.

Вопросы литературы. 1967. № 9.

Основы философии науки : учеб. пособие для аспирантов / В. П. Кохановский, Т. Г. Лешкевич, Т. П. Матяш, Т. Б. Фатхи ; отв. ред. В. П. Кохановский. Ростов н/Д, 2004.

Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. Л., 1981.

Ойзерман Т. И. Существует ли абстрактная истина? // *Субъект, познание, деятельность.* М., 2002. С. 417–440.

Пуанкаре, Анри. О науке : пер. с фр. / под ред. Л. С. Понтрягина. 2-е изд., стер. М., 1990.

Удалов В. Л., Полежаева Т. В. Принципы частично- и целостно-системных исследований. Киев ; Луцк, 2010. (На укр. яз.)

Философский словарь : А–Я / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М., 1986а.

Философский словарь / под ред. В. И. Шинкарука. 2-е изд., перераб. и доп. Киев, 1986б. (На укр. яз.)

Статья поступила в редакцию 28.10.2011 г.

УДК 82-1/9 + 82:001.8 + 82(07)

А. В. Маркин

ЗАМЕТКИ О ТОЧНЫХ И НЕТОЧНЫХ МЕТОДАХ И ЖАНРАХ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Рассматривается совмещение в литературоведении объективности и субъективной оценочности в контексте проблем литературного образования. Образ литературоведения как системы научных дисциплин предлагается дополнить его представлением в качестве комплекса жанров, имеющих различное происхождение и тяготеющих либо к науке, либо к искусству. Задачей литературного образования может стать освоение не столько основ научных дисциплин, сколько навыков речи и письма о литературе в разных жанрах, в том числе тех, которые обладают реальной социальной ценностью, но исключены из его программы, поскольку не имеют научного статуса.

Ключевые слова: жанры литературоведения; историческая поэтика; классика; литературное образование; литературоведение; методика преподавания литературы; точные методы в литературоведении.

Как-то был свидетелем дискуссии о Георгии Иванове. Одна ученая дама доказывала, что поэту было свойственно трагедийное мироощущение, а другая — что мироощущение Иванова абсурдистское, а не трагедийное отнюдь. Аргументы обеих сторон показались мне остроумными и убедительными. Своего мнения о творчестве Иванова у меня нет. Вероятно, интерпретация зависит от многих субъективных факторов, от того, как исследователь формирует контекст, в котором рассматривает то или иное произведение.

Подобные споры вызывают здоровый смех лингвистов, математиков и иных представителей сферы позитивного знания. Что, дескать, это за наука такая, фундаментом которой являются субъективные, неverified суждения, в которой убедительность почти всегда тождественна доказательности. Разумеется, и у литературоведов возникают сомнения в собственной научной правомочности. Их не было, пока литературоведение занималось Античностью и Средневековьем. Но оно неуклонно расширяло область своего интереса и в конце концов включило в нее современность, живых авторов. Чем ближе предмет, тем более избирательным становится вкус. В историю литературы Античность входит вся, а современность — по выбору исследователя. Литературоведение, занимающееся современностью, сближается с критикой, которая прежде, во времена «Критики школы жен» и «Английских бардов и шотландских обозревателей» была разделом изящной словесности. Даже в современной учебной литературе полным-полно невразумительных метафор, оценочных суждений, сравнений писателей по принципу кто выше, а кто ниже — как будто и Гердер на свет не рождался.

Много раз сторонники научного подхода возвышали голос против «царского пути» в филологии, против отвлеченных определений и односторонних условных приговоров. Недопустимость смешения науки с критикой и литературной

эссеистикой, сколь угодно пронизательной и блестящей, кажется самоочевидной. Тем не менее литературоведение по-прежнему вяло, но эффективно сопротивляется попыткам окончательного превращения его в науку. Новые оттенки в полемике появились разве что в связи с распространением в последние десятилетия квазихудожественного плетения научных словес в дерридеанском духе. В целом же соотношение «научного» и «ненаучного» элементов в литературоведении едва ли сильно изменилось по сравнению с временами Сент-Бева или М. Б. Храпченко. Похоже, что в самом существе литературоведения есть нечто враждебное научному подходу, а стремление к научности в некотором смысле опасно для его существования.

Парадокс в том, что, превращаясь в науку, литературоведение зачастую перестает быть литературоведением. Безупречно выполненные исследования русского литературного салона начала XIX в., или функционирования современной литературной премии, или психологического механизма, обусловившего появление того или иного ряда образов в прозе Пруста, или пушкинских галлицизмов — это история, социология, психология, лингвистика, а вовсе не литературоведение. У них только пуговицы нашего ведомства, а крой другой. Психологический документ; «литературность» документа интересует его только в том смысле, что он должен учитывать характер условности, отличающий роман от частного письма.

Литературностью литературы, как известно, занимается поэтика. Изучение сюжета, жанра, автора и героя, словесного образа — сфера, в которой литературоведение как будто бы может, оставаясь самим собой, стать наукой, достичь достоверного знания. В исследованиях поэтики конкурируют два подхода. Один из них претендует на строгую научность и связан с широким и демонстративным использованием статистики («Правильный метод — статистический», — утверждал Б. И. Ярхо). Другой подход более традиционный и более или менее открыто исходит из ценностных категорий. Вообще-то противопоставление этих подходов имеет абстрактный характер. Качественный научный труд так или иначе сочетает их.

Предположим, исследователь намерен проверить гипотезу о том, что «Тихий Дон» был написан Андреем Платоновым. Оставим в стороне вопрос о практической ценности подобных исследований. Б. И. Ярхо был прав, говоря, что наука существует не «зачем?», а «почему?»: потому что человеку интересно думать о тех или иных вопросах и результатами раздумий делиться с другими. Наш исследователь анализирует частоту и характер использования, допустим, вводных слов у Платонова и Шолохова и приходит к выводу: нет, не Платонов, а тот же человек, который написал «Донские рассказы» и «Поднятую целину». Вывод этот основан на неverified тезисе о том, что использование вводных слов не несет эстетической информации и поэтому автором сознательно не контролируется. Это для исследователя тут эстетической информации нет; это, например, я свои вводные не контролирую и, кажется, ими злоупотребляю. Но нельзя исключить, что для автора «Тихого Дона» это был значимый момент, «прием». Он мог имитировать приемы автора «Дон-

ских рассказов» (если не сам же их и написал, почему бы нет?). Структуралистские анализы сплошь и рядом исходят из того, что поэтический текст контролируется автором тотально, на сто процентов. Наш гипотетический исследователь проявляет, конечно, больше мудрости. Он, как отец наш Фрейд, полагает, что иногда сигара — это всего лишь сигара. Но при этом вносит в свой анализ суждения вкуса, которые, как отметил Кант, познавательными не являются.

Филолог, исповедующий традиционный подход, приведет примеры, проанализирует их и заявит, что Платонов никогда не смог бы писать таким тривиальным, стертым языком; что с большим основанием мы могли бы предположить, что «Тихий Дон» написал Александр Розенбаум: «Задремал под ольхой есаул молоденький». На самом-то деле он тоже использует статистический метод, хотя, конечно, не слишком последовательно и не тотально, он судит по общему впечатлению. Ему не хватает всего лишь трудолюбия. И статистика остается у него в голове, не эксплицируется в тексте работы. Благодаря Руководельнице Ленивица получает возможность повторить свой вывод с большей основательностью, но она не должна забывать, что аргументы от статистики тоже не обладают абсолютной достоверностью.

В статистику верят античники. Античных текстов мало, в них легко могут быть выделены исчисляемые статистические единицы. Несохранившимися и забытыми текстами можно пренебречь, сочтя их небывшими. При изучении любой другой эпохи статистика не может учесть все ее тексты, тем более их влияние, уровень компетентности и читательский кругозор отдельных авторов, наконец, то, что автор никогда полностью не контролирует свой текст, особенно печатный: наряду с ним его формирует цензура, наборщик, корректор. Исследователь вынужден отбирать материал, руководствуясь критериями, которые всегда могут быть оспорены.

Среди авторов, открыто ориентирующихся на ценностный подход — выдающийся российский филолог Самсон Наумович Бройтман (1937—2005). В его «Исторической поэтике» [см.: Теория литературы, т. 2] материалом для обобщения становится лишь то, что вошло в классический канон. Очевидна уязвимость такой позиции. Вполне можно представить себе другую историческую поэтику, создатель которой будет исходить из совершенно иных критериев ценности, обусловленных идеями феминизма, постколониальности, фрейдизма, постфрейдизма и т. д. Интересно в данном случае то, как ценностные предпочтения исследователя определяют конфигурацию теории. По масштабности и целостности охвата истории поэтических форм труд С. Н. Бройтмана не знает себе равных. Тем более любопытно, что ученый обходится без прочно вошедшего в литературоведческий обиход понятия «модернизм», при том что само явление, обозначаемое этим словом, занимает в его концепции очень важное место.

Основопологающей чертой поэтики современной стадии истории литературы (в терминологии автора — поэтики художественной модальности, ПХМ) является то, что произведение обретает свою собственную художественную содержательность, его эстетический смысл не может быть понят как сумма

этических, религиозных, политических, познавательных смыслов и не может быть из них выведен или ими обусловлен. Автор не может быть отождествлен ни со своей биографией, ни со своей идеологической позицией, он не предшествует эстетическому объекту, а становится вместе с ним. Основой такой поэтики является новое чувство личности. «Я» понимается как автономный, самостоительный субъект, «я-для-себя». Рождение ПХМ ученый относит к рубежу XVIII — XIX вв. Этот предел обычно указывается и в философских, и в исторических работах, и в работах по истории науки как время категориального слома в европейской культуре, время смены эпистемы и как время начала процесса модернизации.

В истории ПХМ С. Н. Бройтман выделяет два этапа: классический и неклассический. Последний охватывает конец XIX — XX в. Неклассический этап в концепции исследователя соответствует наиболее распространенному пониманию модернизма в литературоведении. Авторы, творчество которых ученый относит к неклассическому этапу ПХМ, тоже традиционно относятся к числу модернистов (Верлен, Пруст, Джойс, Блок, Андрей Белый, Пастернак, Мандельштам, Фолкнер). Однако никто из них не назван модернистом. Более того, во введении, перечисляя названия, применяемые для обозначения современного этапа истории поэтики, исследователь тоже не упоминает о модернизме. Он пишет, что «другие названия поэтики художественной модальности» — «эпоха прозы, неканоническая, нетрадиционалистская, историческая, индивидуально-творческая» [Теория литературы, т. 2, с. 13].

Возможно, С. Н. Бройтман не хочет использовать неясный, надоевший термин, в советское время утративший какой бы то ни было смысл, помимо суммарно-негативного, не хочет компрометировать Пастернака и Мандельштама. С. С. Аверинцев в программной статье «Древнегреческая поэтика и мировая литература» (1981) тоже не упоминает о модернизме, хотя рассуждает именно о том, что этим словом обозначается, — о преодолении традиционалистской установки и, ссылаясь на «Манифест», о «вечном движении» и «непрерывной неуверенности», которые отличают индустриальную эпоху от всех прочих [Аверинцев, с. 6]. Но не думаю, что дело только в этом. Книга С. Н. Бройтмана вышла через 10 лет после падения СССР. Демоны советского литературоведения давно сгинули, цензура перестала существовать, слово «модернизм» с примкнувшим к нему «постмодернизмом» стало обычно использоваться как нейтральное или с позитивной окраской. Главное — появилось немало исследований, в которых понятие «модернизм» было и углублено, и дифференцировано. Однако оно исследователю все-таки не понадобилось.

Представляется, что игнорирование термина «модернизм» обусловлено не пренебрежением, а, наоборот, полным слиянием и отождествлением с обозначаемым им явлением. Легко заметить, что для С. Н. Бройтмана именно модернизм — высшая ступень искусства, а его эстетическая позиция совпадает с позициями Пруста или Джойса, теоретические выкладки которых исследователь многократно сочувственно цитирует. Это теоретически и философски фундаментальная концепция «чистого искусства». Эстетический объект предстает очищенным от какой бы то ни было эмпирической соотнесенности с психологией,

историей и экономикой. Художник-модернист отрицает социальную и историческую эмпирию ради совершенного искусства, делает гордый жест, о котором писал Ортега-и-Гассет: жест святого Георгия с поверженным у ног драконом. Очевидно, полным сочувствием исследователя пользуются и последовательность и радикальность, с которыми эстетическая программа была воплощена в жизненной практике Пруста, Джойса, Кафки или Мандельштама. Каждый из них раз и навсегда отказался от компромиссов с критикой и публикой, от соблазна конвертировать дар в хлеб насущный.

Пожалуй, такая позиция может показаться несколько старомодной. Современные теории, в общем, скорее иронически дезавуируют претензии модернистского искусства на сакральный статус, подрывают веру в его чистоту и практическую незаинтересованность. Уже Жан-Поль Сартр показал, что флюберовская концепция чистого искусства — плоть от плоти буржуазного мира. Модернизм Пруста, Джойса и Кафки был не только отрицанием буржуазности. Он был возможен исключительно в условиях буржуазно-викторианской цивилизации, которая гарантировала художнику, как представителю среднего класса, определенный уровень благосостояния, избавляла его от заботы о коммерческом успехе.

С викторианским миром и с социальными привилегиями среднего класса было покончено еще во время Первой мировой и экономических кризисов 1920—1930-х гг. Интеллектуал должен был сделать свой интеллект товаром. Поразительным образом, чуть ли не единственной областью, где сохранялись реликты викторианской цивилизации, в XX в. оказался советский писательский и профессорский быт. И только советскому интеллектуалу, избавленному от экономики, удалось соблюсти невинность и идеализм.

С. Н. Бройтман не цитирует ни Фуко, ни Лакана, ни Деррида, которых сейчас не упоминают разве что в школьном учебнике. А поскольку, в его представлении, именно те произведения, которые принадлежат «неклассическому» этапу ПХМ, т. е. литературе модернизма 1870—1930-х гг., обладают высшими качествами художественности, он и не хочет определить их как модернистские: это значило бы сузить, ограничить их значение. Характерно, что С. Н. Бройтман вообще не склонен противопоставлять классический и неклассический этап ПХМ, наоборот, он подчеркивает их общность. «С точки зрения истории литературы, различие между этими этапами... очень существенное. Но то, что в плане историко-литературном иногда кажется несовместимым и взаимоисключающим, в свете исторической поэтики предстает как некое целостное образование, единая поэтическая эпоха со своими полюсами, но и поступательной логикой развития» [Теория литературы, т. 2, с. 221]. Определяя этот этап истории поэтики как «неклассический», исследователь, несомненно, воспринимает его как художественно-совершенный, и в этом смысле образцовый, классический. Именно поэтому он и сглаживает разрыв между классическим и неклассическим искусством, который обычно акцентируют и философы, противопоставляя классическую и неклассическую рациональность, и литературоведы, обнаруживающие резко конфликтные, драматические, садомазохистские (прости господи) отношения модернизма к классике.

В свете такой мощной объединенной классики постмодернизм исчезает совсем — не только философский, но и литературный. И, в общем, такое исчезновение не кажется исключительно проявлением исследовательского субъективизма. Многие авторы отмечали комическое противоречие между масштабами притязаний постмодернизма и убожеством текстов, которые призваны продемонстрировать его постулаты в литературе. Постмодернизм изо всех сил выпячивает грудь, восклицает: «Я новое, от меня будет свету светло». А его и не видно совсем. Всем известны случаи, когда произведение, на котором метровыми буквами написано «постмодернизм», на поверку оказывается состоящим из дешевых понтов. Но ведь существуют Набоков, Борхес, Фаулз, Эко, Бродский, которых С. Н. Бройтман даже не упоминает. Кажется, что история поэтики прекратила течение свое где-то в 1940-е гг.

Впрочем, эта «классикализация» модернизма гораздо достойнее той, которую можно видеть во многих современных школьных и вузовских учебниках, в которых статус классиков одинаково приписывается Платонову и Фадееву, Бродскому и Рождественскому.

Итак, в «Исторической поэтике» С. Н. Бройтмана имеются лакуны и, на мой взгляд, определенные искажения, обусловленные субъективной позицией исследователя. Значит ли это, что его книга не имеет научной ценности? Отнюдь. Представляется, что *opus magnum* замечательного ученого даже еще не оценен по достоинству. Он подвел итоги более чем столетней истории развития научной дисциплины и определил ее перспективы по крайней мере на поколение вперед. Снабженная хрестоматией научной литературы, системой вопросов и заданий для студентов книга С. Н. Бройтмана, может быть, лучший литературоведческий учебник, изданный на русском языке. Но рамки учебного пособия книга перерастает. Она систематизирует известное, открывает неизвестное, будит мысль, зовет к спору, т. е. выполняет все задачи научного труда.

Но ведь те же задачи нередко выполняют и сочинения, авторы которых более или менее откровенно отказываются от претензий на сугубо научный статус. Вспоминается предисловие Л. Е. Пинского к его «Шекспиру» — одной из лучших, если не сказать большего, отечественных работ о Барде. Автор пишет, что в его монографии «почти отсутствует научный аппарат обычных исследований, в частности указания на специальную литературу по отдельным вопросам, крайне редки ссылки на предшественников и полемика с ними. Специалисты и без того заметят, что впервые выдвигается автором, а что является в наше время общими местами шекспироведения, читателю же неспециалисту такие указания нужны не в первую очередь. Как правило, интерпретация шекспировской драмы выходит за пределы текста лишь при сравнении с источником сюжета, и читатель, введенный в «лабораторию» анализа, может сам судить о степени убедительности освещения... В книге теоретически исследовательского характера, но по-прежнему рассчитанной и на неспециальную аудиторию, приходилось излагать аргументацию также для бесспорных в наше время положений, указывать, откуда берутся цитаты из Шекспира, а иногда вводить читателя в общую методологию вопроса. С другой стороны, в ней слишком мало сведений историко-культурного, историко-литературного

и биографического характера, сопоставлений Шекспира с современными ему английскими драматургами, нет характеристики елизаветинского театра и тому подобного вводящего материала, в изданиях популярных желательного, — пользуясь известным выражением Шеллинга, автор прямо приступает к еде, без предтрапезной молитвы и даже не перекрестясь. Более существенный недостаток то, что почти везде отсутствует история вопроса, которая нередко — наполовину решение вопроса и всегда служит лучшим к нему введением; в частности, мало освещена история Шекспира в веках, меняющаяся репутация отдельных пьес и образов» [Пинский, с. 3–4].

В этих изысканных извинениях мне слышится ирония по отношению к обычной литературоведческой риторике. О да, Леонид Ефимович Пинский пишет нечто большее, чем литературоведческий труд. Это проза, и какая! Когда он говорит о герое трагедии, которому его судьба «по плечу», в отличие от героя мелодрамы, маленького человека, на долю которого выпадают незаслуженные и несомасштабные ему страдания, он пишет о себе. Это он — Шейлок, и Гамлет, знающий цену своему времени, и Лир с его трагическим шутовством и сменами масок. Книга Пинского — из тех, что вызывают в сознании читателя тектонические сдвиги, если они правильно, не по-школярски прочитаны и поняты.

А как изысканна проза Наума Яковлевича Берковского, как точно сказал он о французском уме — «умном уме» — во всего лишь маленькой рецензии на гастроли в СССР театра Мадлен Рено и Жана-Луи Барро («Мольер, Мариво, Салакру и пантомима») [Берковский, с. 458]. И Шкловский, и Лидия Гинзбург, и Айзик Геннадьевич Ингер писали «повести о прозе». Стали ли бы они лучше, если бы имели все аксессуары академизма? Даже те, кто сомневается в научности Бахтина, едва ли будут отрицать его ценность. Да ведь и структурализм в СССР был не только наукой, он был страстью. Структуралисты хотели научно доказать, что Пастернак лучше Егора Исаева.

Полагаю, что в литературоведении, как ни в одной другой сфере, обычно появление произведений, в равной мере обладающих научными и художественными достоинствами. Литературоведение себя пытается отождествить с наукой и одновременно от науки отстраняется, видит в науке свое «другое». Но, может быть, правильнее было бы признать литературоведение не наукой, а особой областью словесного творчества, тяготеющей и к научности, и к художественности? Трактовать его в духе завета Мэтью Арнольда, о котором вспоминает Антуан Компаньон, как «бескорыстную попытку познать и преподать лучшее, что мы знали и мыслили на свете» [Компаньон, с. 267]? Разумеется, литературовед должен четко осознавать, в каком регистре он работает, и соблюдать правила игры — собственно, соблюдать законы жанра.

Примирение в литературоведении науки и изящной словесности нужно не только для успокоения несчастного сознания литературоведа. Оно, кажется, имеет отношение к современным проблемам литературоведческого образования. Образ литературоведения как науки со своей системой дисциплин стоило бы дополнить представлением о литературоведении как системе жанров. Это жанры как письменные, так и устные: диссертация, дипломное сочинение, курсовая, ответ на экзамене, выступление на семинаре, монография, научный доклад,

статья, комментарий, лекция, критическая статья, эссе, предисловие и послесловие, реферат, биография писателя для серии ЖЗЛ или для журнала «Караван историй», литературный разговор, школьные уроки. Одни жанры тяготеют к науке, другие к литературе. Они различаются по генезису. Если происхождение научных жанров связано в широком смысле с университетом, то для критики, как пишет А. Компаньон, «идеальным местом... служит салон (перевоплотившийся ныне в периодическую печать); ее первозданная форма — светская беседа» [Компаньон, с. 24]. С жанровой точки зрения историческое, психологическое и любое другое рассмотрение литературного произведения — это тоже литературоведение. Одни жанры современной культурной и литературной ситуацией востребованы больше, другие меньше. Литературоведческое образование можно рассматривать как процесс овладения этими жанрами, обучения приемам речи и письма о литературе. И вот здесь возникает несколько любопытных диспропорций. На первый взгляд филологическое образование не недостаточно, а чрезмерно научно.

Жерар Женетт в статье «Риторика и образование» блестяще показал, что в прошлом изучение литературы было школой красноречия, подготовкой к практике письма. Классическая школа учила говорить о литературе, создавать изящные тексты: «Изучение литературы получало свое естественное продолжение в освоении навыков письма». Во Франции до 1880 г. «контрольные, экзаменационные и конкурсные работы по литературе представляли собой латинские стихи и рассуждения в прозе», т. е. не комментарии к текстам, а подражание им и практические упражнения в литературе «Таким образом, в ту эпоху “заняться литературой” не составляло для юноши, как сегодня, авантюрного разрыва с прошлым — то было продолжение, едва ли не нормальное завершение успешно пройденного учебного цикла». В дальнейшем происходит «размежевание дескриптивного и нормативного подхода — дискурса о литературе и практического изучения литературы». Дискурс о литературе «переходит под юрисдикцию “науки” о литературе... в форме истории литературы», а «школьные упражнения носят уже не имитативный, а дескриптивный характер, литература перестала быть моделью и сделалась объектом». При этом научность такого дискурса является вполне условной. По большей части это все та же риторика, но сокращенная и ущербная, почти исключительно риторика *dispositio*, т. е. плана: «с содержательной стороны сочинение ставит проблемы не столько нахождения, сколько адаптации уже знакомого, мобилизованного и присутствующего в памяти материала к специфическому направлению того или иного сюжета» [Женетт, с. 265–270]. Ну, хотя бы в этом Россия походит на Францию.

Отечественное литературное образование строится аналогично, вплоть до самых верхних ступеней. За исключением младших классов, оно учит уж точно не красноречию. Основной жанр, который осваивают в его процессе, — сочинение, курсовая, диплом, диссертация — должны быть научными работами. Научные цели в них ставятся и формулируются. Но всякий знает, что оценка диссертации определяется почти исключительно наличием формальных признаков диссертационного дискурса, т. е., в широком смысле, соответствием плану. Навыки создания такого дискурса не востребованы нигде, кроме как в стенах

академии. Они не нужны ни для литературы, ни для науки как таковой, ни для журнальной драки, ни для разговоров на литературные темы в кругу друзей, ни, разумеется, для школы.

Школьный курс литературы со старших классов изучается как история литературы. Но по своему генезису это галерея классиков, важный инструмент социальной адаптации. Классика — это то, что объединяет. В конце концов, нация — это люди, разделяющие общие ценности. Литературу и надо преподавать как ценность, как то, чем она является — возвышенным удовольствием. Это просто-напросто означает, что школа должна создавать хорошую среду для восприятия художественного текста. Проще всего этого достичь, читая с детьми, разговаривая с ними, сопровождая словесный текст музыкой и картинкой. В вузе, если он хоть как-то намерен готовить кадры для школы, надо учить, как это сделать.

Наука тут ни при чем. Настоящая наука трудна, и в школьном преподавании она заменяется псевдонаукой. Школа податлива к сомнительным новациям, легко смешивающимся со штампами советских времен. Дети — конформисты, они выдадут сочинение о чем угодно, хоть о том, что Пушкин — великий учитель православия, а Мандельштам — певец революции.

Впрочем, в школе не осталось и того. Радикальная дегуманизация литературного образования в школе началась задолго до ЕГЭ. ЕГЭ лишь довел ее до логического предела, освободив школу даже от обучения технике сочинения. В итоге университет получает студента, который ничего не читал, читать не умеет и не хочет, так же как не умеет и не хочет говорить о литературе, т. е. не адаптирован к той культуре, от лица которой выступает университет. И университет вместо того, чтобы учить читать профессионально-филологически, вынужден просто учить читать, в самой грубой и примитивной форме *з а с т а в л я я ч и т а т ь*. Это наши списки обязательной литературы и контрольные по текстам. Так школа и вуз поменялись жанрами. Университетский курс истории литературы стал школьной галереей классиков, а школьный урок — университетской лекцией, с одинаковыми убытками для всех.

Вторая асимметрия проявляется в разрыве между активно и пассивно осваиваемыми академическими жанрами. Пассивно осваивается жанр лекции (в основном историко-литературной, поскольку история литературы — безусловно доминирующая дисциплина), активно, помимо курсовой и дипломной работы, осваиваются выступление на семинаре и ответ на экзамене.

Освоение жанра лекции предполагает, что студент приучается соблюдать дисциплину и что-то из содержания лекции запоминать. Раньше студенты ходили на лекции из прагматических соображений, поскольку учебников было мало, сейчас — потому что их лень читать. И раньше, и сейчас значимым остается эстетический момент: некоторые, и даже многие лекторы — мастера своего дела. Личный опыт ограничен, но мне кажется, что общий уровень преподавателей литературоведческих дисциплин в вузах сейчас даже несколько выше, чем в позднесоветские времена. По выбору лектора историко-литературная лекция превращается либо в литературно-музыкальную композицию, либо в более или менее успешную попытку объединить в себе все литературоведческие и даже все гуманитарные дисциплины — критику, историческую поэтику,

теорию литературы, текстологию, историю, социологию, психологию, искусствоведение, эстетику, философию. Самым лучшим удается и то и другое. Хорошая лекция — большое искусство. Однако университет не учит этому искусству. Оно мало востребовано. Новые кадры приходят в высшую школу, лишь восполняя естественную убыль профессорско-преподавательского состава. Заменяющие нас молодые преподаватели худо-бедно учатся сами.

В лекции важны универсальные знания, мастерство и вдохновение, драйв, чувство юмора, артистизм. Ничего подобного преподаватель не вправе ждать от студента на экзамене. Если студент прочел произведение, обладает минимальными историко-литературными знаниями и умеет ими оперировать, он получает оценку «отлично», если прочитал и кое-что знает — «хорошо», если только прочитал произведение или хотя бы сделал вид, что прочитал — «удовлетворительно». Традиционная форма экзамена логично заменяется тестовой формой проверки, менее травмирующей обе стороны процесса. Так университетское преподавание дрейфует к натаскиванию к ЕГЭ по школьному образцу. Когда ЕГЭ будет официально введено в академии, мы скажем Великой Традиции прощай. Многие преподаватели пытаются этот дрейф корректировать, давая студентам разного рода самостоятельные и творческие задания, которые стоят ближе к живым жанрам литературоведческой работы — аннотации, рецензии, реферату, комментарию, эссе, даже научной статье¹. Организация самостоятельной работы такого типа очень трудоемка. Она требует предварительного и последующего собеседования, поскольку не более трети студентов способны выполнить задание в отведенные сроки, но и из этой трети многие бессовестно скачивают ответы из Интернета. Но иногда что-то путное получается.

Пожалуй, жанром академического дискурса, наиболее естественно вписывающимся во внеакадемическую реальность, является выступление на практическом занятии. Группа молодых людей, рассуждающих вперемешку о жизни, литературе, истории, религии и иных вопросах, более всего походит на посетителей светского салона. Но где вы видели светскую беседу, в которой одновременно участвуют 30 человек? Прав был Баратынский: «Старайтесь, чтоб гости за столом, не менее харит своим числом, числа камен у вас не превышали». Да и потом, далеко не по всем курсам предусмотрены практические занятия.

Итак, при общей «научной» ориентированности литературоведческого образования, проблема не только в том, что наиболее научно ориентированные литературоведческие дисциплины в учебном плане филологического факультета занимают факультативное место. Из его ведения исчезает большинство литературоведческих жанров, востребованных наукой, школой и медией. Оно не обучает навыкам речи о литературе, научной или художественной. Дело не в том, чтобы раз и навсегда сделать литературоведение наукой или искусством, а в том, чтобы вернуть ему статус ценности, т. е. чего-то имеющего отношение к жизни.

¹ Кому интересен опыт организации такой работы, может заглянуть на странички автора настоящих заметок в ЖЖ: <http://zlxx.livejournal.com/>, <http://zlxx1.livejournal.com/>, <http://avmarkin.livejournal.com/>

Аверинцев С. С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 3–14.

Берковский Н. Я. Литература и театр. М., 1969. 640 с.

Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. Т. 1. М., 1998. 472 с.

Компаньон А. Демон теории. М., 2001. 336 с.

Пинский Л. Е. Шекспир. Основные начала драматургии. М., 1971. 608 с.

Теория литературы : учеб. пособие : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. Т. 2 : Бройтман С. Н. Историческая поэтика. М., 2004. 368 с.

Статья поступила в редакцию 30.11.2011 г.

УДК 82:80 + 821.161.1 + 008

В. К. Васильев

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ И СТРУКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ*

Рассматриваются проблемы научного метода — так называемый методологический кризис тартуского «структурализма», «структурной типологии», технологии анализа текста в целом. С опорой на собственные исследования предложен типовой методологический комплекс анализа литературных текстов, позволяющий обнаружить «повторяемость в больших масштабах», постоянные и переменные в «русском литературном тексте».

Ключевые слова: научный метод; структурализм; типология; архетип; русская литература; культурология.

Знакомство с работами некоторых современных авторов, пишущих о том, как обстоят дела с методом в гуманитарных науках, в литературоведении в том числе, может навеять весьма пессимистическое настроение. Главная проблема связана с рассуждениями о кризисе метода [см.: Селиванов, с. 127–129; о кризисе в литературоведении см.: Кузьмичев¹]. Можно натолкнуться и на риторику об отсутствии метода. «Если литературоведение — наука, то имеет ли литературоведение научный метод? (Поскольку существует ходячее мнение, будто литературоведение есть досужая болтовня, более или менее терминологическая.)» [Галкин, с. 394]. Так как нам уже приходилось высказываться по

* Статья выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».

¹ В интересной, но неровной и неполной книге И. К. Кузьмичева мы не обнаружили разбора методологических идей А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа, В. М. Жирмунского и многих других ученых, без рассмотрения работ которых сложно говорить о методологии литературоведения XX столетия. Ни слова не сказано о становлении типологии, мотивного анализа, об архетипическом подходе, о лингвистических методах (например, о концептологии), вошедших в инструментарий литературоведов, и т. д. И. К. Кузьмичев достаточно редко напрямую обращается к методологическим трудам и анализу идей, в них изложенных. В результате возникают вопросы по поводу точности и глубины их понимания, а также достоверности некоторых критических высказываний автора.

данной проблеме, нет смысла останавливаться на ней вновь. Хочется надеяться, что в число ходячих мнений когда-нибудь попадет следующее: кризис или отсутствие метода всегда будут там, где исследователь по какой-либо причине находит возможным работать без метода. Полагая, что суждения о кризисе в гуманитарных науках могут быть субъективными, В. В. Селиванов тем не менее пишет о его причинах. «Возможно, кризис возник потому, что в середине XX века были исчерпаны основные ресурсы методологических знаний в области гуманитарной проблематики, чтобы осуществить дальнейшее движение вглубь гуманитарной культуры, а следовательно, и вглубь самого человека, его духовного мира и духовного опыта. Сами понятия “духовный мир” и “духовный опыт” носят в... гуманитарных науках скорее интуитивный смысл, чем научно закрепившееся содержание: они продолжают быть и сегодня весьма неопределенными и расплывчатыми, их контуры не очерчены, их содержательное наполнение отсутствует. <...> ...Гуманитарные науки еще не изобрели свой микроскоп, благодаря которому смогли бы проникнуть в тонкие структуры человеческого интеллекта, духовной жизни» [Селиванов, с. 127–128].

Добавим высказывание В. Е. Ветловской по поводу скептического отношения В. Я. Проппа к возможности применения точных методов при изучении творчества «неповторимых гениев». «Думается, однако, что для пессимизма нет оснований. <...> Словесное искусство, как и любое другое, имеет свои закономерности. Никакой гений, если бы даже он захотел, не в силах безнаказанно их нарушить. И гений, конечно, в этом как раз и проявляется, что он лучше, чем кто бы то ни было, это сознает и этими закономерностями пользуется. Но там, где есть закономерность, есть порядок. Его-то и нужно и можно изучить точными методами. <...> Другое дело, что пока таких методов мы действительно не знаем» [Ветловская, с. 205].

Исходя из собственного опыта, можно сказать, что сколько-нибудь существенное знакомство с тем, как в литературоведении (в его современном культурологическом, а предпочтительнее — в культурно-антропологическом статусе²) обстоит ситуация с методом, напрочь лишает мыслей о кризисе и вызывает лишь сожаление о том, что безбрежное количество текстов до сих пор не подверглись той или иной методологической разработке³.

Одним из самых популярных филологических методов XX в. явился структурализм. В СССР его развитие распадается на два периода. В центре пер-

² Многие ученые склонны видеть в семиотике, а не в культурологии претендента «на роль центра гуманитарно-искусствоведческой проблематики» [см.: Двинятин, с. 73]. Для нас же очевиден приоритет культурной антропологии/культурологии. Тема культурологических аспектов литературоведения, как и самой культурологии, в отечественной науке относительно нова, тем не менее о том, что филология значительной частью трансформировалась в другой предмет — культурную антропологию или культурологию, написано немало. Термин «культурология» мы считаем неточным. Потому наши предпочтения на стороне термина «культурная антропология». В центре его не проблема культуры, а проблема человека в культуре.

³ Часто провозглашаемый всеобъемлющим постмодернизм с его отрицанием смысла, сущности и т. п., а значит, и самой науки на практике далеко не всеобъемлющ. Само увлечение постмодернистов интерпретациями выдает их как половинчатых отрицателей, избегающих конечной логики своей позиции — отрицания всякой интерпретации и всякого смысла.

вого — монография В. Я. Проппа «Морфология сказки» (1928)⁴. Ученым описана не форма волшебной сказки, а ее сюжетно-композиционное строение, т. е. структура. Именно задачу изучения строения волшебной сказки решает ученый в монографии. «Все волшебные сказки однотипны по своему строению» [Пропп, 1969, с. 26], — так звучит заключительный вывод ученого. Он использует в работе и термин «структура», понимая его, в частности, как синоним определения «формальный признак» [Там же, с. 12]. Заканчивая свой труд, автор констатирует: «До сих пор мы рассматривали сказку исключительно с точки зрения ее структуры» [Там же, с. 103]. Природа исследования ученым сюжета волшебной сказки с очевидностью является структуралистской. Поэтому нет оснований для отнесения В. Я. Проппа к формалистам. В центре второго периода — труды главы тартуско-московской семиотической школы Ю. М. Лотмана⁵. После окончания «сталинского периода» в отечественной науке авторитет В. Я. Проппа как ученого неуклонно возрастал, и в первую очередь благодаря открытиям, сделанным в «Морфологии сказки». Ситуация во школой Ю. М. Лотмана выглядит сложнее.

«Тартуско-московский структурализм» (других структуральных школ в СССР не было) не оправдал ожиданий, с ним связанных, т. е. открытий в области конкретного описания структуры русского «художественного/повествовательного текста» так и не случилось. «Все попытки структуралистов показать в литературных текстах наличие стабильных синтагматических последовательностей, сопоставимых с функциональными распределениями Проппа, оказались безуспешными. Особенно серьезным стало поражение в области нарратологии, поскольку на нее возлагались особые надежды; однако и там не удалось выявить стабильные синтагматические последовательности, соответствующие изначальным предсказаниям» [Соболев, с. 17, 18]. Это, пожалуй, основное разочарование и главная предъявляемая данному научному направлению претензия.

Исходя из факта отсутствия практических положительных результатов и из некоторых других (на них мы остановимся далее), вполне уместно задать вопрос: а был ли структурализм? Может быть, за него было принято что-то другое, названное так по ошибке? Произошла же подобная ошибка с В. Я. Проппом: термин «морфология», который мог дать наименование целому научному направлению, попросту оказался, на взгляд автора, неточным.

«Вклад Ю. М. Лотмана в науку можно будет описать лишь тогда, когда получит определение та область умственной деятельности, в которой он работал

⁴ Напомню, что В. Я. Пропп подверг критике термин «морфология» (учение о формах). В статье 1966 г. он писал: «...Термин “морфология”, которым я когда-то так дорожил и который я заимствовал у Гёте, вкладывая в него не только научный, но и какой-то философский и даже поэтический смысл, выбран был не совсем удачно. Если быть совершенно точным, то надо было говорить не “морфология”, а взять понятие гораздо более узкое и сказать “композиция”, и так и назвать: “Композиция фольклорной волшебной сказки”» [Пропп, 1998, с. 217].

⁵ Имеются в виду: «Лекции по структуральной поэтике. Введение. Теория стиха» (1964) и доработанные издания, одно из которых предназначено для профессиональной аудитории («Структура художественного текста», 1970), другое — для широкого круга читателей («Анализ поэтического текста: Структура стиха», 1972).

и которую он в значительной мере создал. Термины “структурализм” и “семиотика”, часто прилагаемые к ней, недостаточны и, возможно, просто не нужны. Лотман давал себе свободу мыслить несистематически и парадоксально, вопросы методологии были ему достаточно безразличны, он не стремился размещать свои идеи в хорошо организованных контекстах европейских интеллектуальных течений. И не его заботами слава структуралиста и семиотика наша его» [Плюханова, с. 180]. Что касается последнего тезиса, заметим, что именно активное обращение Ю. М. Лотмана к соответствующим терминам определило и номинации его научной деятельности.

Отсутствие результатов в сфере описания глобальной структуры литературного текста имеет свои причины. Определение одной из главных дает Д. Соболев. Он пишет о нелегком выводе, к которому постепенно пришел: «тартуский структурализм был во многом основан на заблуждении. <...> ...Несмотря на восхищение Лотманом как человеком и ученым, следует сказать столь однозначно, сколь это вообще возможно: языковая модель литературы — представление о литературе “как языке” — сколь бы привлекательной она ни выглядела, является ложной» [Соболев, с. 5].

Многолетние занятия проблемами метода привели нас к схожим сомнениям, к выводам о специфическом подходе Ю. М. Лотмана к исследованию структуры художественного текста, навязанности жесткой цепки структурализма и «семиотического», «языкового» подхода⁶, о подмене (или даже поглощении) первого вторым и вызванной этим деформации. Объясняя становление научных взглядов Ю. М. Лотмана на рубеже 1950—1960-х гг., Б. Ф. Егоров пишет: «...бурно развивались в те годы семиотика и структурализм, которые можно рассматривать как тесно сплетенные науки; собственно говоря, структурализм — это часть семиотики» [Егоров, с. 94]. Представляется, что сегодня тезис о подчиненности метода (а не науки!) структурализма семиотике нуждается в доказательствах, в убедительных практических иллюстрациях. Если выдвинуть аргумент полувекковой давности, что все зависит от точки зрения, от того, с каких позиций подходить к определению «структурализма», то он всего лишь вернет нас к началу тупиковой ситуации.

«Семиотика как наука и структурализм как метод... основаны на крайне разнородных идеях» [Соболев, с. 9]. Структуралиста интересует решение про-

⁶ Представив (в полном согласии с традицией) «структурно-семиотическую эстетику» в качестве «науки, рассматривающей искусство как особый знак или систему знаков, а отдельное художественное произведение (тексты) — как знак или последовательность знаков этой системы», И. К. Кузьмичев вводит тезис, который в отношении к ситуации с «лотмановским структуральным методом», пожалуй, справедлив: «в сущности никто толком не может сказать, что такое структурализм и что принципиально нового внес он, этот метод, в искусствознание и эстетику» [Кузьмичев, с. 106, 107]. Ср.: «Лотман, которого традиция уверенно причисляет к “структурализму” (пусть и в отечественном, крайне своеобразном изводе), на самом деле только в ранних трудах продемонстрировал интерес к имманентному изучению текста. Разборы (а во многом и теоретическая часть) “Анализа поэтического текста”... почти не имели продолжения у Лотмана, были довольно скоро превзойдены едва ли не во всех отношениях анализами М. Л. Гаспарова и авторов “Русской семантической поэтики”, прежде всего Ю. И. Левина, В. Н. Топорова и Т. В. Цивьян... да уже и тогда фактически не достигали уровня, предложенного Р. О. Якобсоном и К. Ф. Тарановским» (см. ответ Ф. Н. Двинятина на анкету, составленную В. В. Ивановым на тему комментария, в кн.: [Текст и комментарий, с. 80]).

блем: как описать структуру текста, каким образом выявить элементы, ее манифестирующие. Семиотика интересуется знаками и их функциями. Если мы укажем на некие знаки, назовем их структурными единицами текста, опишем их семантику и функции, то будет ли это на самом деле описанием структуры текста?⁷ «Приступая к анализу художественного произведения, мы вообще заранее не можем сказать, какие его элементы окажутся “определяющими”. Заявить, что все они являются таковыми, значит снять вопрос, а не решить его» [Ветловская, с. 203]. На наш взгляд, Ю. М. Лотман тоже снял вопрос, заранее заявив, что структуру надо искать в «знаках». Закономерен вывод: то направление, которое он предложил и назвал структурализмом, на самом деле таковым не является (или является им отчасти). В итоге сложно прийти к другому заключению, кроме того, что структурализм в отечественном литературоведении пока еще не состоялся. Потому нет смысла рассуждать о кризисе структурализма в целом, но можно говорить о более узкой проблематике — кризисе того варианта методологического подхода, который Ю. М. Лотман называл структурализмом.

На наш взгляд, в главе тартуско-московской школы можно видеть структуралиста в своих начальных теоретических посылах, но не в дальнейшей конкретной научной практике и ее результатах. Ученый неоднократно обращался к тезисам, провозглашающим системно-структурное понимание природы текста, и проблемам, с этим связанным. «Современная стадия научного мышления все более характеризуется стремлением рассматривать не отдельные, изолированные явления жизни, а обширные единства, видеть, что каждое, казалось бы простое, явление действительности при ближайшем рассмотрении оказывается структурой, состоящей из более простых элементов и само, в свою очередь, входит как часть в более сложное единство» [Лотман, 1994, с. 17]. Можно привести несколько десятков подобных тезисов из работ ученого. Они и сегодня вызывают полную солидарность с автором. От них можно прямо двигаться к изучению конкретной структуры текста. Ю. М. Лотман, как мы знаем, избрал путь опосредованный, ведущий к подчинению идеи структуры семиотике, к «лингвистическому структурализму», в итоге — к созданию своего специфического — лотмановского — структурализма [см.: Егоров, с. 107].

Опуская многое из того, что хотелось бы еще обсудить (в данном случае такой возможности просто нет), попытаемся подвести некоторые итоги собственным изысканиям в области «структурно-типологического» анализа текста⁸. Но прежде кратко о «структурно-типологическом» методе. В XX в. марксизм, структурализм и типология развивались в сложном симбиозе — в одновременном

⁷ Ср. мнение Г. А. Левинтон: «Что текст можно считать особым знаком, мне кажется очевидным; есть ли функциональный смысл в таком утверждении (т. е. прагматический научный “прок”) — более сложный вопрос. В системе представлений 1960-х годов это, несомненно, имело смысл; продуктивно ли такое утверждение сейчас, не знаю, — пока не увижу для него применений» [цит. по: Соболев, с. 114].

⁸ О структурно-типологическом исследовании текстов русской литературы XI–XX вв. см. в кн.: [Васильев, 2009] и последующих статьях автора. Необходимость его продолжения, встраивание ранее не проанализированных текстов в типологический ряд заставляет нас дополнять выводы и включать их в новые контексты. Не имея возможности обращаться к примерам (да и вряд ли в этом есть необходимость), далее мы ссылаемся на названную монографию.

отталкивании, пересечении и единстве. Задача типологии — исследование структуры объектов и явлений, сведение их к единым типам или моделям на основании общности структур. При этом почему-то никому из аналитиков, пользующихся (и не пользующихся) типологическим методом, не приходит в голову объявить эру наступления посттипологии. Данный метод оказался вне кризиса⁹, в то время как структурализм, о котором мы говорим, испытания временем не выдержал.

Началом рассмотрения вопросов методологии когда-то явились необходимость разобраться в терминах «метод», «структура», «система», «семиотика», «типология» и пр. Из гуманитарных более всего впечатлила ясностью подхода, строгой логикой, а в первую очередь, разумеется, результатом «Морфология сказки» В. Я. Проппа. Названные выше труды Ю. М. Лотмана произвели другое впечатление. Возникли сомнения в объективности операционализма: действительно ли методика описывает структуру поэтического текста? И совершенно не удавалось понять, что и как можно заимствовать из нее (методики) и применить к анализу текстов прозаических. А вот работы Ю. М. Лотмана, посвященные типологии (написанные также в соавторстве с другими учеными), действительно во многом помогли. Что же касается метода, обоснование которого изложено в «Лекциях по структуральной поэтике...» (1964), то постепенно оформилось убеждение, что перспективы его весьма сомнительны, хотя ясно, что семиотический подход в необходимых случаях помогает акцентировать существенные детали произведения и даже описать целые смысловые системы. При этом семиотика и тогда, и впоследствии не убеждала на практике, никак не доказывала заявляемого ее абсолютными приверженцами права на методологическую универсальность.

Сегодняшнюю точку зрения на метод можно сформулировать следующим образом. Метод есть сложная становящаяся система, технологический комплекс, состоящий из обоснования (теоретических) посылок и операционализма (определенной пошаговости). Становится эта система очень медленно, ее оформление связано с постоянным усложнением ввиду проникновения и синтеза теорий, постулатов и приемов из смежных наук, а также очевидного усложнения науки в целом. Многое на пути формирования системы оказывается приблизительным, неточным или ошибочным, что уточняется или отбрасывается. Некоторых составляющих ей до поры до времени просто недостает, и система не способна работать полноценно, пока они в нее не волеются. Так, постепенно формируется т и п о в а я м е т о д и к а, к ней мы и относим «структурную типологию». Метод должен быть свободен от любого мифологизирования и выступать в качестве обычного рабочего инструмента, быть функциональным.

⁹ На одной из недавних международных научных конференций нам довелось услышать мнение, что «типология» уже не модный термин и не стоит выносить его в заглавие научных работ. Конечно, мода и наука иногда пересекаются, но все-таки это явления, весьма далекие друг от друга. В конечном итоге судьба терминов зависит от того, насколько наука не может обойтись без сущностей, ими выражаемых, а не от весьма губительной для нее моды.

Слияние практического аналитического опыта с теорией позволило в итоге сформировать даже не концепцию метода, а технологический комплекс исследования текста. Он включает в себя несколько составляющих: 1) метод, 2) теорию, 3) набор конкретных структурно-архетипических моделей. Рассмотрим подробнее каждую из составляющих.

Открытие сюжетной структуры жанра волшебной сказки вызвало вопрос о применимости аналогичного подхода к литературным текстам. «Очень возможно, что метод изучения повествований по функциям действующих лиц окажется полезным и для изучения повествовательных жанров не только фольклора, но и литературы» [Пропп, 1998, с. 228]. Говоря о своем методе и последующих опытах структуралистов-семиотиков, «стремящихся к объективному и точному изучению художественной литературы», ученый был осторожен. Он полагал, что эти методы «все же имеют свои границы применения. Они возможны и плодотворны там, где имеется повторяемость в больших масштабах. Это мы имеем в языке, это мы имеем в фольклоре. Но там, где искусство становится областью творчества неповторимого гения, применение точных методов только тогда даст положительные результаты, если изучение повторяемости будет сочетаться с изучением единственности, перед которым пока мы стоим как перед проявлением непостижимого чуда. Под какие бы рубрики мы ни подводили “Божественную комедию” или трагедии Шекспира, гений Данте и гений Шекспира неповторимы, и ограничиваться в их изучении точными методами нельзя» [Там же, с. 228–229].

К отрицательному заключению по поводу возможности применения к роману сюжетной модели, разработанной В. Я. Проппом для волшебной сказки, пришел и Ю. М. Лотман. «Все опыты расширительного толкования пропповской модели и применения ее к нефольклорным повествовательным жанрам (от чего решительно предостерегал сам В. Я. Пропп) дали, в общем, негативные результаты» [Лотман, 1988, с. 326].

Почему не удавалось обнаружить аналогичный механизм в литературе? Если пытаться понять причины, то одна из них заключается в том, что использовать надо было не «пропповскую модель», а «метод Проппа». Структурно-типологический метод, который мы использовали при анализе структуры художественных произведений, мы бы сблизили именно с методом Проппа [см.: Васильев, 2009].

Теоретические основы типологии и учение К. Г. Юнга о «коллективном бессознательном» являются следующей составляющей аналитического комплекса.

В свое время при разработке проблемы типологии жанра жития [см.: Васильев, 1989] была поставлена задача описания структуры «национального сюжетного пространства» [см.: Лотман, 1988, с. 330]¹⁰. Выяснилось, что а) агиографические структуры распространены в национальных культурных текстах

¹⁰ Здесь мы вновь пересекаемся с Ю. М. Лотманом [см.: Лотман, 1998, с. 325–344], но предлагаем принципиально иное решение задачи описания «национального сюжетного пространства». В частности, не ограничиваем себя — хронологически и жанрово — исследованием романа XIX в.

(как Средневековья, так и Нового времени) гораздо шире, чем это представлялось ранее, б) их генезис связан с архетипическим сюжетом о Христе и Антихристе [см.: Васильев, 2009, с. 29–36]. Природа означенной проблематики вывела нас на научные разработки К. Г. Юнга. К его первоидеям, первомотивам и первообразам, изначально свойственным человечеству, было необходимо добавить весьма сложную конструкцию — первосюжет, являющийся основой структурно-типологического описания текстов русской литературы (и, надо полагать, текстов христианского ареала культуры). К. Г. Юнг в наличии архетипических сюжетов сомневался. «Сразу бросается в глаза, что юнговские архетипы, во-первых, представляют собой преимущественно образы, персонажи, в лучшем случае роли и в гораздо меньшей мере сюжеты» [Мелетинский, с. 5, 6].

К. Г. Юнг понимал архетип как структуру, но никакого структурного описания архетипики он не дал, т. е. не предложил (и не мог предложить) метода анализа предмета, изучению которого посвятил жизнь. Структурализм (структурная типология) как метод оформился и существовал вне его теоретических построений. Выясняется, что надо было объединить и то и другое. Кроме того, необходимо было выявить и описать сюжет-архетип о Христе и Антихристе — то «первозерно», «первоййцо», из которого и родилось искусство христианской цивилизации и русская литература в частности.

Жизнеописание Христа выполняет в литературе генетическую, сюжетопорождающую, моделирующую функции. К нему восходят все типы житий и образы-характеры святых, послужившие основой для создания положительных, «идеальных» героев новой литературы. Точно такую же функцию выполняет и сюжет-архетип об Антихристе. К нему восходят жизнеописания героев-злодеев. Если понятия святости/добра выражены в учении и деяниях Сына Божия, то понятия греха/зла обладают более таинственной, непроявленной природой. (Сюжет об Антихристе никем и никогда не написан, он реконструирован богословами и учеными.) В данной системе зло является зеркально отраженным и искаженным добром. Если образ и жизнь Христа как образец и модель организуют идеальное пространство культуры, то оказывается, что имеются образ и жизнеописание его противника, которые играют точно такую же роль в организации ее антипространства.

Выявленный механизм мы определяем как матрицу (систему) элементов, функция которой в творческом процессе, как было отмечено, сводится к текст- или сюжетопорождению. Матрица генерирует тождественные тексты (если абстрагироваться от вариативности, т. е. переменных величин) таким образом, будто у нее есть один-единственный автор во всем тысячелетнем историко-литературном процессе. Она вне времени, от нее веет вечностью. Существенно, что она не знает границы между Средневековьем и Новым временем¹¹. Пере-

¹¹ Мы полагаем, что описанный подход позволяет положительно решить давний спор на тему правомерности отнесения к «художественной литературе» памятников средневековой письменности. «В поле зрения поэтики постоянно попадают объекты, маргинальные по отношению к предмету, определяемому как “художественное произведение”. В частности и в особенности это касается средневековой письменности, применительно к которой о “художественности” можно говорить лишь с большой

числя классиков новой русской литературы, основой творчества которых является христианство, мы, как правило, ограничиваемся именами Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. В рассматриваемой же системе обнаруживается удивительный факт: христианство как скрытое структурное основание творчества выявляется в произведениях, например, либерала И. С. Тургенева и писателя с билетом члена КПСС в кармане В. М. Шукшина (примеры легко множатся). Действующие лица их произведений — святые и грешники, ангелы и демоны, Бог и дьявол, Христос и Антихрист.

Речь идет о проблемах глубинно религиозного в творчестве писателей, обладающих глубочайшим психоаналитическим даром. Им принадлежит открытие бытия образа и энергии Бога и дьявола в бессознательном человека. В связи с этим приведу размышления К. Г. Юнга. «Я предпочитаю термин “бессознательное”, хотя знаю, что могу с тем же успехом говорить “Бог” или “демон”... “мана” [психическая энергия], “демон” и “Бог” — синонимы “бессознательного»»; «Говоря о “Боге” как об “архетипе”, мы ничего не говорим о Его реальной природе, но допускаем, что “Бог” — нечто в нашей психической структуре, что было прежде сознания» [Юнг, 1998а, с. 409, 422]. Определяя бессознательное как «единственный источник религиозного ощущения», ученый пишет: «При этом я никак не хочу сказать, что бессознательное тождественно Богу или может послужить ему заменой. Просто оно является средой, из которой возникают религиозные ощущения. Что же касается причины этих ощущений, то ответ на этот вопрос находится далеко за пределами человеческого знания» [Юнг, 1998б, с. 124].

О. Э. Мандельштам писал: «Мера романа — человеческая биография или система биографий» [Мандельштам, с. 73–74]; «Отличие романа от повести, хроники, мемуаров или другой прозаической формы заключается в том, что роман — композиционное, замкнутое, протяженное и законченное в себе повествование о судьбе одного лица или целой группы лиц. Жития святых, при всей разработанности фабулы, не были романами, потому что в них отсутствовал светский интерес к судьбе персонажей, а иллюстрировалась общая идея» [Там же, с. 172]. Однако выясняется, что и роман, и повесть, и рассказ, и драма, и стихи и проза в «повествовании о судьбе одного лица или целой группы лиц» в «системе биографий» н а с л е д у ю т о б щ у ю и д е ю ж и т и я.

Духовное, «агиографическое», «житийное» пространство русской литературы гораздо шире, чем могло представляться, равно как объем и глубина наследования житийных образов и сюжетов новой литературой имеет неожиданные масштабы. Они таковы, что их довольно сложно ограничить, вероятен вывод

натяжкой» [Кузнецов, с. 44]. Автор ссылается на учебное пособие «Историческая поэтика» (М., 2001) С. Н. Бройтмана, в которое принципиально не включено летописание и торжественное красноречие [см.: Там же, с. 45]. Наш материал показывает, что древнерусский текст, в том числе летописный, хранит в себе коды, без которых невозможно проникнуть в глубинные, архетипические смыслы классических произведений новой литературы. «Глубинное», психоаналитическое (архетип — прежде всего психоаналитический термин) литературоведение возможно при условии первоначальной декодировки именно текстов Средневековья.

об их абсолютности, т. е. агиографическое жизнеописание в буквальном смысле — основа сориентированных на христианскую традицию бесчисленных сюжетов-жизнеописаний (биографий) в новой литературе.

В. Я. Пропп выстроил структурно-композиционную модель одного жанра и одного сюжета — волшебной сказки. В результате он открыл постоянные (функции (поступки) действующих лиц) и переменные (действующие лица) сюжетные величины.

Нами (с разной степенью полноты) выстроены модели сюжета-архетипа о Христе и Антихристе как генетически исходного, а также «преподобнического», «мученического» сюжета житий, «воинских повестей агиографического типа», сюжета «о злых и добрых женах». Каждая модель строится на конкретных текстах, входящих в соответствующий типологический ряд. Данные ряды образуют единое типологическое направление в границах тысячелетнего национального историко-литературного процесса. Выявленная типология носит межжанровый характер: она объединяет жития, повести Средневековья и Нового времени, романы, рассказы, драматические произведения и т. п. Центральной ее единицей является сюжет, выступающий как жизнеописание/биография героя.

Таким образом, мы сталкиваемся с повторяемостью «в больших масштабах» в литературе. Тексты типологического ряда, обладающие общей структурной природой, также обнаруживают постоянные и переменные величины. Постоянными будут выявленные матричные структурные элементы, переменными — литературные герои. За ними стоят Христос и Антихрист — архетипические образцы.

Как видим, механизм описания переменных и постоянных величин в литературном творчестве оказался значительно сложнее открытого и описанного В. Я. Проппом, сложнее с точки зрения своего устройства и функционирования, генезиса и исторической динамики.

Мы полагаем, что в середине XX в. «ресурсы методологических знаний в области гуманитарной проблематики» не могли быть исчерпаны, наоборот, при всех известных исторических коллизиях они постепенно накапливались. Этот процесс продолжается. Представленная технология анализа текста позволяет выявить тот факт, что неповторимые гении постоянно повторяются, и делают они это большей частью бессознательно. На наш взгляд, совершенствование описанного методологического комплекса ведет именно к созданию микроскопа для изучения таинственных явлений духовного мира человека. Здесь есть над чем думать. Естественно, что взгляд на представленные проблемы со стороны и любая конструктивная критика были бы только полезны.

Васильев В. К. Век XI и век XX: два сюжета русской литературы // Материалы XXVII Всесоюз. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс». [Сер.] Филология. Новосибирск, 1989. С. 78–84.

Васильев В. К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков. Архетипы русской культуры : от Средневековья к Новому времени. Красноярск, 2009.

- Ветловская В. Е.* Вопросы теории сюжета // Русская литература и культура Нового времени. СПб., 1994. С. 195–207.
- Галкин А. Б.* Литературоведение как миф // Литературоведение как проблема. М., 2001. С. 393–427.
- Двинятин Ф. Н.* Семиотика, семиотическая поэтика, структура текста: некоторые научные итоги и образовательные перспективы [Электронный ресурс]. URL : <http://tmp.iphil.ru/semiotic/publikacii/f-n-dvinyatin-semiotika-semioticheskaya-poetika-struktura-teksta-nekotorye-nauchnye-itogi-i-obrazovatelnye-perspektivy> (дата обращения: 3.09.2011).
- Егоров Б. Ф.* Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М., 1999.
- Кузнецов И. В.* О предмете исторической риторики // Критика и семиотика. Новосибирск ; М., 2005. Вып. 8. С. 44–65.
- Кузьмичев И. К.* Литературоведение XX века. Кризис методологии. Н. Новгород, 1999.
- Лотман Ю. М.* Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 17-263.
- Лотман Ю. М.* Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 325-344.
- Мандельштам О. Э.* Конец романа // Мандельштам О. Э. Слово и культура : статьи. М., 1987. С. 72–75.
- Мелетинский Е. М.* О литературных архетипах. М., 1994.
- Плюханова М. Б.* Исследования Ю. М. Лотмана по древнерусской литературе и XVIII веку // Лотмановский сб. 1. М., 1995. С. 180–187.
- Пропт В. Я.* Морфология сказки. М., 1969.
- Пропт В. Я.* Структурное и историческое изучение волшебной сказки // Пропт В. Поэтика фольклора : собр. тр. М., 1998. С. 208–229.
- Рейтблат А.* Почитать или продолжать? // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 400–404. Рец. на кн.: Лотмановский сборник. М., 1995. Вып. 1.
- Селиванов В. В.* Кризис методологий в гуманитарных науках // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века : к 80-летию проф. Моисея Самойловича Кагана : материалы междунар. науч. конф., 18 мая 2001 г., Санкт-Петербург. Сер. Symposium. Вып. 12. СПб., 2001. С. 127–129.
- Соболев Д.* Лотман и структурализм: опыт невозвращения // Вопр. лит. 2008. № 3. С. 5–51.
- Текст и комментарий : круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова.* М., 2006.
- Эпштейн М.* Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М., 2004.
- Юнг К. Г.* Воспоминания, сновидения, размышления. Львов, 1998а.
- Юнг К. Г.* Избранное. Минск, 1998б.

Статья поступила в редакцию 22.09.2011 г.

УДК 82-343.4 + 81'42 + 801.81

В. Ю. Клейменова

ЛЖЕТ ЛИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ?

Рассматривается понятие фикциональности художественного текста. Исследуются формы проявления оппозиции «фикциональность — реальность (действительность)» в тексте волшебной литературной сказки, а также проблемы референциальной специфики художественного текста и верификации высказываний о фикциональном мире.

Ключевые слова: реальность; фикциональность; волшебная сказка; референциальная специфика; верификация.

Ответ на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, зависит прежде всего от того, как исследователь определяет, во-первых, доминанту художественного текста; во-вторых, референциальную специфику высказываний, актуализированных в художественном тексте; в-третьих, способы верификации истинности/ложности этих высказываний.

Доминантой художественного текста как сложного многоуровневого речевого произведения, в котором вымышленные миры обретают свою материальную форму, является, по нашему мнению, *фикциональность*, определяющая реализацию и языковую экспликацию остальных признаков. Логические вопросы фикциональности рассматривались в трудах философов-аналитиков (Э. Ауэрбах, А. Компаньон, Дж. Остин, Дж. Серль), филологические аспекты проблемы — в исследованиях таких авторов, как Ж. Женнетт, В. Изер, М. Риффатерр, Р. Черкасов и др. Фикциональность в самом общем смысле может быть определена как репрезентативная способность, как инструмент, «который направляет необходимый поток фантазии в наш повседневный мир. В качестве деятельности сознания она высвобождает энергию источников нашего воображения, одновременно придавая им нужную в плане применения форму...» [Изер, с. 13]. Фикциональность представляет собой связующее звено между воображением как разновидностью деятельности нашего сознания и способами репрезентации результатов этой деятельности, способами их введения в объективную реальность. Наиболее эффективный способ материализации результатов деятельности воображения — это язык, так как он позволяет человеку описать не только мир, существующий вокруг него, но и зафиксировать нематериальные сущности, такие как впечатления от экзистенциальных сущностей, мнения о них, а также сновидения, мечты и фантазии.

Фикциональность в текстовом континууме можно рассматривать с различных точек зрения. В рамках оппозиции «фикциональность — фактуальность» определяются границы между художественными и нехудожественными текстами и языковые средства манифестации вымышленности текста, те сигналы, благодаря которым читатель готов воспринимать произведение как литературное. Оппозиция «фикциональность — реальность (действительность)» позволяет изучать формы мимесиса и способность художественного текста к репре-

зентации вымысла, т. е. особого феномена речемыслительной деятельности, «с помощью которого можно указать на свойства (характеристики) предикации, не известные, не проявившиеся, не зафиксированные в человеческом опыте до определенного момента» [Ильинова, с. 19]. В статье рассматриваются формы проявления второй оппозиции в тексте волшебной литературной сказки.

Явленная в художественном тексте модель фикционального мира онтологически и эпистемологически основана на модели реально существующего мира (о первичности реального мира по отношению к миру вымышленному писали Л. Витгенштейн, Д. Льюиз, М. В. Никитин). Любая фантазийная реальность представляет собой целостную сущность, в которой аналоги фрагментов окружающей действительности, познанных автором в процессе индивидуальной эвристической деятельности, сочетаются с элементами художественного вымысла. Соотношение между отраженным и вымышленным варьируется не только в зависимости от жанра (типа текста), но и от индивидуальных предпочтений автора. «Изображая действительность, писатель вольно или невольно вносит в эту действительность свое к ней отношение, переплетает в произведении правду и вымысел. Если попытаться передать это авторское видение мира другими языковыми средствами, то невозможно избежать искажения этой действительности, создания новой, отличной от нее картины мира» [Степанов, с. 144].

Рассмотрим, как переплетение отраженного и вымышленного порождает целостный сказочный мир, актуализированный в произведении Дж. Мерфи «Самая плохая ведьма приходит на помощь». Отраженные элементы внетекстовой реальности обеспечивают достижение эффекта достоверности фикционального мира. Они репрезентированы лексическими единицами следующих тематических групп: элементы организации школьной жизни (*class, to set a holiday project, pupils, form mistress*), эмоционально-психологические характеристики персонажей (*strict and exacting, unbelievable patience, shocked and upset*), пейзаж (*the forest which surrounded the academy for several kilometers*), одежда персонажей (*cardigan, hat, a black velvet bow, a black skirt topped by a grey twinset*). Вымышленные элементы обеспечивают эффект фантастичности и динамичность сюжета, они представлены названиями предметов и действий, связанными с осуществлением магических действий (учебник *Year Three Spell Session, a spell, a cauldron, to turn clay into a rattle snake, to hover the broomstick above the castle, to transfer*).

Сюжет сказки представляет собой единство отраженного и вымышленного. Калейдоскопическая смена событий, как возможных во внеязыковой действительности, так и неосуществимых (на уроке ученики лепят из глины, которая превращается в змею, говорящая черепаха передает информацию через говорящую лягушку, главная героиня летит на метле, чтобы спасти черепаху), обусловлена синтезом реалистических и фантастических причин (желание ученицы избежать наказания за неделанное домашнее задание — придумать новое оригинальное заклинание). Достижение поставленной цели осуществляется комбинированными средствами: чужой проект украден у его автора, волшебные свойства изобретения демонстрируются в классе. Действие разворачивается в псевдореалистическом хронотопе (школа магии, учебная

лаборатория для приготовления зелья, лес, окружающий школу). Фантастичность ситуации не препятствует передаче культурно значимой информации о системе этических ценностей: нечестность и предательство оцениваются резко отрицательно как во внетекстовой действительности, так и в фикциональном социуме. *Ethel Hallow took Mildred's spell and passed it off as her own. I'm not surprised that you wanted it, Ethel, but you can't just take something that doesn't belong to you, nor must you use spell-making to wreck the work of someone who is better than you in that subject. I think an apology is in order, Ethel* [Murphy, p. 167–168].

Создавая вымышленный мир, автор интегрирует фантазийное и познанное на опыте: креативное сознание творит реальность не на основе эмпирической вещной природы, а опираясь на смысловые структуры. Несмотря на наличие в тексте аналогов реальных объектов окружающей действительности, онтологический статус целостного образования определяется как вымышленный фикциональный мир, сконструированный сознанием, этим и определяется фикциональность текста сказки.

Вторая проблема, обозначенная в начале статьи, — это проблема референциальной специфики художественного текста. Под термином «референция» в наиболее общем смысле понимается «отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений/именных групп или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» [Языкознание, с. 411]. Исходя из этой дефиниции, референцию текста можно определить как отношение мира текста к внетекстовой действительности или, перефразируя Н. Д. Арутюнову, способ «зацепить» текст за мир.

Вопрос о референциальности художественного текста можно рассматривать с двух позиций. Некоторые исследователи исключали вымышленные образования из сферы изучения проблем референции именно в силу их фантазийности и говорили о демонстративной безреферентности художественного текста (Л. Линский, Н. Н. Михайлов, П. Стросон). Например, П. Стросон называл использование значимых сочетаний, не относимых ни к чему, псевдоупотреблением [см.: Стросон, с. 69].

Согласно второму подходу, теория референции может быть применена не только к обыденному миру и его ментальной модели, существующей в сознании человека, но и к ментальным моделям вымышленных миров. Этой точки зрения придерживается, например, Е. В. Падучева, по мнению которой, «в случае вымышленного мира референтами языковых выражений будут объекты и ситуации в вымышленном мире текста» [Падучева, с. 244]. (см. в этой связи также работы Н. Д. Арутюновой, В. З. Демьянкова, О. Е. Фроловой, М. А. К. Хэлидея, А. Д. Шмелева и др.). Способность человека делать значимые утверждения о явно вымышленном объясняются тем, что мы считаем и называем «сущностями все сущее в ментальных мирах сознания независимо от того, являются ли они отражением мира действительного или же являются в той или иной мере конструктами сознания» [Никитин, 2006, с. 3].

Учитывая тот факт, что референция рассматривается не как имманентное свойство выражения, а как «то, для чего говорящий может его употребить» [Стросон, с. 63], правомерно утверждать, что механизмы референции представ-

ляют собой универсалии и не зависят от онтологического статуса действительности, явленной в тексте. Поскольку в тексте волшебной литературной сказки сущность, к которой говорящий производит референцию, есть вымысел, и наши утверждения есть утверждения о вымысле, референция в данном текстотипе представляет собой совокупность логико-семантических принципов соотношения внетекстовой реальности и текста как целостной системы, репрезентирующей в вербальной форме ментальную модель фикционального мира.

В связи с тем, что отсутствие референта в действительном мире не является препятствием для вербализации вымышленных конструкторов, представляется обоснованным использование теории референции применительно к вымышленному пространству. Введение оператора «вымышленный» в определение понятия референции, предложенное Ю. С. Степановым [см. об этом: Степанов, с. 219], позволит рассмотреть фикциональный мир текста как референциальное пространство, в котором осуществляется приложение языковых выражений к объектам вымышленного мира как в речи персонажей, так и в повествовании.

Референциальное пространство обладает следующей особенностью: оно соотносится с жанровыми характеристиками текста, его сильными позициями, субъектами речи, модальностью, предикатами пропозициональной установки, выступающими как миропорождающие операторы, перцептивным модусом [Фролова, с. 13]. Участники процесса фиктивной коммуникации имеют дело не с пространственной определенностью вещи, а с ее логической определенностью, т. е. с возможностью идентификации вещи или лица, о которых идет речь. Например, в выступлении директора школы речь идет о событиях, известных персонажам и читателям из предыдущих глав, это предварительное знание обеспечивает успешность процесса референции. *Various unpleasant events have happened since the beginning of this term,' announced Miss Hardbroom, 'and the evidence unfortunately pointed to Mildred Hubble as the culprit. I have to tell you all that Mildred was entirely innocent of any blame whatsoever. Not only has she written the best holiday project that I have ever seen, she also carried out the heroic rescue of a poor dumb animal ... in the middle of a virtual hurricane* [Murphy, p. 167—168]. Полужирным выделены лексические единицы, референция которых опирается не на пространственную, а на логическую определенность. Этот пример доказывает, что в тексте для выполнения референтным выражением своей коммуникативной функции (указания на предмет, о котором идет речь) недостаточно значения лексической единицы, необходимо использовать знания, имеющиеся у коммуникантов. «Текст — это воплощенный в предметах физической реальности сигнал, передающий информацию от одного сознания к другому и поэтому не существующий вне воспринимающего его сознания» [Руднев, с. 9].

Референцию в фикциональном мире литературного произведения можно, вслед за Льюизом, назвать «притворной». Целесообразно различать два типа этой специфической референции: 1) референция к субъектам (персонажам), объектам (предметам) и поступкам персонажей, не имеющим референтов в реальной действительности, и 2) референция к реально существующим субъектам, объектам и поступкам субъектов, которые были перенесены из действительности

в фикциональный мир силой авторского воображения. Референтное выражение в вымышленном мире сохраняет свою соотнесенность с коммуникативной ситуацией, как вымышленной, участниками которой являются персонажи, так и реальной, в которой действуют автор и читатель.

Структура притворной референции может варьироваться в зависимости от текстотипа конкретного речевого произведения, в котором осуществляется акт референции. Например, говоря о текстотипе волшебной литературной сказки, можно выделить не два, а три типа предметов, наполняющих вымышленное пространство:

1) аналоги реально существующих или существовавших предметов материальной культуры или социальных ролей (*a lesson, a teacher, a bed, pajamas*);

2) фикциональные или вымышленные предметы и сущности — как традиционные для данной культуры (*a wand, a mermaid, a spell, a potion*), так и созданные фантазией автора (*alithmometer, invisibility cloak, The Goblet of Fire, deamon*);

3) функционально-фикциональные, т. е. реальные предметы материальной культуры, которые получают в вымышленном мире свойства, нарушающие нормы их использования, традиционные для данной культуры (*a ring* — средство перемещения между вымышленными мирами, *a broom* — транспортное средство или спортивный снаряд, *a wardrobe, a train* — портал между мирами).

Все эти предметы включены в состав фикционального мира, но их функции различны с позиций художественной семантики. Предметы первой группы не только организуют художественный мир, но создают «референциальную иллюзию» (термин Р. Барта), т. е. соотносят вымышленный мир с реальностью, заставляя читателя поверить в реальность предметов второй и третьей групп. Некоторые детали избыточны, они ничего не добавляют ни к характеристике персонажа, ни к выражению авторской интенции, их единственная задача быть средством репрезентации процесса «якорения» — привязывания фикционального мира к реальности, например, описание одежды персонажей или меню школьной столовой.

Предметы этих трех типов имеют равный статус с точки зрения теории референции, поскольку, во-первых, любой из них может быть объектом сообщения и потребовать не только номинации, но и референции. Во-вторых, каждый тип представляет собой внешний мир, с которым соотносится текст.

Отсутствие данного в непосредственных ощущениях референта не есть препятствие для референции как онтологического основания использования языковой единицы в тексте. Несмотря на то, что вымышленные или фикциональные предметы/существа имеют в качестве референта не физический объект, а ментальный образ, механизм процесса референции оказывается идентичным в обоих случаях. Особенно важно, что в тексте предмет/существо (главная героиня) рассматриваются не изолированно, а во всей совокупности имплицитных связей с другими образами — фикциональными (говорящая черепаха) и реальными (предметы мебели, упаковки, овощи), образующими единое культурное пространство, репрезентированное текстом: *Mildred swung herself on to her knees so that she could look over the side of the bed and see underneath. There she*

saw the usual pile of boxes and suitcases and Speedy <the tortoise>, munching his carrot. 'Was it you?' asked Mildred faintly. 'Did you speak?' 'I did,' said Speedy, turning to face Mildred [Murphy, p. 84–85]. Референциальное пространство сформировано вымышленными аналогами реальных предметов, фикционально-функциональным образом.

В неязыковой действительности, в том случае, когда и говорящий, и слушающий осознают, что обстоятельства вымышленные, что значимое сочетание не относится ни к чему за пределами фикционального мира, появляется псевдоупотребление, или вторичное употребление. Примером такого вторичного употребления являются высказывания о фикциональном мире сказки в процессе реальной коммуникации, коммуникации между читателями, лингвистами, автором и читателями, в том числе и в данной статье.

Третья проблема — в е р и ф и к а ц и я. При лингвистическом рассмотрении референции в процессе интерпретации предложения основополагающим оказывается утверждение о том, что «истинность — ложность не заложены в структуре языка как конститутивный принцип» [Никитин, 2007, с. 555].

При определении норм верификации высказываний о фикциональном мире как в реальной, так и в фиктивной коммуникации следует исходить из постулата Н. Гудмена о том, что дескрипция может быть признана адекватной лишь для того мира, которому соответствует референт. Он предложил различать два смысла слова «реалистичный»: «соответствующий обыденным суждениям о правдоподобном» и «вновь обнаруженный с некоторой достоверностью» [Гудмен, с. 211]. Если читатель согласен принять предложенную автором «сеть полаганий» (*the web of belief*), то для него фикциональный мир есть действительность, равнозначная реальности. Причем для нее оказываются релевантными общие принципы построения системы: на чем более элементарных основаниях строится конструктивная система, тем более плотными устанавливаются систематические связи и тем полнее общая связность и внутренняя непротиворечивость системы. Следующим этапом является выявление согласуемости различных систем, т. е. применительно к лингвистическим ситуациям, intersubъективной аутентичности значений, возможности одинаковой идентификации референтов всеми членами языкового сообщества.

Применительно к фикциональному миру сказки этот постулат может быть интерпретирован следующим образом: истинно то высказывание, которое соответствует информации, изложенной в тексте. Введение оператора «в фикциональном мире конкретного сказочного цикла» позволяет верифицировать высказывания как исторически достоверные (фактуальные) в этом мире, как необычные для данного мира или фабульные и, наконец, как метафорические, не только описывающие вымышленное для данного мира как реальное, но созданные по формуле «говорится одно, а имеется в виду другое». Например, героиню рассматриваемой в этой статье сказки выгнали с урока, используя специальное заклинание. Описание ее страданий воспринимается как исторически достоверное, мотивированное нормами фикционального сообщества и одновременно апеллирующее к личному опыту читателя: *To be 'transferred' was the most humiliating dismissal a teacher could possibly make. It was an even more*

insulting version of an adult saying, 'Get out of my sight' [Murphy, p. 77]. В высказывании педагога необычность ситуации, создание главной героиней успешного проекта, также мотивированы предыдущей информацией о фикциональном мире: главная героиня имеет заслуженную репутацию самой проблемной ученицы: *You surely don't imagine that anyone in their right mind would believe that you could possibly have put in the amount of work needed to assemble... fifteen pages of a holiday project,*' continued Miss Hardbroom, *that obviously required a sharp brain, superb concentration and unbelievable patience. I don't remember you ever displaying even one of these worthy characteristics, Mildred* [Murphy, p. 72].

У каждого референта фикционального мира, отвечающего таким условиям, как вымышленность, сочетание фактуального и фантазийного, есть собственная «референциальная история», которая складывается из анафорических связей в цепочке выражений, использованных для установления связи между фикциональным миром и высказыванием. Верификация истинности высказывания должна осуществляться именно на основании содержащейся в тексте информации об этом мире. В каждой последующей книге цикла увеличивается доля невербализованной информации, которая только подразумевается и входит в тезаурус читателя. Многие элементы остаются непоименованными, но они легко воссоздаются при работе с текстом.

Вымышленный мир художественного текста представляет собой его референционное пространство, т. е. целостную систему, сформированную многочисленными одноэлементными и многоэлементными денотатами. Вымышленные референты разной степени приближенности к реальности, во-первых, создают иллюзию достоверности фикционального мира, в котором живет персонаж; во-вторых, обеспечивают процесс фиктивной коммуникации. Язык вымышленного мира есть сущность вымышленная, он включен в указанный мир. Языковые выражения обладают референциальной точностью в пределах референтного пространства данного вымышленного мира. Верификация высказывания может быть осуществлена только на основании норм и правил, характерных для конкретного фикционального мира. Фикциональный мир, рассматриваемый как ментальное образование и факт культуры, может быть верифицирован как истинный.

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что художественный текст не лжет и не говорит правду, он р е п р е з е н т и р у е т в ы м ы ш л е н н у ю р е а л ь н о с т ь, созданную воображением автора на основе его личного опыта контактов с окружающей внеязыковой действительностью. Эта вымышленная реальность не совпадает с окружающей действительностью, но сохраняет сходство с ней, отображает и преобразует ее в соответствии с интенциями автора. Читатель принимает заданное автором допущение об условности вымышленной реальности во всех ее аспектах (пространственном, временном, предметно-фактическом и т. д.). Он находится в состоянии «добровольной галлюцинации» (термин Л. С. Выготского), т. е. верит, по крайней мере в период работы с текстом, в существование фикционального мира.

Высказывания об отдельно взятой фикциональной действительности могут быть верифицированы как истинные или ложные, т. е. соответствующие/

не соответствующие содержащейся в тексте информации об этом референциальном пространстве. Причем для определения истинности высказывания отнюдь не важно, говорим мы об отраженном или фантазийном фрагменте, так как в художественном тексте онтологический статус вымысла и отражения реальности выравнивается. Эти типы деятельности сознания оказываются одинаково важными для создания фикциональной действительности. Более того, вымышленность референта не влияет на механизмы порождения акта референции и языковые средства его воплощения, которые не отличаются от актов референции применительно к реально существующим объектам и могут рассматриваться как универсалии.

Гудмен Н. Способы создания миров / пер. с англ. А. Л. Никифорова и др. М., 2001. 376 с.

Изер В. К антропологии художественной литературы // Новое лит. обозрение, 2008. № 94 (6). С. 7–21.

Ильинова Е. Ю. Вымысел в языковом сознании и тексте. Волгоград, 2008. 508 с.

Никитин М. В. Основные модели когнитивной оппозитивности // *Studia Linguistica* XV. Язык и текст в современных парадигмах научного знания. СПб., 2006. С. 3–12.

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб., 2007. 819 с.

Падучева Е. В. Семантические исследования : (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996. 464 с.

Руднев В. П. Прочь от реальности : исслед. по философии текста. М., 2000. 432 с.

Степанов Г. В. Несколько замечаний о специфике художественного текста // *Лингвистика текста* : сб. науч. тр. М., 1976.

Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры. М., 2001. 990 с.

Стросон П. Ф. Идентифицирующая референция и истинностное значение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13 : Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 55–86.

Фролова О. Е. Мир, стоящий за текстом: референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М., 2007. 320 с.

Языкознание : большой энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998. 685 с.

Murphy J. The Worst Witch to the Rescue. L., 2008. 172 p.

Статья поступила в редакцию 20.03.2011 г.

РЕЦЕНЗИИ

Ю. Говорухина

ТВОРЧЕСКАЯ НЕУДАЧА. ПОПЫТКА НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Рец. на кн.: *Феномен творческой неудачи* / под общ. ред. [и с предисл.] А. В. Подчиненова и Т. А. Снигиревой. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 424 с.

Творческая неудача — тема, которая требует от исследователя особой гносеологической позиции — установки на осмысление, прояснение, теоретическое «завершение» явления и одновременно на осознание приблизительности, а главное, принципиальной небеспорности собственного суждения. Думается, только такая позиция наиболее продуктивна в ситуации, когда исследователь вынужден апеллировать к субъективному опыту восприятия и оценки «неудачного» текста и в целом явления художественной неудачи. Сам объект, выбранный учеными, сопротивляется точному метаописанию. Причина не в исторической изменчивости восприятия (время — лишь условие смены установок), а в самой природе рассматриваемого явления, которое располагается в области аксиологии. Исследуя творческую неудачу, литературоведение вторгается на территорию литературной критики, одной из задач которой и является оценка художественного текста как удачного или неудачного. Критика за долгий путь своего развития выработала инструментарий оценок и убеждения читателя в верности этих оценок, продемонстрировала и продолжает демонстрировать изменчивость оценок и их критериев. Литературоведение опытом научного описания (не)удачи не владеет. Вот почему научный дискурс в разделах этой монографии (особенно первого раздела — «Художественная неудача: причины и следствия», самого «опасного» с точки зрения формулирования объективных суждений) сближается с литературно-критическим; почти в каждой статье этого раздела авторы последовательно апеллируют к оценкам критиков.

Тем не менее выработка литературоведческого языка описания творческой неудачи необходима. Рецензируемая книга — первый опыт определения основных направлений исследования: маркеры художественной неудачи, рецептивный момент неудачи, неудача как объект художественной рефлексии, креативный потенциал неудачи. Этими мыслительными маршрутами охватываются основные компоненты эстетической деятельности автора (интенции, моделирование идеального адресата, авторефлексия), текста («следы» (не)удачи), читателя (горизонт ожидания, коммуникативная ситуация, эстетические ориентиры). Каждый из векторов исследования соединяет ряд конкретных филологических исследований в основные части, в предисловии названные «проблемными блоками»: в первой части — «текст», во второй — «текст — читатель», в третьей — «текст — творческий акт», в четвертой — «текст — множество потенциальных текстов». Уточним: формулировки названий разделов монографии обозначают именно возможные направления исследования творческой неудачи. Круг проблем можно реконструировать, осмысливая заданные исследовательские ориентиры, а также опираясь на содержание статей монографии.

Первый раздел («Художественная неудача: причины и следствия») ставит следующий круг вопросов: возможны ли объективные показатели (маркеры) художественной неудачи? возможна ли система критериев оценки текста как (не)удачного, актуальных не только для данной социокультурной ситуации или группы, но и универсальных? возможно ли установление причин творческой неудачи вне поля рецепции текста?

Т. Ф. Семьян, автор статьи «Стилистические маркеры творческой неудачи (на материале романа Ч. Айтматова “Плаха”»)» утверждает, что «филолог может установить критерии творческой удаи и неудачи» (с. 51). Установка естественная для литературно-критического дискурса, в научном не столь очевидна и, на наш взгляд, преждевременна. Какие «следы» художественной неудачи обнаруживают исследователи?

Первый маркер — усложненность, избыточность — вычлняют Н. В. Барковская в статье «Избыточность как фактор творческой неудачи в романе А. Белого “Москва”» и А. В. Миронов в статье «Неудачи Нарбута-поэта и Нарбута-редактора». Речь идет об избыточности цвета, ритма, смысла, располагающегося за границами восприятия читателя. Однако данный критерий неудачи не имеет, по сути, объективного/формального измерителя. Невозможно определенно ответить на вопрос, где пролегает граница между сложностью и усложненностью, полнотой и избыточностью. Кроме того, приговор «неудача» становится не столь очевидным в случае, когда усложненность является частью художественной задачи.

Актуальны следующие вопросы: в чем различие творческой и рецептивной неудачи? предполагает ли творческая удача удачу коммуникативную? Вопросы не раз обсуждались в русском литературоведении и критике и в период становления модернизма, породившего принципиально новые литературные практики и установки восприятия, и в контексте полемики о формализме, и в годы выхода из андеграунда постмодернистского искусства. Имеет ли право

художник быть непонятым читателем. Непонимание не является знаком неудачи. История критики дает нам многочисленные примеры неочеченности произведений, ставших впоследствии классическими. Вспомним оценки А. А. Фета «реальными» критиками, непонимание и неприятие позднего Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого критикой, отстающей от литературной практики.

Исследователь неудачи оказывается в противоречивой эпистемологической ситуации. Оценка «неудача» возникает только в сознании реципиента (профессионального или непрофессионального, самого автора, который в процессе авторефлексии выступает в роли читателя своего текста), обусловлена внетекстовыми параметрами: эстетическими предпочтениями, идеологическими ориентирами, коммуникативной ситуацией. Задача авторов этого раздела монографии — обнаружить следы неудачи в самом тексте, вне поля рецепции. Несомненно, обнаружение таких маркеров представляет интерес, но полученная система неуниверсальна (так, текст без названных маркеров может объявляться неудачей из идеологических убеждений) и неизбежно располагается в сфере чистой рецепции («усложненность», «избыточность» — не исключение). Другие маркеры — «неубедительность» (Н. В. Барковская), «неестественность» (Т. Ф. Семьян), «прямолинейность» (К. Д. Гордович «Публицистика в художественном тексте (творческие просчеты А. Солженицына и В. Астафьева)»), «затянутость» (Е. Н. Проскурина «Поэтика творческой неудачи в романе Г. Газданова “Эвелина и ее друзья”») — также субъективны, а главное, недоказуемы. Стилистические маркеры «вычурность», «претенциозность», «высокопарность» (Т. Ф. Семьян) и субъективно-оценочны, и недостаточны. Более объективными видятся «клишированность» и «разрушительное влияние публицистичности на художественный текст» (Т. Ф. Семьян обнаруживает влияние последнего в размывании сюжета, упрощении, редукции психологических мотивировок в романе Ч. Айтматова «Плаха»; А. В. Кубасов доказывает возможность объяснения творческой (не)удачи (не)различением художественного и публицистического дискурсов в текстах Чехова и Суворина). Попытки обнаружить собственно художественные показатели неудачи, несомненно, интересны, но часто располагаются в области литературно-критического видения текста, обрастают субъективностью.

Итак, исследование творческой неудачи предполагает разные ракурсы, разные дескриптивные намерения, не конфликтные между собой. Помимо названных позиций (объективного наблюдателя и критика), существует еще одна — художественно-рецептивная, позиция самого писателя. Ракурс видения неудачи изнутри творческого процесса принципиально иной: неудача здесь не феномен (в значении «редкое явление»), а обычная составляющая творческого труда, нередко становящаяся темой произведения. Если литературоведение остается в своих поисках «следов» неудачи внутри текста, то писатели в процессе художественной авторефлексии выходят за его пределы, обнаруживая причины неудачи в области мировоззренческой, экзистенциальной (в этом смысле коррелируют друг друга и сталкиваются установки первого и третьего («Художественная рефлексия творческой неудачи») разделов монографии, где акту-

альными становятся понятия смысла творчества, миссии творца. Условиями и одновременно проявлениями неудачи мыслится несвобода, понимаемая широко (в политике, эстетике), ложность идеалов (Ю. В. Кондакова «Переживание творческой неудачи и неудачники от творчества в романе М. Булгакова “Мастер и Маргарита”»), несовпадение творческого акта и жизнестроения (Е. А. Худенко «Неудавшийся роман” М. М. Пришвина “Журавлиная родина”»).

Второй раздел («Творческая неудача: рецептивный и коммуникативный аспекты») посвящен модели художественной коммуникации, которая включает конфликт интерпретаций, несовпадения кодирования и декодирования, адресата и реципиента. Важна здесь, на наш взгляд, проблема поиска и возможности качественного анализа «шума» в художественной коммуникации разных социокультурных периодов, обуславливающего непонимание/неприятие и, как следствие, оценку «творческая неудача». В качестве «шума» в статьях называются идеологическая пропаганда, мода, опережение творцом эстетического сознания своего времени. Так, А. В. Кубасов в статье «Творческая неудача читателя-писателя: Чехов vs Суворин» выходит к позиции вневходимости писателя («оставаясь человеком своего времени, одновременно возвыситься над ним, увидеть современные проблемы с высоты «Божеско-всемирной жизни» (с. 122)), к дистанции между такой позицией и позицией публицистической злободневности как источника потенциального «шума». Н. В. Доброскокина обнаруживает причину неприятия романа Г. Газданова «Вечер у Клэр» критиками русского зарубежья в том, что их критика «исходит из норм и критериев, характерных для XIX века» (с. 142). Другой формой «шума» выступает (не)осознанная установка на рецепцию произведения сквозь современные проблемы (А. В. Кубасов, разделяя содержательную и суггестивную функциональность публицистичности, определяет ее как помощь и одновременно помеху в понимании и оценке текста). Несовпадение «своей» эстетической сетки, изменяющейся во времени, и поисков художника как вариант «шума» рассматривает А. Г. Маслова («Творчество Г. Р. Державина в восприятии автора и критических оценках XVIII—XX вв.»). Разность культурной памяти автора и читателя, влияние культурно-фоновой ситуации как причину рецептивной неудачи исследует Н. А. Купина на материале читательской рефлексии текстов В. Пелевина, С. Юрьенена.

Третий раздел («Литературная рефлексия творческой неудачи») охватывает помимо рефлексии чужой художественной неудачи неудачу читательскую. О. Н. Турышева («Читательская неудача как предмет изображения в литературе») описывает такие формы, как литературное поведение, библиографическая, герменевтическая неудача, замена жизни чтением, авторефлексия. Объединяет же эти аспекты, на наш взгляд, общая проблема соотносительности рефлексии и «программы» для читателя. Особенно интересна попытка О. Н. Турышевой выявить обусловленность литературного материала коммуникативной программой эпохи и одновременно сопротивление этому материалу: «Литература косвенно осуществляет критику тех культурных представлений, в рамках которых она была мифологизирована в том или ином качестве в эстетике каждой парадигмы» (с. 247).

Именно третий раздел делает видимой разницу литературно-критической, научной и писательской рефлексии явления неудачи. Взгляд изнутри самого акта творчества обнаруживает совсем иные грани исследуемого явления.

Здесь необходимо обратиться к названию монографии, которое включает слово «феномен». Какую познавательную установку задает название? Одно из толкований — феномен как необычное явление, редкий факт, по-видимому, неактуально ввиду неисключительности изучаемого объекта (напротив, творческая удача — настоящая редкость). Другое толкование феномена как явления, постигаемого в чувственном опыте, отправляющее нас к феноменологии, также в полной мере неприменимо. Авторы монографии не феноменологи по своей исследовательской установке и выбранным методам. В то же время отметим, что неизученность творческой неудачи, установка на отсечение стереотипных ассоциаций в предисловии обозначена как своего рода феноменологическая редукция. Нам предложено, по сути, феноменологическое описание не тождественности творческой неудачи как сущности ее внешним проявлениям (графомания, коммерческий успех и т. п.). Третье определение: феномен — собственно явление, обнаружение предмета, внешних форм его существования. Действительно, лингвистически и стилистически ориентированные работы стремятся, как было отмечено выше, уловить внешние, формальные маркеры неудачи, сделать явление более зримым, схватить его более или менее видимые формы. Однако есть работы о феномене в «чистом виде». Они требуют понимания творческой неудачи не как явления, но как сущности. Актуальным в таком случае станет изучение условий, причин, структуры неудачи, а название монографии стоит понимать так: «Творческая неудача: явление и сущность».

С феноменом же творческой неудачи (в собственно феноменологическом значении слова) «работает» только писатель. Третий раздел — попытка осмыслить этот взгляд, взгляд изнутри, объемный и парадоксальный, размывающий границу между удачей и неудачей. Так, в статье Т. Л. Рыбальченко «Неудача как неизбежность творчества и как экзистенциальная проблема («Посмертные записки Тристрам-клуба» А. Битова)» реконструируется битовская концепция неудачи как принципиальной незавершенности, бесконечного разгадывания тайны настоящего (с. 309–310), открытия смыслов в позиции невмешательства (с. 310), обреченности на неудачу, которая является законом творчества и одновременно знаком высоты задачи (с. 313).

Объединяет все ракурсы, представленные в монографии, исходная, феноменологическая по существу ситуация — самопроявляемость творческой неудачи, которая фиксируется в литературоведческой, лингвистической, художественной перспективе. Творческая неудача, помысленная как феномен, — тема перспективная не только потому, что позволяет расширить материал исследования, что предполагает поиск новых направлений/ракурсов ее осмысления, но и потому, что как явление самопредставляющееся оно дает знать о неявленных сущностях — законах коммуникации, творческом акте, текст/смыслорождении, «векторах творчества», оказываясь, по сути, знаком. В этом смысле, феномен творческой неудачи становится способом, каким «нечто становится нам доступным» (М. Хайдеггер).

Четвертый раздел книги («Креативный потенциал “неуспешного” текста») пересекается с предыдущим в общей идее снятия оппозиции «удача — неудача», в утверждении значимости не столько результата, сколько процесса творчества, творческого поиска. На наш взгляд, проблема, объединяющая исследования этого раздела, — проблема «памяти» сдвига (художественного, смыслового, в значении обнаружения нового смысла), «внутреннего импульса» (с. 319) и его востребованности, опознания как события в рамках творчества автора или литературного процесса. Здесь проясняется еще один важный аспект общей темы: условия означивания неудачного текста как удачного. Эти условия, как верно представляется Л. П. Быкову, располагаются в ментальной сфере читателя и выражаются в доверии не художественности, а содержанию текста, важности критерия правды, восприятию текста в контексте судьбы автора (с. 321).

Не раз в монографии цитируются пастернаковские строки: «Но пораженья от победы/ Ты сам не должен отличать». Пораженье как творческая неудача между тем порождает вопросы: пораженье в борьбе с кем/чем? за что? Каждый раздел монографии дает свои ответы: борьба за адекватную форму, за читателя, за смыслы, за новизну путем преодоления материала, языка, стереотипов, традиции. Поражение или неудача в такой борьбе действительно весьма условны.

В определении «творческой неудачи» авторы монографии используют толкования, данные в словарях, одновременно дополняя их и акцентируя неоднозначность тех или иных характеристик в применении к художественному творчеству. Материал монографии в целом позволяет сформулировать некое определение «творческой неудачи», актуальное для научной рефлексии. Творческая неудача — результат творческой деятельности, который негативно оценивается реципиентом (самим автором, (не)профессиональным читателем) исходя из несовпадения кода и декода (или сеток значений), адресата и реципиента и в то же время обладает разной степенью креативного потенциала.

Впрочем, понятие «творческая (не)удача» приложимо и к плодам научного творчества. В отличие от художественного, результаты последнего имеют более определенные критерии оценки. В соответствии с ними монография — несомненный успех коллектива авторов. Книга формирует дискуссионное поле, порождает вопросы и обозначает перспективы дальнейшего научного поиска. Впрочем, и эта удача неизбежно будет проверена временем.

В. А. Кузьмин

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Рец. на кн.: Агапов М. Г. Истоки советско-израильских отношений: «еврейский национальный очаг» в политике СССР в 1920 – 1930-е гг. : монография. – Тюмень : Вектор Бук, 2011. – 324 с.

В свете современных событий, происходящих на Ближнем Востоке и в Северной Африке, особый интерес вызывают исследования отечественных авторов, нацеленные на критическое переосмысление хрестоматийных оценок исторического пути стран данного региона и истории формирования современной ближневосточной подсистемы международных отношений. За последние годы появился целый ряд интересных работ, посвященных различным аспектам ближневосточной дипломатии межвоенного периода. В частности, можно отметить коллективный труд нижегородских исследователей «Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт» (2008), монографии А. В. Шандры «Проблема Палестины: британский след» (2009), А. М. Фомина «Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за “османское наследство”» (2010) и др.

Сложившаяся в результате передела мира по итогам Первой мировой войны ближневосточная подсистема международных отношений изначально представляла собой пространство незатухающей дипломатической, военной и идеологической борьбы всех ведущих сил того времени, включая СССР. Необходимо подчеркнуть, что советская политика на Ближнем Востоке со всеми ее коллизиями и подводными течениями всегда оставалась, как принято говорить, многовекторной. Уже в 1920–1930-е гг. важное место в ней заняла палестинская проблема. Однако если взаимоотношения Москвы с арабским миром исследованы уже достаточно полно (из вышедших недавно отметим работы Г. Г. Косача и В. С. Романенко), то связи СССР и учрежденного в 1922 г. под эгидой Великобритании в Палестине «еврейского национального очага» еще только начинают изучаться.

Одним из активных молодых исследователей этой проблематики стал тюменский историк М. Г. Агапов. Свою монографию, посвященную политике СССР по отношению к еврейскому сообществу Палестины в 1920–1930-е гг., он назвал «Истоки советско-израильских отношений». И хотя изложение материала в ней завершается 1939-м г., т. е. почти за десять лет до появления на политической карте мира Государства Израиль, такое название книги по ее прочтению представляется вполне оправданным.

Исследование М. Г. Агапова выполнено на основе анализа широкого и разнообразного круга источников. Автором были привлечены материалы четырех центральных архивов — Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики, Архива внешней поли-

тики России МИД РФ, Российского государственного архива социально-политической истории. Всего при проведении исследования были использованы материалы 26 архивных фондов. Многие архивные документы введены в научный оборот впервые.

Используемый в подзаголовке названия рецензируемой работы термин «еврейский национальный очаг» едва ли можно отнести к числу общепринятых в среде российских историков понятий. Для обозначения еврейского сообщества Палестины 1920–1940-х гг. (до создания Государства Израиль) отечественные исследователи чаще используют нормативный для израильской историографии термин «ишув». Авторы пятого тома «Истории Востока» определяют его как «новое еврейское переселенческое общество».

Первая глава монографии М. Г. Агапова имеет во многом вводный характер. В ней подробно рассматриваются условия возникновения и развития концепции «еврейского национального очага», перипетии ее воплощения на «земле обетованной», приведшие к формированию в Палестине системы еврейских национальных учреждений и возникновению первых серьезных столкновений между еврейскими колонистами и их арабским окружением. Содержание этой главы нацелено прежде всего на знакомство читателя с международно-правовым статусом, институциональной структурой и основными этапами развития того сообщества, политику Советского Союза по отношению к которому М. Г. Агапов делает предметом своего исследования. Поступая таким образом, автор, очевидно, исходил из стремления освободить себя от необходимости развернутых комментариев и пространных отступлений в остальных разделах книги.

Во второй главе «еврейский национальный очаг» рассматривается в контексте эволюции советской внешнеполитической концепции в отношении зависимых стран и колоний. Автор показывает, что еврейская община подмандатной Палестины воспринималась партийно-советским руководством как составная часть большого колониального проекта Великобритании, стремившейся укрепить свои позиции на Ближнем Востоке (с. 98). Особое внимание в этой главе уделено анализу позиции компартии Палестины, попыткам ее лидеров превратить с помощью Коминтерна «землю обетованную» в «в очаг гражданской войны, в базу коммунистического строительства» (с. 101).

Несомненным достоинством монографии М. Г. Агапова является то, что автор постоянно прослеживает тесную связь внутренних и внешнеполитических факторов в процессе формирования и реализации палестинского вектора советской ближневосточной политики. Наиболее полно этот подход раскрывается в параграфах «Исторические и идеологические предпосылки советской политики в отношении “еврейского национального очага” в Палестине» и «Советская политика в отношении “еврейского национального очага” в Палестине в свете решения “еврейского вопроса” и борьбы с сионизмом в СССР».

Если вторая глава монографии посвящена прежде всего анализу представлений советского руководства о положении Палестины в системе мирового хозяйства и международных отношений, его видению геополитической роли «земли обетованной» для Британской империи (большое внимание автором

уделено реконструкции соответствующих дискурсов советских партийных деятелей и ученых-востоковедов), то в третьей главе рассматривается конкретное содержание отношений СССР с «еврейским национальным очагом».

Третья глава представляет собой наиболее интересную и новаторскую часть работы. В ней рассматриваются торгово-экономические, научно-культурные и общественно-политические связи СССР и еврейской общины Палестины. Автор показывает, что, несмотря на категорическое неприятие партийно-советским руководством сионизма на идеологическом уровне, на практике советские внешнеторговые организации и научно-исследовательские институты активно взаимодействовали с деловыми кругами и ученым сообществом «еврейского национального очага».

На основе архивных материалов М. Г. Агапов раскрывает многие детали работы советских торгпредов в Палестине, рассказывает целый ряд интересных и показательных случаев из жизни палестинских (еврейских) бизнесменов — партнеров советских хозяйственных организаций, например историю мытарств г. Чертока в СССР в поисках закупленной его фирмой партии леса (с. 179). «Ни Палестина для СССР, ни СССР для Палестины не являлись стратегическими торговыми партнерами, — справедливо указывает М. Г. Агапов, — и тем не менее... установление и развитие торгово-экономических отношений между Москвой и “еврейским национальным очагом” в Палестине способствовало развитию общественно-политических, научных и культурных связей между ними, в конечном итоге — узнаванию “пролетарским государством” и “еврейским государством в пути” друг друга» (с. 198). Научно-культурные связи СССР с еврейской общиной Палестины, как показано в работе М. Г. Агапова, имели «асимметричный характер: Москва получала ценную научную и общественно-политическую информацию, в отдельных случаях — производственные образцы, направляя, в свою очередь, в Палестину лишь пропагандистскую продукцию» (с. 215).

В заключение автор приходит к выводу, что «отношения Москвы с “еврейским национальным очагом” в Палестине в межвоенный период являлись не столько результатом проведения в жизнь заранее продуманного курса (хотя, как минимум дискурсивно, они и вписывались в советскую внешнеполитическую концепцию в отношении зависимых стран и колоний на Ближнем Востоке), сколько общей производной от более или менее удачной реализации интересов, преимущественно сугубо прагматичных, отдельных партийно-советских институтов и внешнеэкономических ведомств».

Сегодня исторический опыт советской ближневосточной дипломатии является одним из ресурсов российской внешней политики, ее «символическим капиталом». Его изучение или, если угодно, освоение способствует увеличению потенциала России в деле палестино-израильского урегулирования. С этой точки зрения монография М. Г. Агапова представляет не только научный, но и политический интерес.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О работе диссертационного совета Д 212.285.20 (до 20.05.2011 г. Д 212.286.08) в 2011 г.

Диссертационному совету разрешено принимать к защите диссертации по трем специальностям: 09.00.04 «Эстетика» (по философским наукам); 24.00.01 «Теория и история культуры» (по культурологии), 17.00.04 «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура» (по искусствоведению).

В период с 1 января по 31 декабря 2011 г. совет провел 19 заседаний, на которых были рассмотрены и приняты к защите 16 кандидатских диссертаций (11 — по специальности 24.00.01; 4 — по специальности 17.00.04; 1 — по специальности 09.00.04).

- Кандидатская диссертация **Марии Владимировны Семеновой** «**Художественное творчество в контексте культуры: субъективные составляющие новоевропейской художественной парадигмы**» (24.00.01) посвящена анализу социокультурного содержания и социокультурных механизмов производства субъективных составляющих художественного творческого процесса новоевропейского типа. На основе уточнения понятия «парадигма» применительно к художественному творчеству доказано, что утвердившееся в гуманитарных исследованиях понимание художественного творчества представляет не его универсальное определение, а его конкретный историко-культурный тип — новоевропейский; определена система детерминант творчества новоевропейского типа; раскрыта социокультурная природа субъективных составляющих данной системы; обоснована связь художественного творчества новоевропейского типа с культурой «просвещенного вкуса»; разработана авторская концепция «гения и таланта»; определена социокультурная природа художественных задатков и способностей; установлены границы академической системы художественного образования

- В кандидатской диссертации **Марии Александровны Епанешниковой** «**Феномен запаха в культуре: особенности функционирования в сакральной и профанной сферах**» (24.00.01) исследуются особенности функционирования запаха в различных сферах культуры — сакральной и профанной. Диссертация представляет собой одну из первых в отечественной гуманитарной науке попыток исследовать феномен запаха в истории культуры, в рамках которой предлагается модель разделения функций на выполняемые в сакральной и выполняемые в профанной сферах культуры. Научная значимость работы заключается в исследовании процесса сакрализации запаха как феномена окультуривания в христианстве и семантики запаха в иудеохристианской традиции;

представлена авторская концепция классификации функций запаха в профанной сфере; рассмотрена история парфюмерии как выражение национально-исторического своеобразия феномена запаха в культуре.

- Кандидатская диссертация **Юлии Владимировны Золотковой «Культурный диалог в поэтическом творчестве Э. Монтале»** (24.00.01) посвящена выявлению специфики культурного диалога в поэтическом творчестве выдающегося итальянского поэта, лауреата Нобелевской премии Эудженио Монтале. Показана роль итальянской культуры 1910–1940-х гг., в контексте которой формировалась личность Э. Монтале — поэта, предрасположенного к культурному диалогу; разработана типология культурного диалога в его классической парадигме, спроецированная на поэтическое творчество Э. Монтале; предложена авторская концепция видов и форм культурного диалога в его творчестве. В работе представлены переводы поэзии Э. Монтале, сделанные автором диссертации.

- Кандидатская диссертация **Дарьи Анатольевны Рудневой «Гламур и его репрезентации в культуре постиндустриального общества на рубеже XX–XXI вв.»** (24.00.01) посвящена анализу гламура как универсального феномена культуры рубежа XX–XXI вв., выявлению его природы и форм репрезентации. Научная значимость диссертации заключается в выявлении наиболее существенных факторов становления современного гламура (модернизация, глобальные процессы, информатизация и медиасреда, окружающая современного человека); доказательстве того, что границы символического поля в современном гламуре определены экспертами в этой области и средствами массовой коммуникации, транслирующими рекомендуемую норму вкуса; выявлении того, что важнейшим каналом репрезентации гламура является визуальная коммуникация, реализуемая через телевизионные каналы, внетекстовое наполнение «глянцевых» журналов, рекламные постеры, участвующие в оформлении среды современного города. В диссертации проведен культурологический анализ нового социокультурного типа — «человек гламурный»; предложена структура адресной аудитории потребителей современного гламура.

- Кандидатская диссертация **Елены Валентиновны Белоусовой «Магия как форма жизни и способ “приручения” мира в культуре»** (24.00.01) посвящена исследованию магии как выражения глубинной взаимосвязи двух феноменов культуры, имеющих бытийный смысл для человека, — формы жизни (как игры, объединяющей лингвистические и нелингвистические сферы) и символики (как всеобщего кода культуры). Научная новизна результатов диссертации заключается в рассмотрении магии не только как первоначальной и преходящей формы в культуре, но как постоянно воспроизводящей формы жизни человека в культуре; в анализе основных аспектов магии как формы жизни человека в культуре в триединстве онтологического, гносеологического и праксиологического аспектов; выделении позитивной роли магии как формы жизни и «приручения» мира человеком (например, лечебная магия в народной медицине и «естественная магия» Парацельса); изучении новых разновидностей «секулярной магии» в современной культуре; исследовании причин «магического ренессанса» в культуре постмодерна.

- В кандидатской диссертации **Любови Борисовны Семизоровой «Особенности развития отечественного искусства гобелена (на примере творчества художников Екатеринбурга рубежа XX–XXI вв.)»** (17.00.04) исследуется процесс формирования и развития ручного ткачества на примере творчества екатеринбургских художников рубежа XX–XXI вв. в контексте общероссийских тенденций декоративного искусства. В диссертации выявлен и систематизирован материал о ручном ткачестве екатеринбургских мастеров конца XX — начала XXI в.; проведен сравнительный анализ произведе-

ний ручного ткачества советских художников второй половины XX в. и современных мастеров Екатеринбурга, а также показаны принципы формирования школы ручного ткачества в Екатеринбурге на рубеже XX–XXI вв.

• Кандидатская диссертация *Софьи Константиновны Хабибуллиной* «Текстиль как средство формирования интерьера современного жилища» (17.00.04) посвящена исследованию основных тенденций развития текстиля в жилом интерьере в конце 1980-х — 2000-е гг. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые предпринята попытка комплексного изучения современного средового текстиля и определения его значимости в формировании интерьера. В исследовании показаны основные тенденции развития текстиля, выявлена специфика взаимосвязи текстильного комплекса с архитектурой интерьера. Значительный объем практического материала, состоящий из многих разрозненных объектов, обобщен, подвергнут разностороннему анализу и представлен системной картиной развития современного средового текстиля. Результаты исследования меняют традиционные представления в области текстильного проектирования: интерьерный текстиль рассмотрен как синтетическое направление в области смежных дисциплин — архитектуры, декоративно-прикладного искусства, текстильного дизайна. Выявлен спектр стилевых направлений современного текстильного убранства интерьера.

• Кандидатская диссертация *Наталии Витальевны Сербиной* «Предмет и межпредметное пространство в живописном произведении» (17.00.04) посвящена выявлению содержательного потенциала понятий «пространство поверхности предмета», «внутрипредметное пространство», «межпредметное пространство», а также раскрытию их эвристических возможностей в искусствоведческом анализе отдельных произведений и целых этапов историко-художественного процесса. Данное исследование представляет собой одну из попыток выработать методологию комплексного анализа взаимоотношений пространства поверхности предмета, внутри- и межпредметного пространств, способов их репрезентации на картинной плоскости, а также в поле художественных смыслов. Результатом исследования стало выявление основных факторов, определяющих постоянные характеристики пространства поверхности предмета, внутри- и межпредметного пространств на картинной плоскости, а также факторов, оказывающих влияние на их способность к трансформациям; уточнена роль композиции в формировании их качеств; проанализирована специфика взаимоотношений пространства поверхности предмета, внутри- и межпредметного пространств в основных типах художественного обобщения; показана их историческая эволюция.

• Кандидатская диссертация *Марины Викторовны Кораблиной* «Феномен открытой культуры Нидерландов: историко-культурный и современный аспекты» (24.00.01) посвящена комплексному анализу феномена открытой культуры Нидерландов в ее историко-культурном и современном контекстах. Научная значимость диссертации заключается в выявлении основных признаков открытой культуры в бинарных оппозициях (ориентация на новое — ориентация на традиции; развитие — консервация; диалог — монолог; толерантность — интолерантность; свое — чужое; готовность — неготовность к риску); разработке типологии моделей открытой культуры, основанием конструирования которых является диапазон возможных проявлений открытости культуры. Обозначены и проанализированы риски каждой из выделенных моделей; исследован историко-культурный контекст формирования модели открытой культуры Нидерландов (герменевтический и феноменологический анализ культурного ландшафта); проведен феноменологический анализ элементов современной специализированной, повседневной и массовой культуры Нидерландов; обозначены проблемы и риски, характерные для современной культуры Нидерландов.

• Кандидатская диссертация *Евгения Ильича Рабиновича «Сон и сновидения как феномен культуры (на примере культуры северобуддийского региона)»* (24.00.01) посвящена исследованию социокультурной обусловленности и системы функциональных значений феномена сна и сновидений в традиционной культуре на примере северо-буддийской культурной общности (Тибет, Монголия, Бурятия). Новизна работы заключается прежде всего в самой постановке проблемы. Данное исследование представляет собой одну из первых в отечественной науке попыток выработать комплексный подход к анализу сна и сновидений как феномена культуры и применить его при исследовании северобуддийской культурной общности. В работе предложена и обоснована гипотеза происхождения и развития представлений о сакральной природе сновидений; выявлен механизм функционирования культурной модели сновидений, ее значимость в индивидуально-психологическом опыте замкнутой системы; выявлены, систематизированы и описаны основные культурные функции феномена сна и сновидений в традиционных культурах; предложена схема анализа роли и функций сновидений в культуре; определены основные функции сна и сновидений в традиционной тибетской культуре на основании анализа сновидений в структуре агиографических сочинений и структуре ритуала; раскрыта ключевая роль сна и сновидений как механизма внедрения новаций в тибетской культуре. Впервые введены в научный оборот новые материалы, полученные в ходе полевых исследований на территории Монголии и Республики Бурятия в 2007 и 2009 гг.

• В кандидатской диссертации *Наталии Валерьевны Курюмовой «Современный танец в культуре XX века: смена моделей телесности»* (24.00.01) исследована эволюция современного танца как смены культурно-исторических моделей телесности. Научная новизна исследования заключается в анализе феномена современного танца с культурологических позиций и в связи с проблематикой телесности; выделении основных культурно-исторических моделей телесности в культуре XX в.; раскрытии трансформации танца в культуре XX в. (от классического — к модернистскому и постмодернистскому) как смены моделей телесности; анализе танца как специфического дискурса тела, изоморфного актуальным культурным процессам и значениям. Апробированный в данном исследовании метод выявления культурно-исторических моделей телесности в определенных явлениях современного танца более полно раскрывает природу этого явления и может быть применен для анализа гораздо более обширного диапазона явлений и направлений танца и хореографических систем, смежных художественно-телесных практик.

• Кандидатская диссертация *Ольги Борисовны Сергеевой «Эстетика Антонио Менегетти»* (09.00.04) посвящена рациональной реконструкции и целостному осмыслению эстетических взглядов и философии искусства Антонио Менегетти в историко-философском, историко-эстетическом и эстетико-психологическом контекстах. В работе исследованы историко-эстетические и историко-психологические истоки формирования эстетических взглядов и философии искусства Менегетти, их генетические и диалогические связи с классическими и современными концепциями философской эстетики и психологии искусства; определены основные теоретические концепты и идейная логика философии искусства Менегетти, в том числе его понимание философско-психологических проблем художественного сознания и творчества; осмыслены и раскрыты предложенные Менегетти типология искусства, теоретическая модель ОнтоАрта и концепция абстракционистского художественного языка. Теоретическая значимость исследования заключается в расширении представлений о возможных подходах к анализу искусства и личности художника, отличных от существующих в классической и современной эстетике. В работе реконструируется оригинальная версия типоло-

гии искусства, психологии творчества, философии абстракционизма. С историко-эстетической точки зрения в оборот вводится новая литература, до сих пор не привлекавшаяся для анализа, а также система новых понятий.

- Кандидатская диссертация **Ольги Кузьминичны Пичугиной** «**Живописно-пластическая система итальянских мастеров первой половины XVII века**» (17.00.04) посвящена выявлению основных характеристических особенностей живописно-пластической системы, определяющей органическое единство стилистики и технологии произведений итальянских живописцев первой половины XVII в., выполненных методом кьяроскуро. Научная новизна исследования заключается в выявлении свойств живописно-пластической системы как органической целостности, создаваемой единством технологии и стилистики, в применении к наследию итальянских мастеров первой половины XVII в. При этом предложено рассматривать живописно-пластическую систему как комплекс технико-технологических и стилистических составляющих. В работе выявлена взаимосвязь технико-технологических и стилистических сторон произведений итальянской живописи первой половины XVII в., определяемая строением стратиграфической структуры, оптическими свойствами используемых живописных материалов и приемами построения пластической формы. Введены в научный оборот технико-технологические данные, полученные в результате изучения картин итальянских мастеров, установлено время создания и подтверждено авторство двух произведений сиенской школы первой трети XVII в. из коллекции Екатеринбургского музея изобразительных искусств.

- В кандидатской диссертации **Виктории Николаевны Поповой** «**Праздник как форма культурной памяти: государственные праздники России XX — начала XXI в.**» (24.00.01) на материале отечественной культуры проанализировано возникновение и бытование государственного праздника как формы культурной памяти. На основе исследования механизмов репрезентации и реконструкции прошлого выделены существенные характеристики государственного праздника как формы культурной памяти: отнесенность к прошлому, имеющему определяющее значение для настоящего и будущего; наличие сильного мифологизирующего компонента; потребность в постоянном проговаривании основных ценностей, зафиксированных в пластах культурной памяти и тексте праздника, а также поддержании их актуальности. На материале советских и постсоветских государственных праздников доказано, что каждая эпоха создает новый пласт культурной памяти, содержание которой одновременно и формируется, и репрезентируется через систему праздников. На основе вариантов взаимосвязи праздника и памяти о прошлом представлена авторская типология государственных праздников России XX—XXI вв.: праздник-реконструкция, праздник-вытеснение, праздник-закрепление. Теоретическая значимость исследования заключается в расширении смыслового поля праздника как феномена культуры за счет погружения его в контекст культурной памяти. Данный подход позволяет выявить причины изменений праздника, его эволюции и тенденций развития.

- Кандидатская диссертация **Ольги Петровны Хорошавцевой** «**Средства массовой коммуникации в системе межкультурных взаимодействий современной России**» (24.00.01) посвящена выявлению и анализу характера воздействия средств массовой коммуникации на межкультурные взаимодействия в современной России (на примере деятельности СМК Республики Башкортостан). В результате применения семиотического подхода выявлены характерные для региональных СМК «эффекты», способные повлиять на сигнификативную и коннотативную информацию («эффект ореола», механизм которого основан на знаковости фигуры первого руководителя; «эффект бумеранга», возникающий из-за тематического однообразия, и др). Результаты исследования

обладают научно-практической значимостью в сфере культурной и информационной политики поликультурного, поликонфессионального, полиэтничного региона (Республика Башкортостан и др.)

• В кандидатской диссертации **Романа Михайловича Николаева «Традиционные ценности как концептуальная основа культурной идентичности (на артефактах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.)»** (24.00.01) исследована роль традиционных ценностей в формировании культурной идентичности советского народа в период Великой Отечественной войны. В работе обоснована связь традиционных ценностей культуры с сохранением и процессом трансформации культурной идентичности общества; определена роль традиционных ценностей в построении «обновленной» модели культурной идентичности советского народа в довоенный и военный периоды; обозначены основные формы репрезентации традиционных ценностей в советской культуре во время Великой Отечественной войны (кинематограф, литература, изобразительное искусство, материалы пропаганды, наградная система и др.); дана авторская интерпретация ряда артефактов советской культуры указанного периода: плакаты 1941–1942 гг., образцы наградной системы, кинофильмы довоенного и военного периодов; предложена типология советской плакатной живописи.

Книги факультета искусствоведения и культурологии

Авдеева В. В. Наивное искусство Германии 1950–1990-х годов. Концепции, практики, персоналии / В. В. Авдеева. — Саарбрюкен : LAMBERT Academic Publishing, 2011. — 287 с. : ил.

Анализируя творчество непрофессиональных мастеров Германии второй половины XX в., автор подразделяет их на традиционалистов, мастеров реальности, фантастов, пограничников, аутсайдеров и др., пытаясь представить весь спектр художественного мышления в рамках наива. Эволюция наивного искусства — от творчества одного из первых непрофессиональных художников XIX в. О. Брарера через его последователей в XX в. А. Трильхаза, К. Тегена, Ф. Рамхольца и др. до современных мастеров — позволяет понять специфику этого явления. Особо отмечается роль культурной среды, коллекционеров, музеев и художественных галерей в популяризации самостоятельного творчества. Определяется место наивного искусства в художественной жизни Германии 1950–1990-х гг.

Зураб Церетели в Екатеринбурге : Живопись. Графика. Горячая эмаль. Рельефы. Камерная скульптура : каталог федерального выставочного проекта / Свердлов. обл. краевед. музей ; [вступ. ст. С. В. Гольнца]. — Екатеринбург : Б. и., 2011. — 122 с. : ил.

В альбоме-каталоге представлены произведения художника 1990 — 2000-х гг., впервые экспонировавшиеся на Урале.

Кириллова Н. Б. Аудиовизуальная культура : словарь терминов и понятий / Н. Б. Кириллова, Н. Ф. Хилько. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 232 с.

Даются краткие объяснения 888 терминов и понятий, которые применяются в сфере аудиовизуальной культуры. Для студентов, магистрантов и аспирантов гуманитарных специальностей.

От иконы до супрематизма. Русская живопись в собрании Екатеринбургского музея изобразительных искусств / Екатеринбург. музей изобразит. искусств ; [авт.-сост. О. А. Горнунг, Ю. С. Сирина, Э. Ю. Таюрова]. — Екатеринбург : Автограф, 2011. — 158 с. : ил.

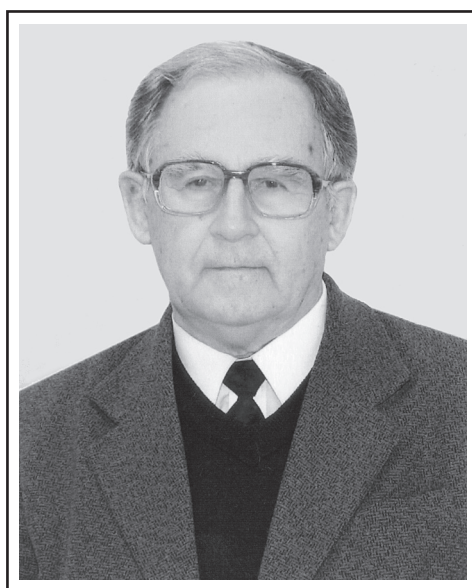
Альбом посвящен 75-летию Екатеринбургского музея изобразительных искусств и представляет 75 шедевров из его собрания — от икон XVII в. до полотен И. И. Машкова, П. П. Кончаловского, О. В. Розановой, К. С. Малевича, В. В. Кандинского. Каждое произведение сопровождается кратким описанием, включающим историю создания, анализ сюжета и художественного языка. Представлены также биографические справки о художниках.

Человек в мире культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф. аспирантов, студентов и молодых специалистов с международным участием (в рамках VII Колосницынских чтений), Екатеринбург, 15 — 16 апреля 2010 г. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 198 с.

Материалы конференции посвящены теоретическим проблемам культурологии, истории культуры и современной художественной реальности в историко-культурном контексте.

MEMORIA

ВАЛЕНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ БЛАЖЕС (1936–2012)

26 января 2012 г. после тяжелой болезни ушел из жизни профессор Валентин Владимирович Блажес, заведующий кафедрой фольклора и древней литературы Уральского федерального университета, видный исследователь фольклора и древнерусской литературы, мудрый и дальновидный руководитель, семнадцать лет возглавлявший филологический факультет Уральского государственного университета.

Вместе с В. В. Блажесом в прошлое ушла не просто целая эпоха филологического факультета, но целый пласт уральской гуманитарной культуры, в центре которой он неизменно находился начиная с 60-х гг. XX в.

В. В. Блажес родился в д. Веденовке Серышевского района Амурской области 29 февраля 1936 г. В 1955–1958 гг. служил в рядах Советской армии в Забайкалье. В 1958 г. поступил на филологический факультет Уральского государственного университета, который закончил в 1963 г. После окончания университета в течение двух лет работал учителем русского языка и литературы в Щелкунской средней школе Сысертского района. В 1965 г. поступил в аспирантуру, после ее окончания в 1967 г. стал работать ассистентом на кафедре русской и зарубежной литературы. С 1969 г. — старший преподаватель кафедры, с 1972 г. — доцент. В 1971 г. в Башкирском университете В. В. Блажес защитил кандидатскую диссертацию «Народная проза о Ермаке». После основания

в 1975 г. В. П. Кругляшовой кафедры фольклора и древней литературы работал на ней в должности доцента до 1991 г. В 1991 г. в Московском государственном университете В. В. Блажес защитил докторскую диссертацию «Сатира и юмор в фольклоре Урала». С 1991 г. — заведующий кафедрой фольклора и древней литературы, в 1993 г. ему было присвоено звание профессора.

С 1988 по 2004 г. — бессменный декан филологического факультета. Благодаря его усилиям в 1994 г. на факультете возникло романо-германское отделение, в настоящее время состоящее из двух кафедр — кафедры германской филологии и кафедры романского языкознания.

В 1995 г. за высокие достижения в научно-исследовательской и общественной деятельности, а также за заслуги в подготовке высококвалифицированных кадров В. В. Блажес был удостоен ордена Почета. Был членом головного совета по филологическим наукам Российской Федерации.

Научные интересы В.В. Блажеса определились еще в студенческие годы. Это древнерусская литература, фольклоризм литературы и фольклористика. Полевой фольклористикой он стал заниматься с 1959 г. С 1993 г. до самой смерти возглавлял фольклорную экспедицию Уральского университета.

Много сил и времени отдал изучению русского народного эпоса, сборника XVIII в. «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». Результатом исследования стали монография «Содержательность художественной формы русского былевого эпоса» (1976) и спецсеминар для студентов «Русская народная эпопея». Одной из любимых фольклорных тем В.В. Блажеса была тема народного озорничества, специфика сатиры и юмора уральских горнозаводских рабочих. Итогом многолетних научных наблюдений стал выход книги «Сатира и юмор в фольклоре рабочих Урала» (1987). На материале книги им были подготовлены спецкурсы «Проблемы комизма и смеха» и «Комическое и фольклор».

Долгие годы В. В. Блажес занимался изучением жизни и творчества П. П. Бажова, поддерживал самые тесные творческие связи филологического факультета с уральскими литературными музеями — Домом-музеем П. П. Бажова, Музеем Ф. М. Решетникова, Музеем Д. Н. Мамина-Сибиряка. С 1994 по 1999 г. возглавлял ученый совет Объединенного музея писателей Урала.

Десятки статей были написаны им для «Уральской исторической энциклопедии», изданной в Екатеринбурге в 1998 и 2000 гг. В энциклопедии были собраны, систематизированы и представлены сведения по этнографии, археологии и промышленному освоению Урала, истории старейших уральских городов, металлургических заводов, а также деятельности уральских купцов и промышленников.

Работа с архивными материалами, краеведческой литературой нашла отражение в книге В. В. Блажеса «П. П. Бажов и рабочий фольклор» (1984), спецкурсах «Творчество П. П. Бажова» и «Фольклоризм русской литературы XX века». Уже в XXI в. исследовательский интерес к П. П. Бажову завершился работой в качестве редактора и автора большого количества статей в академической «Бажовской энциклопедии» (2007). За этот труд профессор В. В. Блажес стал лауреатом литературной премии имени Павла Бажова (2008). В 2011 г. он выступил в качестве научного редактора «Библиографического указателя», посвященного жизни и творчеству П. П. Бажова.

В последние семь лет жизни В. В. Блажес отдавал много сил и времени работе над академической «Историей литературы Урала» — проектом, осуществляемым совместно с УрО РАН, был главным редактором и автором многих разделов первого тома истории, в котором рассматривалось зарождение и развитие уральской словесности до начала XIX в. Для этой работы как нельзя лучшегодились блестящие знания В. В. Блажеса

как ученого-медиевиста, исследователя Строгановской, Есиповской, Кунгурской летописей, автора цикла статей по семейно-родовым, топонимическим и историческим преданиям. Среди последних публикаций В. В. Блажеса, посвященных данной теме, глава «Роль фольклора и литературы Урала в процессе культурного освоения территории Уральского региона» в монографии «Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий. Конец XIV—XVIII в.» (2006), раздел «Мифология города Екатеринбурга (XVIII век)» (2006) в монографии «Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности», статья «Русская литература Урала: историографический аспект» (2011) в сборнике статей «Литература Урала: история и современность» (вып. 6) и другие работы.

Жизнь выдающегося уральского ученого В. В. Блажеса оборвалась внезапно, осталось много нереализованных проектов, научных замыслов и планов, которыми он всегда щедро делился со своими учениками и коллегами. Нереализованным оказался и проект «Энциклопедии Д. Н. Мамина-Сибиряка» — академического издания, посвященного жизни и творчеству великого уральского писателя XIX в., задуманный совместно с кафедрой русской литературы.

За долгие годы профессор В. В. Блажес подготовил 14 кандидатов и одного доктора наук. Несмотря на огромную загруженность учебной, научной и организационной работой в университете, он никогда не забывал о работе просветительской. Десятки лекций по древнерусской литературе были прочитаны им в школах и гимназиях не только Екатеринбурга, но и маленьких областных городов и сел. Особенно он любил тему «Слово о полку Игореве — памятник древнерусской литературы». Часто после подобных лекций-уроков слушатели становились абитуриентами, а потом и студентами филологического факультета, приходили на кафедру к Валентину Владимировичу, чтобы, отталкиваясь от текста древнерусского памятника, шаг за шагом постигать глубину отечественной словесности, становиться настоящими Филологами, носителями и хранителями литературного слова.

Валентин Владимирович был человеком, который всегда и везде был на своем месте. Он был деканом филологического факультета 17 лет, и невозможно было представить себе лучшего декана. Так же как невозможно было представить себе лучшего заведующего кафедрой, лучшего преподавателя древнерусской литературы, лучшего научного руководителя. Он неизменно пленял окружающих каким-то невыразимым европейским шармом, элегантностью, интеллигентностью и деликатностью, полным отсутствием командного начальственного тона, желания подавлять.

Его хватало на все; казалось, он все помнил и все знал, мог легко разобраться в любом вопросе со своей всегдашней присказкой «покатаем-поваледем». Несмотря на свою внешнюю сдержанность, предельную корректность, был великим жизнелюбом, знатоком культуры застолий, всех многообразных аспектов народного юмора. Любой человек, и не обязательно филолог, приближаясь к нему, ощущал его доброжелательность, внешнюю и внутреннюю культуру поведения.

Валентин Владимирович родился 29 февраля, поэтому официально он мог отмечать свой день рождения 1 раз в 4 года. 2012-й г. должен был стать именно таким годом. Невозможно примириться с тем, что этот день рождения он уже не встретит вместе со своими коллегами и друзьями. Нам всем придется учиться жить без него — и это самое горькое.

На сайте филологического факультета, в скорбных комментариях студенты и ученики В. В. Блажеса, выражая свои соболезнования, так писали о нем: «светлейший человек», «умнейший, очень добрый и преданный Науке», «один из тех, кто казался

вечным», «умер один человек, а такое впечатление, что перестал существовать весь филологический факультет».

Память о Валентине Владимировиче Блажесе навсегда сохранят его коллеги и ученики, выпускники филологического факультета Уральского государственного университета, которому он служил верно и преданно, посвятив факультету лучшие годы своей жизни и ученой карьеры.

* * *

Филологический факультет Пермского университета выражает глубокие соболезнования коллективу филологического факультета Уральского государственного университета в связи с кончиной профессора Валентина Владимировича Блажеса.

Валентин Владимирович сыграл большую роль в развитии плодотворных дружественных отношений между нашими факультетами.

Валентин Владимирович был прекрасный администратор, глубокий ученый — собиратель и исследователь народного творчества, специалист по русской литературе. А самое главное, это был внимательный собеседник, хороший, добрый и мудрый человек, который всегда — если это нужно — был готов прийти на помощь... Многие из нас получали такую бескорыстную помощь от Валентина Владимировича, прислушивались к его советам.

Тяжело осознавать, что Валентина Владимировича теперь больше нет с нами.

Всегда будем помнить Валентина Владимировича, его добрый и мудрый взгляд, блестящий юмор...

* * *

Уважаемые коллеги!

Известие о смерти Валентина Владимировича Блажеса стало для нас огромным потрясением, мы будем помнить о нем как о бесконечно добром и порядочном человеке, мудром руководителе.

Мы глубоко переживаем его утрату, нам будет не хватать поддержки талантливого ученого и учителя.

*Лаборатория народной культуры
Магнитогорского государственного университета*

* * *

Уважаемые коллеги и дорогая Людмила Васильевна! Примите искренние соболезнования в связи с преждевременной кончиной выдающегося ученого, личности редкого ума и высочайшей человечности Валентина Владимировича Блажеса.

*Ахметшин Борис Гайсиевич
и кафедра русской филологии Башкирского госуниверситета*

* * *

Большая потеря для нас всех, для российской фольклористики и для Уральского университета.

Валентина Владимировича помню очень мягким, обаятельно-улыбчивым, спокойным и дружелюбным. Он был настоящим профессионалом, исследователем, тонко

чувствующим народную культуру, умеющим раскрыть многочисленные оттенки ее состояний, замечательным педагогом и организатором, прекрасным собеседником и другом, настоящим интеллигентом, умевшим находить компромиссы и быть, где нужно, принципиальным и решительным.

Глубоко сочувствую и соболезную его супруге и близким — это невосполнимая утрата, желаю стойкости и больших душевных сил, чтобы ее пережить. Мои соболезнования коллегам и ученикам Валентина Владимировича, его друзьям и студентам, которым он служил, и которых очень любил.

С уходом Т. Н. Якунцевой и В. В. Блажеса осиротела вся уральская фольклористика. Надеюсь, что коллеги смогут продолжить традиции одной из немногих кафедр в стране, на которой была создана своя оригинальная и продуктивная школа исследователей фольклора.

Светлая память Валентину Владимировичу...

С глубокой скорбью,

*Аникин, Иванова, Дианова, Алтатов, Ковпик,
аспиранты и сотрудники кафедры русского устного народного творчества МГУ*

* * *

Уважаемые коллеги! Выражаем свои самые искренние соболезнования кафедре фольклора и древней литературы и всему коллективу факультета! Ушел из жизни прекрасный человек, ученый и педагог. Это потеря для всей фольклористики!

Редакция альманаха «Традиционная культура»

Список сокращений

БГО	Богословский горный округ
ГАПК	Государственный архив Пермского края
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ГИМ	Государственный исторический музей
МАиЭ	Музей археологии и этнографии Тюменского государственного университета
ОНИ ГРМ	отдел народного искусства Русского музея
ПермГАНИ	Государственный архив новейшей истории Пермского края
РГИА	Российский государственный исторический архив
РЦРТК	Республиканский центр развития традиционной культуры (Республика Татарстан)
СИКМ	Суксунский историко-краеведческий музей
СККДР	Словарь книжников и книжности Древней Руси
СОКМ	Свердловский областной краеведческий музей
ТОДРЛ	Труды отдела древнерусской литературы

Сведения об авторах

Боровков, Павел Сергеевич (pborovkov@yandex.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2006). Кандидат исторических наук (2010), ассистент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева 4; (343)350-75-38; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — история государства и права в Древнем Риме периода ранней и классической республики, политические и религиозные процессы в Древнем Риме.

Будрина, Людмила Алексеевна (ludmila.budrina@mail.ru). Выпускница факультета искусствоведения и культурологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2000). Кандидат искусствоведения (2004), доцент кафедры истории искусств Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-73-64; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — камерное искусство, международные контакты в области прикладного искусства в XIX — первой половине XX в.

Васильев, Владимир Кириллович (v-v-kir@yandex.ru). Выпускник гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (1984). Кандидат филологических наук (2008), доцент кафедры русской и зарубежной литературы Сибирского федерального университета (660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а; 206-26-85; nkovtun@mail.ru). Сфера научных интересов — история русской литературы XI—XXI вв. (структурно-типологический аспект), агиография, методология, психоанализ (архетипика), проблемы ментальности, культурная антропология.

Главацкая, Елена Михайловна (elena.glavatskaya@usu.ru). Выпускница Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1983). Доктор исторических наук (2006), профессор кафедры археологии, этнологии и специальных исторических дисциплин Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-74-11; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — история, религия, антропология.

Гладилин, Никита Валерьевич (nikitagl@inbox.ru). Выпускник Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза (1987). Кандидат филологических наук (2002), докторант Московского государственного университета (119991, Москва, ул. Малая Пироговская, 1; vsemlit@mail.ru). Сфера научных интересов — немецкая литература постмодернизма и романтизма.

Говорухина, Юлия Анатольевна (yuliya_govoruhin@list.ru). Выпускница филологического факультета Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического университета (1997). Доктор филологических наук (2010), доцент кафедры русской и зарубежной литературы Сибирского федерального университета (660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а; (391)249-75-77; nkovtun@mail.ru). Сфера научных интересов — современный литературный процесс и его литературно-критическая рецепция, литературная критика XX в.

Голикова, Светлана Викторовна (avokilog@mail.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1986). Доктор исторических наук (2005), ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

(620026, Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56; (343)251-65-20; office@istor.uran.ru). Сфера научных интересов — историческая демография, традиционная культура, социальная история.

Давлетшина, Лейла Хасановна (leyla.davletshina@yandex.ru). Выпускница Казанского государственного университета (2002). Кандидат филологических наук (2005), ведущий научный сотрудник Республиканского центра развития традиционной культуры (420015, Казань, ул. Пушкина 66/33; (843)264-74-70; gctf@list.ru). Сфера научных интересов — традиционная культура татар, татарская литература.

Ермакова, Елена Евгеньевна (elenarrema@mail.ru). Выпускница Тюменского государственного университета (1999). Кандидат филологических наук (2003), доцент кафедры издательского дела и редактирования ТюмГУ (625003, Тюмень, ул. Семакова, 10; (3452) 46-18-31). Сфера научных интересов — духовная культура народов Западной Сибири, народная магиико-медицинская практика, почитаемые места, почитаемые водные источники.

Клейменова, Виктория Юрьевна (victoria.kleimenova@yandex.ru). Выпускница Курганского государственного педагогического института (1987). Кандидат филологических наук (1995), докторант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета (196186, Санкт-Петербург, Наб. р. Мойки, 48; корп. 14; (812)312-36-84; ephil-herzen@mail.ru). Сфера научных интересов — лингвистика текста, стилистика.

Ковалев, Игорь Георгиевич (ikovalev@hse.ru). Выпускник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1988). Кандидат исторических наук (1992), доцент, зам. декана по учебной работе факультета мировой экономики и мировой политики МГУ (119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, 1-й учеб. корп.; 939-42-98; dekanat@fmp.msu.ru). Сфера научных интересов — партийно-политическая история Великобритании.

Коледич, Елена Николаевна. Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1998). Соискатель кафедры фольклора и древней литературы Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-92; izvestia_2@usu.ru). Сфера научных интересов — духовная литература XVIII в.

Кузьмин, Вадим Александрович (kuzmin16@yandex.ru). Выпускник Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1971). Доктор исторических наук (1992), профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой востоковедения Уральского федерального университета (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-31-51; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — история международных отношений и политика великих держав на Ближнем и Среднем Востоке, история и практика дипломатической работы, история внешней политики СССР и России, история отношений России со странами Азии.

Лапшина, Зоя Степановна (LapshinaZoy@Rambler.ru). Выпускница Дальневосточного государственного университета (1979). Кандидат исторических наук (1997), доцент кафедры теории и истории культуры Хабаровского государственного института искусств и культуры (680045, Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; (4212)36-05038; hgiik@pochta.ru). Сфера научных интересов — археология и первобытное искусство Нижнего Приамурья.

Лысакова, Анастасия Алексеевна (alysakova@gmail.com). Выпускница факультета искусствоведения и культурологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2000). Аспирант кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-74-49; dekanat-art@yandex.ru). Сфера научных интересов — развитие современного рынка искусства.

Малых, Вячеслав Сергеевич (viaclaf@yandex.ru). Выпускник Удмуртского государственного университета (2010). Документовед кафедры теории языка и речевой коммуникации Удмуртского государственного университета (426000, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2;

(3412)91-61-57; filolog@uni.udm.ru). Сфера научных интересов — творчество Н. С. Гумилева, философские основания акмеизма, русская религиозная философия, русская духовная традиция, мифопоэтика, философия науки.

Маркин, Алексей Вячеславович (alex-markin@yandex.ru). Выпускник филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1982). Кандидат филологических наук (1996), доцент кафедры зарубежной литературы Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-98; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — историческая поэтика, английская проза, современный роман, поэтика классицизма.

Маслова, Елена Александровна (elena.maslova21@gmail.com). Выпускница Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (2009). Аспирант МГИМО(У) МИД России (119454, Москва, пр. Вернадского, 76; (495)434-00-89). Сфера научных интересов — внешняя политика Италии, политическая культура Италии, политика ЕС.

Михайлова, Алена Алексеевна (spb-privet@yandex.ru). Выпускница Уральского федерального университета (2011). Аспирант кафедры новой и новейшей истории Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-75-32; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — славяноведение, балканистика.

Муратшина, Ксения Геннадьевна (ksenia-kgm@mail.ru). Выпускница факультета международных отношений Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2011). Аспирант кафедры востоковедения Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-59-07; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — история Китая, история Японии, международные отношения в АТР.

Петров, Станислав Геннадьевич (petrov_istochnik@mail.ru). Выпускник Новосибирского государственного университета (1994). Кандидат исторических наук (2000), доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета, старший научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева 8; (383)-363-03-08; urdan@history.nsc.ru). Сфера научных интересов — история Русской православной церкви в XX в., история церковно-государственных отношений, источниковедение и эдиционная археография.

Починская, Ирина Викторовна (lai@usu.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1984). Кандидат исторических наук (1991), доцент кафедры истории России Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-27-08; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — история старообрядчества, история книги.

Пудов, Глеб Александрович (narodnik80@list.ru). Выпускник факультета искусствоведения и культурологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2004). Старший научный сотрудник Государственного Русского музея (Санкт-Петербург, ул. Инженерная, 4; (812)595-42-48). Сфера научных интересов — прикладное искусство Урала XVIII—XIX вв.

Суржикова, Наталья Викторовна (snvplus@mail.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1998). Кандидат исторических наук (2001), старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (620026, Екатеринбург, ул. Люксембург, 56; (343)251-65-25). Сфера научных интересов — история России первой половины XX в.

Суслов, Андрей Борисович (absuslov@gmail.com). Выпускник Пермского государственного университета (1985). Доктор исторических наук (2004), профессор, зав. кафедрой

новой и новейшей истории России Пермского государственного педагогического университета (614000, Пермь, ул. Сибирская, 24; (342) 238–63–53). Сфера научных интересов — отечественная история новейшего времени, гражданское образование и образование в сфере прав человека.

Тарасов, Константин Николаевич (tar-87@mail.ru). Выпускник Вятского государственного университета (2009). Аспирант кафедры истории России Вятского государственного университета (610000, Киров, ул. Московская 36; (8332)70-81-35). Сфера научных интересов — история русской общественной мысли; идеология российского консерватизма.

Удалов, Виктор Лазаревич (rusistvolin@gambler.ru). Доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Института филологии и журналистики Волынского национального университета им. Леси Украинки (Луцк, Украина).

Химич, Вера Васильевна. Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1959). Доктор филологических наук (1995), профессор кафедры русской литературы XX в. Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-94, doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — феномен неклассических художественных систем, проблемы творческой индивидуальности и стиля.

SUMMARY

Borovkov, P. S.

Yekaterinburg, Ural Federal University
pborovkov@yandex.rupborovkov@yandex.ru

College of Pontiffs and Expiation of Portents in the Roman Republic (4th – 2nd centuries BC): political and legal aspects

The article analyzes the functions of *collegium pontificum* (college of pontiffs) in the account and expiation of *prodigia publica* in the Roman Republic of the 4th – 2nd centuries BC. The author traces the college of pontiffs' influence upon the formation of universal political and legal mechanisms and norms within *sacra publica*. Pontiffs' religious and legal activity is what makes it stand out as compared to Roman Republic's other priestly structures.

Key words: prodigia publica, pontiffs, priesthoods, public sacrifices, senate.

Budrina, L. A.

Yekaterinburg, Ural Federal University
ludmila.budrina@mail.ru

Three-Dimensional Mosaics in Stone Sculpture: European Tradition before and after Fabergé

The article tracks the evolution of people's images in relief sculpture and sculpture in the round, created in the three-dimensional mosaic technique in Europe of the Early Modern and Modern Periods, exploring the origin of the Fabergé brand.

Key words: stone cutting, three-dimensional mosaics, relief mosaics, Fabergé, decorative and applied art.

Davletshina, L. Kh.

Kazan, Republican Centre for Traditional Culture Development
leyla.davletshina@yandex.ru

House as a Means of Adaptation to Alien Environments

The author considers the notion of *house* in Tatar traditional culture as the basic location of friendly environment. The findings describe the attributes and features of the familiarized and unfamiliarized environment connected with the house.

Key words: environment, house, alien environment, friendly, alien, worldview.

Gladilin, N. V.

Moscow State Pedagogical University
nikitagl@inbox.runikitagl@inbox.ru

Drifting towards Postmodernism in H. M. Enzensberger's *Der Untergang der Titanic*

The paper analyzes *Der Untergang der Titanic* (*The Sinking of the Titanic*), a landmark work of the contemporary German author and political writer H. M. Enzensberger, the image of the *Titanic* functioning as a grand metaphor of the Western *society of prosperity*, with its social ill-being and inequality, the sinking of the ship symbolizing the decline of Europe by the author.

Key words: Hans Magnus Enzensberger, German civic lyric poetry, political and aesthetic radicalism, postmodernism.

Glavatskaya, E. M.

Yekaterinburg, Ural Federal University
elena.glavatskaya@usu.ru

Photographic Documents as a Historic Source: on Attribution, Critical Analysis and Citation

The article studies some aspects of using photographic documents as historic sources testifying to religious changes in the Urals. The author attributes and critically analyzes the 1920s photographic materials from photographer L.M. Surin's collection. With reference to foreign methods in analyzing photographic documents and considering the written documents context, the author concludes that the photographic documents in questions may not only be considered as sources on the ethnography of the Nenets and Mansi, but also illustrate Russia's political history of the 1920s. Relatively fearlessly, the peoples of the north could demonstrate their national beliefs. The paper puts forward a number of scientific use and citation principles applied to photographic materials in the course of their preparation for publication.

Key words: photographs as historic material, religious landscape, Polar Urals, shaman.

Golikova, S. V.

Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology,
Russian Academy of Sciences (Ural Branch)
avokilog@mail.ru

Khristovschina Frenzy and Skopchestvo Insanity: sect history of 1st j 19th century Urals according to S.D. Nechayev's Diary

With reference to S.D. Nechayev's diaries, the author analyzes mystical sectarianism, namely, religious sects – *khlystovstvo* and *skopchestvo* – reviewing the history of their emergence in the 1st j of the 19th century Urals, the peculiarities of the local sects, rites and worshipping assemblies. Additionally, the paper characterizes the most significant representatives of the local dissenters.

Key words: religious sects, khlystovstvo, skopchestvo, rites.

Govorukhina, Yu.

Krasnoyarsk, Siberian Federal University
yuliya_govoruhin@list.ru
Creative Failures: a Scientific Consideration

Kaledich, E. N.

Yekaterinburg, Ural Federal University
doc_office@usu.ru

Citation Peculiarities in Tikhon of Zadonsk's *A Spiritual Treasury, Gathered from the World*

The paper reports on citation peculiarities in a work of Tikhon of Zadonsk, a spiritual writer of the 18th century, revealing citation sources, the means of citing references in the text, and characterizing the bigger functional citation groups.

Key words: 18th century spiritual literature, citation sources, attributed and non-attributed citation, citation functions.

Khimich, V. V.

Yekaterinburg, Ural Federal University
doc_office@usu.ru

The Cosmic as an Artistic Modus: Gr. Gorin's *The Very Same Munchhausen Script*

The cosmic in Gorin's script is viewed upon as a world-forming basis, as a means to achieve artistry, and a characteristic feature of the author's style. The paper considers the genre parameters of the comic fantasy and the role the popular culture of laughter plays in their structuring.

Key words: Gr. Gorin, Munchhausen, artistic modus, laughter, the comic, the carnivalesque, grotesque.

Kleyменова, V. Yu.
St Petersburg, State Russian Pedagogical University

Does Fiction Lie?

The author explores the notion of fiction texts fictitiousness with reference to the *fictitiousness – reality* opposition in literary fairy tales, along with the problem of referential peculiarity of fiction texts and verification of opinions of the fictional world.

Key words: fairy tale, referential peculiarity, verification.

Kovalev, I. G.
Moscow State University
ikovalev@hse.ru

House of Lords Modernization Problems during Postwar Reconstruction in Britain

The author considers the history behind the Parliament Act 1949, and its passage in Great Britain, analyzing the problem of lawmaking efficiency of the House of Lords under harsh economic and political circumstances of postwar reconstruction along with British political parties' approaches as to the necessity to review the formation principles, membership conditions and powers of the House of Commons.

Key words: House of Lords reform, Conservative Party, Labour Party, modernization, Salisbury-Addison Convention, Parliament Act 1949.

Kuzmin, V. A.
Yekaterinburg, Ural Federal University
kuzmin16@yandex.ru

On Soviet Middle Eastern Diplomacy History

Lapshina, Z. S.
Khabarovsk State Institute of Arts and Culture
LapshinaZoy@Rambler.ru

Pair Faces of the Amur-Ussuriysk Petroglyph Complex

The author analyzes the ancient faces – mountain carvings nearby Sheremetyevsky Settlement (the Ussuri River, Khabarovsk Region), pair faces being the object of semantic analysis, the two dragon-serpents images included. The meaning of the images, the gender aspect and the localization of the carvings make it possible to interpret them as characters of the locals' worldview.

Key words: petroglyphs, faces, anthropomorphic images, guardian spirits, helper spirits, worldview.

Lysakova, A. A.
Yekaterinburg, Ural Federal University
alysakova@gmail.com

Classical and Present Day Art Markets

The author compares the classic and present day art markets, which is the first attempt ever in Russian cultural studies to reveal the characteristic features of the art market. The classic art market dating back to the 18–19th centuries was a mass-production of average works of art initially meant for sale and functioning as a commodity market. The contemporary art market first became a capital market, and further on, a simulacra market, resulting from virtualization and high demand for the newest art production, sociocultural and commercial brokerage drawing close together.

Key words: classic art market, present day art market, work of art, symbolic capital, consumer practice, brokerage.

Malykh, V. S.

Izhevsk, Udmurt State University
viaclaf@yandex.ru

Pushkinian Tradition in N. Gumilev's Creative Work

The author singles out some dominant worldview ideas, pertaining to the evolution of Pushkin's hero. Alterations in the aforementioned ideas in Gumilev's works are analyzed, with Gumilev's lyrical hero's evolution being a religious and philosophic search for the poet's *ultimate freedom*, very much like that in Pushkin's poetry.

Key words: N. Gumilev's creative work, spiritual evolution, Orthodox Christian tradition, worldview dominant ideas, reception, concealed writing.

Markin, A. V.

Yekaterinburg, Ural Federal University
alex-markin@yandex.ru

On Exact and Inexact Methods and Genres in Literary Studies

With reference to literary education, the article studies the ambiguous combination of the objective and the subjective in literary studies. The author puts forward an idea to represent literary studies, a system of sciences, as a complex of genres of different origins and classified as partaking of the nature of either science or art. The goal of literary education can not only be learning the basics of academic disciplines but also acquiring skills of speaking and writing about literature in different genres including the ones that are socially important but excluded from the curriculum because of their lacking of scientific status.

Key words: genres of literary studies, historic poetics, classics, literary education, literary studies, literature teaching methods, exact methods in literary studies.

Maslova, E. A.

Moscow State Institute of International Relations
elena.maslova21@gmail.com

Italian General Election, 2006: Alignment of Political Forces

The author attempts to describe the diversity of the Italian political spectrum prior to the General election, 2006, briefly outlining the history of Italian parliamentarism. Italy's political system underwent considerable transformations in the late 20th century. The First Republic formed after the end of World War II fell with the parties responsible for the country's political image for half a century vanishing from the political arena, which consequently caused a bipolar system to emerge, the left and right coalitions setting in.

Key words: Italian Republic, parliamentarism, electoral system, right and left coalitions.

Mikhaylova, A. A.

Yekaterinburg, Ural Federal University
spb-privet@yandex.ru

National Elite Formation as a Driving Force for 19th Century Serbia Modernization Processes

The author analyzes the problems underlying Serbia's national development since it acquired sovereignty under patriarchal agrarian traditionalism in the 19th century, considering the problem of elite formation in Serbian society as a driving force for modernization and the adoption of Western European ideas and values by the Serbian ruling class.

Key words: Serbia, modernization, intelligentsia, education, liberals.

Muratshina, K. G.

Yekaterinburg, Ural Federal University
ksenia-kgm@mail.ru

South China Sea: Disputable Issues

Lately, the South China Sea has become an area causing vast conflicts of interests. Almost all the coast-line states with their corresponding exclusive economic zones, are presently having disputes with the People's Republic of China, claiming their rights to the Spratly Islands and significant areas of the seazone. The author considers the conflict of interests in its evolution, making an effort to characterize the prospects of the situation development with reference to a considerable number of materials including diplomatic documents, along with Russian, Chinese and Taiwanese political essays.

Key words: China, South China Sea, Spratly, disputed territories.

Petrov, S. G.

Novosibirsk, Institute of History, Russian Academy of Sciences (Siberian Branch)
petrov_istochnik@mail.ru

Wanderers' Attitude to Soviet Power: Old Believer P.S. Morozov's Unknown Work

The author studies the previously unknown historic work of P.S. Morozov, a *strannik* (wanderer) Old Believer, written in 1920 for M.I. Kalinin, the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK) Chairman, and intended to defend the Old Believers in the town of Danilov, Yaroslavl Province, from being pursued by Cheka officers. The author's main attention is focused on Old Believers' understanding of the attitude problem to Soviet power.

Key words: Old Belief, *stranniki* Old Believers of Danilov, Soviet power, historic works, P.S. Morozov, M.I. Kalinin.

Pochinskaya, I. V.

Yekaterinburg, Ural Federal University
lai@usu.ru

Andronik Nevezha and Ivan Nevezhin's Publishing Activity: Historiographic Aspect

The article reviews the problems underlying the study of Russian Cyrillic printing in late 16th – early 17th century, and connected with the publishing activity of Andronik and Ivan Nevezha. The author evaluates various theories and hypotheses of the Russian printing history period in question.

Key words: Russian, Cyrillic printing, typography, Kremlin Armoury.

Pudov, G. A.

St Petersburg, State Russian Museum
narodnik80@list.ru

Ural Copper Tableware and Household Utensils in the 19th – 1st S 20th Century

The author characterizes the production of copper tableware in the Urals of the period in question, paying particular attention to some production technology and organization aspects. The analysis is made with reference to central and provincial museum collections.

Key words: copper tableware, household utensils, production, Ural craftsmen.

Surzhikova, N. V.

Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology,
Russian Academy of Sciences (Ural Branch)
snvplus@mail.ru

Bogoslovsk Mining District Prisoners of War: Contacts, Conflicts, Conventions

The author describes prisoners' of World War I stay in Bogoslovsk Mining District. In the paper, captivity is regarded as a background for multi-actoral and multiple-factor social interaction, revealing their main characteristic motives, directions and patterns. According to the author, captivity sociology,

unfolding within the exclusion-inclusion continuum, did not only reflect the local society's problems, but also uncovered the flexibility limitations to the social institutions of attributive value thereto.

Key words: prisoners of war, World War I, Bogoslovsk Mining District, sociology of captivity, communication, contacts, conflicts, conventions.

Suslov, A. B.

Perm State University
absuslov@gmail.com

Policy of Compulsion: Prikamye Collectivization Beginnings (November, 1929 – March, 1930)

With reference to regional archives, the author considers the early stages of the forced Prikamye collectivization and how political authorities' orders were executed locally. The paper analyzes the elements of manageability and spontaneity of repressive policy implementation, and peasants' reaction to the government's actions.

Key words: collectivization, kolkhoz, repressions, violence, peasantry, Prikamye.

Tarasov, K. N.

Kirov, Vyatka State University
tar-87@mail.ru

Personality and State Relationship Problem within the Socio-Political Doctrine of Russian Conservatism in Late 19th – Early 20th Century (with Reference to the Views of L. A. Tikhomirov, I. A. Ilyin and Eurasians)

The author considers the relationship between the state and personality within the sociopolitical doctrine of Russian conservatism, analyzing the views of Russian conservatives upon the role governmental authorities play in providing rights and freedom to their subjects, the interdependence of social stability and civil freedom, the interrelation between rights and duties. The author correlates the attitudes of conservatives-reformers and monarchists-border custodians of late 19th – early 20th centuries, M.N. Katkov, K.P. Pobedonostsev, K.N. Leontyev.

Key words: personality and state, conservatism, freedom and order, rights and duties.

Udalov, V. L.

Lutsk (Ukraine), Volyn National University
rusistvolin@rambler.ru

Literary Studies and other Sciences: Exactness Problems

The article analyzes the problems underlying the possible solutions to the exactness problem in literary studies and other sciences, considering the conditions that provide scientific exactness. The author maintains that literary studies alongside other sciences are objectively capable and must be exact both qualitatively and terminologically.

Key words: science, methodology, exactness, literature studies, system approach, typology.

Vasilyev, V. K.

Krasnoyarsk, Siberian Federal University
nkovtun@mail.ru

On Methodological Crisis in Literary Studies and Structural Typology

The article observes the scientific methods problems, i.e. the so-called methodological crisis of Tartu *structuralism*, *structural typology* and methods of text analysis per se. With reference to his own research, the author proposes a model method complex for literary text analysis enabling the researcher to reveal large-scale repetitions, constants and variables in the Russian literary text.

Key words: scientific method, structuralism, typology, archetype, Russian literature, cultural studies.

Yermakova, E. E.

Tumen State University

elenaprema@mail.ru

Sacred Springs in Siberian Peasant Religious Culture

The article describes the Siberian peasant religious culture in the 19th – 21st centuries, namely, the worshipped water springs in Tumen Oblast agricultural area, holy wells in Cheremshanka and Prokutkino Settlements, Ishim District. With reference to field and published materials, the author reviews the history of the locations in question, characterizing their condition and role in Western Siberian rural sociocultural life.

Key words: religious culture, popular orthodoxy, sacred springs, holy well, healing with water.

CONTENTS

ARTS AND CULTURAL STUDIES	
<i>Budrina, L. A.</i> Three-Dimensional Mosaics in Stone Sculpture: European Tradition before and after Fabergé	6
<i>Lysakova, A. A.</i> Classical and Present Day Art Markets.....	25
<i>Pudov, G. A.</i> Ural Copper Tableware and Household Utensils in the 19 th – 1 st ½ 20 th Century	30
<i>Yermakova, E. E.</i> Sacred Springs in Siberian Peasant Religious Culture	39
<i>Davletshina, L. Kh.</i> House as a Means of Adaptation to Alien Environments	49
PHILOLOGY	
<i>Kaledich, E. N.</i> Citation Peculiarities in Tikhon of Zadonsk's <i>A Spiritual Treasury, Gathered from the World</i>	57
<i>Malykh, V. S.</i> Pushkinian Tradition in N. Gumilev's Creative Work	63
<i>Khimich, V. V.</i> The Cosmic as an Artistic Modus: Gr. Gorin's <i>The Very Same Munchhausen</i> Script	70
<i>Gladilin, N. V.</i> Drifting towards Postmodernism in H. M. Enzensberger's <i>Der Untergang der Titanic</i>	80
HISTORY	
<i>Lapshina, Z. S.</i> Pair Faces of the Amur-Ussuriysk Petroglyph Complex	95
<i>Pochinskaya, I. V.</i> Andronik Nevezha and Ivan Nevezhin's Publishing Activity: Historiographic Aspect	108
<i>Surzhikova, N. V.</i> Bogoslovsk Mining District Prisoners of War: Contacts, Conflicts, Conventions	123
<i>Golikova, S. V.</i> <i>Khristovschina Frenzy and Skopchestvo Insanity</i> : sect history of 1 st ¼ 19th century Urals according to S. D. Nechayev's Diary	130
<i>Petrov, S. G.</i> Wanderers' Attitude to Soviet Power: Old Believer P. S. Morozov's Unknown Work	137
<i>Suslov, A. B.</i> Policy of Compulsion: Prikamye Collectivization Beginnings (November, 1929 – March, 1930)	146
<i>Borovkov, P. S.</i> College of Pontiffs and Expiation of Portents in the Roman Republic (4 th – 2 nd centuries BC): political and legal aspects	156
<i>Kovalev, I. G.</i> House of Lords Modernization Problems during Postwar Reconstruction in Britain	168
<i>Maslova, E. A.</i> Italian General Election, 2006: Alignment of Political Forces	180
<i>Mikhaylova, A. A.</i> National Elite Formation as a Driving Force for 19 th Century Serbia Modernization Processes	189
RUSSIA WITHIN EURASIAN COOPERATION SYSTEM	
<i>Tarasov, K. N.</i> Personality and State Relationship Problem within the Socio-Political Doctrine of Russian Conservatism in Late 19 th – Early 20 th Century (with Reference to the Views of L. A. Tikhomirov, I. A. Ilyin and Eurasians).....	199
<i>Muratshina, K. G.</i> South China Sea: Disputable Issues	211

BETWEEN HARMONY AND ALGEBRA: EXACTNESS OF THE INEXACT SCIENCES	REVIEWS
<i>Glavatskaya, E. M.</i> Photographic Documents as a Historic Source: on Attribution, Critical Analysis and Citation 217	<i>Govorukhina, Yu.</i> Creative Failures: a Scientific Consideration 262
<i>Udalov, V. L.</i> Literary Studies and other Sciences: Exactness Problems 225	<i>Kuzmin, V. A.</i> On Soviet Middle Eastern Diplomacy History 268
<i>Markin, A. V.</i> On Exact and Inexact Methods and Genres in Literary Studies 233	ACADEMIC CURRICULUM
<i>Vasilyev, V. K.</i> On Methodological Crisis in Literary Studies and Structural Typology 243	On the work of D 212.285.20 Dissertation Council in 2011 271
<i>Kleyменова, V. Yu.</i> Does Fiction Lie? ... 254	Books of Arts and Cultural Studies Faculty 276
	MEMORIA
	Valentin Vladimirovich Blazhes (1936–2012) 278
	List of abbreviations.....283
	On the authors.....284
	Summary..... 288

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
2012. № 1 (99)

Редактор и корректор *Р. Н. Кислых*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.10.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 26.03.2012. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 24,9. Усл. печ. л. 24,4. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ .

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ УрФУ. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

ПАМЯТКА АВТОРА

Порядок приема и движения рукописи

- Серия «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского государственного университета» является периодическим изданием (4 номера в год).
- Журнал включен в Перечень ведущих научных журналов ВАК и подписной каталог «Пресса России. Газеты и журналы» (т. 1), индекс 82412.
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков).
- К рукописи прилагается одна официальная рецензия.
- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии и с обязательной распечаткой текста, аннотацией на русском и английском языках, перечнем ключевых слов на русском и английском языках и сведениями об авторе: фамилия, имя, отчество; год окончания вуза и его название; место работы; ученая степень и звание; сфера научных интересов; средство связи (телефон, e-mail, почтовый адрес).
- Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.
- Страницы рукописи нумеруются.
- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом, с нумерацией и соответствующей распечаткой.
- Рукописи высылаются по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. Главному редактору серии «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского государственного университета».
- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.
- Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал. Рукописи, не принятые редколлегией к изданию, не рецензируются и автору не возвращаются.
- Статьи на корректуру авторам не высылаются.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** — А4 (210 × 279 мм), ориентация книжная.
- **Программа** — Word, **гарнитура** — Times.
- **Поля** — все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) — 14 (алгоритм набора: **Формат** — **Шрифт** — **Размер** 14).
- **Межстрочный интервал** — полторный (**Формат** — **Абзац** — **Междустрочный** — **Полуторный**).
- **Межбуквенный интервал** — обычный.
- **Абзацный отступ** — 1,25 (**Формат** — **Абзац** — **Первая строка** — **Отступ** 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (**Формат** — **Абзац** — **Выравнивание** — **По ширине**).
- **Нумерация страниц** (**Вставка** — **Номер страницы** — **Внизу, справа**).
- **Переносы обязательны** (**Сервис** — **Язык** — **Расстановка переносов** — **Автоматическая расстановка переносов**).
- **Квадратные скобки** — на латинской клавиатуре (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
- **Межсловный пробел** — один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания

(включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. п.*, *т. д.*, *т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995*. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин*.

- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х — начала 30-х годов*.
- **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941—1945 гг., с. 8—61*.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» — внешние, “...” — внутренние).
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: «*Наши дети — энциклопедисты по самому характеру своего мышления*», — *говорил Маршак*¹.
- **Буква ё/Ё** заменяется буквой *е/Е* за исключением важных для смысловоразличения контекстов, например: *Всем обо всём*.
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи — **рубрикационные** (заголовки рубрик) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат — Шрифт — Интервал — Разреженный — 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «Неблагозвучны громоздкие сочетания согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)». Отдельные фрагменты цитируемого текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Библиографические ссылки и примечания

- Ссылки — затекстовые, оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008, введенным с 1 января 2009 г., с обязательным указанием общего объема или конкретных страниц цитируемого источника.
- Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1—3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора. Например: [Толстой, т. 4, с 285]. Отсылки в тексте на архивные документы оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок.
- Для ссылок на электронные ресурсы вместо слов «Режим доступа» используют аббревиатуру URL (Uniform Resource Locator — унифицированный указатель ресурса) и ссылку на дату обращения. Например: URL: <http://www.prognosis.ru> (дата обращения: 13.03.2009).
- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылки в квадратных скобках.

Телефон для справок: (343)350-75-92 (кафедра фольклора и древней литературы).

Электронный адрес: izvestia_2@usu.ru